ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

- *Морфология*
- *Словообразование*
- *Синтаксис*

«Наука»

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

- *Морфология*
- *Словообразование*
- *Синтаксис*

Москва "Наука" 1991

ББК 81.2Р
Г76

4
Г-76

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АКАДЕМИИ НАУК СССР

85809

Авторы:
Н.Е. ИЛЬИНА, В.Л. ВОРОНЦОВА, С.Н. БОРУНОВА, Е.И. ГОЛАНОВА, Е.А. ЗЕМСКАЯ, Е.Н. ШИРЯЕВ

Ответственный редактор
академик Д.Н. ШМЕЛЕВ

Рецензенты:
доктора филологических наук
Л.П. КАЛАКУЦКАЯ, Л.Ю. МАКСИМОВ

Редактор издательства
М.Л. БЕРЕСНЕВА

Грамматические исследования: Функционально-стилистический
Г76 аспект. Морфология. Словообразование. Синтаксис. — М.: Наука, 1991. — 247 с.

ISBN 5-02-011061-2

В монографии дан анализ языкового материала с точки зрения его отмеченности в функционально-стилистическом отношении. На основе представления об определенных типах речи, которые могут быть выделены в современном литературном языке, авторы рассматривают единицы морфологии, словообразования, синтаксиса, характеризующиеся стилистической неоднородностью, соответственно выступающие в разных условиях речевого общения. В книге содержится анализ ряда грамматических фактов, связанных с определенной ситуацией общения (соотношение участников коммуникации, тема сообщения, его назначение) и с контекстом или свободных от соответствующих ограничений. Отмечены морфологические и акцентологические особенности, присущие речи в разных условиях языковой коммуникации.

Для лингвистов, литературоведов, журналистов.

Г $\frac{4602000000-059}{042(02)-91}$ **653—91 I полугодие** **ББК 81.2Р**

ISBN 5-02-011061-2

© Издательство "Наука", 1991

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга представляет собой вторую часть монографии "Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект" (1989 г.). В ней продолжается изучение языкового материала с точки зрения его отмеченности в функционально-стилистическом отношении. Исследуется распределение и функционирование языковых средств разных уровней в разных типах речи. Книга состоит из трех больших глав.

В главе **"Морфология"** проводится исследование морфологических явлений в функционально-стилистическом аспекте. Рассматриваются языковые факты, касающиеся морфонологии. В их число входят чередование фонем и ударение. И чередование фонем, и ударение сопровождают словообразовательные и словоизменительные морфемы, заключающие в себе основную морфологическую информацию. Чередование и ударение такой информации обычно в себе не несут, т.е. являются формальным средством. Однако характеристика "формальное средство", как показывает языковой материал, не может рассматриваться так однозначно. В ряде случаев чередование фонем и ударение как бы тяготеют к самостоятельности.

Так, в области глагольного словоизменения фонема <ж>, не противопоставленная фонемам <д> и <д'> в таких же морфологических формах, указывает на то, что это глагольная форма и очень часто — форма 1 л. ед.ч. Сосуществующие формы глаголов типа *машут—махают, щи<пл>ют—щи< п >ят* очень часто являются единственным признаком стилистического разграничения.

В разделе "Современное русское ударение в функционально-стилистическом аспекте" предпринята попытка в какой-то степени последовательно сопоставить ударение в кодифицированном литературном языке, разговорной речи и профессиональных речевых сферах на основе наблюдения над особенностями реализации в каждой из этих языковых сфер активно действующих акцентных тенденций. Рассматривается только именное словоизменительное ударение. Ограничение исследуемого материала связано, с одной стороны, с общей — грамматической — темой монографии, с другой — с необходимостью обеспечить, в связи с задачей обследования разных языковых сфер, известную сопоставимость материала.

Специальное внимание уделено художественной речи. Ставится задача показать возможности использования ударения в художественно-стилистических целях.

В разделе сопоставляется реализация побочного ударения в разных типах устной речи — публичной и разговорной. Выявляются фак-

торы, определяющие появление побочного ударения на лексическом, словообразовательном уровне и на уровне текста.

В главе **"Словообразование"** была поставлена задача исследовать реальные и потенциальные возможности системы в разных функциональных разновидностях современного языка, рассмотреть набор словообразовательных средств, выражающих определенное значение, и их распределение по языковым сферам. В книге исследуются два из наиболее активных участков словообразовательной системы. Один из них — средства выражения категории отвлеченности. На основе сопоставительного изучения текстов разных языковых сфер рассматривались словообразовательные типы, выражающие семантику отвлеченного действия, их соотношение, сферы преимущественного использования, степень регулярности их появления в той или иной функциональной разновидности.

Вторая часть посвящена исследованию семантики и функционирования относительных отсубстантивных прилагательных. Автор рассматривает относительные прилагательные как важнейшее конструктивное средство номинативной системы современного языка, показывает специфику их употребления в разных сферах языка. Особое внимание уделяется соотношению однокоренных качественных и относительных прилагательных, развитию качественных значений у относительных прилагательных и появлению в связи с этим новых относительных прилагательных.

В главе **"Синтаксис"** исследуются способы выражения отношений логической обусловленности (причинные, следственные, условные, целевые и уступительные) и их распределение по сферам языка. Особое внимание уделяется такой языковой сфере, как разговорная речь, которая в этом плане наименее изучена. Используется особая методика анализа: обосновывается выделение первичного способа выражения отношений логической обусловленности (сложноподчиненное предложение) и все другие, вторичные, способы интерпретируются по отношению к первичному.

Итак, в трех главах этой книги показан специфический характер дифференциации языковых средств, присущий морфологии, словообразованию и синтаксису, в которых наблюдается специализация определенных формальных средств (чередование, ударение, аффиксы, союзы) в выражении того или иного значения в употреблении в тех или иных сферах языка.

МОРФОЛОГИЯ

МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ ГЛАГОЛОВ В ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Содержанием представленной главы является описание особенностей проявления морфонологической системы в различных видах речи.

В одном случае это касается функционирования вариантов форм словоизменения у глаголов непродуктивного класса на *-ать*, типа *машут—махают*. Эта группа вариантов представляет собой заметное явление в словоизменении глаголов (способность варьировать основу проявляет почти половина всех глаголов данного непродуктивного класса), которое неизменно оказывалось в поле зрения исследователей морфологии и имеет некоторые традиции изучения.

При описании классов глаголов обязательным является указание на варианты форм у целого ряда глаголов непродуктивного класса на *-ать*. Так, В.В. Виноградов пишет о том, что "некоторые глаголы данного класса образуют двойные, параллельные формы настоящего времени" [Виноградов 1972, 357] (*кудахтать—кудахтают* и *кудахчут, хлестать—хлестает* и *хлещет* и др.), отмечая варианты, различающиеся значением, например, *метать* (петли) — *мечут; метать* 'бросать' — *метают* и *мечут*. Обширный перечень глаголов непродуктивного класса на *-ать*, варьирующих основу наст. вр., поместил в своей книге С.О. Карцевский [Karcevski 1927]. На явление варьирования обращает внимание С.П. Обнорский: "Многочисленную группу составляют глаголы на *-ать*, колеблющиеся в образовании наст.вр. на смягченную согласную и на *-аю*" [Обнорский 1953, 8]. В этом колебании типов глагольного спряжения С.П. Обнорский справедливо предлагает усматривать "факты прямого морфологического значения" [Там же]. Не исключено, что именно точка зрения С.П. Обнорского повлияла на развитие теорий, объясняющих механизм появления вариантов на уровне взаимодействия словоизменительных парадигм, т.е. на уровне форм в морфологии.

В последние десятилетия утвердилась позиция, согласно которой варианты на *-аю* у непродуктивных глаголов являются результатом воздействия многочисленного I продуктивного класса. Она представлена в разных редакциях.

Так, в [Грамматика-70, 407] перечислены глаголы непродуктивного класса (*алкать, брызгать, глодать* и др. — всего 23), которые "образуют формы наст. вр. и в соответствии с соотношением основ первого типа (первый подтип), например: *алкают—алкали, брызгают—брызгали* и т.п.".

Появление продуктивного варианта находит объяснение в таком факте как совпадение продуктивной и непродуктивной модели в формах основы прош. вр., например, *вер<ст>ал* и *нахле<ст>ал*: "Этим совпадением обусловлено воздействие глаголов кл. I, по которому образует формы наст. и прош.вр. большая часть глаголов на *-ать*, на парадигмы глаголов кл. V: появляются варианты формы" [Грамматика-80, 654].

Эта группа, с вариантами основы, включает около 30 глаголов. Формы продуктивной модели на *-aj-* сопровождаются подробными характеристиками, касающимися их статуса в речи. Основным является указание на нормативность или ненормативность конкретных форм, существенны также указания на семантические различия форм *движет—двигает, каплет—капает,* на предпочтительность в употреблении тех или иных форм, а также указания стилистического характера, например, "стилистически равноправны", "стилистически не соотносятся с формой инфинитива и с формами, образованными от основы прош. вр.", "характерны для разговорной речи" и т.п. [Там же 1980, 654—655].

В Русской грамматике, созданной чешскими учеными, варианты, или "дублетные основы", рассматриваются как отличие от правил формального строения спряжения [Грамматика-79, 403].

Она включает специальный раздел "Глаголы с дублетными основами", в котором содержатся сведения о дублетах форм у глаголов разных классов. Одна из дублетных основ, как правило, характеризуется со стороны стилистического употребления по сравнению со стандартными, нейтральными. Встречаются такие указания: "устаревший вариант", "книжно-устаревший", "просторечный".

Наиболее подробно охарактеризована группа непродуктивных глаголов на *-ать*, образующая параллельные формы и основы продуктивного типа. При этом вариант продуктивного типа (на *aj-*) "чаще всего относится к разговорному или даже к просторечному слою языка" [Грамматика-79, 404].

Таковы формы *клепает, крапает, кудахтает, махает, мурлыкает, полоскает, пыхает, рыскает, тыкает, щепает, щипает, хныкает* (12 форм); вариант *мычет* считается устаревшим по отношению к нейтральному *мыкает*. Отмечена также "известная семантическая дифференциация" [Грамматика-79, 404] форм *брызжет/брызгает, движет/двигает, каплет/капает, гложет/глодает.*

Рассмотренная точка зрения находит отражения в толковых и нормативных словарях современного русского языка. Однако она уязвима. Отношение к формам непродуктивных глаголов, образованным по продуктивной модели как к результату ориентации немногих глаголов непродуктивного класса на многочисленные продуктивные образцы предопределяет трактовку их как явления вторичного, не входящего

в состав нейтральных, стандартных фактов морфологии современного русского языка, нередко отмечаемого стилистическими пометами, указывающими на их сниженную окрашенность и т.п.

К рассматриваемому явлению можно подойти как к проявлению системных закономерностей морфологии в области чередования фонем. В этом случае описание переводится на морфонологический уровень, составленный системной организацией формальных средств морфологии, не имеющих смыслового значения. Если учесть, что морфонемы на конце глаголов непродуктивного класса на *-ать* располагают двумя наборами морфонологических позиций и могут оформлять основу в зависимости от нескольких морфонологических позиций (как в непродуктивном типе спряжения) или в зависимости только от одной морфонологической позиции (как в продуктивном типе спряжения), то сосуществующие формы типа *машут—махают* окажутся системно допустимы и равновозможны. В этом случае закономерно изучение их употребления в различных видах речи.

В настоящее время ряд исследований опирается на идею о существовании единой общей системы русского языка. Эта идея была высказана Р.И. Аванесовым и положена им в основу описания системы вокализма русского языка во всем ее многообразии [Аванесов 1949, 66; 1964, 45; 1970, 473—477]. Согласно взглядам Р.И. Аванесова, общая система обладает единой позиционной организацией, которая имеет разнообразные конкретные проявления на различных своих участках: в системах говоров, в системе литературного языка. В качестве иллюстраций в названных работах приводятся характеристики вокалических систем говоров и литературного языка. Вокализм литературного языка отличается от диалектного. Если говор располагает одной вокалической системой, то в литературном языке их две: в нем сосуществуют экающая и икающая системы [Аванесов 1970, 474—475].

Понятие единой общей системы русского языка применимо и к изучению морфологии. Такой опыт представляет собой монография [Бромлей, Булатова 1972]. Опираясь на идею Р.И. Аванесова, авторы монографии выработали новую методику для описания многочисленных диалектных морфологических систем. Она заключается в построении специального эталона. "В качестве эталона, — пишут авторы, — мы избрали максимальную систему, дифференцирующую все элементы, которые могут дифференцироваться в отдельных описываемых нами говорах, и из которой система любого отдельного говора может быть получена в результате определенного свертывания. Такой эталон, с нашей точки зрения, наилучшим образом обеспечивает сопоставимость описываемых систем между собой" [Там же, 9].

Выработанный эталон позволяет определить место каждого языкового факта в единой системе, указав территорию его распространения. Так, глаголы, образующие формы по I разряду (типа *капают, махают, полоскают, скакают*), преобладают в южнорусских говорах; для севернорусских говоров характерны глаголы, изменяющиеся по II_3 разряду (*машу, скачет*), хотя и здесь известны формы глаголов I разряда [Там же, 126—177].

Морфологическая система литературного языка, как и фонетическая, располагает более емкими возможностями, чем диалектные системы.

Для языковой системы литературного языка в целом характерно сосуществование подсистем в ее пределах [Панов 1979, 218—243; 1981, 30—32; Земская, Китайгородская, Ширяев 1981, 22—25; Гловинская 1971, 54—96]. Такое устройство системы находит выражение в морфологии и во многом определяет особенности функционирования морфологических вариантов: зависимость их (на многих участках) от нормализаторских устремлений носителей языка, социально-лингвистическое [Русский язык и советское общество 1968а; Русский язык по данным массового обследования 1974; Социально-лингвистические исследования 1976, 100—180] и функционально-стилистическое расслоение [Шмелев 1977].

Не все явления морфологии одинаково способны функционировать в разных видах речи. Не вызывает сомнения участие вариантов некоторых грамматических форм в конструировании признаков того или иного вида речи. А могут ли факты морфонологии, сопровождающие словоизменение и словообразование, быть функционально нагруженными?

Словоизменение глагола представляет собой сердцевину морфонологического уровня; в нем закономерности морфонологической системы выявляются с наибольшей полнотой и соблюдаются с наибольшей последовательностью.

Если обратиться к чередованиям фонем, то окажется, что случаи полного и окончательного разрушения их редки. Значительно чаще встречаются варианты словоизменительных форм с варьированием основы (в данном случае — с чередованием и без чередования).

ВАРИАТИВНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛОВ 1 НЕПРОДУКТИВНОГО КЛАССА В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ РЕЧИ

Глаголы 1 непродуктивного класса[1] объединяют глаголы с соотношением фонем 1:3 в парадигматически сильных позициях [Ильина 1980, 107—110]. Во всех формах основы прош. вр. на конце корня, перед основообразующим суффиксом *-а-*, всегда будет находиться фонема 1-й ступени чередования, например: *ма<з>ал, ма<з>авший, ма<з>анный, ма<з>ав*; во всех формах основы наст. вр. на конце корня, равного основе, следует ожидать фонему 3-й ступени чередования: *ма<ж>у, ма<ж>ешь, ма<ж>ет, ма<ж>ем, ма<ж>ете, ма<ж>ут, ма<ж>* ∅, *ма<ж>ущий, ма<ж>а.*

В 1 непродуктивном классе насчитывается 115 глаголов. И все они обнаруживают этот типа чередования в словоизменении.

Вместе с тем у глаголов данного класса есть и еще одна возможность для образования словоизменительных форм основы наст. вр.

[1] В настоящей работе используется классификация глаголов, опирающаяся на принципы позиционной морфонологии [Ильина 1980, 110—120].

Эти явления порождены исключительно морфонологическими причинами. У глаголов 1 непродуктивного класса в исходе корня находятся те же морфонемы [Панов 1959, 21; Ильина 1980, 63], что и у глаголов I продуктивного класса. Морфонологических позиций [Панов 1959, 21; Ильина 1980, 28], в которых морфонемы реализуются фонемами, у глаголов 1 непродуктивного класса одиннадцать (положение перед процессуальным суффиксом *-а-*, перед флексиями в личных формах, перед флексиями причастий дейст. и страд. залога наст. вр., перед флексией деепричастия несов. вида, перед флексией повел. накл.). В этом перечне находится единственная позиция, организующая словоизменительную парадигму I продуктивного класса — положение перед процессуальным суффиксом *-а-*. Названные факты создают для глаголов 1 непродуктивного класса системную возможность для образования форм словоизменения и с использованием одиннадцати позиций для конечной морфонемы корня (например, *ма<х>ать, ма<х>ал, ма<х>авший, ма<х>ав, ма<ш>у, ма<ш>ет, ма<ш>ем, ма<ш>ете, ма<ш>ут, ма<ш>и*), *ма<ш>ущий, ма<ш>а,* и с использованием только одной (*ма<х>ать, ма<х>ал, ма<х>авший, ма<х>ав, ма<х>аю, ма<х>аешь, ма<х>аем, ма<х>аете, ма<х>ают, ма<х>ай, ма<х>ающий, ма<х>ая*).

Но эта системная возможность для большинства глаголов 1 непродуктивного класса остается лишь возможностью. Реально к вариативности склонны лишь глаголы, обладающие определенными структурными свойствами основы, сближающими их с глаголами I продуктивного класса: слоговостью, отсутствием чередований гласных в неконечной части морфемы. Глаголы, отвечающие этим требованиям и варьирующие свою основу, составляют примерно половину от общего числа в 1 непродуктивном классе.

Варианты словоизменительных форм у глаголов 1 непродуктивного класса оцениваются исследователями морфологии по-разному.

Некоторые варианты склонны к смысловому расхождению. При этом нередко происходит обособление какого-либо значения в самостоятельное. С формальной стороны этому факту сопутствует закрепление за отделившимся значением одного из сосуществующих вариантов основы. В специальных словарях [Сл. трудн. 1976, Граудина 1976, Грамм. сл. 1977, Орфоэп. сл. 1983] подобные единицы фиксируются как самостоятельные лексемы. Вот эти глаголы.

Глагол *капать* в значении 'падать каплями' может оформлять свою основу в формах спряжения и по модели 1 непродуктивного класса, т.е. с сочетанием фонем <пл'> (*ка<пл'>ю, ка<пл'>ют,* повел. *ка<пл'>и, ка<пл'>ющий,* деепр. *ка<пл'>я*), и по модели I продуктивного класса, т.е. с фонемой 1-й ступени чередования в единственной морфонологической позиции — перед основообразующим суффиксом *-aj* (*ка<п>аю, ка<п>ают, ка<п>ай, ка<п>ающий, ка<п>ая*). Словоизменительная парадигма глагола *капать* в значении 'наливать, лить каплями' состоит из словоформ с основой, оформленной по модели I продуктивного класса (*ка<п>аю, ка<п>ают* и т.п.).

У глаголов *клепать* 'клеветать' и *клепать* 'скреплять металлические части заклепками' лексическому различию сопутствует мор-

фонологическое разграничение форм спряжения: формы *кле<пл>ю, кле<пл>ют, кле<пл>и, кле<пл>ющий, кле<пл>я* принадлежат парадигме первого глагола; формы *кле<п>аю, кле<п>ают, кле<п>ай, кле<п>ающий, кле<п>ая* — парадигме второго.

В русском языке есть два глагола *метать*, которые различаются не только значением, но также и морфонологическим строением форм основы наст. вр.: у глагола *метать* 'бросать, кидать' личные формы содержат в исходе корня (а он равен основе) фонему 3-й ступени чередования (*ме<ч>у, ме<ч>ут, ме<ч>и, ме<ч>ущий, ме<ч>а*), у глагола *метать* 'прошивать крупными стежками' основа оканчивается на *-aj-* (*мет-aj-у, мет-aj-ут, мет-aj, мет-aj-ющий, мет-aj-я*).

Морфонологическое размежевание сопровождает различие глаголов *двигать* 'приводить в движение' (с формами основы наст. вр. *дви<ж>у, дви<ж>ут, дви<ж>ущий, дви<ж>имый*) и *двигать* 'перемещать, шевелить' (с формами *двиг-aj-ю, двиг-aj-ют, двиг-aj-ющий, двиг-aj-емый, двиг-aj-я, двиг-aj*).

Существуют еще два глагола страд. залога: *двигаться*[1] 'перемещаться, находиться в движении' и *двигаться*[2] 'трогаться с места, делать движения, шевелиться', — у которых морфонологические различия не столь контрастны, как у глаголов действительного залога. Парадигма глагола *двигаться*[2] включает только формы основы наст. вр. на *-aj-* (*двиг-aj-юсь, двиг-aj-ются, двиг-aj-ся, двиг-aj-ющийся, двиг-aj-ясь*), парадигма же *двигаться*[1] включает как формы с фонемой 3-й ступени чередования, так и формы на *-aj-*; формы обеих разновидностей обычно сосуществуют, а иногда перемежаются: *дви<ж>усь, дви<ж>ется* и *двиг-aj-юсь, двиг-aj-ется*, повел. *двиг-aj-ся, дви<ж>ущийся* и *двиг-aj-ущийся, дви<ж>ась* (несвоб.) и *двиг-aj-ясь* [Орфоэп.сл. 1988].

Таково же различие глаголов *брызгать*[1] 'разбрасывать капли, сыпать брызгами' только с 3-й ступенью чередования <ж> (*бры<ж>у, бры<ж>ут, бры<ж>и, бры<ж>ущий, бры<ж>а*) и *брызгать*[2] 'окроплять, опрыскивать' с *-aj-* в основе (*брызг-aj-ю, брызг-aj-ют, брызг-aj-ющий, брызг-aj-я, брызг-aj*). Только одна основа — на *-aj-* — используется в формах глагола *бразгаться*, по своему значению совпадающего с глаголом *брызгать*[1].

Для многих глаголов характерна вариативность в оформлении основы наст.вр.: основа форм может оканчиваться и фонемой 3-й ступени чередования и на *-aj-*. Это глаголы *крапать, щепать, щипать, внимать, блистать, алкать, курлыкать, мурлыкать, мяукать, тыкать, хныкать, колыхать, махать, плескать, полоскать, рыскать, глодать* и др. Варианты любого из указанных глаголов имеют одно и то же значение. Например, *крап-a-j-ет* и *кра<пл>ет* одинаково означают 'падает мелкими редкими каплями (о дожде)', *ма<ш>ут* и *мах-a-j-ют* — 'делают движения, взмахи по воздуху', *поло<щ>ут* и *полоск-a-j-ют* — 'промывают, погружая в воду, водя из стороны в сторону в воде'.

Сосуществование вариантов у словоизменительных форм означало бы полное проявление тех возможностей, которые заложены в морфологической системе [Ильина 1980, 68].

Однако полный параллелизм в использовании вариантов для сообщения одной и той же информации в языковой практике почти не встречается.

Нормы употребления глагольных вариантов в кодифицированном литературном языке

В современных исследованиях по морфологии, построенных на материале кодифицированного литературного языка, предпринимаются попытки указать, какое место в парадигме спряжения занимает тот или иной вариант. При этом естественно опереться на словари; их данные, в целом отразившие системную закономерность двух сосуществующих парадигм, точно фиксируют особенности образования, а нередко и употребления форм.

А.А. Зализняк в [Грамм.сл. 1977] указывает, что варианты форм основы наст.вр. у глаголов данного непродуктивного класса с морфологической точки зрения располагают разными возможностями. Глаголы, варьирующие свою основу, распределены по двум группам. Глаголы, входящие в первую группу, колеблются между непродуктивным типом спряжения (6) и продуктивным на *-aj-* (1), например, *махать*. "При этом в повел. и деепр. наст. формы типа 6 (*маши́, маши́те, маша́*) и типа 1 (*маха́й, маха́йте, маха́я*) с нормативной точки зрения равноправны. Для личных форм наст. (буд.) времени и прич. наст. предпочтителен тип 6 (*машу́, ма́шет, ма́шущий*); тип 1 (*маха́ю, маха́ет, маха́ющий*) характерен здесь для разговорной речи" [Там же, 141]. Глаголы, входящие во вторую группу, например, *колыхать, капать* (о дожде), "также колеблются между типами 6 и 1, но здесь формы типа 1 играют более значительную роль, чем у глаголов с отсылкой к § 13. Повел. и деепр. наст. в современном языке образуются как правило по типу 1 (*колыха́й, колыха́йте, колыха́я, ка́пай, ка́пайте, ка́пая*); формы типа 6 (*колы́шь, колы́шьте, колы́ша; ка́пли, ка́плите, ка́пля*) устарели. Для личных форм наст. (буд.) времени и прич. наст. возможен, как тип 6 (*колы́шу, колы́шат, колы́шущий; ка́плет, ка́плют, ка́плющий*), так и тип 1 (*колыха́ю, колыха́ют, колыха́ющий; ка́паю, ка́пают, ка́пающий*) [Там же].

Несколько иначе оценивается распространенность и употребительность вариантов в нормативно-стилистических работах. Так, например, в [Сл. трудн. 1976] предстает картина многообразной обусловленности каждого варианта в современном русском языке. Учитываются такие явления, как вполне определенная закрепленность той или иной морфологической парадигмы за лексическим значением (например, парадигма с формами, содержащими фонему 3-й ступени чередования в исходе при глаголе *брызгать* 'разлетаться брызгами', парадигма на *-aj-* для глагола *клепать* 'соединять заклепками' и др.), употребление глагола в составе связанного словосочетания (например, "только *метаю, метаешь*. Спорт. 'Бросать, кидать'. *Метает гранату, копьё, диск*"), отношение к нормам современного русского языка (например, формы глагола *роптать* 'высказывать недовольство кем-, чем-л., обиду на кого-, что-л.' *ропчу, ропчешь*

расцениваются составителями словаря как устаревшие), частотность употребления той или иной формы (в парах деепр. *алча* и *алкая*, *махая* и *маша* правый член снабжен пометой *реже*). Значительную часть списка глаголов на *-ать*, колеблющихся в своем формообразовании между 1 непродуктивным и I продуктивным классами, составляют глаголы, в парадигмах которых нередко встречаются сосуществующие варианты.

Оценка их составителями словарей заключена в самом порядке расположения: "если это равноправные варианты, на первом месте дается предпочтительный" [Там же, 12]. В словарных статьях формы на *-aj-*, за редким исключением, помещены после форм непродуктивного типа, т.е. на втором месте. Таким образом, из двух сосуществующих вариантов — с фонемой 3-й ступени на конце корня и с *-aj-* — вариант на *-aj-* представлен как менее предпочтительный. Многие формы на *-aj-* сопровождаются пометами *разг.*, *прост.*, дающими стилистическую характеристику формы. Как поясняют составители словаря, помета *разг.* "не указывает на сниженную характеристику слова, или формы, или произносительного варианта и не является запретительной: она указывает на их принадлежность к живой непринужденной речи с особыми условиями функционирования, противопоставленной речи книжной в системе литературного языка" [Там же]; помета *прост.* "указывает на присущий слову или его форме оттенок упрощения, сниженности, грубоватости, на отклонение от нормы литературного языка" [Там же].

На основании этих помет предлагается считать разговорными следующие формы: *брызгаю, брызгаешь*[2] при инфинитиве *брызгать* 'опрыскивать, окроплять водой', например, *дождик брызгает; колыхаю, колыхаешь; колыхаюсь, колыхаешься; крапает; махаю, махаешь, махай, махающий; мурлыкаю, мурлыкаешь, мурлыкай, мурлыкающий, мурлыкая; плескаю, плескаешь, плескай* при инфинитиве *плескать* 'зачерпнув воды, брызгать ею'; *плескаюсь, плескаешься, плескайся* при инфинитиве *плескаться* 'обдавать себя или друг друга брызгами'; *полоскаю, полоскаешь, полоскает, полоскаем, полоскаете, полоскают, полоскай, полоскающий; полоскаюсь, полоскаешься, полоскается, полоскаемся, полоскаетесь, полоскаются, полоскайтесь; тыкающий, тыкая* при инфинитиве *тыкать* 'ударять острым', 'совать', 'указывать'; *щепаю, щепаешь, щепает, щепаем, щепаете, щепают, щепай; щипаю, щипаешь, щипает, щипаем, щипаете, щипают, щипай, щипающий; щипаюсь, щипаешься, щипается, щипаемся, щипаетесь, щипаются, щипайся.*

Как просторечные рассматриваются такие формы: *глодаю, глодаешь, глодай, глодающий; кудахтает, кудахтая; пыхаю, пыхаешь* при инфинитиве *пыхать* 'излучать (жар), быть жарким'; *тыкаю, тыкаешь, тыкает, тыкаем, тыкаете, тыкают, тыкай.*

---

[2] Полная парадигма спряжения в наст. (буд.) времени приведена в словаре не для всех глаголов. Форма не приводится, если она неупотребительна в нейтральном тексте; так, например, не даны формы 1 и 2 л. глагола *капать*. Иногда словарная статья содержит только две формы как с достаточностью представляющие всю парадигму.

Обзор морфологии современного русского языка доказывает, что исследователи в целом разграничивают в употреблении варианты с фонемой 3-й ступени чередования в исходе корня и на *-aj-*. А последовательное проведение в языковую практику представления о соответствии норме главным образом форм непродуктивной модели привело к их закреплению в кодифицированном литературном языке, где они преобладают над продуктивными формами [Русский язык и советское общество 1968б, 136; Русский язык по данным массового обследования. 1974, 203—212]. Замечания о допустимости последних могут касаться групп глаголов с дифференциацией личных и неличных форм в каждой группе, могут подчеркивать актуальность лексико-стилистического и узуального аспектов для утверждения продуктивных вариантов в системе спряжения [Горбачевич 1980, 168], могут указывать на стилистическую окраску как на критерий, позволяющий либо включить продуктивный вариант в общелитературный язык, либо оставить за его пределами. При этом во многих исследованиях формам на *-aj-* часто сопутствует помета *разг.* Она может быть синонимом сниженной окрашенности, преграждающей им путь в литературный язык [Граудина 1980, 212]. Но она может также сопровождать продуктивные формы, "принадлежащие живой непринужденной речи с особыми условиями функционирования, противопоставленной речи книжной в системе литературного языка" [Сл. трудн. 1976, 12].

Эта, вторая, точка зрения представляется более приемлемой, чем первая, поскольку учитывает сложную организацию русского языка, не сводимую лишь к противопоставлению литературного языка нелитературным сферам. Вместе с тем с нею трудно согласиться полностью, так как в ней есть некоторая прямолинейность: формы одного глагола, например, *машет* и разг. *махает,* не могут всегда располагаться по разные стороны границы, отделяющей разговорную речь от книжной.

Глаголы 1 непродуктивного класса в разговорной речи

Исследования 60—80-х гг. показали, что к разговорной речи следует подходить как к особой языковой системе, "которая имеет специфический набор языковых единиц и специфические законы их функционирования" [Земская 1973, 25; Земская, Китайгородская, Ширяев 1981, 5].

Специфический набор языковых единиц свойствен и морфологии разговорной речи. Для глагола он ограничен личными формами и инфинитивом. Особый характер противопоставления этих единиц, отличающийся от кодифицированного литературного языка, и составляет основу морфологической системы разговорной речи [Красильникова 1973, 151—168].

Явления морфонологии, в частности, чередования, не играют конструирующей роли в системе, но и они обнаруживают особый характер функционирования. Общая картина, очерченная системой русского языка та же, что и в кодифицированном литературном языке: словоизменительные формы могут быть образованы и по непродуктив-

ной и по продуктивной модели. Однако формы продуктивной модели приобретают некоторую свободу в обращении, т.к. норма КЛЯ, избирательная по отношению к конкретным глаголам и формам глагольной парадигмы, в разговорной речи утрачивает силу. Ср.: в кодифицированном литературном языке формы *махай, махая* признаны нормативными, а формы *махаю, махают, махающий* либо менее желательны, либо вообще выводятся за пределы нормы; в разговорной речи формы *махай, махая, махаю, махают, махающий* в равной мере допустимы наряду с традиционными.

В материалах, иллюстрирующих функционирование форм основы наст.вр. в разговорной речи, почти не встречается полупредикативных форм, что характерно для ее морфологической системы [Там же, 160—196]. Парадигма как правило представлена личными формами и формой повел. накл.

Лексическое различие форм обычно подчеркивается различием морфонологическим. Так, формы глагола *двигаться* 'совершать движение, перемещаться, находиться в движении' построены по непродуктивной модели, например: *Но это конечно же показывает что наука движется вперед* // [Русская разговорная речь 1978, 171]; Г. Но там актер... А. Горбачев играет // Д. Вы вот не видели того "Ревизора" еще? А. Видели конечно // Д. Милый такой / приятный "Ревизор"... Б. Да / я что-то смотрела в Пушкинском... Непластично / *он просто плохо движется по сцене* // [Там же, 207]. Значение же глагола *двигать* 'перемещать, толкая или таща' сопряжено с продуктивной формой, например: *Не вертись / не махай сумкой / не двигай коляску / Ты всех толкаешь // Стой как все //*. Глагол *капать* (*обкапать*) 'лить каплями, ронять по капле' существует в продуктивных формах словоизменения: *Девочка выйди с мороженым // Немедленно // Ты же капаешь на всех ты всех перепачкаешь //*; Н. (идет с мокрой чашкой в руках) *Нин / Вы бы отошли / а то я Вам костюм обкапаю //*.

Глаголы, способные варьировать основу форм наст.вр., в разговорной речи очень часто бывают представлены продуктивным вариантом на *-aj-*. При этом он распространяется сплошь, не уступая непродуктивному варианту тех участков, которые в кодифицированном литературном языке исследователями морфологии признаны сферой распространения форм непродуктивной модели. Например: *Не вертись / не махай сумкой / не двигай коляску // Ты всех толкаешь // Стой как все//*; М. *Сере-о-о-жа! Сережа!* П. *Ты видишь его?* М. *Да вон-вон... В окно смотрит... Вон / Сере-о-о-жа! Махает ручкой //*; А. *Чего-то хвостом...* Н. *Ничего / пусть немножко хвостом помахает //*; *Не плескай на меня водой //*; *Подожди, я эти чашки ополоскаю //*; Н. *Сейчас я тебе чашку выполоскаю* // С. *Да не надо...* (нрзбр.). *Чашку? Эту? Я ее уже полоскала //*; Л. *Самовар-то узнаёшь?* Д. *Угу* // Л. *Сейчас мы его ставить будем // Я воды налью / а ты лучинок нащепай / тоненько //* Д. *Ладно* (берет нож) // Л. *Ладно // Ты вот что / нож-то положи // Я сам нащепаю //*; *Галюня / родненькая! Все хорошо / скорей возвращайся // Слушайся врачей / лежи не колыхайся // Целую //*.

Продуктивный тип спряжения иногда втягивает в свою орбиту формы таких глаголов 1 непродуктивного класса, которые в КЛЯ не варьируют свою основу: *Сейчас мы пошептаемся / и я приду //.*

Обращают на себя внимание глаголы с переносным значением, употребляемые в разговорной речи. Они могут образовывать формы с фонемой 3-й ступени чередования на конце корня: И. *А где Нина?* К. *Пашет* / И. *Что значит пашет?* К. *Ну работает //.* Но нередко парадигма бывает представлена только формами на *-aj-*: *Пойду нарежу хлеба и колбасы / а то они сейчас напахают //* (т.е. 'нарежут толсто и криво, некрасиво'). Формы на *-aj-* имеет глагол *капать* в значении 'доносить, наушничать, ябедничать', а также глаголы *обмахать* 'быстро обежать', *отмахать* 'быстро пройти, проехать большое расстояние' и 'много пройти, много сделать', *вымахать* 'сильно вырасти'.

Глаголы 1 непродуктивного класса в просторечии

Глаголы 1 непродуктивного класса, варьирующие основу, встречаются и в просторечии. Поскольку просторечие в отличие от КЛЯ не представляет собой системы [Городское просторечие 1984, 5], а следовательно, не имеет строгих, опирающихся на языковую систему норм [Панов 1979, 219], усматривать какую-либо системно обусловленную тенденцию в преимущественном использовании того или иного варианта затруднительно. Следует лишь отметить, что для носителей просторечия формы продуктивного типа — с *-aj-*, т.е. без чередования фонем, — обычны[3]: С. *Что де-е-е-лать теперь?...* А. *Что делать тебе? Сходи к Маринке / сходи в огород / пощипай ягод / смородина там есть //*; Н. (чистит курицу) *Мам, я голову выброшу / я в прошлый раз выбросила //* А. *Зачем? Ты ее оставь / отдадим Барсику // Он ее знаешь как обглодает? До костей! Он / я давала ему / до самых костей прямо вычистил //*; *Машина у нас хорошая // И стирает / и полоскает / и отжимает // Да мы ей не пользуемся //*; *Отполоскаю белье / будем чай пить //*; *Сергевна! Сейчас я только выкурю папиросу / и отполоскаю //*; *Синька не отполоскается // Это уж до следующей стирки //*; *Со стиркой трудно // Негде полоскать // Прорубь сделают / а чистить не чистят / некому // Мы теперь там не полоскаем / полоскаем дома //*; Н. (о коте) *Ишь запел // Да / поел вкусно / лег / и курлыкает / и курлыкает / и мурлыкает //*; Е. (о коте) *Ниночка! Он спит у меня // Наелся щей / все подъел / и капустку / и лук / и помидорчики попадались... Всё даже вылизал // И прыг на зеленую подушку / Спит //* Н. *Надо же... Я его накормила / он гулять попросился... А сам к Вам // Сейчас возьму //* Е. *Пу-у-усть... Это он по Анастасии Сергевне тоскует / вот и метается / вот и рыскает // Вот приедет она / тогда не будет / успокоится //*; Н. *Что? На улице дождь? Капает чуть-чуть //*; *Ушел*

[3] Ср. описание аналогичного явления, т.е. отсутствия чередования при образовании форм, в просторечии среди глаголов на *-чь* [Земская, Китайгородская 1974, 82].

кот // Не было долго / потом идет / лезет на балкон // И конечно уже успел подраться // Ему здорово досталось / ухо прокусили / кровь капает и течет по морде / один коготь вырвали совсем / и шерсть на лапе содрана до мяса / Но не унывает //; У нас в огороде стояла баня // Бывало я ее истоплю / и дед с отцом первые туда идут // Парятся там / потом веником друг друга хвостают / потом на снег...

В просторечии, в монологах и диалогах, имеющих обычный информативный характер, могут встретиться продуктивные формы таких глаголов, которые в КЛЯ располагают только непродуктивной словоизменительной парадигмой и которым варьирование основы в наст. (буд.) вр. несвойственно, например: — *Куры у нас// Я одну сама зарубила // Как утро / петух пропоет / она разорется раскудахтается и визжит и визжит / так что нерв бывало с ней не хватает // Ну я ее и...;* И. *Что ты всё брехаешь? На кошек брехаешь / на собак брехаешь / и на девчонок / и на нас // Пустолайка!* В. *Это уж она сегодня не знаю что // А так она ничего / ласковая... Не смей!;* Ч. *Ну а твои-то как? Сын-то / женился / как с женой-то живут?* С. *Да плохо // У них как с утра начинается / так и брехаются и брехаются // Плохо //; Ах ты!.. Вот я тебя тряпкой отхлестаю!.. Вот... Ты будешь баловаться / ты будешь баловаться... Вот тебе / вот / вот... //; Ты уйдешь или нет?!.. А то я щас выйду и нахлестаю тебя крапивой! // Мать грибы всё сушит // Мы привезем / а она их на нитку нанизает / и в плиту //.*

Глаголы с переносным значением в просторечии могут иметь формы основы наст. вр. на *-aj-*, например, глагол *махать* в значении 'прыгать': (о коте, который прыгает с балкона на улицу) *Как он быстро спускается... Наверное только голову высунет / и сразу так прямо и махает // Он такой бандит... что просто ужас...* Только формы на *-а* представляют парадигму глагола *меняться* 'обмениваться чем-л'.

Особенности варьирования глагольной основы в тексте художественных произведений

Глаголы 1 непродуктивного класса, способные варьировать основу форм наст. вр., широко распространены в текстах художественных произведений.

Язык художественных произведений, как известно, обладает особой организацией. Как отмечает Д.Н. Шмелев, "...основной особенностью современной художественной литературы является то, что в ней используются все средства национального языка и намеренно воспроизводятся специфические черты разговорной речи. Уже это заставляет усомниться в целесообразности рассмотрения художественной речи в ряду других функциональных стилей. В то время как научная, официально-деловая и публицистическая речь регулируются нормами общелитературного языка, составной частью которого они и являются, язык художественной литературы включает в себя такие средства и способы выражения, оценка которых с точки зрения норм литературного языка недостаточна" [Шмелев 1977, 33—34].

Значительное место в языке художественной литературы принадлежит речи персонажей — той области, в которой с наибольшей вероятностью можно встретить разнообразные средства национального языка, включая диалектные особенности, черты просторечия, жаргонные вкрапления и т.п. При этом языковые средства разных уровней по-разному встроены в языковую ткань художественного текста. Если, например, синтаксические средства, нередко играющие существенную роль в создании характерологического рисунка речи действующего лица, бывают тесно слиты с другими составляющими текста и не сразу поддаются обнаружению, то морфонологические явления, можно сказать, лежат на поверхности.

институт русского языка им. в. в. виноградова

В повествовании глаголы I непродуктивного класса тоже представлены формами, варьирующими основу, но в функционировании их наблюдаются несколько иные тенденции, чем в КЛЯ. На первом плане здесь оказываются изобразительные задачи, с которыми сопряжено использование той или иной формы. Вот примеры...

Широко распространено употребление деепричастий несов. вида продуктивной модели на *-aj-*. Это, как известно, не противоречит морфологической норме, но и не отражает конкретных указаний грамматистов относительно двух групп глаголов, в одной из которых деепричастия типа *маша—махая*[4] равновозможны, в другой преобладают деепричастия на *-aj-* — типа *колыхая*[5]: *Перчихин уходит, махая рукой* (М. Горький); *Навстречу, из ворот, в длинных блузах, горланя и махая руками, вышли рабочие* (Ф. Гладков); *Мишка увидал, как Федот-сапожник встал с подоконника, закричал, махая руками: "Товарищи, богатеям нежелательно в председатели пастуха Фому, но как он есть пролетарьят и за советскую власть..."* (М. Шолохов); *Над ними большая стая черных птиц, махая крыльями, казалось, неподвижно, застыла в воздухе* (В. Бианки); *Через час на берегу показался Руслан. Раздувая широкие ноздри, махая хвостом, он носился по берегу и даже пытался сплавать на ту сторону реки. Но вода не сохранила следов, и собака вернулась ни с чем* (В. Барков); *"Мэри" стояла перед самым стартом, полоская парусами на ветре, стерегла старт, чтобы вырваться раньше "Миража"* (Б. Житков); *Всю ночь уточка не могла найти себе места... Как только стало светать, она побежала к вольеру, помогая себе распущенными крыльями. Тамара металась, тыкаясь носом в отверстия сетки, стараясь найти в ней лазейку* (В. Барков); *Внизу, около водосточной трубы, фыркая мылся Полевой* (В. Беляев); *День уже давно клонился к вечеру, и когда окончена была кроваво-алая битва и, колыхаясь на прекрасном закатном море и столь же прекрасном закатном небе, и кит, и солнце оба тихо умерли, такая заунывная прелесть разлилась повсюду в розовом воздухе и такие проникновенные молитвы, курясь, поднялись кверху, что казалось, будто из глубины манильских зеленых долин—монастырей*

85809

www.ruslang.ru

[4] В эту группу входят глаголы *щепать, щипать, мурлыкать, турлыкать, тыкать, хныкать, махать, плескать, полоскать, глодать, курлыкать.*

[5] Эта группа составлена такими глаголами, как *капать* 'падать каплями', *крапать, алкать, колыхать, рыскать.*

БИБЛИОТЕКА ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

береговой испанец—бриз, вдруг оборотившись моряком, пустился по волнам с грузом вечерних гимнов (И. Бернштейн, пер. с англ. романа Г. Мелвилла "Моби Дик или Белый Кит"); *Но рыская по тайге, Аскыр то и дело поднимался передними лапами на пень, озирался, прислушивался и нюхал воздух* (В. Бианки). Эти и другие деепричастия, для которых варьирование основы в КЛЯ все-таки остается возможностью, далеко не всегда реализуемой, здесь употребляются наравне с деепричастиями от тех глаголов, для которых в исследованиях последних десятилетий нормативным признается только один ряд словоизменительных форм — на *-aj-* [Грамм. сл. 1977, Сл. трудн. 1976, Орфоэп. сл. 1983], например, *капать* в значении 'лить по капле, ронять каплями', *брызгаться* 'разбрасывать капли жидкости, искры', *стенать* и др.: *И еще сбоку стоял стол — для счетовода. Туда посадили Левку Ухо. Сидел примерно, даже когда был совсем пьян, только в те моменты делами не занимался, а, подперев голову ладонями, капая слезы на коммунарские бумаги, тянул "Лучинушку"* (В. Тендряков); *Без сознания, он то начинал метаться по койке, скрежеща зубами и громко стеная, то вдруг стихал* (Б. Полевой); *Бывали минуты, когда Диме хотелось послать к чертовой матери и подрядчика, и тюки с хлопком, и эту унизительную обязанность кричать на кули, подгонять их и делать вид, что тебе не безразлична судьба тюков и прочего товара, который эти кули, стеная, перетаскивают* (Н. Ильина). Под продуктивную модель могут подравниваться и деепричастия от таких глаголов, для которых в КЛЯ нормативной признается только парадигма с чередованием фонем на конце основы, например, *пахать, хлестать, квохтать* в значении 'много и беспорядочно говорить', *щипать* в значении 'понемногу есть (траву)': *4½-дюймовая мортирка, как определили ее казаки, осанисто рявкнула, пахая вскопанную у хвоста землю* (М. Шолохов); *Он круто повернулся и зашагал к своему большому дому, хлестая по придорожным сорнякам тростью, словно бичом* (Он же); *Лошадь вышла из воды и пошла через ольшаник, по дороге яростно щипая клочья травы, попадавшейся по сторонам от лесной тропы* (Ф. Искандер); *Это он проявляет участие насчет Артамонова, но Шура не успевает ответить — втупает, квохтая, Митрофаныч* (М. Рощин).

Деепричастные формы непродуктивной модели тоже употребительны, хотя для них характерна меньшая распространенность.

Формы причастий дейст. и страд. залога — обязательный компонент языка художественных произведений, несущий наряду с личными формами глаголов большую информативную и выразительную нагрузку. Языковая норма, выработанная для нейтрального стиля КЛЯ, отдает предпочтение причастиям с непродуктивный типом основы, относя это предписание с большей или меньшей категоричностью к разным глаголам. В языке художественных произведений в употреблении причастий в целом, как и деепричастий, заметен сдвиг в сторону преимущественного использования форм на *-aj-*, одинаково свойственных всем причастным формам всех глаголов, способных варьировать основу. Например: *Раздаются свистки, поезд дергает и среди*

криков трогается. Мы проплываем мимо массы людей. Я едва успеваю заметить Террая, машущего нам на прощанье парой ботинок (Б. Граф, пер. с франц. кн. Мориса Эрцога "Аннапурна"); *В конец улицы зеленой колыхающейся волной вливались ряды красноармейцев; По шляху ветер пыльцу мучнистую затесал столбом колыхающимся.* (М. Шолохов); *Здесь близко берега — и можно рассмотреть мутное колыхающееся поле прибрежных камышей* (Д. Фурманов); *С тех пор как этот обширный район был огорожен, здесь заметно прибавилось мелкой живности и разного рода пернатых, потому что лисы и другое рыскающее зверье уже не смели проникать сюда беспрепятственно* (Ч. Айтматов).

И здесь, разумеется, обычны формы непродуктивного типа, но они чаще всего представляют определенные глаголы. Таков, например, глагол *двигать* в значении 'приводить в движение', у которого парадигма включает в свой состав формы основы наст. вр. только с фонемой 3-й ступени чередования: *Гуру в набедренных повязках по произвольно выбранному маршруту кочуют из селения в селение, из города в город, движимые бескорыстным чувством передать людям малую толику того знания, которое им открылось во время медитаций* (В. Сидоров). Следует учитывать также причастные формы, отмечаемые в современных работах по морфологии как нерегулярные (например, *блещущий*) или не отмечаемые совсем, очевидно, как не входящие в состав современной парадигмы (например, *стенящий*), которые используются в качестве изобразительного средства: *Был блещущий солнцем день* (А. Цветаева); *С дальнего степного пруда ветер нес гусиный гогот, разноголосое кряканье уток, стенящий крик куликов* (М. Шолохов).

В прозаических текстах широко варьируется употребление личных форм. Казалось бы, что профессиональные речевые навыки писателей должны сдерживать использование форм на *-aj-* и определять преимущественно выбор форм с фонемой 3-й ступени чередования в основе, которым морфологическая норма в разных глаголах в большей или меньшей степени, но неизменно оказывает предпочтение. Именно такая склонность к выбору непродуктивных форм обнаружилась в ответах писателей и журналистов во время массового опроса носителей русского языка, проведенного с помощью специальных вопросников в середине 60-х гг.: выбор форм на *-aj-* писателями и журналистами в среднем не превышает 20% [Русский язык по данным массового обследования 1974, 204—205]. Возможно, эта цифра и справедлива для их речи в деловой обстановке, в быту и т.п. В тексте художественных произведений наблюдается бóльшая раскованность в использовании форм на *-aj-*, что, вероятно, связано с задачами автора, с его художественным чутьем, с общим колоритом произведения.

Иногда встречается свободное варьирование, не связанное с какими-либо художественными задачами, но допускающее объяснение большей раскованностью авторов художественных произведений по сравнению со строго нормированным книжным языком. Таковы личные формы глаголов в ремарках пьес М. Горького:... *машет на него*

рукой ("На дне"); *Дрожащими руками машет на нее. Василиса медленно идет к двери в сени, оглядывается на Пепла* (Там же); *Безнадежно махает рукой* ("Мещане"); *Перчихин подмигивает на Бессеменова и махает рукой* (Там же).

Варианты формы 3 л.мн.ч., встречающиеся в ткани повествования, нередко в контакте с другими элементами выступают как выразительное средство. Так, в отрывке *Мокрые поля, красные черепичные крыши хуторов, неслышные птицы в небе, неслышно кричит и машет вслед мой бывший батальон, слышен только грохот гусениц* (Д. Гранин) противопоставление людей и природы войне не только выражено словами, но также подчеркнуто звукописью — повторением шипящих звуков, т.е. звуков тихих, слабо слышных, и с этой точки зрения форма *ма<ш>ет* здесь вполне оправдана. Ср.: *Побёг он к ярам, всё оглядывается и рукой мне махает* (М. Шолохов), где *махает* вместе с *побёг* сообщает о диалектной среде, в которой развертывается действие.

В точном и гибком языке рассказов Б.С. Житкова, написанных для детей, закономерна форма *щи<пл>ет*, признанная нормой в качестве основной: *Каштан сломя голову пустился бежать, а Яшка сидит, вцепился ногами в шерсть, крепко держится, а руками рвет Каштана за уши, щиплет шерсть клочьями.* И как дань общему сниженному тону пьесы А. Неверова "Женское засилье", создаваемому разными средствами, в том числе и языковыми, появляется в ремарке форма *щепает*: *Бабушкин* (*щепает лучину*). *Не люблю я, когда люди врут.*

Один и тот же автор может по-разному использовать идентичные формы продуктивной и непродуктивной модели, например, *колышется* и *колыхается*, всегда означающие 'мерно двигается из стороны в сторону или вверх и вниз'; *колеблются* и *колебаются* 'покачиваются'. Ср. у М.А. Шолохова: 1. *Видно, как с пристяжных пена шмотьями брызжет и тяжело-тяжело колышется коренник* (М. Шолохов). Первой здесь идет непродуктивная форма *бры<ж>ет*, которую норма признает единственно правильной для выражения значения 'разбрасывать капли, сыпать брызгами'. На нее равняется форма 3 л.мн.ч. глагола *колыхаться*, тоже непродуктивная. 2. *Перед глазами синий обтянутый мундир колыхается плавными кругами* (М. Шолохов). Темп, взятый в начале предложения, в конце замедлен. Это достигается ударным звуком [á], трижды повторяющимся в словах, заканчивающих предложение, и дополнительным слогом в форме *колыхается*, по сравнению с формой *колышется*.

В языке художественной прозы могут свободно обращаться такие формы, сфера употребления которых в КЛЯ сужена, например, *кап-ај-ют* 'падают каплями': в сопоставлении с *ка<пл>ют* ее считают более редкой [Сл. трудн. 1976] и менее желательной [Грамм. сл. 1977; Орфоэп. сл. 1983]. Например: *И сама вышка пылает алыми полотнами: знамя ячейки льется с барьера и густо капает кистями на другие знамена, в толпу* (Ф. Гладков). Такое же место занимает форма *хнык-ај-ют*: *Но есть работы, которые можно выполнять и без любви. А нашу — нельзя... Всю жизнь ветры,*

снега, льды. Всю жизнь перед тобою вода и лед. Это можно или любить, или ненавидеть. Те, кто ненавидит, сюда не придут. Приходят те, кто любит. Кто не боится ветров, не хныкает, когда ледяная вода сводит руки, кого не берет морская болезнь — нам ведь приходится по многу суток проводить на катерах в море... (А. Чаковский).

Вообще формы на *-aj-* могут быть органично введены в ткань художественного текста и исполнять роль, отведенную им автором: *Только мы выходим из залива и поворачиваем к Нордкапу, оно* (течение. — *Н.И.*) *уже бьет в скулу, и пароход рыскает — никак его, черта, не удержишь на курсе* (Г. Владимов). Здесь глагол *рыскать* имеет переносное значение 'отклоняться от курса'; *Бальмонт выходит, неся тетрадь и розу—пион. С грозным, львиным и скучающим лицом он садится, на один стул кладет тетрадку и цветы, а на другой садится поэт Вячеслав Иванов. Все рукоплескают* (А. Эфрон). В книжном языке за инфинитивом *рукоплескать* закреплены только непродуктивные формы.

В поэтическом языке системная возможность варьирования у глаголов 1 непродуктивного класса в формах с основой наст. вр. находит реальное выражение. При этом конкретные нормативные рекомендации, обязательные для КЛЯ в практике употребления вариантов в разных видах языка и в том числе в языке художественной прозы, отступают на второй план. Варианты всех глаголов выступают как равновозможные, а их функционирование подчинено прежде всего закономерностям поэтического языка, в построении которого, по справедливому мнению М.В. Панова, все значимо: "...незначимое в обычной, практической, информационной речи... становится значимым в поэтической речи" [Панов 1979, 228]. Глагольные формы все одинаково, без противопоставления неличных форм личным, наряду с другими языковыми средствами, являются строительными элементами стиха, поэтому особенности их структуры определяются многими факторами. Очень часто они зависят от стихотворного размера, от рифмы.

Глагольные формы непродуктивной и продуктивной модели различаются количеством слогов: в непродуктивной форме их меньше, чем в продуктивной, ср. *по/ло/щут* и *по/ло/ска/ют*. Именно это обычно определяет авторский выбор. Например, в следующих строчках, написанных анапестом, форма непродуктивной модели точно укладывается в размер стиха:

Гйдрóстáнцийй. Нóчь. Пŏлýмрáк.
Нă флăгштóкĕ пŏлóщĕтсй флáг.

К. Ваншенкин

Точно также, форма продуктивной модели участвует в создании ямбического стиха:

Нăд нéй лйк дéвы й вĕнóк йз рóз
Двĕ гóрлйцы пŏ крáю вŏдоёмă.
Плĕскáются. Пŏóдăль стáдŏ кóз.

Вяч. Иванов

Употребление глагольных вариантов в качестве строительных элементов стиха можно проиллюстрировать также примерами, в которых находятся формы следующих глаголов:

мурлыкать

Я возвращаюсь. Лижет мне ладонь
Пушистый кот, мурлыкает умильней,
И яркий загорается огонь
На башенке озерной лесопильни.

А. Ахматова

двигать

Оружьем комната завалена,
Закатной налита бурдой,
Они стоят, как два татарина,
Их мысли *движутся* ордой.

Н. Тихонов

И лишь дубы остались... Шорох
Умов их теплых перейми,
Вот так же гордо мыслят воды,
Так губы полнятся свободой,
Так вихри *двигают* людьми.

Он же

колыхаться

Смотрю — *колыхается* лавр...
За ним удивленным контуром
Над пенною бездной кентавр
Стоит изваянием хмурым.

А. Белый

А в глуши лесов таинственных
Нелюдимый, как дикарь,
Песню прадедов воинственных
Начинает петь глухарь.

Словно идолище древнее,
Обезумев от греха,
Он рокочет за деревнею
И *колышет* потроха.

Н. Заболоцкий

Что, народ, стоишь,
не празднуя?
Шапки в небо — и пляши!
Но застыла площадь Красная,
чуть *колыша* бердыши.

Е. Евтушенко

А она стоит, почти незрима
от прозрачной десткой худобы,
колыхаясь, будто струйка дыма
из кирпичной лагерной трубы.

Он же

капать

Каплет гноем смола прогорклая
Из разодранных ребер изб.
Завтра ж ночью я выбегу волком
Человечье мясо грызть.

С. Есенин

И тихо под шепот речки
Прибрежному эху в подол,
Каплями незримой свечки
Капает песня с гор...

Он же

блистать

Мой старый пес стоит, насторожась,
А снег уже *блистает* перламутром,
И всё яснее чувствуется связь
Души моей с холодным этим утром.

Н. Заболоцкий

За высокий сугроб закатилась звезда,
Блещет месяц — глазам невтерпеж.
Кедр, владыка лесов, под наростами льда
На брильянтовый замок похож...

Он же

внимать

Призраки далекие земли
Поросли кладбищенской травою.
Ты же, путник, мертвым *не внемли,*
Не склоняйся к плитам головою.

С. Есенин

С веретеном
Ведет беседу мать.
Оглохший кот *внимает* той беседе,
С лежанки свесив
Важную главу.

Он же

И, песне *внемля* в тишине,
Любимая, с другим любимым,
Быть может, вспомнит обо мне,
Как о цветке неповторимом.

Он же

И, *внимая* моторному лаю
В сонме вьюг, в сонме бурь и гроз,
Ни за что я теперь не желаю
Слушать песню тележных колес.

Он же

О том, что стихотворный размер обычно предопределяет выбор глагольной формы, красноречиво говорит такой пример:

Рукой *махая,* книгами — гружены,

Про все забыв, стихи твердя навзрыд,
Бродить пойдем. И в комнатенках жены
Нас проклянут у *плещущих* корыт.

Е. Винокуров

Здесь в одном четверостишии встретились продуктивная форма деепричастия несов. вида из ряда вариантов *маша/махая* и непродуктивная форма *плещущих* из ряда *плещущий/плескающий.* Норма литературного языка признает варианты *маша/махая* равноправными, а вариант *плескающий* оценивает как возможный, допустимый при варианте *плещущий.* Но для построения ямбической строфы именно с таким словарным наполнением подходят только формы, избранные поэтом.

Если вариант глагольной формы оказывается на конце стихотворной строки и является частью рифмы, то он обусловлен уже двумя факторами: необходимо, чтобы слово подходило к стопной (или ритмичес.) организации стиха и чтобы его заударная часть совпадала с заударной частью другого слова, образующего вместе с ним рифму.

брызжут— брезжат

С болью невыразимой
волны взметаются,
брызжут.
В них
как в душе России,
Стенькины струги брезжат.

Е. Евтушенко

рай—внимай—прощай

Я в тихих безднах помню прошлый рай.
И тихих бездн к тебе мой крик, — внимай:
В последний раз, в последний раз — прощай!

В. Брюсов

нижет—движет

Сидит, ровно божья мать,
Да жемчуг на нитку нижет.
И хочет он ей сказать,
Да только губами движет.

М. Цветаева

колыхается—выбивается

В бочке обмерзлой вода колыхается,
Жалко дрожит деревянный черпак;
Мальчик—вожатый из сил выбивается,
Бочку на горку не втащит никак.

В. Брюсов

маша—антраша

За ним несется вскачь корова,
Как помелом, хвостом маша.
И милолица, и здорова
Девчонка дает антраша.

И. Северянин

полощет—рощи

И ветер белой бородой полощет.
Белее снега влажные стволы.
Зеленым дымом заклубились рощи,
Поют, поют, весь день поют щеглы.

В. Луговской

свищут—рыщут—ищут—ищут

Метели
вокруг
свищут.
Голодные волки рыщут.
Но правду крестьяне ищут,
столетьями
правду ищут.

Е. Евтушенко

рыская—близкая

Долго по свету рыская,
Лучше ты не найдешь все равно.
Смотрит близкая-близкая
И знакомая сердцу давно.

К. Ваншенкин

великое—хныкая

Рассказать, что наше счастье великое
Далеко, но что есть оно там — пустяки!
Я и сам бы сумел так, мечтая и хныкая
Отодвинуть на сутки зловещие хрусты руки.

В. Шершеневич

тает—блистает

Так нежно небо зацвело,
А майский день уж тихо тает,
И только тусклое стекло
Пожаром запада блистает.

И. Анненский

бле́щет—ве́щи

Ночами
Не свечи тают,
А электричество блещет.
Всю ночь,
Да и две читают
Не те, так иные вещи.

Л. Мартынов

колебается—нагиба́ется

От слез наяды на земле
Земное колебается.
И небо с тучей на челе
Тоскливо нагибается.

С. Городецкий

Соблюдение поэтом стиха и точной рифмовки вызвало к жизни форму *колебается*, что в прозаическом тексте или в КЛЯ выглядело бы как несоответствие языковой норме, предписывающей спрягать глагол *колебать* только по непродуктивному типу: *коле<бл'>ют, коле<бл'>я*.

Только зависимостью морфологического облика формы в стихе от рифмы и стихотворного размера можно объснить употребление в одном четверостишии двух форм глагола *блистать*, различающихся строением основы:

Вскинет очи, и, блистая,
Засинеют небеса.
Блещет золотом крутая
Умащенная коса.

С. Соловьев

УПОТРЕБЛЕНИЕ ВАРИАТИВНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛОВ *ТРЕПАТЬ, ЩИПАТЬ, ЩЕПАТЬ, СЫПАТЬ*

Варьирование с иным морфонологическим содержанием наблюдается у глаголов 1 непродуктивного класса *трепать, щипать, щепать*, а также у глагола *сыпать*.

Глаголы *трепать, щипать, щепать* по классификации глаголов, построенной с учетом морфонологического признака — чередования фонем в основе глаголов, — относятся к 1 непродуктивному классу [Ильина 1980, 110—111]. Для него характерно соотношение фонем 1:3 в парадигматически сильных позициях, т.е. соответственно в инфинитиве и в форме 3 л. мн. ч. Соотношение 1:3 показывает, что у этих глаголов во всех формах основы прош. вр. на конце корня находится фонема 1-й ступени чередования: *тре<п>ать, тре<п>ал, тре<п>авший, тре<п>анный, (от)тре<п>ав*; а во всех формах основы наст. вр. — фонема 3-й ступени чередования (у рассматриваемых глаголов, имеющих на конце корня в качестве 1-й ступени губную фонему — в данном случае <п>, — 3-я ступень чередования представлена сочетанием фонем <пл'>: *тре<пл'>ю, тре<пл'>ешь, тре<пл'>ет, тре<пл'>ем, тре<пл'>ете, тре<пл'>ют, тре<пл'>ющий, тре<пл'>емый, тре<пл'>я, тре<пл'>и*.

Глагол *сыпать* в принятой классификации относится к числу глаголов с единичным, уникальным типом чередования фонем в основе [Там же, 116]. У него в формах основы прош. вр. на конце корня стоит фонема 1-й ступени чередования: *сы<п>ать, сы<п>ал, сы<п>авший, (рас)сы<п>анный, (рас)сы<п>ав*. В формах основы наст. вр. в исходе корня встречаются единицы двух слабых ступеней чередования — <п'> и <пл'>: *сы<пл'>ю, сы<пл'>ешь, сы<пл'>ет, сы<пл'>ем, сы<пл'>ете, сы<пл'>ют, сы<пл'>ющий, сы<пл'>емый, сы<пл'>я, сы<п'>ф*.

Варианты возникают в результате утраты 3-й ступени чередования — сочетания фонем <пл'> — в ряде форм основы наст. вр. и замены ее фонемой 2-й ступени <п'>. У глаголов *трепать, щипать, щепать* варианты с<п'> нередки во всех формах основы наст. вр.,

за исключением формы 1 л. ед. ч., в которой сохраняется основа с <пл'>.

У глагола *сыпать* сочетание фонем <пл'> постоянно завершает основу, равную корню, в форме 1 л. ед. ч. *сы<пл'>ю*, всегда неизменна основа формы повел. накл., оканчивающаяся на <п'> – *сы<п'>Ø*; при остальных формах основы наст. вр. (формы 2—3 л. ед. ч., 1—3 л. мн. ч., причастия действ. залога, деепричастия несов. вида) могут быть варианты с <п'> на конце основы: *сы<п'>ешь, сы<п'>ет, сы<п'>ем, сы<п'>ете, сы<п'>ят, сы>п'>ящий, сы<п'>я.*

Таким образом, и у глаголов 1 непродуктивного класса *трепать, щепать, щипать* и у глагола *сыпать* из чередования фонем в формах основы наст. вр. выстраивается схема, подобная схеме, характерной для морфонологических чередований глаголов IV продуктивного класса: сочетание фонем <пл'>, представляющее 3-ю ступень чередования, в 1 л. ед. ч. и фонема 2-й ступени чередования в остальных формах. Некоторые исследователи современного русского языка считают появление таких форм как раз результатом влияния глаголов IV продуктивного класса [Аванесов, Сидоров, 1945].

Если же принять во внимание всю парадигму спряжения, то обнаружится следующая картина: во всех формах основы прош. вр. корень завершается фонемой 1-й ступени чередования (*тре<п>ать, тре<п>ал* и т.д.), в формах основы наст. вр. — <п'> и <пл'> (*тре<пл'>ю, тре<п'>ят* и др.). Соотношение фонем в сильных морфонологических позициях [Ильина 1980, 106—110], т.е. в инфинитиве и в форме 3 л. мн. ч., будет 1:2. Такое соотношение не свойственно ни одному классу глаголов в кодифицированном литературном языке. Вероятно, это одна из причин того, что формы основы наст. вр., содержащие <п'> в исходе корня, плохо вписываются в КЛЯ.

Зато глаголы с соотношением основ 1:2 (напрмер, *дре<м>ать— дре<м'>ют*) встречаются в говорах [Бромлей, Булатова 1972, 163—165]. Именно к воздействию говоров на литературный язык как к фактору, объясняющему проникновение в литературный язык форм с соотношением основ 1:2, склонны прибегать исследователи. Так, В.И. Чернышев писал: "При спряжении глаголов с основами на губную согласную и при образовании причастий от них писатели иногда, согласно с народным южновеликорусским говором, употребляют формы без так называемого смягчающего *л*: *сыпет, дремет*" [Чернышев 1911, 124].

Признаны ли в КЛЯ глагольные формы с фонемой <п'> в основе наст. вр., вместо ожидаемого сочетания фонем <пл'>, решить однозначно представляется затруднительным, т.к. по этому вопросу существуют разные точки зрения.

Русская грамматика (1980), уделяя внимание особенностям словоизменения глаголов *сыпать, трепаться, щипать,* отказывает формам основы наст. вр. с <п'> в признании нормативными: по мнению составителей грамматики, глаголы *сыпать* и *сыпаться, трепаться* 'болтать, говорить вздор' (прост.), *щипать* "в формах 2 и 3 л. ед. ч. наст. вр., а также в формах мн. ч. в конце основы могут

иметь <п'>, а не <пл'>: *сыпешь, сыпет, сыпем* (но *сыпят*). Такие формы ненормативны" [Грамматика-80, 655].

В СО приведена только форма повел. накл. глагола *сыпать* — сы<*п'*>∅, личным формам предписано употребление с <пл'>.

БАС фиксирует как литературные формы повел. накл. *щи<п'>и, общи<п'>и, кле<п'>и, покле<п'>и;* личные формы в этом перечне не упоминаются.

В.Н. Сидоров рассматривает личные формы типа *тре<п'>ят, дре<м'>ят* как разговорные, не свойственные литературному языку [Аванесов, Сидоров 1945, 181].

А.А. Зализняк указывает на нерегулярность форм глагола *сыпать*: в 3 л. ед. ч. параллельны в употреблении *сыплет* и *сыпет*, в 3 л. мн. ч. только *сыплются*, в повел. накл. *сыпь* [Грамм. сл. 1977].

Авторы Орфоэпического словаря русского языка рассматривают продуктивные варианты *щипит, щиплят* как допустимые при традиционных *щиплет, щиплют*. А при инфинитиве *сыпать* параллельно существуют два ряда форм: *сыплет, сыплют, сыплющий, сыпля* и *сыпит, сыпят, сыпящий, сыпя*. Оба ряда находятся "в пределах правильного", но формы второго ряда маркированы пометой "допустимое", следовательно, они менее желательны в употреблении. Форма повел. накл. вариантов не имеет — *сыпь* [Орфоэп. сл. 1983].

Информация, данная в [Сл. трудн. 1976], обширнее. При инфинитиве *трепать* вслед за формами на <пл'> приведены личные формы с <п'> (*трепешься, трепется, трепемся, трепетесь, трепются*), снабженные пометой *прост.;* из двух вариантов формы повел. накл. *трепи* признан основным, *трепли* употребляется "реже". Как разговорные квалифицированы личные формы с <п'> на конце основы, а также форма повел. накл. при инфинитиве *щепать* (*щепешь, щепет, щепем, щепете, щепют; щепи*) и при инфинитиве *щипать* (*щипешь, щипет, щипем, щипете, щипют; щипи*). Инфинитив *сыпать* возглавляет два ряда личных форм — традиционный с <пл'> и с <п'> (*сыпешь, сыпет, сыпем, сыпете, сыпют*). Формам с <п'> предшествует помета *разг.*

Л.К. Граудина, изучавшая природу варьирования, обращает внимание на то, что целый ряд глаголов, в который входят и глаголы *дремать, трепать, щипать, сыпать,* имеет варианты, различающиеся стилистически: формы непродуктивной модели в большинстве случаев являются нейтральными, а формы продуктивной модели "или просторечно-диалектны, или разговорны" [Граудина 1980].

Таким образом, толковые и нормативные словари, а также специальные работы по морфологии приводят форму повел. накл. *сыпь* как единственно правильную в кодифицированном литературном языке, не имеющую морфонологических вариантов. Остальным формам глагола *сыпать* и формам глаголов *трепать, щепать, щипать,* содержащим <п'> на конце основы, отводится весьма скромное место.

В других типах речи формы с <п'> функционируют наряду с традиционными формами на <пл'> практически без ограничений.

Формы с <п'> являются полноправным составляющим компонентом в разговорной речи. Формы с <пл'> здесь обычны, например: Д. *Бо-*

лит? С. *Сегодня нет//Только щиплет//Сегодня мне так щиплет, так щиплет... Терпенья нет // Дайте чего-нибудь // Сделайте что-нибудь //; Она своего Максимку не балует / чуть что / за уши натреплет //* и под. И рядом с ними обычны любые формы основы наст. вр. с <п'>[6]: Т. *Дина / а ну-ка / дай-ка нам свою работу / мы ее растрепем, разбросаем и даже разорвем //; Лён культура трудоемкая // Я видел как он растет / цветет красиво // Его мочат / сушат / колотят / трепют / чешут... да... Я знаю //; Ах ты кисонька / ах ты котенька / иди сюда // Ах ты серый / ах ты толстый / ах ты гладкий / ах ты лежебока... Мы тебя погла-а-адим / помне-о-ом, потрепем... Вот-вот-вот //; Эй! Парень! У тебя сено гниет! Ты его растрепи, растрепи на солнышке //; Смотри / опять дождь сыпит //; Видите он сыпит соли // ; Что ты сыпишь!!! Перестань сейчас же!!!; Да / тогда казалось / что подтолкнуть только / чуть-чуть // и всё рассыпится //; Об этом надо помнить / и это надо учитывать / иначе просто рассыпится структура общества //; Сейчас мы в чайник чаю насыпем // ; Жалко что ты не можешь... в гости приехать // А то сейчас елочка такая хорошая... А потом она осыпется //;* М. *Давай не будем ставить елку //* А. *Почему? Ведь собирались //* М. *Да нет / не будем / а?* А. *Игрушки лежат / тогда отдать надо / вот Ада придет...* М. *Не будем... Место ей надо искать / устанавливать / все время нужно... потом постоит немного и осыпется // Не будем... А игрушки пусть берут //;* К. *Я не рыжеватая сегодня?* А. *Красилась что ли?* К. *Хной мыла / у меня басмы не было //* А. *Ничего / это все постепенно пообсыпется //.* Только формы с основой на <п'> имеет глагол *всыпать* в переносном значении 'побить, обругать, наказать кого-либо': Л. *Понимаешь Валь / я написала/вот здесь* (открывает портфель) / *одну книгу // Галине Петровне показывать нельзя / она мне за нее всыпит // А тебе я хочу... вот... Я хочу подарить //; Он дома все сидит // Из дома в школу/из школы домой // Боится дружки ему всыпют //.*

Как явление, занимающее определенное место в системе русского языка, варианты форм основы наст. вр. глаголов *трепать, щипать, сыпать* широко распространены в языке художественной литературы. При этом в ткани художественного произведения они могут выполнять разнообразные задачи.

Формы с <п'> на конце основы придают просторечные или диалектные черты речи действующих лиц: *Ну, что трепешь сундук?* (Ю. Бондарев); *Белокурый содрал с усины оттаявшую сосульку, искоса умным, насмешливым глазом кольнул Гаврилу, сказал со спокойной улыбкой: — Ты, отец, не прыгай! Криком не поможешь. Что ты визжишь, аль на хвост тебе наступили?.. И хмуря брови, резко переломил голос: — Языком не трепи!.. За агитацию...* (М. Шолохов); *Эх, ребята, много народу помрет... Я тоже доежженый конь. Раз шагну, два раза спотыкнусь. На меня не надейся<...> Пропадет! Так и рассыпится прахом. Какой я работник?* (А. Не-

[6] Ср. у Е.А. Земской: "... в РР употребительны формы типа *трепется, сыпется* наряду с отвечающими нормам КЛЯ *треплется, сыплется...*"[Русская разговорная речь 1983, 100].

веров); *Старуха подошла к нему и протянула руку. — А ну-ка, пощупай, сынок. Да ты не бойсь, не рассыпется* (Е. Евтушенко).

И формы с <пл'> и формы с <п'> одинаково возможны в авторском тексте художественного произведения, где они являются отражением авторских привычек, вкусов, но могут также быть использованы как выразительное средство: *Она ждала. Она была уверена, что я ахну, пущу слезу, что из меня посыплются воспоминания. Ничего не найдя на моем лице, она нахмурилась* (Д. Гранин); *Старик хотел положить хлебные комки на ступеньку памятника, но увидел, что это бесполезно: буря тотчас же унесет хлеб, и снег засыплет его* (А. Платонов); *Обыкновенно возгласы: — вторая валторна, фадиез!.. фаготы, ре-бемоль, басы, пиано! — так и сыпятся на ходу, отмечая ошибку* (М. Ипполитов-Иванов); *Под Маргаритой хором пели лягушки, а где-то вдали, почему-то очень волнуя сердце, шумел поезд. Маргарита вскоре увидела его. Он полз медленно, как гусеница, сыпя в воздух искры...; — Сейчас позвонит Азазелло! — воскликнула Маргарита, слушая сыплющийся в переулок вальс* (М. Булгаков). В последнем примере, по-видимому, не случайна именно форма *сыплющийся*: здесь важен контраст звуков [с][ы'][п][л']][у]... (ср. *сыпящийся* со слабой противопоставленностью звуков в начале слова, [с][ы'][п']][ь]...), передающий характер музыки.

Системные возможности русского языка находят реальное выражение в языке поэзии. Грамматические варианты глагольных форм, вызванные к жизни системными отношениями между классами единиц в спряжении, не испытывают ограничений со стороны нормы, они одинаково пригодны для употребления, поэтому в поэтических текстах могут встретиться и формы с <пл'> и формы с <п'>. Например:

И материнские упреки —
Я знал — посыплются сейчас.

К. Ваншенкин

Бежит зверье, бежал бы бор,
Да крепко врос, закоренел.
А Юдо мчит и мечет взор
И сыплет крик острее стрел...

С. Городецкий

Солнце Землю целовало, —
Сладко жмурилась Земля.
Солнце Землю баловало,
Сыпля злато на поля.

И. Северянин

Растрепи ты веник колок,
Кипятком размыль.
Искусает едкий щелок,
Смоет кровь и пыль.

А. Белый

Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,

Так что сыпется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет.

Н. Гумилев

И покамест пустыня славы
Не засыпет мои уста,
Буду петь мосты и заставы,
Буду петь простые места.

М. Цветаева

...
пока из старой веревки
не вытрепется пенька

Н. Матвеева

Как дань свободному выражению системных возможностей языка следует принимать варианты формы повел. накл. *осыпли—осыпь(ся)*:

Забрезжи мне,
Проглянь и прояснись,
Вновь сердцу хмурому дай блеск сиянья,
Стрелой огня небесного метнись,
Осыпли искрами очарованья.

Н. Бараташвили, пер. Ю. Верховского

О, звездопад всех точек и тире,
зову тебя, осыпься! Пусть я сгину,
подрагивая в чистом серебре
русалочьих мурашек, жгущих спину.

Б. Ахмадулина

Употребление одного из вариантов в конце стихотворной строки, обусловленное требованиями рифмы:
насытитесь—рассыпитесь

Когда же все насытитесь,
Взлетите в эту синь,
По куполу рассыпитесь
Синеющих твердынь.

С. Городецкий

осыпет—Египет

Бывало, вьюга ей осыпет
Звездами плечи, грудь и стан, —
Все снится ей родной Египет
Сквозь тусклый северный туман.

А. Блок

Подводя итог, можно сказать, что характер варьирования основ у глаголов 1 непродуктивного класса в разных типах речи в основном определяется следующим: 1) подчиненностью нормам в кодифицированном литературном языке; 2) принадлежностью глаголов разговорной речи и просторечию, представляющих собой сферы более свободного употребления форм на *-aj-;* 3) соотношением с изобразительными средствами в ткани художественного произведения; 4) употребление в поэтическом языке равновозможных форм глаголов.

СОВРЕМЕННОЕ РУССКОЕ УДАРЕНИЕ В ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В работах последних лет акцентная система современного русского языка подверглась тщательному обследованию с синхронной и диахронической точек зрения.

Накопленный материал и сделанные наблюдения, касающиеся в частности определения динамических линий развития ударения, наиболее активных зон вариативности, перспективных (в плане языкового развития) акцентных вариантов, позволяют поставить задачу исследования ударения в функционально-стилистическом аспекте.

В этом аспекте ударение специально не изучалось. Имеются лишь отдельные замечания, сделанные в связи с анализом ударения тех или иных конкретных групп слов.

Ставя задачу последовательно сопоставить акцентуацию различных речевых сфер (хотя бы на ограниченном материале), мы исходим из признания того факта, что она во всех случаях определяется общими закономерностями, есть следствие действия одних и тех же факторов, но что эти закономерности, эти факторы находят в разных речевых сферах разную степень выявления.

Вполне понятно, что в тех речевых сферах, где менее акцентируется понятие нормы, живые тенденции, в том числе тенденции акцентные, реализуются полнее, чем в сферах, требующих строгого соблюдения норм.

В этом отношении кодифицированный литературный язык (по опыту и уже проведенных исследований) должен быть сопоставлен прежде всего с разговорной речью. При изучении фактов кодифицированного литературного языка естественно ориентироваться на нормативные словари. Акцентные факты, характеризующие разговорную речь, собираются в процессе соответствующих наблюдений. Однако, поскольку возможность встретить в разговорной речи то или иное нужное слово или форму достаточно мала, приходится и здесь прибегать к помощи словарей и справочников — с целью обеспечить представительность материала.

Характерными для кодифицированного литературного языка считаются, естественно, ударения, отмеченные в словарях и справочниках[1] как нормативные (включая и те, которые вводятся с пометой "допустимое"). Ударения, имеющие помету "разговорное", можно (с известной степенью условности) рассматривать как особенность разговорной речи. Как известно, эта помета в названных словарях носит ортологический характер. Она используется как нормативная

[1] В качестве основного нормативного справочника принимается [Орфоэп. сл. 1983]. Для сопоставлений используются: [Рус. лит. произн. 1959, Трудн. 1973, Сл. трудн. 1976].

квалификация явлений распространенных, но не достигших статуса языковой нормы. Вместе с тем считается, что употребление подобных вариантов вполне допустимо в разговорной речи, не имеющей специальной установки на правильность. Ср. характеристику пометы "разговорное" в [Трудн. 1973, 9]: "Помета *разговорное* предназначена для характеристики слов, форм и особенностей произношения, употребление которых придает речи непринужденный характер. Основная сфера их функционирования — бытовое общение. Употребление их в разговорной речи не создает особого стилистического эффекта, но в стилистической системе литературного языка многие из них противопоставлены словам, формам и произносительным вариантам нейтрального стиля".

Орфоэпический словарь дает, как известно, иную систему помет. В частности, помета "разговорное" из-за ее нормативной неясности, двусмысленности в словаре не применяется. Часть акцентных вариантов, имевших в предшествующем словаре [Рус. лит. произн. 1959] и других словарях помету "разговорное", в [Орфоэп. сл. 1983] дана как нормативная (речь идет о живых, развивающихся явлениях, судьба которых в последние двадцать лет полностью определилась), другая часть получила помету "не рекомендуется". "... варианты, оцениваемые пометой *не рек.*, — говорится в Словаре, — как правило, отражают явления, соответствующие общим тенденциям языкового развития; нередко этой пометой оцениваются варианты, о которых можно предполагать, что не в очень далекой перспективе они станут нормативными" [Там же, 6]. Считаем возможным варианты с такой пометой рассматривать как особенность разговорной речи, тем более, если в предшествующих словарях они и имели помету "разговорное".

Специфика рассмотрения ударения в функционально-стилистическом аспекте требует привлечения материалов иных языковых сфер сравнительно с другими языковыми явлениями. Сферы речи, вычленяемые внутри литературного языка, — деловая, официальная речь — не дают в отношении ударения существенных различий. Имеют место только лишь отдельные факты.

Большой материал для наблюдений и сопоставлений дают специальные (профессиональные) сферы речи. Те наблюдения, которые уже имеются, показывают, насколько последовательнее охватывается терминологическая и — шире — профессиональная лексика действием тех или иных языковых закономерностей[2].

Как известно, нормативные словари-справочники (и толковые словари) с большей или меньшей последовательностью отмечают разного рода "профессионализмы", в том числе в области ударения. Подобные факты имеют пометы "профессиональное", "специальное",

[2] Подробней об этом далее, в связи с анализом материала специальных речевых сфер. Например, при существующем колебании ударения в сочетании *обе* (две) *стороны* в официальной речи предпочитается ударение *сто́роны* (*обе договаривающиеся сто́роны*), что может быть связано с преобладанием в данном случае смыслового согласования: 'не две (три и т.д.), а все, участвующие в договоре стороны'. Ударение *сто́роны* в этой официально-деловой формуле принято как нормативное в [Сл. трудн. 1976].

"техническое" и др. Все эти данные в их совокупности позволяют охарактеризовать особенности ударения в профессиональных сферах речи. В качестве дополнительных материалов в работе привлекаются данные некоторых специальных словарей, в частности [Орфогр. мор. сл. 1973], наблюдения над речью специалистов (преимущественно по теле- и радиопередачам), некоторые другие материалы.

Специальной задачей данного раздела является изучение стилистического использования акцентных вариантов в художественной речи. По этому поводу существуют лишь отдельные фрагментарные наблюдения. Последовательный анализ функциональных особенностей ударения поможет поставить на более твердую основу и изучение возможностей использования ударения в стилистических целях. Вполне понятно, что в качестве стилистически маркированных средств могут выступать только контрастные (сравнительно с нормативно принятыми) акцентовки. Зная весь предшествующий материал, представляя линии расхождений в реализации тех или иных тенденций в разных речевых сферах, можно выявить набор таких "стилистически играющих" средств в акцентологии.

В работе рассматривается только именное словоизменительное ударение. Ограничение материала связано, с одной стороны, с общей — грамматической — темой исследования, с другой — с необходимостью обеспечить, в связи с задачей изучения разных речевых сфер, известную сопоставимость материала. Имена существительные, широко употребительные в своих словоизменительных формах и в разговорной речи, и в специа́льных сферах, и в речи художественной, определяют возможность такой сопоставимости.

Исследованию функционально-стилистических особенностей современного русского ударения необходимо предпослать в данной вводной части краткое описание тенденций его развития, основных линий движения, что позволит показать исторический фон современных акцентных изменений, охарактеризовать акцентные варианты с точки зрения их временной соотнесенности, т.е. выделить перспективные варианты и варианты устаревающие.

В основе рассмотрения материала лежит концепция, которая по мере изучения русского ударения все более подтверждается данными исследований, об усилении в процессе развития литературного языка дифференцирующей функции ударения. Роль ударения как важного фонологического средства в современном языке есть результат определенного исторического развития акцентной системы.

Известно, что ударение в качестве фонологического средства по-разному проявляет себя на разных языковых уровнях, поскольку оно, будучи добавочным грамматическим средством [Аванесов 1974, 94], взаимодействует с различными основными средствами и поскольку это взаимодействие происходит в пределах разных систем.

Например, изменения ударения на лексическом уровне связаны с ролью ударения как индивидуального признака слова, т.е. признака данного слова в отличие от другого. Здесь существенным оказывается развитие акцентно-семантической дифференциации.

На словообразовательном уровне изменения в ударении в значи-

тельной степени определяются особенностями акцентно-структурного уподобления — в пределах определенных категорий слов, объединенных тем или иным словообразовательным формантом. Обобщения, сделанные на основе наблюдаемых в этой области изменений, позволяют установить некоторое увеличение доли подвижного словообразовательного ударения, которое, как отмечал Р.И. Аванесов, хотя и является лишь дополнительным средством при образовании слов, имеет большое значение в живой звучащей речи [Там же, 100].

Что касается грамматического аспекта, т.е. словоизменительного (парадигматического) ударения, то здесь в качестве основной тенденции предстает тенденция "грамматикализации", под чем понимается факт последовательного развития дифференцирующей функции ударения, в частности использование ударения как средства различения отдельных грамматических форм в подпарадигмах ед. и мн. ч. (ср. современное *до́ма* — род. ед. и *дома́* — именит. мн.; также: *страны́* и *стра́ны, пра́ва* и *права́* и т.п.), так и для различения всей системы форм подпарадигм: *дом, до́ма — дома́, домо́в...; страна́, страны́ — стра́ны, стра́нам; пра́во, пра́ва — права́, права́м.* Развитие подобной акцентно-числовой противопоставленности ведет к активизации подвижного ударения в словоизменительных парадигмах. Правда, роль ударения в этом плане нерегулярна: передвижение ударения при формообразовании имеет место в одних словах и отсутствует в других, грамматически однородных с первыми. "Это означает, — уточняет Р.И. Аванесов, — что формообразовательное подвижное ударение, хотя оно и является определенным дополнительным грамматическим средством, относится не к сфере грамматики в собственном смысле слова, а к грамматическому оформлению данного слова, т.е. по существу, к сфере лексики в ее грамматическом аспекте" [Там же, 101].

Существенно, однако, что "лексическая сфера" использования ударения в качестве дополнительного грамматического средства в процессе развития языка увеличивается и современное состояние есть уже результат определенных исторических изменений, свидетельствующих о развитии фонологической значимости русского ударения в грамматике. Об этом свидетельствует акцентное развитие многих разрядов имен существительных, ударение которых имело тенденцию к изменению, т.е. слов определенной структуры и семантики.

История русского ударения, начиная с древнейших эпох, подробно разработана в ряде монографий: [Колесов 1972, Хазагеров 1973, Зализняк 1985]. Анализ изменений словоизменительного именного ударения в процессе развития русского литературного языка XVIII—XX вв. представлен в опубликованной ранее работе автора [Воронцова 1979][3].

Здесь необходимо отметить некоторые существенные моменты истории, относящиеся к анализируемому далее материалу.

[3] Работы, посвященные анализу акцентных закономерностей отдельных разрядов слов, называются далее, в ходе анализа конкретного материала.

При том что у всех разрядов существительных, способных трансформировать словоизменительное ударение, акцентная эволюция была направлена к формированию акцентной оппозиции чисел, у каждого из них процесс этот проходил с разной степенью интенсивности и имел своим следствием разные результаты в отношении последовательности охвата им лексического материала.

Исследования показывают, что процесс акцентной перестройки в данном направлении "открывали" имена существительные ср. р., где оппозиция *мóре—моря́* была исконной, и относительно рано сформировалась модель *числó—чúсла* [Зализняк 1985, 373]. В процессе развития литературного языка акцентная оппозиция чисел развивается у большинства имен, принадлежащих к старой баритонированной акцентной парадигме [Колесов 1972, 172—195; Воронцова 1979, 118—121]. В результате имевших место изменений ударение имен существительных ср. р. уже и в первой половине XIX в. во всем существенном подчинялось правилам, действующим и теперь [Булаховский 1954, 165].

Значительной сложностью отличался процесс акцентной перестройки у имен существительных ж.р. на *-а*. Основу этого процесса составляло взаимодействие исконной подвижной (*головá, гóлову*, мн. ч. *гóловы, головáм*) и окситонированной (*сестрá, сестрý*, мн. ч. *сестры́, сестрáм*) акцентных парадигм, а главное содержание — формирование на основе этих двух парадигм новой акцентной парадигмы, представляющей новый тип подвижности: окситония всех форм ед. ч. и баритония всех форм мн. ч.: *игрá, игрý*, мн. ч. *úгры, úграм* [Колесов 1972, 68—89]. Изменение акцентуации имен существительных на *-а*, определяющее вхождение их в тип новой подвижности, предполагает: развитие ударения на флексии в вин. пад. ед. ч. у подвижно ударяемых имен; развитие ударения на основе в именит. (вин.) пад. мн. ч. у имен окситонированной акцентной парадигмы; развитие наоснóвного ударения в косвенных падежах мн. ч. у имен той и другой парадигмы.

Не все этапы, как показывают исследования [Там же], являются хронологически общими для окситонированных и подвижно ударяемых имен, различным по степени интенсивности было и движение самих лексем на пути к типу новой подвижности[4]. Все это в конечном итоге обусловливает и современную сложную картину акцентуации рассматриваемого разряда слов: наличие у них нескольких типов подвижности, отражающих незавершенность процесса перестройки (тип *d*: *игрá, игрý*, мн. ч. *úгры, úграм;* тип d_1: *водá, вóду*, мн. ч. *вóды, вóдам;* тип *f*: *губá, губý*, мн. ч. *гýбы, губáм;* тип f_1: *головá, гóлову*, мн. ч. *гóловы, головáм*)[5], неустойчивую, изменяющуюся в процессе развития литературного языка лексическую наполненность этих типов.

Особой же активностью характеризуется расширение подвижности

[4] Анализ конкретного материала, относящегося к русскому литературному языку XVIII—XX вв., см. в кн.: [Воронцова, 1979, 30—60].

[5] Обозначение типов ударения здесь и далее дается в символах А.А. Зализняка [Зализняк 1967, 158—167].

в кругу имен существительных м.р. — при использовании флексии *-ы(-и)* в именит. пад. мн. ч. (*дар, да́ра,* мн. ч. *дары́, даро́в*) и особенно флексии *-а(-я)* (*го́род, го́рода,* мн. ч. города́, *городо́в*). Под этот тип подвижности, обозначаемый индексом *с,* в процессе развития литературного языка подводится ряд слов с исконной неполной противопоставленностью форм ед. и мн. ч., обозначаемый индексом *е*: старое *век — ве́ки, веко́в; дом — до́мы, домо́в* (в современном языке этот тип остается на положении "реликтового"), и большое число слов с ударением на основе (в значительной степени — заимствования).

В то же время имена существительные ж.р. с основой на мягкий согласный, имеющие в качестве образца подвижности только тип с неполной акцентной противопоставленностью (тип *е*: *ветвь, ве́тви* — мн. ч. *ве́тви, ветве́й*), не представляют единого направления в своих акцентных преобразованиях. В этой группе сохраняет известную продуктивность подвижность, которая распространяется на ряд слов с традиционным наосно́вным ударением, но наряду с ней возникает и тенденция к закреплению неподвижного ударения на основе, выравнивание ударения по образцу именит. пад. мн. ч. Можно предполагать, что дело здесь в отсутствии образца с полной акцентной противопоставленностью чисел, отсутствие соответствующей флексии для именит. пад. мн. ч. Заимствование же "чужой" флексии *-а(-я)* для именит. пад. мн. ч., которая выравнивала бы подпарадигму мн. ч. в акцентном отношении (ср. современные просторечные ударения типа *дробя́, скоростя́* и т.п.), остается за пределами литературной нормы.

Наряду с расширением типа новой подвижности в разных морфологических группах имен существительных происходит сокращение различных типов традиционной подвижности, которые не "обеспечивают" акцентной противопоставленности форм ед. и мн. ч. или выявляют акцентную обособленность одной формы в подпарадигме ед. ч., например, формы вин. ед. в группе имен. ж.р. на *-а* (*вода́, воды́, во́ду, воде́*); формы местн. ед. в группе имен ж.р. с основой на мягкий согласный (*степь, сте́пи, о сте́пи,* но *в степи́*). Эти формы, представляющие известную акцентную "аномалию", обнаруживают тенденцию к выравниванию — по образцу остальных. Отсюда рапространенные колебания ударения типа *и́збу́*, а также в *сте́пи́, в но́чи́* и т.п. Число слов, устойчиво удерживающих традиционное ударение, сравнительно невелико[6].

Действие тенденции грамматикализации, о чем свидетельствуют многочисленные примеры изменения ударения в процессе развития литературного языка, в ряде случаев, однако, ограничивается и даже перебивается действием других тенденций. Это связано с влиянием различных факторов системного характера и характера узуального. Например, среди акцентных изменений, свойственных именам существительным м.р., достаточно часты случаи замены ударения на основе в формах ед. ч. ударением на флексии. (В разряде одно-

[6] Подробный анализ материала, касающегося названных разрядов слов, см. в упомянутой работе: [Воронцова 1979, 80—100, 66—79].

сложных имен существительных эти изменения даже преобладают [Зализняк 1977].) Переход к флективному ударению характерен также для некоторых групп непроизводных (в большинстве заимствованных) имен с суффиксами или суффиксоподобными элементами типа *-ак* (*-як*), *-ун*, *-ык* и др., которые "уподобляются" соответствующим суффиксам, определяющим наконечное (флективное) ударение. Ср. установившиеся в процессе развития литературного языка ударения типа *гама́к—гамака́*, *конья́к—конья́ка́*, *мая́к—мая́ка́*, *рюкза́к—рюкзака́*, *язы́к—языка́* вместо старых *гама́ка*, *конья́ка*, *мая́ка*, *рюкза́ка*, *язы́ка*[7]. Очевидно, что в подобной замене ударения нет грамматической целесообразности (в том смысле, как она здесь понимается).

Существенным оказывается влияние других факторов: семантического, морфонологического, морфологического [Зализняк 1977].

Хорошо известно, что не все изменения, "запрограммированные" системой языка, реализуются. Это в значительной степени определяется явлениями узуального порядка. Поэтому в числе факторов, определяющих "судьбу" акцентных вариантов, называются и такие, как диапазон стилистической окрашенности, степень освоенности слова. В свое время Я.К. Грот писал: "Не зависит ли степень гибкости слова от степени его употребительности и народности?.. Наблюдения над словами всех разрядов показывают нам, что чем более в них жизненности, чем более они усвоены народом, тем легче они подвергаются переходу ударения, если только такому переходу не противятся другие, более сильные и постоянные законы языка" [Грот 1899, 328].

У А.А. Зализняка эта отмечаемая Гротом и другими учеными[8] зависимость между ударением слова и степенью его освоенности в языке получает четкую формулировку на основе введения понятия "прагматического фактора" — как одной из закономерностей, определяющих акцентуацию односложных имен существительных [Зализняк 1977, 74]. Суть понятия в противопоставлении "привычного" и "чуждого". Внешне это выражается в противопоставлении типов склонения и ударения. "Поскольку противопоставление чуждого и привычного, — подчеркивает А.А. Зализняк, — индивидуально, его эффект тоже индивидуален" [Зализняк 1977, 77]. Отсюда колебания, различия в акцентуации

---

[7] Подробнее об этом: [Кипарский 1950, 50—79; Воронцова 1979, 106—108, 113—115; Зализняк 1977].

[8] Например, Кипарский [1950, 109—110] переход от подвижности к неподвижному ударению на основе таких слов, как *бес*, *дух*, *стан*, *тать* связывал с тем, что они употребляются теперь сравнительно редко и только в современном "высоком штиле". Получение же некоторыми словами подвижного ударения или ударения флективного соответствует, по Кипарскому, понижению "стилистического достоинства" слова. Мнение о связанности употребления форм на *-а́* со степенью освоенности слова, его стилистической окраской в той или иной форме высказывалась многими исследователями, обращавшимися к этому материалу, начиная с Грота.

Д.Н. Шмелев [1962] обратил внимание на другую сторону дела: уменьшение употребительности слова связывается с отходом от форм на *-а́* (ср. современную оценку форм *дьякона́*, *лекаря́*, *писаря́*). О неустойчивости нормативной оценки форм на *-а* в литературной традиции писал С.И. Ожегов [1955].

слов, употребительных в разных речевых сферах, и те различные типы конфликтов, которые наблюдаются между индивидуальной и нормативной акцентуацией.

В данном исследовании учет прагматического фактора особенно важен. Он в значительной степени и определяет различия в акцентуации слов в различных речевых сферах.

ОСОБЕННОСТИ АКЦЕНТУАЦИИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РАЗЛИЧНЫХ РЕЧЕВЫХ СФЕРАХ

Ударение в кодифицированном литературном языке (на материале словарей)

Акцентные процессы, о которых шла речь выше, постепенно перестраивая акцентную систему в именном словоизменении (здесь речь идет только об этом) определили ее современное состояние, зафиксированное современными нормативными словарями.

Первым словарем, отразившим акцентные нормы послереволюционного периода, был, как известно, Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова (СУ). К 40-м гг. нашего столетия многие акцентные процессы достаточно четко определились и определилось место конкретных лексем в этом процессе. Вместе с тем СУ фиксирует и значительное число акцентных вариантов — как свидетельство незавершенности ряда акцентных процессов, неустойчивого положения многих слов, стилистической и функциональной расслоенности ряда акцентовок. Все более поздние словари, в частности специальные нормативные словари-справочники [Рус. лит. уд. 1955, Рус. лит. произн. 1959, Трудн. 1973, Орфоэп. сл. 1983], вносили соответствующие коррективы в нормативную характеристику акцентных вариантов — в соответствии с происходящими изменениями в ударении конкретных слов и нормативными установками словарей. Сопоставление этих данных позволяет выявить микроизменения в системе русского литературного ударения на каждом из временных этапов, понять характер и направление акцентных "инноваций", появляющихся в литературном языке и во внелитературных языковых сферах.

В задачу данной работы анализ подобных сопоставлений не входит, хотя отдельные моменты учитываются. В основу описания современного нормативного именного словоизменительного ударения положено соответствующее его описание в [Грамматика-80] с теми уточнениями, которые вносит [Орфоэп. сл. 1983].

Естественно, что в подробной характеристике с нормативной точки зрения нуждаются не все акцентные типы, представленные в той или иной морфологической категории слов, а только те, с которыми связаны наиболее существенные акцентные трансформации: продуктивные типы, постоянно пополняемые лексически, и типы непродуктивные, где наблюдается постоянный "отток" слов.

Обратимся к рассмотрению конкретного материала.

Имена существительные женского рода на -а

Выше отмечалась тенденция распространения ударения типа *d* как наиболее активная в кругу имен существительных ж.р. на *-а*. Следует сказать, что уже СУ фиксирует этот тип ударения как численно значительный[9]. Формирование акцентного типа *d* в значительной степени связано с именами старого славянского окситонного класса (*беда, вдова, вина, змея, скула, слуга, труба, тюрьма* и др.), но также и со словами, принадлежавшими к подвижной акцентной парадигме (*коза, овца, оса, пола, пора, семья, цена*)[10]. Большое число слов, по данным СУ, испытывает колебание ударения. Из имен старого окситонного класса это слова *скала, стопа, струя, судья, толпа, тропа,* где продолжает употребляться (в некоторых словах с определенными ограничениями) ударение на флексии в формах мн. ч.; *дуга, жена, река, сестра, скорлупа, судьба,* где флективное ударение употребительно только в косвенных падежах мн. числа. В группе имен со старым типом подвижности подобные колебания испытывают: *свинья, сковорода* (двоякое ударение в косвенных падежах мн. ч.), *весна, заря, изба, нора, роса* (двоякое ударение в вин. ед.). К типу традиционной подвижности, по данным этого же словаря, принадлежат: *борода, борона, голова, доска, кроха, нога, рука, слобода, среда* 'день недели', *сторона;* к переходному типу *f* (в связи с развившимся флективным ударением в вин. ед.) из подвижно ударяемых принадлежат: *блоха, волна, железа, среда* 'окружение', *щека;* колеблются между этими типами *борозда, полоса, строка.* К переходному типу *d* (устойчивая закрепленность ударения на основе в вин. ед. при развившемся ударении на основе в косвенных падежах мн. ч.): *земля, коса, спина.*

Рекомендации всех более поздних нормативных словарей вносят определенные уточнения в распределение лексем между названными акцентными типами. При этом, учитывая логику языкового развития и факт реального преобладания у ряда слов ударения типа *d,* авторы словарей постепенно увеличивают группу слов с нормативным ударением типа *d* за счет других групп. Значительные изменения в этом отношении были внесены словарем Русское литературное произношение и ударение, отразившим нормы 50-х гг.

По нормативным источникам 80-х гг. (о них сказано выше) к акцентному типу *d* устойчиво принадлежит более 90 слов. Среди них: а) слова с односложной основой: *беда, блесна, вдова, верста, весна, ветла, вина, война, глава, гроза, гряда* 'полоса вскопанной земли', *десна, длина, доха, дрофа, дуга, дыра, жена, звезда, змея, игла, игра, кайла* 'кирка', *коза, крупа, лиса, лоза, лука, луна, метла, нора, нужда, овца, ольха, орда, оса, пила, плита, плюсна,*

[9] Напомним, что названный тип ударения еще не был отмечен грамматистами прошлого века. О нем упоминает только Грот [1899, 394], указывая на малочисленность относящихся сюда слов и неустойчивость в них ударения.

[10] В общем движении к типу *d* имена славянского окситонного класса опережают подвижно ударяемые. Последние представляют больше исключений, свидетельствующих о сохранении традиционных ударений.

пола, пчела, роса, руда, свинья, семья, сестра, скала, скула, слуга, сноха, сова, сосна, соха, среда 'окружение', *стопа* (*бумаги;* также в стихе), *страда, страна, стрела, стрельба, стреха,струна, струя, судьба, судья, толпа, трава, труба, тюрьма, уда, узда, уха, шкала;* б) слова с неодносложной основой: *колбаса, пастила, скорлупа, стрекоза, тавлея;* в) слова с неодносложной основой, оканчивающиеся на *-ина, -ота*: *глубина, седина, быстрина, величина, ветчина, долгота, тягота, кислота, длиннота, тошнота, широта, красота, высота, частота, пустота;* г) слово *сирота*[11]. Отмеченные колебания свидетельствуют: 1) о сохранении у ряда слов старого флективного ударения (колебания между типами *d* и *b*): *арба, басма* 'металлическая пластинка', *графа, кирка, межа, скамья, скирда, щепа;* 2) о сохранении флективного ударения в косвенных падежах мн. ч. (колебания между типами *d* и *f*): *блоха, вода* (ударение *f* устар.), *волна, дежа, заря* 'рассвет', *доска, копна, кошма, река, серьга, скоба, слега, софа, среда* 'день недели', *строка, стена* (ударение *f* устар.), *строфа, тропа;* 3) с удержанием наосновного ударения (тип d_1) в форме вин. пад. ед. ч.: *вода, душа, земля, зима, спина, цена;* при колебании — *изба, коса.*

Ударение типа f_1 (традиционная подвижность) имеют немногие слова с односложной основой: *гора, нога, пора, рука, щека;* с неодносложной: *борода, голова, борозда;* испытывают колебания *доска, река, борона, полоса, сковорода.*

Ударение типа *f* устойчиво принадлежит всего нескольким словам с односложной основой: *слеза, вожжа, губа, ноздря, свеча, сопля;* с неодносложной основой: *голова* 'руководитель', *железа, простыня, просфора* (*просвира*), *слобода.*

Как видим, устойчивое ударение традиционно подвижного типа и типов переходных сохраняет очень незначительное число слов. Часть из них представляет как бы "заповедную зону", на которую не распространяется закон акцентной аналогии: наименования частей тела — *губа, ноздря* (ср. также *слеза, сопля*), сохраняющие тип *f; нога, рука, голова,* сохраняющие тип f_1; *спина* (ср. также *душа*), сохраняющие тип d_1. Кроме этих слов в составе каждой из указанных групп можно назвать только отдельные слова. В группе слов с ударением типа *f дежа, вожжа, свеча* (все с особым строением основы); *борозда, слобода, сковорода, железа, полоса, простыня* (все неодносложные). Кроме них в группе слов с ударением типа f_1 — *гора, пора, борона, сторона;* в группе слов с ударением типа d_1 — *вода* и *земля.* Таким образом, процесс распространения ударения типа *d* в этих группах слов дошел уже, можно сказать, до своего предела. В какой-то степени тенденция к ударению типа *d* распространяется и на группу слов с ударением типа

[11] В данный список не включены слова, формы мн. ч. у которых существуют лишь потенциально (Орфоэпический словарь указывает на их отсутствие): *еда, икра, кора, мука, уха; вышина, резьба, стрельба, мерзлота, страда;* слова *зола, слюда, смола,* у которых формы мн. ч. употребительны только в специальной речи. Слова *нужда, седина, тягота, длиннота, красота* даны в общем списке, хотя есть основания — см.: [Орфоэп.. сл. 1983] — формы мн. ч. *нужды, седины, тяготы, длинноты, красоты* рассматривать как отдельные слова.

b, которая состоит в основном из заимствований, преимущественно тюркских. Лексический состав этой группы в [Грамматика-80] представлен так: а) слова с несложной основой: *тля;* б) слова с односложной основой на *-ня, -ья*: *ступня, квашня, ладья, статья;* в) следующие слова с односложной основой: *бахча, башка, глиста, гряда* 'цепь, ряд холмов, облаков, гор', *гурьба, жара, жнея, зурна, казна, кайма, киса* 'мешок', *карга, киста, кишка, клюка, княжна, корма, корчма, краса, культя, кума, лапта, мечта, мольба, кошма, парча, парша, плева, праща, пурга, пята, раба, сайга, стезя, стопа* 'часть ноги', *сума, тафта, тахта, тура, фата, фита, хвала, хула, хурма, чадра, чалма, чека, черта, чреда, шлея, юла, (баба)-яга;* г) существительные с неодносложной основой и ударной флексией (кроме слов на *-ота, -ина,* см. выше): *колея, госпожа, кабарга, каланча, клевета, кобура, конура, паранджа, тетива, чайхана, шестерня.* Распространение ударения типа *d* и на некоторые слова этой группы ведет к развитию новых колебаний ударения, за пределами строго нормированной речи процесс распространения ударения типа *d* шире. Он охватывает ряд слов бытового характера и слов специальных (см. далее).

Имена существительные мужского рода

В кругу имен существительных м.р., как уже было сказано, наиболее активной является тенденция распространения акцентного типа *c*. Процесс начинается в XVIII в. и сохраняет свою активность до настоящего времени. Как было отмечено, к ударению типа *c* в процессе развития литературного языка переходят имена существительные с исторически обусловленным ударением типа *e* (с ударением на основе в форме именит. (вин.) мн.: *зуб — зу́бы, зубо́в*) и многочисленные имена существительные, известные в литературной традиции с ударением на основе (акцентный тип *a*). Формой реализации флективного ударения в именит. п. мн. ч. служит ударенная флексия *-ы(-и)* — для слов односложных — и флексия *-а(-я)* — для односложных и неодносложных. Активность распространения ударения типа *c*, допустимые рамки реализации его в литературном языке в той и другой группе слов (с традиционным ударением типа *e* и ударением типа *a*) представляют существенную проблему нормализации ударения.

В современном языке, как отмечалось, тип *e* остается на положении "реликтового". Он включает небольшое число лексем. В списке А.А. Зализняка [1967, 158], например, основанном преимущественно на данных словаря [Рус. лит. произн. 1959], отмечено 48 таких слов. Однако и из них, по рекомендациям Орфоэпического словаря, некоторое число слов отошло к типу *c*: *ток* 'площадка для молотьбы', *фронт,* с колебанием — *лом, порт, флот.* Возможности использования этого круга слов как источника пополнения акцентного типа *c* почти полностью, можно считать, исчерпаны. Большая часть слов, устойчиво сохраняющих данный акцентный тип, слова с исконной подвижностью, на которые не рас-

пространился процесс обобщения флективного ударения в именит. мн. ч.: одушевленная лексика (*бог, волк, вор, черт*); слова, близкие к pl. tantum (*зубы*); слова с особым строением основы (на мягкий согласный): *зверь, гость;* также: *стебель, уголь* и др. (всего таких слов 26). Кроме названных только отдельные слова сохраняют ударение типа *е* (некоторые из них неустойчиво). У ряда слов давно существуют и нормализованы варианты, которые употребляются как равноправные (*год — годы* и *года*) или связаны с разграничением значений: *пол — по́лы* (биологич.) и *полы́* 'настил', *тон — тоны* 'звуки' и *тона* 'цвет, оттенок', *ход — хо́ды* и *ходы́* (в завис. от значения). В отличие от рассмотренного, разряд слов с исконным наосно́вным ударением представлял в прошлом и сейчас представляет обширный источник для пополнения числа слов с ударением типа *с.* Однако при этом существовали всегда и существуют теперь известные структурные ограничения на приобретение словом ударения этого типа: число слогов в слове, размещение ударения. Ударение типа *с* (при флексии именит. мн. *-а(я)*) приобретают чаще всего имена существительные односложные или двусложные, реже — трехсложные. Из имен существительных неодносложных предпочтение оказывается словам с ударением на начальном слоге, реже (и в истории — позже) словам со срединным ударением; не получают такой акцентовки (в литературно нормированной речи) слова с конечным ударением основы (ср. не принимаемые в качестве нормативных *офицера́, инженера́* и т.п.[12]. Ударение типа *с* как нормативное имеет в современном литературном языке большая группа слов. Список таких слов включает следующие слова: а) с односложной основой и флексией *-а́, -я́* в именит. мн.: *бок, борт, глаз, дом, корм, край, лес, лог, луг, мех, рог, снег, сорт, стог, счет* 'денежный документ', *ток* 'площадка для молотьбы', *том, тон* 'оттенок цвета', *хлеб* 'злаки', *хлев, ход* 'ходовая часть' *цвет* 'окраска', *шелк*; б) слова с односложной основой и флексией *-ы́, -и́*: *бал, бас, бой, бор, буй, вал* 'земляная насыпь' и др., *верх* 'верхняя часть чего-н.', *воз, грунт, дар, долг, дуб, жир, зад, зоб, кон, круг, кус, лад, мир* 'вселенная', *муж* 'мужчина', *низ, нос, паз, пай, пал* 'лесной или степной пожар', *пан, пир, плуг, пол* 'настил', *приз, пуд, пук, раз, род* 'ряд поколений', *рой, ряд, сад, слой, смотр* (войсковой), суп, сын (не в прямом значении), *сыр, таз, тыл, ус, фронт, час, шар, шкаф, шкив*[13].

Многие слова испытывают колебания в ударении в связи с: а) сохранением более старого ударения типа *а*: *бунт* 'восстание',

[12] В данном случае речь не идет о факторах (семантических и структурных), способствующих приобретению ударения типа *с.* По отношению к именам существительным односложным аспект этот разработан А.А. Зализняком [Зализняк 1977]. Имена существительные неодносложные изучены в этом отношении мало.

[13] В список, как и в предшествующем случае, не включаются слова, формы мн. ч. которых принадлежат специальной речи: *вес—весá, квас—квасы́, сбой—сбои́, спирт—спирты́, флюс—флюсы́* 'добавка к руде при плавке'; слова с неотмеченной формой мн. ч.: *пот;* слова с несоотносительными формами мн.ч.: *мозг, пар.*

клуб 'шарообразная дымчатая масса', *куб* 'сосуд или предмет кубической формы', *мыс, хор, шлях, штаб, юс, яр;* б) в связи с сохранением ударения типа *е*, т.е. колебание касается только формы именит. мн.: *год* (*го́ды* и *года́*), *лом* (*ло́мы* и *ломы́*), *порт* (*по́рты* и *порты́*), *флот* (*фло́ты* и *флоты́*), *шторм* (*што́рмы* и *шторма́*); в) в связи с вариантными ударенными флексиями именит. мн.: *мехи́* и *меха́* (бурдюк).

Более значительна по объему группа слов с неодносложной основой и флексией *-а(я)* в именит. пад. мн. ч. Сюда включаются: а) слова с ударением на первом слоге в исходной форме: *адрес, берег, боров* 'часть дымохода', *буер, буфер, веер, вензель, вертел, вечер, голос, город, доктор, желоб, жернов, закром, катер, кивер, кливер, колоб, колокол, корпус* 'здание', 'войсковое подразделение' и др., *купол, кучер, лагерь* (военный, пионерский), *леер, мастер, невод, номер, образ* 'икона', *окорок, округ, орден* 'знак отличия', *остров, откуп, отпуск, отруб* 'участок земли', *парус, паспорт, перепел, повар, погреб, поезд, пояс, провод, пропуск* 'документ', *сторож, терем, тетерев, торбас, тормоз* (в прямом значении), *хутор, череп, шафер, шенкель, шомпол, юнкер* 'воспитанник военного училища', *якорь;* б) следующие слова с ударением на срединном слоге: *директор, кондуктор* 'работник транспорта', *профессор, учитель* 'преподаватель', *полуостров.*

Большое число слов испытывает колебания в ударении, связанные: а) с равной возможностью акцентирования слов — по типу *с* и по типу *а*: *адрес* 'приветствие юбиляру', *бункер, вахтер* 'содержатель судового имущества', *вексель, ворох, дупель, жерех, инспектор, инструктор, клипер, кливер, колоб, короб, корректор, крейсер, крендель, кузов, лихтер, невод, овод, омут, ордер* (в архитектуре), *пекарь, пойнтер, прожектор, пудель, сектор, сеттер, скутер, слесарь, стапель, тенор, токарь, трактор, трензель, трюфель, флюгер, шкипер, штуцер, ястреб;* б) с применением акцентовки типа *с* только как допустимого варианта: *глиссер, договор* (при ударении на первом слоге в исходной форме), *джемпер, полюс, примус, рапорт, рупор, сейнер, свитер, табель;* в) с применением акцентовки по типу *а* как имеющей тенденцию к выходу из употребления, но еще достаточно известной (помета "допустимое" относится к формам именит. мн. на *-ы(-и)* и ударению на основе в других формах): *егерь, китель, фельдшер, флигель, штабель, штемпель, шулер;* г) с достаточной еще известностью, но устареванием акцентовки по типу *с* у ряда выходящих из употребления слов (применяется помета "допустимое устаревающее"): *асессор, дьякон, лекарь, писарь, пристав*[14].

[14] Подобная разнесенность по группам приведенных слов в какой-то степени, возможно, условна и, может быть, нуждается в некоторой корректировке, но сама магистральная линия на усиление акцентного типа *с*, на вовлечение в литературно-нормированную речь вариантов "разговорных" и даже специальных очевидна. [Орфоэп. сл. 1983] вводит в этот круг достаточно большое число форм, оцениваемых в [Грамматика-80] как "разговорные" (*договора, примуса, рупора, слесаря, табеля, токаря*) или "специальные": *лихтера, сейнера, штуцера.*

Другим продуктивным акцентным типом в кругу имен существительных м.р., с которым связано активное движение лексем и который поэтому тоже нуждается в представлении его нормативного фона, является акцентный тип *b*. Состав непроизводных (односложных) слов (основная "арена" акцентного взаимодействия), относящихся к этому акцентному типу, разнороден. Это славянские окситона (*боб, бык, вождь*), слова исконной баритонированной акцентной парадигмы (*аз, жук, перст*), многочисленные заимствования.

Кипарский исходил из предположения, что заимствования из германских языков, польского, финского и других получали сначала (речь идет о литературном языке нового времени) ударение на основе (по Кипарскому, I тип ударения), в заимствованиях из тюркского преобладало флективное ударение (по Кипарскому, IV тип) [Кипарский 1950]. С течением времени ударение многих заимствованных слов менялось в направлении от наоснóвного к флективному. По данным Кипарского, список слов, изменивших ударение таким образом (от типа I к типу IV, в некоторых случаях через типы II и III), включает более 80 единиц [Кипарский 1950, 61—82]. Логика акцентных изменений, касающихся группы односложных имен существительных, современная их акцентуация во многом прояснены А.А. Зализняком [Зализняк 1977]. Основным фактором, определяющим данный тип акцентуации, является семантический фактор.

К продуктивному типу нетривиального склонения со схемой ударения *b*, по Зализняку, принадлежат следующие семантические группы: названия материальных предметов, точнее — названия исчисляемых неодушевленных материальных предметов, обладающих отдельностью и ясными пространственными границами; названия животных; названия лиц по занятию и оценочные (имена, "сильно склонные к *b*"), названия гор, груд, сооружений; названия отверстий, шахт; названия фигур, начертательных знаков, монет (имена, "умеренно склонные к *b*") [Там же, 109—114].

По этим линиям (роль играет также морфонологический фактор и фактор прагматический) идет акцентное движение лексем в современном языке.

В современном языке ударение типа *b* как нормативное характеризует следующие существительные с односложной основой: *аз, бинт, бич, блин, блинт, боб, бобр, болт, борщ, буж, бунт* 'связка, кипа', *бык, винт* 'металлический стержень', *вождь, вол, волхв, враг, врач, вред, герб, глист, горб, грач, грех, гриб, грош, гуж, гурт* 'стадо', *двор, дождь, дрозд, еж, ерш, жгут, жук, зонт, кит, клещ, клест, клок* (при именит. мн. *клоки*), *клоп, клык, ключ, кнут, ковш, кол* 'школьная отметка', *корж, кот, кремль, крест, крот, крюк, ксёндз, куль, куст, ларь, лещ, линь, лист* (*бумаги* и др.), *луч, меч, морж, мяч, нож, ноль, одр, паж, перст, пест, пласт, плащ, плод, плот, плющ, полк, поп, пост, прут* 'металлический стержень', *прыщ, пуп, пыж, раб, рубль, руль, свищ, серп, сиг, скирд, скит, скот, слон, сноп, сом, ствол, стих* (поэтич.), *стол, столб, столп, стриж, суд, сук* (при форме именит. мн. *сукú*), *труд,*

туз, тюк, тяж, уж, ум, ферзь, хвост, хвощ, хлыст, хлыщ, холм, хорь, хрущ, хряк, хрящ, царь, цеп, челн, чиж, шар (в бильярдной игре), *шест, шип, шлык, шмель, шнур, шпик* 'сыщик', *шплинт, шпунт, штифт, штрих, штык, штырь, шурп, шурф, шут, щит, шур, язь.*

Кроме того, сюда принадлежат все слова с односложной основой и беглой гласной: *лед, сон, пень, день;* некоторые имена собственные: *Петр, Днепр, Днестр.*

Многие слова испытывают колебания в ударении. Колебания связаны с тем, что: а) не полностью утрачен более старый тип ударения *a*: винт 'игра', *вьюк, смерч, спец* (тип *a,* устар.), *туз* 'легкая шлюпка', *шурф;* б) употребительны тип *c* и *b*: *альт, кий, мост, пим, пруд;* в) не полностью утрачен более старый тип *b* при тенденции (обратной) его утраты: *дьяк, жмых, кряж, плут.*

Что касается имен неодносложных, то передвижение в акцентный тип *b* характеризует, как уже сказано, только некоторые разряды заимствованных слов с определенными финалями: *-ак, -ун, -ык* и др. Особенно многочисленны такие переходы среди заимствований на *-аж.*

В отдельных случаях ударение типа *b* отмечено в подобных словах как особенность разговорной или профессиональной речи (см. далее).

Имена существительные женского рода на -ь

В этой группе имен исторически развивалось, как было отмечено, два рода акцентных процессов — касающихся форм ед. и форм мн. числа.

Более активными и результативными были процессы, проходящие в формах мн. ч. Они вели, начиная с древнерусской эпохи, к закрепленности флективного ударения в формах мн. ч. в именах бывшей подвижности и окситонированной парадигмы. Устойчивость флективного ударения в формах мн. ч. определялась в значительной степени морфологическими процессами — закреплением окончаний *-ам, -ами, -ах.* Все это вело к выравненности ударения (флективного) во всех формах мн. ч. Форма же именит. мн. оставалась вне этой выравненности.

Данное обстоятельство послужило причиной развития двух типов акцентных изменений в именах ж.р. на -ь: здесь продолжала оставаться продуктивной подвижность, и в процессе развития литературного языка подвижный тип (*e*) присоединил к себе ряд лексем, но наблюдался и некоторый "отток" слов, в связи с тем, что в них развивалось наоснóвное ударение в формах мн. ч.

Обе тенденции действуют и в современном языке, обусловливая появление соответствующих колебаний.

В современном языке подвижность типа *e* характеризует следующие слова: а) существительные с односложной основой: *бровь, весть, ветвь, вещь, власть, горсть, дверь, десть, дробь* (матем.), *жердь, зыбь, кисть, клеть, кость, масть, мать, мышь, ночь, ость, печь, плеть, речь, роль, сельдь, сеть, скорбь, сласть, смерть,*

снасть, соль, степь, страсть, тень 'темное отражение предмета', *треть, трость, цепь, часть, шерсть, щель;* б) существительные с неодносложной основой и ударением на первом слоге: *волость, должность, крепость* 'укрепленный пункт', *лошадь, мелочь, новость, область, отрасль, очередь, плоскость* 'плоская поверхность', *площадь, повесть, полость, пропасть, сволочь, скатерть, скорость, степень, стерлядь, церковь, четверть, щелочь;* в) слово *ступень* (с ударением не на первом слоге) при употреблении в переносном значении 'степень развития'.

Ряд слов имеет колеблющееся ударение типа *е* и *а*: *пядь* (но устойчиво в выражении *семи пядéй во лбу*), *а* и *е*: *гроздь;* среди неодносложных: *ведомость — е* и *а*; также: *лопасть, подать, пристань, челюсть.*

За пределами круга нормированных вариантов колеблющихся ударений значительно больше. Они свидетельствуют о более широком распространении подвижности типа *е* и о включении в этот ряд формы именит. мн. (т.е. развитии подвижности типа *с*) путем "заимствования" ударенной флексии *-а.* Все подобные факты находятся вне сферы литературного языка. Они характеризуют просторечие, диалектную речь.

В дальнейшем, оставаясь в кругу рассмотренных разрядов слов, покажем особенности действия выявленных акцентных тенденций в сфере разговорной и специальной речи.

Ударение в разговорной речи и просторечии

В научной литературе, посвященной исследованию разговорной речи, отмечена как характерная черта системы РР, сравнительно с системой КЛЯ, большая степень ее регулярности, отсутствие ограничений узуального и лексического характера в построении единиц разных уровней и реализации различных грамматических значений [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981, 27].

Названная черта системы РР определяет и особенности ударения.

Высокий уровень реализации продуктивных акцентных типов в разговорной речи является причиной существования акцентных вариантов, которые условно можно назвать перспективными, в количестве, всегда превышающем число вариантов нормированных. Нормативные словари и справочники, создаваемые в тот или иной период, стремясь отразить изменения в ударении и точнее установить нормы, какую-то часть вариантов нормализуют (в соответствии с принятыми принципами), но разрыв между зафиксированными нормами и реальной практикой литературно говорящих людей всегда остается[15] [Там же].

В то же время в разговорной речи сохраняют в какой-то степени употребительность и некоторые устаревшие ударения, которые

[15] Нормализаторы ориентируются на речь так называемых авторитетных носителей литературного языка, и это справедливо, если норму рассматривать как языковое явление, нуждающееся в известной стабильности.

по ряду причин уже не принимаются литературной нормой в качестве образцового произношения. Часто подобные ударения известны только в составе устойчивых сочетаний (пословиц, поговорок, присловий и др.), преимущественная сфера употребления которых — непринужденная разговорная речь.

Все это обусловливает более широкий в целом диапазон акцентной вариативности в разговорной речи.

Рассмотрим с этой точки зрения конкретный материал (в том порядке, как он анализировался в предшествующем разделе).

Имена существительные женского рода на -а

Отступления от ударений, зафиксированных в нормативных словарях и справочниках, в этой группе слов связаны главным образом с более широким распространением продуктивного акцентного типа *d*.

Как было показано, процесс переакцентовки слов, ударение которых вообще подвержено трансформации (класс славянских окситонов и имена на *-а* с традиционной подвижностью), дошел уже до своего предела. Вне сферы распространения акцентного типа *d* остались слова, представляющие "заповедную зону": слова, обозначающие части тела, называющие некоторые природные явления, отдельные слова, отличающиеся теми или иными особенностями строения основы.

Эти слова и вовлекаются в сферу действия акцентного типа *d*. Можно напомнить, что в словаре [Рус. лит. произн. 1959] давалась помета "не" к ударению на основе в формах мн. ч.: *не до́скам, ско́бам, стро́кам, стро́фам* и др., широко известным в речевой практике (это и заставляло вводить пометы). Позднее эти и подобные ударения, закономерно возникающие и стилистически никак не окрашенные, нормализуются ([Орфоэп. сл. 1983] "узаконил" много таких перемен). "Линию обороны" в этом плане сейчас составляют неодносложные имена *борона, полоса, борозда, слобода, сковорода, железа, простыня,* где наосно́вные ударения *бо́ронам, бо́роздам, сло́бодам, ско́вородам, же́лезам, по́лосам, про́стыням* не допускаются по-прежнему. В разговорной речи же они очень распространены. Показательно, что [Орфоэп. 1983] такие ударения приводит с " мягкой" запретительной пометой "не рекомендуется" (о содержании ее говорилось выше). За пределами литературной речи остается при этом употребление ударений типа *щёкам, щёками* ("заповедная зона"), *све́чам, све́чами* (структура основы) и др. С другой стороны, сохраняют употребление не вполне забытые старые флективные ударения в формах мн. ч.: *изба́м, скала́м, снеха́м* и др. В большинстве своем они входят в состав устойчивых речений: *какими судьба́ми, всем сестрам по серьга́м, поговорить по душа́м;* также: *выстирать в стольких-то вода́х, жить в стольких-то верста́х.*

Несколько сложней обстоит дело с оценкой ударения формы вин. пад. Круг слов, сохраняющих ударение на основе в этой форме, узок и достаточно хорошо определился в процессе развития литературного языка.

За пределами литературного языка процесс переакцентовки этой формы идет дальше. Флективное ударение распространяется на слова *гора* (*горý*), *пора* (*порý*), *цена* (*ценý*), *сторона* (*сторонý*), *стена* (*стенý*), а также круг слов, представляющих собой ту самую "заповедную зону", о которой говорилось: *спина* (*спинý*), *рука* (*рукý*), *голова* (*головý*), *нога* (*ногý*), *вода* (*водý*).

Вместе с тем за пределами же литературного языка продолжают сохранять употребительность некоторые старые, бывшие некогда нормативными, ударения на основе. Уходя из литературного языка, наоснóвные ударения в вин. ед. продолжают употребляться в просторечии, что определяет возможность "рецидива" этого ударения в литературном языке — разговорной речи. Таковы ударения *зóлу, рóсу, нóру, вёсну, сéмью*, которые встречаются в речи литературно говорящих людей[16].

Ударение на основе в форме вин. ед., при всей его, казалось бы, грамматической бесперспективности, имеет некоторую тенденцию распространяться на слова, не принадлежавшие к подвижному типу. Явление характерно скорее для просторечия: *скóбу, мéжу* и др. (Исключение — ударение *трáву*, имеющее, видимо, шансы войти в литературный язык).

Несколько шире в разговорной речи и круг слов, имеющих тенденцию к изменению закономерного для них флективного ударения (тип *b*) и переходу к ударению типа *d*. Кроме слов, где эти изменения уже узаконены (см. выше), можно назвать еще ряд: *кишка* (отмечено, и даже в стихах, ударение *кúшки*), *сума* (отмечено ударение *сýмы*, тоже в стихах), *кайма* (*кóймы*), *кобура* (*кобýры*).

Имена существительные мужского рода

В этом круге слов отступления от ударений, зафиксированных в качестве нормативных в словарях, связаны, что очевидно из сказанного выше, с двумя активными тенденциями: распространением ударения типа *c* и распространением ударения типа *b*. Первая тенденция преобладает: "...флексионное ударение, — отмечает А.А. Зализняк, — появляется во множественном числе некоторого слова легче и быстрее, чем в единственном (по всей вероятности потому, что в словоформах мн. числа оно вообще встречается вдвое чаще, будучи общей приметой слов нетривиального склонения, тогда как флексионное ударение в ед. числе есть прúмета только половины таких слов" [Зализняк 1977, 109].

Рассмотрим отдельно конкретный материал, характеризующий особенности ударения в группе односложных имен существительных и имен существительных с неодносложной основой.

[16] А.С. Афанасьева [Афанасьева 1968] показывает, что в городском просторечии существительных с "перемещенным" ударением больше, чем в литературном языке. Причину более устойчивого сохранения архаических форм автор видит в возможности использования ударения в лексико-семантических целях. Более широкое использование двух типов ударения в лексико-семантических целях является, по мнению Афанасьевой, вообще спецификой просторечия.

"Из односложных слов, достаточно употребительных (в обоих числах) в обычной разговорной речи, — пишет Зализняк, — к тривиальному склонению относится по литературной норме лишь несколько десятков... Однако за рамками литературной нормы более чем у половины слов этой группы обнаруживается нетривиальное ударение" [Зализняк 1977, 94].

Воспользовавшись намеченными Зализняком семантическими группами (семантический фактор, как отмечалось, является ведущим среди факторов, определяющих закономерности акцентуации односложных существительных м.р.), попытаемся выявить линии распространения ударения типа *c*, т.е. линии отступлений от нормативно закрепленных ударений.

Среди семантических групп, условно обозначаемых Зализняком как "сильно склонные к *c*", или "умеренно склонные к *c*" названы обозначения нерасчлененных однородных масс (а также деревьев), названия абстрактных понятий, пространств, поверхностей, направлений; названия коллективов, оград, четко ограниченных территорий, помещений, больших вместилищ; термины родства.

Среди имен существительных, входящих в эти семантические группы, с ударением типа *c*, представляющим отступление от нормативного ударения, в разговорной речи известны прежде всего разного рода профессионализмы (речь идет о хорошо усвоенных и употребительных в бытовой речи профессионализмах): *торт—торты́* (или *торта́*), *рост—роста́*, *шум—шумы́*, *грипп—гриппы́*, *тиф—тифы́*: *трюм—трюма́*, *шлюз—шлюзы́* и др.

В просторечии число слов, усвоивших тип *c*, значительно больше: *сок—сока́*, *кекс—кекса́*, *крем—крема́*, *вид—виды́*, *плюс—плюсы́* 'преимущество', *твист—твисты́*, *тост—тосты́* (или *тоста́*), *трюк—трюки́*, *штраф—штрафы́*; *клуб—клубы́* 'учреждение', *тир—тиры́*, *лифт—лифты́*, *склад—склады́*.

Ударение типа *c* распространяется на некоторые отдельные слова, не связанные с профессиональным употреблением: *бант—банты́*, *шарф—шарфы́*, *жбан—жбаны́*, *штиль—штили́*, *кран—краны́*, *сквер—скверы́*, *флаг—флаги́*. Замкнутая группа слов, обозначающая термины родства, обнаруживает, как об этом пишет Зализняк, тенденцию к переходу целиком в акцентный тип *c*. Наряду с узаконенными *муж—мужья́*, *сын—сыновья́*, *зять—зятья́*, *кум—кумовья́* в нелитературной речи ударение типа *c* приобретают дед—деды́, *сват—сваты́*, *брат—браты́* (или *братья́*).

В кругу имен существительных с неодносложной основой переход к акцентному типу *c* имеет еще более широкое распространение. Поскольку в этом случае возможна только форма на *-а(-я)* в именит. мн., то она и выступает как примета такого перехода.

Существует много работ (в частности [Фидровская 1961, Иванова 1967] и др.), где отмечены многочисленные случаи так называемого "живого употребления" форм на *-а*. Преимущественно эти "употребления" характеризуют нелитературные сферы речи: просторечие, профессиональное просторечие, жаргоны.

Однако определенная их часть включается и в литературную разговорную речь.

При всей кажущейся свободе употребления форм на *-а* разговорная речь, как можно видеть, обладает достаточно четкими в этом отношении правилами.

Среди форм на *-а*, известных в разговорной речи, но не зафиксированных в качестве литературной нормы словарями, значительное место занимает, как и в группе слов, рассмотренных выше, усвоенная лексика профессионального характера. Это некоторые хорошо известные термины, наименования различного рода механизмов, приборов и т.д. (как правило, они даются и словарями как профессионализмы): *кла́пан—клапана́, пли́нтус—плинтуса́, рефле́ктор—рефлектора́, юпи́тер—юпитера́* 'род рефлектора' и др. Сюда же относятся наименования лиц по профессии, занятиям: *ми́чман—мичмана́, шофер—шофера́.*

По этим линиям идет и постепенная нормализация укрепившихся в употреблении форм (ср. принятые в качестве общелитературной современной нормы, а в основе своей профессионализмы: *буера́, бункера́, дизеля́, лихтера́; шницель—шницеля́, соус—соуса́* и др.).

В сравнительно редких случаях формы на *-а* распространяются на слова бытового характера: *джемпер—джемпера́, свитер—свитера́* (приняты в качестве допустимого варианта литературной нормы).

Просторечие, в отличие от литературной разговорной речи, характеризуется неограниченным распространением форм на *-а* [Городское просторечие 1984, 9]. Здесь шире и последовательней охватываются уже упомянутые семантические группы, в частности наименования лиц, куда включаются *инженер* (*инженера́*), *офицер* (*офицера́*), *актер* (*актера́*), *гример* (*гримера́*), *агент* (*агента́*), *диктор* (*диктора́*), *библиотекарь* (*библиотекаря́*) и даже наименования лиц, не связанные с их занятиями: *автор* (*автора́*), *барин* (*барина́*); но само выделение подобных групп проблематично. Формы на *-а* образуются от имен существительных самой разной семантики: *выбора́, выговора́, вызова́; беркута́, кочета́, кречета́, вальдшнепа́; ангела́, дьявола́* и др.

Здесь можно отметить неограниченное распространение этой модели в бытовой лексике: *термоса́, лацкана́, портфеля́, бюстгальтера́, арбуза́* и др.

Особенностью просторечия является не только снятие семантических ограничений на образование форм на *-а*, но и отказ от ограничений морфонологических. До сих пор, как отмечалось, морфонологическим запретом на образование форм на *-а* было ударение на конечном слоге. В просторечии это ограничение полностью снимается: *автомобиль—автомобиля́, актер—актера́, бурав—бурава́* и др. Формы на *-а* образуют и многосложные слова: *библиотекаря́.*

Ударение типа *b* свойственно преимущественно (как уже было сказано со ссылкой на А.А. Зализняка) односложным именам существительным, при этом — именам определенной семантики. Это названия исчисляемых неодушевленных материальных предметов, названия животных, названия лиц по занятию и оценочные (имена, "сильно

склонные к *b*"), названия гор, груд, сооружений, отверстий, шахт, фигур, начертательных знаков, монет (имена, "умеренно склонные к *b*").

По названным линиям идет и дальнейшее распространение ударения типа *b*, при этом существенную роль играет и фактор морфонологический: финальная часть основы [Зализняк 1977, 98—99].

Те ударения, которые известны в разговорной речи и которые являются отступлением от нормативно закрепленных вариантов, представляют собой в большинстве случаев акцентные варианты, идущие из профессиональных языковых сфер. Будучи заимствованы из речи профессионалов, многие подобные ударения получают и более широкую известность. В этом плане могли бы быть упомянуты: *рант—рантá, шприц—шприцá* (ударение зафиксировано словарями как "профессиональное"), а также: *пульт—пультá, шлиц—шлицá, зонд—зондá, киль—киля́;* в группе названий фигур, начертательных знаков (в частности, букв, цифр), монет — названия таких букв, как *икс—иксá, хер—херá, ер—ерá, юс—юса*[17].

Распространение ударения типа *b* в значительной степени касается и слов общеупотребительных. По характеристике словарей, однако, все подобные факты относятся к сфере просторечия.

В первой из вышеприведенных групп (названия исчисляемых неодушевленных материальных предметов) следует отметить слова: *бант—бантá, брус—брусá, шарф—шарфá, шпиль—шпиля́; шар—шарá;* в группе названий животных: *мул—мулá, спрут—спрутá;* в группе названий лиц по занятию и оценочных имен — жаргонные новообразования *хип—хипá, битл—битлá;* в группе наименований карт и фигур (примыкающей к названной группе) — просторечные и арготические *пант* 'валет' — *пантá, кинг* — 'король' — *кингá.*

В зоне распространения флективного ударения на формы ед. ч. оказываются некоторые слова с литературным ударением типа *e*: *волк—волкá, гусь—гуся́, лось—лося́.* Распространяется оно и на слово *вор*: *ворá.* Все эти ударения (кроме *гусь—гуся́*) рассматриваются как нелитературные.

Среди имен существительных с неодносложной основой склонность к ударению типа *b* последовательно обнаруживают, как было отмечено выше, имена на *-аж.* В распространении флективного ударения в разговорной речи здесь существенную роль играют специальные языковые сферы. Ведь слова на *-аж* — это преимущественно термины, принадлежащие той или иной специальной области. Акцентные преобразования происходят в этих специальных сферах, а из них новые ударения проникают в общелитературный язык, сначала на правах профессионализмов, а затем общепринятых ударений. Ср. ставшие уже нормативными ударения *вольтажá, виражá, монтажá* и т.п.

В числе профессионализмов, широкоизвестных и широко употребительных, можно назвать: *массаж—массажá, дренаж—дренажá,*

[17] "В более литературном варианте, — отмечает Зализняк, — здесь выступает „компромиссная" схема *c*, в подчеркнуто литературном — *a*" [Зализняк 1977, 114].

дубляж—дубляжá с более узкой сферой употребления. Некоторые слова ограничений не имеют: *инструктаж—инструктажá, километраж—километражá, арбитраж—арбитражá.*

Что касается имен существительных с другими финалями, то речь здесь идет только об отдельных случаях смещения ударения, при этом все такие факты находятся за пределами литературной нормы: *бамбук—бамбукá, фазан—фазанá, урюк—урюкá, кумыс—кумысá, якут—якутá, арык—арыкá* и др.

Имена существительные среднего рода

Как было отмечено, акцентные преобразования в кругу имен существительных ср. р. завершились рано. Позднейшие изменения касаются только отдельных слов. В большинстве случаев при этом речь идет о развитии подвижности типа *с.*

В целом круг имен существительных ср. р. с подвижностью типа *с* в литературном языке сравнительно мал, однако за пределами литературного языка состав слов с ударением этого типа шире, что свидетельствует о развитии подвижности в кругу имен ср. р. как тенденции достаточно живой. Прежде всего это относится к специальным речевым сферам, где акцентуация типа *с* сопровождает образование форм мн. ч., например, при необходимости сторазличения (см. далее). Эти формы известны и в разговорной речи: *маслá* (технические). С профессиональной речью связано широко известное ударение *блюдá* в значении 'кушанье в обеде, завтраке, ужине'.

Не связаны с профессиональным употреблением, а представляют особенность просторечия такие ударения, как *благá* (от *благо*), *средствá* (от *средство*), *болотá* (от *болото*), *заревá* (от *зарево*), *брюхá* (от *брюхо*)[18].

Как черту просторечную следует рассматривать и ударение *деревá*, в прошлом бывшее нормативным. Традиция его употребления сохранилась в поэтической речи (см. далее).

Имена существительных женского рода на -ь

Круг имен существительных ж.р. на *-ь* с подвижным ударением мал, однако существует тенденция к некоторому расширению его[19].

В начале нашего века (по данным СУ) к подвижности пришли и были нормализованы слова *лопасть, мелочь, очередь, плоскость, повесть, полость, пристань, скорость, челюсть, щель;* позднее — *ступень* 'уровень в развитии чего-либо', *отрасль* 'отдельная об-

[18] Здесь существует, видимо, прямая связь с диалектной речью. Во всяком случае, перечень слов такого рода с рассматриваемым типом ударения, приведенным С.П. Обнорским, включает *болотá, средствá,* наряду с *житá, плесá, просá, пойлá* и др. [Обнорский 1931, 996].

[19] Как отмечалось, это не единственное направление в изменении акцентуации имен на *-ь*: для ряда имен характерен, напротив, отход от подвижности, выравнивание ударения по именит. падежу. Эти изменения здесь специально не рассматриваются как менее актуальные. Потеря подвижности свойственна в большинстве случаев именам, теряющим употребительность: *пядь, подать, стерлядь* и др.

ласть деятельности. науки, производства'. Как видно, большинство из этих слов принадлежит специальным сферам (*лопасть, плоскость, полость, скорость, отрасль*), часть — общелитературной лексике (*мелочь, очередь, повесть, челюсть, щель*). Тенденция к подвижности свойственна, таким образом, и специальной и бытовой речи, распространяясь, как и во всех других случаях, на слова наиболее в данной сфере освоенные.

Эти линии акцентного развития прослеживаются и в дальнейшем. В настоящее время в специальных сферах к подвижности примыкает слово *боль* (*болéй* — у медиков; ударение как профессиональное отмечено в словарях), *емкость* в значении 'вместилище для жидких и сыпучих тел' (*емкостéй*), *мощность* 'производственные объекты' (*мощностéй*), *опухоль* (*опухолéй* — у медиков). Реализация подвижного ударения во всех этих случаях связана со спецификой образования самих форм мн. ч. Некоторые из подобных ударений, известных в специальных сферах, проникают в бытовую речь, например, *болéй*. Подвижное ударение продолжает распространяться и на ряд слов, не принадлежащих к специальным сферам: *подпись—подписéй, пропись—прописéй, летопись—летописéй, местность—местностéй* и др. Все эти факты находятся за пределами литературной нормы.

Речь все время шла о распространении подвижностии типа *е*. Распространение флективного ударения на форму именит. мн., т.е. использование ударенной флексии *-а* и переход к подвижности типа *с* — черта просторечия: *площадя́, очередя́, крепостя́, отмеля́, прибыля́* и др.

В литературную речь эти формы вводятся только со специальным заданием (см. следующий параграф). Формы на *-а* используются в качестве яркого стилистического средства в художественной литературе.

Ударение как средство языковой игры

Названный лингвистический феномен — языковая игра — подробно охарактеризован Е.А. Земской, М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой в книге [Русская разговорная речь 1983, гл. 4].

Речь идет о таких явлениях, когда "говорящий „играет" с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное" [Там же, 172]. Диапазон языковой игры, как показывают авторы, очень широк. Чаще всего реализуется установка на комический эффект. Языковая игра выступает как особый род комического. Она служит для того, чтобы вызвать улыбку, смех, создать шутливое настроение или ироническое отношение. Языковая игра может использоваться и как реализация эмотивной (экспрессивной) функции языка, которая имеет своей целью прямое выражение отношения говорящего к тому, о чем он говорит. В других случаях говорящий может не ставить перед собой никаких содержательных задач, но стремится усилить непринужденность общения, развлечь себя и собеседника, а для того выразиться необычно. Языковая игра может также служить для более точной и тонкой передачи мысли, для образной и выразитель-

ной передачи сообщения; она может иметь изобразительный характер — служить для имитации человека, чьи слова передает говорящий. или для наглядного изображения ситуация говорения [Там же, 173—175]. Авторами выявлены и описаны типические приемы языковой игры и те языковые средства, которые служат для них материалом. Среди таких средств называется и ударение — либо как один из способов фонетической деформации слов (перестановка ударения в слове с одного слога на другой), либо как морфологическое средство образования нелитературных (просторечных, диалектных) форм, используемых наряду с другими средствами в качестве приема речевой маски.

Наша задача заключается в том, чтобы рассмотреть возможности использования ударения как средства языковой игры подробнее. Перенос ударения как один из способов фонетической трансформации слов (одна из разновидностей балагурства) представляет собой, как это отмечено в цитированной работе, использование невероятного ударения, т.е. такого, которое реально не встречается: *на́мек, пя́тьдесят, пальтишко́, бутыло́чка, пиро́жки, тапо́чки, сапо́ги* [Там же, 179]. Подобный перенос произволен; он не основывается на каких-либо языковых тенденциях[20].

Другое дело — использование не вообще необычного, а необычного для разговорной литературной речи ударения в той или иной морфологической форме в качестве "приема речевой маски". Подобные перемещения ударения основываются на вполне определенных акцентных тенденциях, свойственных и разговорной речи, но охватывающих в данном случае иной круг слов.

Естественно, что наибольшее число игровых моментов, используемых в разговорной речи, связано с активным процессом распространения акцентного типа *с* в кругу имен существительных м.р. и употреблением именит. мн. на *-а(-я)*. Как отмечалось, в просторечии этот процесс распространен шире, охватывает значительно большее число слов и дает соответствующий материал для разговорной речи.

Формы на *-а(-я)* (а они наиболее ярки и потому выигрышны), используемые для целей языковой игры, могут представлять собой реально существующие в просторечии формы, которые вводятся как инкрустация, например, приведенная в книге форма *тостá* (*Кто же у нас тостá произносить будет?*). Чаще же это нарочитые образования форм (под просторечие, как это квалифицируется в книге), распространение их на лексемы, которые по своей семантике и стилистической окраске таких форм в данной речевой ситуации иметь не могут. Это-то и создает комический эффект: *Вы их опуса читали?; Авторá все собрались? Тогда начнем.* Как наиболее экспрессивные выступают в этих случаях формы на *-а* в кругу имен ж.р. на *-ь*, которые целиком принадлежат нелитературным сферам речи. Употребление их имеет, как правило, ироническую окраску: *Все степенÿ,*

[20] Ср. еще: — *Ты в очереди на машину? Но ведь у тебя этот прéдмет есть...* (шутливо, неодобрительно); — *Ну как твой красавéц?* (шутливо); — *Куртку видела, с такими карманáми!* (шутливо).

степеня́ теперь получают (из речи филолога; шутливо, неодобрительно).

Один из моментов языковой игры, где "материалом" служат имена собственные, описывает Н.С. Трубецкой: "Я заметил, что односложные иностранные слова (имена собственные или, реже, нарицательные) иногда проявляют тенденцию склоняться с ударением на окончании с ироническим оттенком — особенно во мн. ч. Так, фамилии наших знакомых Шмидт, Кинц, Turn мы произносим во мн. ч. Шмиты́, Кинцы́ и Турны́, но делаем это как бы "несерьезно", а в шутку или с пренебрежением" (цитируется по [Зализняк 1977, 92]).

Другой активной тенденцией, как было показано, является тенденция распространения ударения типа *b*, в частности, в кругу односложных имен существительных. Этот процесс тоже служит базой для игровых моментов, хотя и реже.

В роли таких "окрашивающих" форм могут выступать формы род. ед. *порта́, тоста́, твиста́, торта́* и др.

"Популярность" ударения типа *d* в кругу имен существительных ж.р. на *-а* определяет возможность распространения его на слова, имеющие нормативное флективное ударение: *Всё сто́тьи пишешь?* (от *статья*); *У всех теперь та́хты да софы* (от *тахта*).

Из фактов языковой игры, не связанных с действием названных активных акцентных тенденций, можно отметить употребление заимствованных слов с нелитературным ударением. Произношение *про́цент, доку́мент, мага́зин, по́ртфель, инстру́мент,* при его распространенности в просторечной и диалектной речи и полном отрицании литературной нормой, является яркой речевой краской[21]. Реестр подобных слов, однако, невелик.

Особо следует отметить случаи перемещения ударения в отдельных формах в составе экспрессивно окрашенных сочетаний. В основе, видимо, тоже лежала языковая игра. В дальнейшем эти ударения закрепились и даже создался определенный акцентный штамп. Речь идет о флективном ударении в форме род. ед. у некоторых существительных, имеющих сильную эмоциональную окраску, при отрицании: *ни черта́, ни фига́, ни хрена́* и др.

Эмоционального происхождения, по Кипарскому, и выражения *дать ему раза́, загнуть шара́* (у игроков в бильярд) с перемещенным на флексию ударением[22].

---

[21] Ср.: *...предоставил мне возможность познакомиться с нашими основными заказчиками, т.е. с теми, для которых мы должны были сочинять речи, готовить справки и документы (в нашей среде почему-то принято было произносить доку́менты (Ф. Бурлацкий.* После Сталина // Новый мир. 1988. N 10).

[22] Возможно, однако, и другое объяснение: *"Такого шара промазали"*, — сказал студент с насмешкой. Подобно всем игрокам, он склонял *шар* в родительном падеже, как живое существо, ибо ни один биллиардист не может заставить себя видеть в шаре неодушевленный предмет — так много в нем чисто женских капризов, внезапного упрямства и необъяснимого послушания" [Грамматика-80, I, 464].

Ударение в специальных речевых сферах

Нам уже приходилось отмечать [Воронцова, 1982], что никакая область терминологии и — шире — профессиональной речи не представляет особой системы акцентуации. Акцентуация терминов любой области базируется на общелитературной акцентной системе. Вместе с тем терминологии каждой области присущи и некоторые акцентные особенности — тоже в рамках реализации общелитературной акцентной системы. Эти особенности, представляющие отдельные факты или группы однородных в акцентном отношении фактов, в разных терминологических областях различны, однако все они — результат действия вполне определенных закономерностей и по этим признакам могут быть сопоставлены.

В сравнительно немногочисленных случаях особенности акцентуации слов специального употребления существуют за счет сохранения старых ударений, известных и общелитературному языку в тот или иной исторический период, но затем, в силу действия определенных закономерностей, вышедших из общелитературного употребления. Так, например, ударение *атóмный,* употребительное сейчас только в составе терминологического сочетания *атомный вес,* было общепринятым еще в начале XX в.

Известные в профессиональной речи моряков ударения *компáс* и *рапóрт* в XIX в. были общелитературными, как и употребительное у моряков же ударение *мая́к—маяка* (род. ед.)[23].

Подобного рода отступления от общелитературных акцентовок не только, как сказано, немногочисленны, но они не отличаются и устойчивостью: общелитературные акцентовки постоянно оказывают на них влияние и в конце концов постепенно преобразуют эти ударения по образцу ударения большинства слов. Так, по данным современных словарей, и в терминологическом сочетании *атомный вес* допускается ударение *áтомный;* ударения *компáс* и *рапóрт* поддерживаются намеренно, как и некоторые другие языковые элементы "флотской традиции". Многие же употребительные в профессиональной морской речи ударения уходят, как уходят они из общелитературного языка. Например, [Орфогр. мор. сл. 1973] ударение *азимýт* приводит с пометой "устаревшее" при нормативном *áзимут.* Подобную помету имеет ударение *дифферентомéтр* (при нормативном *дифферентóметр*), *гидрогрáф* (при нормативном *гидрóграф*) и некоторые другие. Старое ударение *вáхтер* (при форме мн. ч. *вахтерá—вахтерóв* и *вáхтеры—вáхтеров*) закрепляется только за значением 'содержатель судового имущества'.

Гораздо более многочисленны и интересны для рассмотрения примеры отступления от общелитературных ударений, представляющие явления новые, возникающие в результате действия общеязыковых закономерностей, но отражающие в специальных сферах

[23] Слово *маяк* в морской терминологии известно в составе большого числа сложений, так что ударение это достаточно широко известно. Ср. *авиамаяк, аэромаяк, плавмаяк, радиомаяк, светомаяк, электрорадиомаяк;* также: *маяк-ответчик, маяк-репер, маяк-отметчик, спутник-маяк,* см.: [Орфогр. мор. сл. 1973].

как бы более "продвинутый" этап развития. Проанализируем здесь в соответствии с задачами данного раздела, только те из них, которые связаны со словоизменительными формами имен существительных.

Значительное число отступлений от общелитературных акцентовок (при этом в самых различных профессиональных областях) связано с особенностями реализации в специальных сферах форм мн. ч. В научной литературе отмечалось, что в терминологии применение категории числа шире и разнообразнее, чем в кругу общеупотребительных слов [Даниленко 1977, 192—196]. Появление форм. мн. ч. связано с формированием специального значения. Например, у вещественных существительных наличие форм мн. ч. обусловлено необходимостью обозначать сорт или вид данного вещества: *масла, спирты, нефти, смолы* и т.д. Некоторые группы отвлеченных существительных в различных специальных сферах "опредмечиваются" и, приобретая предметное значение, тоже получают возможность образования форм мн. ч. Ср. *емкости, мощности* и др.

Приобретая возможность образования форм мн. ч., названные и подобные им существительные реализуют, как правило, продуктивные акцентные типы, если акцентная система представляет в данном конкретном случае возможность выбора. Имена существительные на *-а,* в том числе и суффиксальные на *-ина, -ота, -ьба,* реализуя формы мн. ч., акцентируются по продуктивному типу *d.* Все это специальная лексика: *смола—смóлы, зола—зóлы, слюда—слюды* в значении 'разновидности', *глубина—глубúны* 'расстояние от поверхности до дна или какой-нибудь точки по направлению вниз', *долгота—долгóты* 'расстояние от определенного меридиана, выражаемое в градусах', *широта—широ́ты* 'расстояние от экватора по меридиану, выражаемое в градусах', *кислота—кислóты* 'химическое соединение', *высота—высóты* 'возвышенное место' и в математике: 'отрезок прямой, соединяющий вершину геометрической фигуры с ее основанием', *частота—частóты* 'величина, выражающая число повторений чего-нибудь в единицу времени', *пустота—пустоты́* 'пустое пространство', *стрельба—стрéльбы* 'учебные занятия по стрельбе'. Ср. также: *длинноты* 'излишне растянутые места какого-нибудь произведения, текста — в филологии', *темноты* (в картине) — у художников, *полноты* (у работников обувной промышленности).

Имена существительные вещественные м. и ср. рода, получая возможность образования форм мн. ч., реализуют продуктивный акцентный тип *c* при форме именит. мн. на *-ы́(-и́)* или на *-а́(-я́): чай—чаи́* (при обозначении сортов чая), *квас—квасы́, спирт—спирты́, сахар—сахара́* (названия некоторых органических соединений), *масло—масла́* (в значении 'сорта'), *торф—торфа́.*

Имена существительные ж.р. на *-ь,* образуя в указанных условиях формы мн. ч., даже и в специальных сферах речи акцентного типа *c* не реализуют. Реализуется только акцентный тип *a,* в некоторых случаях *e*: *мощность — мóщности, мощностéй* 'производственные объекты'; *емкость — ёмкости, емкостéй* 'вместилище для жидких

и сыпучих тел'; ср. *соль — со́ли, соле́й; щелочь—ще́лочи, щелоче́й; скорость — ско́рости, скоросте́й.* Ударенная флексия *-а* в этом случае неприменима, даже и у слов специального употребления. И здесь она остается за пределами нормы. Примеры употребления ее могут иметь место в профессиональном просторечии: *скоростя́, емкостя́* и др.

Разобранные примеры представляют только одну, сравнительно небольшую группу фактов, характеризующих линии отступлений от общелитературной акцентуации в профессиональных языковых сферах.

В большинстве же случаев при сопоставлении общелитературной акцентуации и акцентуации специальной речь идет не об особом образовании форм мн. ч. и связанных с этим особенностями ударения, а о выборе типа акцентуации в формах мн. ч., равно известных и общелитературному языку и специальным языковым сферам. Конкурирующими в данном случае оказываются в целом акцентные типы *а* и *d* в кругу имен существительных ж.р. на *-а* и акцентные типа *а* и *с* в кругу имен существительных м. и ср. р. (*а* и *е* у имен существительных ж.р. на -ь). Активность конкуренции в разных этих группах слов различна. В кругу имен существительных ж.р. на *-а* степень конкуренции минимальна. Группа слов, реализующая сейчас акцентный тип *b,* как уже говорилось, малочисленна, существует, в основном, за счет заимствований (нормы акцентовки этих слов часто нарушаются, ср. ударения типа *остро́ги* — от *острога́, пиа́лы* от *пиала́, кобу́ры* от *кобура́*). Можно считать, что у слов типа *частота* при образовании формы мн. ч. практически и нет выбора ударения.

Зону особо активной конкуренции представляют имена существительные м.р. Выше уже было отмечено, что акцентный тип *с* проявляет в этом круге слов значительную продуктивность. Расширяется он в значительной степени за счет заимствований. Именно заимствованная лексика, что уже тоже приходилось отмечать, как лексика, лишенная устойчивых акцентных традиций, является активным проводником акцентных инноваций. Понятно поэтому, что разного рода терминологии, профессиональные языковые сферы, включающие много заимствованной лексики, и представляют наиболее обширную область распространения продуктивного типа *с.* Фактором, который определяет состав конкретной группы слов, усвоивших акцентный тип *с* или обнаруживающих тенденцию к его усвоению, является фактор прагматический. Понятно, что он действует в совокупности с языковыми (семантическим, морфонологическим, морфологическим) факторами, но именно он обусловливает тот в известном смысле индивидуальный набор фактов, который характеризует каждую данную профессиональную область. Покажем это на ряде примеров.

Наиболее интересна в этом плане профессиональная морская речь. Она представляет ряд последовательно проводимых отличий от общелитературной. Отличия эти зафиксированы в словарях, в частности, в [Орфогр. мор. сл. 1973]. Реализация акцентного типа *с* при флексии *-ы́(-и́)* в именит. мн. как особенность морской

речи, т.е. с пометой "морское", отмечена у слов *грунт* (*грунты́*) и *флот* (*флоты́*). У слов *мол* и *мыс* те же формы (*молы́, мысы́*) имеют нормативно сниженную помету: "морское разговорное". Большая группа слов реализует акцентный тип *c* при флексии *-а́(-я́)* в именит. мн. У части слов он тоже характеризуется пометой "морское", а у части — "морское разговорное". Помета "морское" применена, в частности, к следующим формам в кругу слов с общим предметным (точнее — неличным) значением: *брамсель—брамселя́, вымпел—вымпела́, дизель—дизеля́, карбас—карбаса́, пеленг—пеленга́, полубензель—полубензеля́, полубугель—полубугеля́, полудизель—полудизеля́, полутопсель—полутопселя́, торос—тороса́;* с личным значением: *боцман—боцмана́, лоцман—лоцмана́, мичман—мичмана́, подштурман—подштурмана́, штурман—штурмана́.* Помета "морское разговорное" отнесена к большому числу слов с разным значением: *бот — бота́, бугель — бугеля́, вектор—вектора́, выхлоп—выхлопа́, груз—груза́, клапан—клапана́, минреп—минрепа́, мушкель—мушкеля́, сейнер—сейнера́, строп—стропа́, танкер—танкера́, транспорт—транспорта́, трос—троса́, трюм—трюма́, флагман—флагмана́, шторм—шторма́.* По отношению к словам *обух* 'металлическое кольцо', *плот, род* 'разновидность', *ход* речь идет не о конкуренции типов ударения, а только о конкуренции флексии именит. мн.: общелитературное *обухи́* (от *обу́х*), мор. *обуха́;* общелитературное *роды́*, мор. и воен. *рода́;* общелитературное *ходы́* (при варианте *хо́ды*), мор. *хода́.*

Не все формы с пометой "морское" или "морское разговорное" в [Орфогр. мор. сл. 1973] принадлежат исключительно только морской речи. Есть среди них слова, употребительные и в других профессиональных сферах[24]. Показательно, что и в этих специальных речевых сферах реализуется тот же акцентный тип *c*. Например, слово *груз* с таким ударением — в речи работников авиации. Ср.: *Самолет был задуман для перевозки крупногабаритных грузо́в* (авиаконструктор Антонов, выступление по телевидению, нояб. 1977 г.). В словаре [Трудн. 1973] приведен пример употребления слова *груза́* в профессиональной речи: *Груза́ у нас самые разные. Он говорил "груза́", делая ударение на последнем слоге. Это профессионализм вроде шахтерской "до́бычи" и морского "компа́са".*

Употребление ряда слов с ударением типа *c* в разных профессиональных сферах постепенно воздействует на разговорную речь, которой, как отмечалось, свойственны те же тенденции акцентуации, и в конце концов преобразует литературную норму. Так, например, ударение *грунты́, вымпела́* [Орфоэп. сл. 1983] квалифицирует как допустимый литературный вариант. Так же представлена форма *шторма́* и многие другие.

В данной работе не ставится задача подробно охарактеризовать те или иные специальные области. Достаточно привести отдельные примеры употребления форм на *-а(-я)* из разных областей: *бойлер—*

[24] Представленная в [Орфогр. мор. сл. 1973] лексика несколько шире, чем собственно морская терминология. При формировании словника, как отмечается в предисловии, автор шел по пути отбора слов, имеющихся в языке специалистов, связанных с морским делом.

бойлерá, брашпиль—брашпилÿ, бугель—бугелÿ, буккер—буккерá, ватер—ватерá, вентиль—вентилÿ, вес—весá, винкель—винкелÿ, грядиль—грядилÿ, демпфер—демпферá, дроссель—дросселÿ, дюбель—дюбелÿ, дюкер—дюкерá, клинкер—клинкерá, компрессор—компрессорá, миксер—миксерá 'сосуд для приема жидкого чугуна', *рефлектор—рефлекторá, скрепер—скреперá, скрубер—скрубберá, стопор—стопорá, стрингер—стрингерá, тендер—тендерá, фидер—фидерá, фрезер—фрезерá, хедер—хедерá, хобот—хоботá* (у механизмов), *цоколь—цоколÿ, чизель—чизелÿ, шабер—шаберá, швеллер—швеллерá, шибер—шиберá, шкентель—шкентелÿ, шофер—шоферá, шпатель—шпателÿ, шпиндель—шпинделÿ, штекер—штекерá, штихель—штихелÿ, экер—экерá, юпитер—юпитерá.* В таком объеме данного рода профессионализмы приведены в "Орфоэпическом словаре" (кроме упомянутых уже морских профессионализмов). Конечно, это только небольшая часть фактов. К сожалению, степень разработанности вопросов профессионального ударения пока не дает возможности представить в словарях соответствующие материалы шире и дать более точную их квалификацию. В речи профессионалов той или иной области подобных фактов значительно больше. Показательно, что подобные ударения употребительны не только у людей той или иной технической профессии, но профессий самых разных. "Не стоит думать, — справедливо отмечал А.А. Зализняк, — что тенденция к нетривиальной акцентуации (для привычных слов) характерна только для речи людей, недостаточно владеющих литературным языком. Большое число профессионализмов с нетривиальной акцентуацией обнаруживается и в сфере „интеллигентных" профессий, например, в речи художников, музыкантов, артистов, искусствоведов, научных работников, издательских работников и т.д. Таковы по своему происхождению, например, словоформы *колерá, грунты́, тенорá, альты́, витражú, типажú, монтажú, профессорá, учителÿ, редакторá* и многие другие "(большая часть которых уже принята литературной нормой)". Отличие состоит лишь в том, что люди таких профессий в большей степени склонны ограничивать в своей речи эту тенденцию, сознательно стремясь к „правильности" речи" [Зализняк 1977, 92].

В различных группах односложных имен существительных Зализняком отмечены следующие случаи профессионального ударения типа *с*: в группе названий нерасчлененных однородных масс, веществ, материалов, кушаний: *гипсá, грунты́, клей, мелы́, сокá, торфá, флюсы́* 'добавка к руде', *яды́;* в группе названий абстрактных понятий (действий, состояний, событий): *бисы́, висты́, гриппы́, люфты́, пасы́, ростá, сбоú, смотры́, тифы́, штормá, шумы́;* а также результата действия: *грузá;* в группе названий оград, четко ограниченных территорий помещений, больших вместилищ: *клубы́* 'учреждение', *тиры́, лифты́, трюмá, шлюзá, прессá;* в группе названий материальных предметов: *буры́, краны́, тросá, ботá* [Там же, 103—107].

В обобщенном виде прагматический фактор определяется как противопоставление привычного и чуждого [Там же, 79]. В каждой из терминологий, в каждой из профессиональных сфер есть и, видимо, всегда будут появляться подобные "свои" слова, которые

будут усваивать отмеченный тип ударения. Ведь "тенденция к переводу привычного слова в нетривиальное склонение представляет собой, образно выражаясь, мощную „морфонологическую пружину" в языковом механизме, общую для всех носителей языка и давящую на все привычные слова определенной морфонологической структуры" [Там же, 93]. Ср.: *Увеличен выпуск бархатóв* (из выступления по радио ткачихи, февр. 1981 г.); *вихрú, вихрями* (академик АН УССР Нелепо, телепередача, сент. 1980 г.), *конструктора́* (из беседы с летчиком-испытателем вертолета МИ-26, телепередача, февр. 1982 г.); *сжигать в факела́х* (репортаж с газоперерабатывающего завода, телепередача, янв. 1980 г.); *работы по порохáм* (академик Б.Я. Зельдович, телепередача); *"Чистые шпателя"* (надпись на столе врача, поликлиника АН СССР, 1983 г.); *Соки содержат большое количество воды..., но главное, что это не просто жидкость, а клеточный сок плодов и овощей, содержащих минеральные соли, сахара, витамины, органические кислоты* (Здоровье. 1990. N 2). Приведем еще один любопытный пример не известного большинству говорящих, но "своего" в определенной сфере слова: *Вот как выглядят, например, описания сохранности икон, которые находятся в Третьяковской галерее, в научном каталоге этого собрания: ...контур головы искажен; ... древняя живопись лиц почти не сохранилась... пробела и описи складок не сохранились* (*Сергеев В.Н.* Рублев. М., 1981. С. 185).

Встает вопрос: как следует оценивать с позиций норм общелитературного языка рассмотренные (а также многие не упомянутые здесь) факты акцентуации, свойственные специальным сферам речи; какой должна быть практика их кодификации?

Материал, как показывает анализ, в этом плане различен. Например, ударения типа *кислóты, частóты,* как уже отмечалось, сомнений не вызывают. Не вызывает возражений и употребление форм на *-ы́(-и́), -а́(-я́)* (и вообще реализация ударения типа *с* у вещественных имен существительных м.р. при образовании форм мн. ч.: *спирты́, сахара́*). Ведь общелитературному языку эти формы несвойственны. Конфликта здесь нет.

Сложней обстоит дело с оценкой тех случаев, когда общелитературное ударение и специальное реально сталкиваются. Когда слова, формы известны и той и другой сфере речи. Наиболее очевидные примеры дает употребление тех же форм мн. ч. на *-а(я)* от существительных, известных прежде всего в специальных сферах речи, являющихся обозначением предметов (приборов, механизмов и т.д.) или лиц по занятиям, профессии. "Вопрос о том, — пишет Зализняк, — существует ли вообще для склонения таких слов литературная норма и если да, то должна ли она совпадать с практикой профессиональной речи, не вполне ясен" [Зализняк 1967, 226].

Заслуживает в связи с этим внимания предложение (Даниленко, Скворцов) о введении понятия "профессиональный вариант нормы". Необходимость в этом возникает в двух типичных ситуациях: 1) когда налицо вариантные средства выражения одного и того же понятия или реалии (словообразовательные, морфологические, ор-

фоэпические, орфографические); 2) когда возникают новые, нетипичные средства выражения понятий или реалий, которым нет аналогов в общелитературной номинации [Даниленко, Скворцов 1982, 16].

Введение в научный обиход понятия "профессиональный вариант нормы", на наш взгляд, весьма плодотворно. Оно позволяет точнее квалифицировать с нормативной точки зрения варианты, в том числе акцентные варианты, не впадая при этом ни в одну из крайностей: признать возможными в литературном употреблении все варианты, известные в специальных языковых сферах или считать нормативными только общелитературные варианты[25].

Конкретная реализация этого предложения сталкивается, однако, с большими трудностями, которые связаны прежде всего с тем, что мы пока плохо знаем сами особенности профессиональной речи, где есть варианты вполне устоявшиеся, принимаемые большинством говорящих, и есть примеры, которые можно рассматривать как профессиональное просторечие. По мере расширения наших знаний об особенностях профессиональной речи подобные характеристики будут уточняться.

Отражение функциональных особенностей ударения в художественной речи (на материале поэзии)

Одной из особенностей поэтического ударения можно признать широко развитую вариативность. Круг употребительных в поэтических произведениях ударений всегда значительно шире круга нормированных акцентных вариантов. При этом только очень незначительное число ударений, отмеченных в стихотворных произведениях, приходится на долю индивидуальных поэтических, специально созданных ударений[26]. В основном же представленные в поэтических

[25] Принятие такого решения в некоторых конкретных случаях могло бы вызвать возражение профессионалов. Например, моряки твердо придерживаются особых своих правил и было бы, видимо, нетактично предписывать им литературные нормы. (В статье М. и Д. Сулержицких "Морская терминология и редакторская правка" (Рус. речь. 1967. N 2) цитируется циркуляр начальника Главного морского штаба ВМФ от 16 сент. 1944, где прямо предлагается, например, писать *катера* (не писать *катеры*), писать *крейсера* (не писать *крейсеры*), писать *лоцмана, мичмана, штурмана* (не писать *лоцманы, мичманы, штурманы*)).

[26] Например, у Вл. Соловьева в одном из стихотворений употреблено ударение *по́лком*:

Лучей блестящих полк за *по́лком*
Нам шлет весенний юный день,
Но укрепляет тихомолком
Твердыню льда ночная тень.

"Воскресшему"

Автор следующим образом комментирует это ударение: "Я позволил себе изменить принятое ударение. Ошибки против духа языка тут нет, так как вполне аналогичное слово *волк* сохраняет ударение на первом слоге и в косвенных падежах. Основанием для произношения *во́лком* и *полко́м* есть единственно только usus tyrannus, и в этом случае (иначе в каком же?) вступает в свои права licentia poetica" (В. Соловьев "Неподвижно лишь солнце любви": Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. М., 1990. С. 99).

произведениях акцентные варианты — это факты, отражающие реальные языковые процессы, свойственные литературному языку в тот или иной период развития.

"Поэтический язык, как язык жанра (жанров), — писал Л.А. Булаховский, — имел в отношении ударений свою традицию, свои образцы и свои установившиеся на известных отрезках времени границы колебаний. С этим обстоятельством надо считаться, но вместе с тем и не преувеличивать его: разрыв между ударениями стихотворными и живыми — разговорного языка — в истории русского языка с середины XVIII века не был никогда особенно велик..." [Булаховский 1954, 141]. Как интересную особенность поэтического языка первой половины XIX в. Булаховский отмечает значительную вариативность ударения. Колебания в области ударения не были при этом, как он отмечает, "колебаниями, естественно встречающимися у разных поэтов, хотя бы того же самого времени: их мы находим у одних и тех же поэтов, иногда на расстоянии нескольких строк". "Мы стоим здесь, по-видимому, — продолжает Булаховский, — перед одной из тех licenti-й которые установились при молчаливом согласии ряда мастеров; с этими вольностями не боролись и полной последовательности в этой стороне языка не считали нужным требовать" [Там же, 142]. Булаховский обращает внимание также на то, что изменения, совершающиеся в ударении литературного языка, не являются победами особенностей, присущих наиболее влиятельным писателям, как не имели, по его словам, решающего значения предписания самых авторитетных грамматик. Стихотворное ударение на путях его исторического движения, считает Булаховский, "отражает прежде всего и главным образом изменения в устной речевой практике образованного слоя русского народа, воспринявшего в свою очередь то, что в этом отношении совершалось в говорах" [Булаховский 1954, 143].

Вариативность в области ударения в прошлом веке создавалась в значительной степени за счет сохранения архаических черт, связанных с церковно-книжными нормами произношения[27]. Булаховский упоминает в связи с этим такие ударения, как *беды́, семьи́, скалы́, высоты́, седины́* в именит. пад. мн. ч. имен существительных на *-а;* ударение на примете класса глаголов на *-ить*: *измени́т, пресыти́тся;* ударение на суффиксе в страдательных причастиях прош. вр.: *венча́нный, избра́нный, насыще́нный* и др.

Хорошо известно, что эти и многие другие подобные акцентовки, принятые в литературном языке XIX в., постепенно уходят и что

[27] Сохранение их вполне понятно, если учесть ориентированность образованных кругов общества, по крайней мере филологических кругов, именно на книжные произносительные нормы. Так например, в Российской грамматике А.А. Барсова (1783—1788) читаем: "... к правильному произношению слов в рассуждении ударения сверх предложенных правил и упомянутых примеров служит внимательное и твердое чтение церковных книг по силам в них изображаемым; также примечание долгих слогов в российских стихах, искусными писателями правильно сочиненных, и напоследок справка с лексиконами или словарями российскими, если в которых силы над словами напечатаны..." Цитируется по книге: [Российская грамматика А.А. Барсова 1981, с. 82].

резкий сдвиг в нормативной оценке ударения многих слов и отдельных форм приходится на 30-е гг. нашего века. Документально такие кардинальные изменения в акцентуации зафиксированы, как сказано выше, в СУ. Вели же к этому давние процессы изменения ударения, активизировавшиеся в конце прошлого — начале XX в.

Не будет, вероятно, ошибкой признать, что в современной поэзии вариативность, связанная с сохранением так называемых традиционных "книжных" ударений, очень незначительна.

Примеры употребления таких ударений редки и приходятся, как правило, на долю "старших" поэтов. Приведем некоторые из них, оставаясь в рамках определенных выше ограничений: именное словоизменительное ударение. Из имен существительных старого славянского окситонного класса, которые почти в полном составе перешли к новому типу подвижности уже к 30-м гг. нашего столетия, флективное ударение сохраняют только отдельные слова. Среди них слово *струя* (примеры даны из [Сл. трудн.]):

А у души, у северянки,
Есть и пристрастия свои:
Березы, рощицы, полянки
И речек звонкие *струи́*.

В. Рождественский

или:

Сквозь испытания,
Сквозь муки,
Сквозь ненависть врагов пройдя,
Он лечит
Раненые руки
Струя́ми теплого дождя.

Гатов

Это ударение можно характеризовать именно как особенность стихотворной речи. Здесь оно еще достаточно широко известно. Как более редкие можно отметить ударения: *тропа́ми* (Н. Коржавин), *вины́* (В. Рождественский) и некоторые другие. Естественно, что у поэтов начала XX в. подобные ударения были еще очень широко распространены. Ср. *толпы́* у Блока, *беды́* у Бальмонта, *вины́* у Клюева и т.д. Акцентуация имен на *-а,* принадлежавших к старым окситонам, как и имен с исконным подвижным ударением, в этот период еще тесно связана с традициями их акцентуации в XIX в.

[Орфоэп. сл. 1983], имевший в качестве одного из источников изучения современного ударения в нормативном аспекте поэтическую речь, дает как одну из специальных нормативных помет "в поэтической речи возможно". Эта помета отнесена к таким явлениям, которые в обычной литературной речи ненормативны: или устарели, или, напротив, не достигли "статуса нормы". Тем не менее в поэзии они достаточно частотны и не считаться с этим их особым положением в литературном языке нельзя. Из числа известных в литературной традиции, но теперь устаревших ударений такой пометой снабжены упомянутое уже ударение *струи́* (и *струя́м, струя́ми, струя́х*) — в кругу имен существи-

тельных ж.р. на *-а; ды́мы, ды́мов, то́поли, то́полей* — в кругу имен существительных м.р.; *те́ней* — в кругу имен существительных ж.р. на *-ь; деревá, деревáм* — в кругу имен существительных ср. р.[28]. В целом, однако, подобные варианты значительной роли не играют. Не они определяют сейчас объем акцентной вариативности, свойственной поэтической речи.

Что же характерно для современной поэзии в области акцентуации? Представляется, что можно говорить прежде всего о некотором уменьшении, сравнительно с прошлым веком, вариативности в области ударения. В качестве причин, вызывающих это явление, следует назвать объективное языковое развитие, ведущее к завершению некоторых акцентных процессов, завершению колебаний у больших разрядов слов (многие закономерности формируются постепенно и к настоящему времени они определились). Важную роль играют и причины экстралингвистического характера: работы по нормализации ударения, подготовка словарей, справочников, специальное обучение нормам, проводимое по разным каналам и, наконец, редакторский "надзор" за соответствующими изданиями. Если же говорить о характере самой вариативности, то особенностью ее следует признать большую степень проникновения ударений, свойственных разговорной речи, и разного рода профессионализмов. Например, слово *ветер* имеет как литературно нормированную форму именит. мн. *ве́тры*. В разговорной речи употребительна форма *ветрá*, соответствующая живым тенденциям распространения флексии *-á* в именит. мн. В поэтической речи эта форма явно преобладает. В данном конкретном случае поэтическая речь следует не за кодифицированным литературным языком, а за разговорной речью. [Орфоэп. сл. 1983] снабжает форму *ветрá* пометой "в поэтической речи возможно", и это, думается, более правильная нормативная характеристика формы, чем оценка ее как "допустимого" [Трудн. 1973] или равноправного [МАС] варианта. Формы *го́ды* и *годá* приводятся в словарях как равноправные варианты (что совершенно справедливо), в поэтических произведениях форма *годá* значительно превосходит по употребительности форму *го́ды*.

Упоминавшаяся уже форма *деревá* квалифицируется словарями как устаревшая, однако она употребительна (по данным словарей) в просторечии и сохранилась в профессиональной речи. Эта форма широко используется и в поэзии:

> Успело лето тут вступить в свои права.
> В зеленую листву оделись *деревá*...
>
> Л. Мартынов

Подобных примеров можно привести очень много, но, вероятно, важней выяснить, какую роль играют в поэзии эти и подобные им ударения: нейтральны они или вводятся со специальным заданием.

В какой мере колебания ударения изучаемого времени можно считать показателями стилистического отбора, прямых художествен-

---

[28] О фактах, не относящихся к именному словоизменительному ударению, не упоминаем.

ных установок авторов? Такой вопрос ставил Булаховский по отношению к русскому литературному языку первой половины XIX в. и считал возможным дать на него в основном отрицательный ответ, если дело не идет о резком различии жанров — реалистически-бытового, с одной стороны, и собственно поэтического — с другой. "В последнем, в духе традиционных навыков, — отмечает он, — культивируются некоторые книжные (старославянские) или архаические ударения, вроде *избра́нный, издра́нный, насыще́нный* (обыкновенно в формах, и в других отношениях носящих приметы книжности), им. вин. пад. мн. ч. *беды́, семьи́, скалы́, высоты́, седины́* и под.". "В жанре реалистическом (в басне, комедии), — пишет Булаховский, время от времени попадаются разговорные ударения вроде *пенье́, до́быча* и др., но ничего такого, что давало бы право видеть в этом отношении что-либо хотя бы приближающееся к отчетливо выраженной установке, особенно в первые десятилетия века, отметить трудно" [Булаховский 1954, 143].

Что касается приведенных примеров, то Булаховский, видимо, прав. Известно, что экспрессивный эффект обычно связан с привлечением в данный контекст языковой единицы иной речевой системы. Названные же акцентовки были обычными, нормальными для литературного языка первой половины XIX в., хотя могли использоваться и другие ударения. Так, например, ударения типа *беды́, вины́,* как отмечалось, устойчиво удерживались в поэзии (для разных слов степень этой устойчивости была разной) вплоть до начала XX в. Возможно, стихотворная речь была в этом отношении более консервативной, чем разговорная[29], но она была достаточно единой. Варианты ударения, если они и допускались, стилистической нагрузки не несли. Ср., например, у Лермонтова:

Уж проходят караваны
Через те *скалы́,*
Где носились лишь туманы
Да цари-орлы. "Спор"

... И *ска́лы* тесною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Над ним склонялись головой...
"Демон"

То же у Грибоедова в "Горе от ума":

А дамы? Сунься кто, попробуй, овладей;
Судьи́ всему, везде, над ними нет судей;

и:

А *су́дьи* кто; За древностию лет
К свободной жизни их вражда непримирима...

Число подобных примеров можно значительно увеличить и за счет именного ударения и ударения глагольного. Все они говорят о достаточно свободной замене ударений и отсутствии стилистически заданной функции.

[29] Ударения *стра́ны, се́стры* упоминаются уже в Грамматике Барсова, но как неправильные наряду с *должно́, должны́; было́, были́; множе́ственное* и др.[Российская грамматика А.А. Барсова 1981, 82].

Есть, скорее, основания (Булаховский об этом не говорит) рассматривать как "стилистически играющую" акцентуацию иного (не книжного) плана: оттянутое на предлог ударение в определенных предложно-именных сочетаниях.

Как известно, передвижение ударения на предлоги (а также союзы, частицы, числительные) представляло некогда закономерное явление для слов с подвижным ударением. В древнерусском языке круг предложно-именных сочетаний с оттянутым на предлог ударением был широким и включал имена существительные разной семантики, в том числе отвлеченные и личные: *на́ имя, за́ прокорм, на́ крик, по́ муже, на́ люди, за́ сына, на́ друга* и т.д. В литературном языке, по мере его развития, круг сочетаний с оттянутым на предлог ударением сужается, что можно связать с усилением грамматической функции ударения и тем, что в данных сочетаниях эта функция никак не выступала. В диалектах перенос ударения на предлог известен шире.

В литературном языке переход ударения на предлог связывается с живой разговорной речью, влиянием просторечия, диалектов. Востоков [1838, §184], например, характеризовал это явление именно как просторечное[30].

Поэзия первой половины XIX в., как показывает Булаховский, в этом отношении "принципиально совпадает не с книжным ударением, а с вынесенными из старины особенностями просторечия..." [Булаховский 1954, 176]. Булаховский приводит большой перечень цитат с целью показать это "пристрастие поэтов к перенесенному на предлог ударению". Приведенные Булаховским цитаты включают обширный круг слов, но в большинстве своем это повторяющиеся слова, повторяющиеся сочетания: *лоб* (*ко́ лбу, по́ лбу, на́ лоб*), *лед* (*по́ льду, ко́ льду, со́ льдом*), *дом* (*о́т дому, на́ дом*), *свет* (*по́ свету, до́ свету*) и т.д. Более широкое использование оттянутых на предлог ударений (за пределами того круга слов, где он более или менее обычен для литературного языка прошлого века) дает возможность получения определенного стилистического эффекта. Этим средством широко пользуется Мей для стилизации своих произведений "под старину", "под народность":

> Вот стоит она с ним, смотрит *на́ поле,*
> *На́ лес, на реку* смотрит так пристально
> На дорогу, бегучую под гору.
>
> "Песня про боярина..."

Ср. примеры из его перевода "Слово о полку Игореве", с авторскими ударениями: *Аль напьюсь шеломом и́з Дону; Идут о́т Дону, о́т*

---

[30] Еще раньше подобным образом характеризовал передвинутое на предлог ударение Барсов. Приводя ряд примеров, когда слова "выговариваются вместе с предыдущим или последующим словом заодно, т.е. под одним ударением", в том числе *на́ гору на́ море, за́ море*, Барсов пишет: "Но в высоком слоге приличнее выговорить *замо́ре, за-мо́рем, на-мо́ре, на-го́ру*" [Российская грамматика А.А. Барсова 1981, 81].

моря; На синем море у́ Дону и др. Подобные примеры можно найти у Некрасова[31], А.К. Толстого.

В современной поэзии названные средства не являются действующими. Отсутствует и само подобное стилистическое задание. Отбор "стилистически играющих средств" базируется здесь, можно думать, на иной основе: закрепленности тех или иных акцентовок за определенными сферами речи. Покажем это на примере использования форм именит. мн. на *-á(-я́)*. В свое время С.И. Ожегов отмечал необычайную прихотливость в использовании этой формы: "Многие слова, приобретая это окончание, в дальнейшем его не сохранили и возвращались к старому. Взамен появились новые серии слов с окончанием *-а*" [Ожегов 1955, 126]. Теперь мы знаем, что эта внешняя прихотливость определялась и определяется действием прагматического фактора, суть которого, как было сказано, в противопоставлении "привычного" и "чуждого". Флексия *-а* закрепляется за словами, освоенными (привычными) в той или иной речевой сфере: разговорной речи или профессиональной. В то же время для общелитературного языка слово может оставаться неусвоенным и для него естественней будет употребление стандартной флексии *-ы(-и)*. Включение в художественный текст, в том числе поэтический, форм на *-а*, бытующих в определенных речевых сферах, способно в данном случае нести стилистическую нагрузку. Можно сказать, что с формами на *-а* в целом связывается впечатление некоторой "раскованности" и отсюда экспрессии. Они противопоставлены в этом отношении стандартным формам на *-ы*. Показателен, как кажется, такой пример их оценки у В. Высоцкого:

Мы говорим *не што́рмы, а шторма́*, —
Слова выходят коротки и смачны.
Ветра́ — не ве́тры — сводят нас с ума,
Из палуб выкорчевывая мачты.

В. Высоцкий

Видимо, эта экспрессия, эта раскованность и объясняет широкое использование форм на *-а* в поэзии, о чем уже говорилось, особенно у слов в поэзии частотных. Ср. ту же форму *ветра́* у очень разных поэтов:

Начались декабрьские метели,
Дули беспощадные *ветра́*.
Под открытым небом, три недели,
Грелись у недолгого костра...

М. Алигер

Их жгли навылет, сквозь шинели,
Сквозь плеть и кожу, до нутра,
Семидесятой параллели
Невыносимые *ветра́*.

П. Шубин

[31] Ср. квалификацию ударения *по́ печи мечется* у Некрасова именно как средства стилизации под народно-разговорную речь в кн.: А.Д. Григорьева, Н.Н. Иванова. Язык лирики XIX в.: Пушкин. Некрасов (М., 1981. С. 275).

То же самое можно сказать об упоминавшейся уже форме *годá*, о форме *гробá*, *громá* и др.

Использование формы на *-а*, свойственной той или иной сфере профессиональной речи, в художественной речи диктуется, естественно, прежде всего необходимостью точно отразить особенности этой речи, стремлением показать "уровень компетентности", тем более, что неправильно употребленные формы могут задевать самолюбие профессионалов[32].

Формы *на -á(я́)* широко используются в художественной литературе, и, в частности, в поэзии, как характерологическое средство, указывающее на социальную и профессиональную принадлежность того или иного лица. Ср. использование формы *поршня́* в речи Андрея Соколова, шофера по профессии, в повести Шолохова "Судьба человека": — *Все это, браток, ничего бы, как-нибудь мы с ним прожили бы, да вот сердце у меня расшаталось, поршня́ надо менять...* Подобных примеров можно привести очень много и они входят в широкий ряд других акцентных средств, применяемых для тех же целей (см. также: [Ковалев 1970]).

Использование ударения как характерологического средства, как средства имитации той или иной речевой разновидности — только одна сторона рассматриваемой проблемы.

Другую сторону составляет выявление возможностей использования ударения как средства создания определенного вида экспрессии. А.А. Зализняк, анализируя действие прагматического фактора, отмечал, что в арготической, демонстративно профессиональной речи возможно нарочитое отталкивание от литературной нормы, подчеркивающее принадлежность говорящего к определенному кругу, который обладает для него престижем. "Сходный по существу эффект, — пишет он, — используют поэты: например, нетривиальное ударение *маёв* (род. мн. от *май*) у В. Маяковского как бы подчеркивает фамильярность, интимность отношений между поэтом и словом" [Зализняк 1977, 92]. Это замечание представляется верным. Подобных примеров тоже можно привести много. В этом смысле, в частности, можно трактовать и приведенный выше пример из стихотворения-песни Высоцкого "Мы говорим не што́рмы, а шторма́..."

Но демонстративное отталкивание от литературной нормы, введение разговорной (или даже просторечной) формы или "грубого" профессионализма часто используется как средство создания экспрессии негативного плана, в частности, придания тому или иному высказыванию иронической окраски. Это особенность не поэтиче-

[32] Разумеется, это требование относится не только к художественной, но и к публицистической речи. Любопытный пример находим в повести "Три возраста Окини-сан" В. Пикуля, посвященной в значительной степени морской тематике в связи с событиями русско-японской войны: *Его* (адмирала Рожественского. — В.В.) *бесило, что газеты пишут не "крейсера", а "крейсеры", фамилию же переделывают на поповский лад: не Рожественский, а Рождественский. Адмирал озлобленно ругался: — Все это наша похабная деревенщина!* (Нева. 1981. N 11. С. 11). Сам Пикуль старается точно воспроизводить морские профессионализмы: у него фигурируют не только *крейсера, катера,* но и *боцмана, мичмана, стопора, транспорта.*

ской (вообще художественной) речи как таковой, а черта общая, свойственная, как отмечалось, и разговорной речи.

Е. Стишова в статье "Нормальный фильм" (Лит. газ. 1982. 15 сент.) отмечает, что сейчас многие пользуются жаргоном, как "иронической подсветкой" разговорной речи.

Формы на *-а(-я)* хорошо выполняют роль такой "подсветки" в художественной речи. Наиболее сильным экспрессивным средством служат в этом случае формы с *-я́* от имен ж.р. на *-ь*, поскольку все подобные формы, как уже было сказано, находятся за пределами литературной нормы. Ср.:

Вздымаются бури,
моря беля,
моряк
Постоянно на вахте.
Буржуи
горстями
берут *прибыля́*
на всем —
на грузах,
на фрахте.

В. Маяковский

или:

Сашка Марков, ты — король лаборатории.
Шишка сыска, стихотворец и дитя.
Пред тобою все оторвы припортовые
Обожающе снижают *скорость́.*

Ср. в этом же плане ударение *в мебеля́х* у Маяковского:

А в Зимнем,
в мягких *мебеля́х*
с бронзовыми выкрутами,
сидят министры
в меди блях,
и пахнет
гладко выбритыми.

В. Маяковский

Не всегда возможно определить вид экспрессии, создаваемый введением той или иной нелитературной формы, выявить мотивы ее употребления[33].

[33] Вряд ли, например, можно точно сформулировать цель введения Блоком ударения *вьюга́*, как и других "сознательных неправильностей", тем более что это ударение фигурирует у него параллельно с нормативным:

И *вьюга́* пылит им в очи
Дни и ночи
Напролет...
и Разыгралась чтой-то *вьюга,*
Ой, *вьюга́,* ой, *вьюга́!*
Не видать совсем друг друга.
За четыре за шага!

("Двенадцать")

Д.Н. Шмелев, анализируя стилистическую роль введенного в художественный текст просторечного слова на примере цитаты из стихотворения Маяковского "Рассказ про то, как кума...":

Врангель прет
Отходим мы.
Врангелю удача

— отмечает,что "просторечное звучание слова может служить и для выражения прямого авторского отношения к изображаемому, сливаясь с общим экспрессивным звучанием речи" [Шмелев 1977, 96—97].

Употребление нелитературного ударения, нелитературной формы по своей стилистической роли может быть уподоблено введению такого просторечного слова.

Признавая возможность использования ударения как важного выразительного средства в художественной речи, необходимо, однако, иметь в виду, что роль эту не следует преувеличивать. Это справедливо отмечает и В.П. Ковалев, указывая на важную в этом отношении роль и других факторов звучащей речи — эмфатическое и логическое ударение, разного рода отклонения от литературной произносительной нормы и т.д. "Фонетические явления, — справедливо подчеркивает он, — только в сочетании с другими языковыми категориями — морфологическими, словообразовательными, а особенно синтаксическими и лексическими — создают художественные образы" [Ковалев 1970].

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОБОЧНОГО УДАРЕНИЯ В РАЗНЫХ ТИПАХ РЕЧИ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Вопрос о побочном (дополнительном) ударении (далее ПУ) — это малоисследованная область лингвистики. Многое все еще остается неясным как в теоретическом, так и в практическом плане. Ставя перед собой задачу сопоставить реализацию ПУ в разных типах устной речи — публичной и разговорной — выявить факторы, определяющие появление ПУ на словарном, лексическом уровне и на уровне текста, прежде всего коснемся тех аспектов существующих исследований, которые важны для нашей проблематики.

Л. Оссовски пытался рассмотреть ПУ в фонологическом плане. Остановимся на его концепции подробнее, так как некоторые ее положения вызывают возражение. Считая побочное (более слабое) ударение чисто фонетическим явлением, автор отказывает ему в фонологической значимости как в сложном слове, так и в пределах словосочетания. Как чисто фонетическое явление, на наш взгляд, может рассматриваться только ритмическое ПУ, возникающие на первых слогах в простых длинных словах и некоторых сложных,

не обусловленное морфологически и только способствующее удобству произнесения протяженных ритмических структур (*фу̀нкциона́льный, вы̀сокопоста́вленный*). Побочное же ударение в сложных словах и словосочетаниях (а именно их и анализирует Л. Оссовски), где оно, как правило, морфологизовано, см.: [Логинова 1989, 57—58], с нашей точки зрения, неправомерно считать чисто фонетическим, не имеющим фонологической значимости явлением. Во-первых, в пределах слова наличие ПУ и его отсутствие может играть смыслоразличительную роль. На наш взгляд, в словосочетаниях *чёрно-бу́рый медведь* и *черно-бу́рая лиса* наличие и отсутствие ПУ в сложном слове различает два его значения. В первом случае, с ПУ, слово *чёрно-бу́рый* означает цвет 'бурый с черным оттенком' (в свою очередь *бурый* значит здесь 'темно-коричневый с красноватым оттенком' [МАС]). Во втором же случае, без ПУ, *черно-бу́рый* имеет другое значение: *черно-бу́рая лиса* — это 'лиса с блестящим черным мехом с сединой, серебристо-черная лиса' [МАС]. Таким образом, *черно-бу́рый* здесь имеет значение 'серебристо-черный'. Во-вторых, смыслоразличительную (опознавательную) роль выполняет место ударения в слове, а не его сила или слабость, определяемые, в частности, и положением слова в синтагме. К тому же нормативное ПУ может стоять только на строго определенном месте сложного слова, так же как и любое полное словесное ударение.

Анализируя поведение ударений при переходе наречий в предлоги, Л. Оссовски сравнивает конструкции типа *бе́гали кругом до́ма* и *осмотре́лся круго́м* и приходит к выводу, что "фонологически здесь имеется оппозиция нулевое ударение: ударение" [Оссовски 1970, 145].

На наш взгляд, если рассматривать наречие *круго́м* и предлог *кругом* на фонологическом уровне, то оба они имеют свое словесное ударение на фонеме <о> и, таким образом, друг другу на фонологическом (смыслоразличительном) уровне не противопоставлены, однако они оба противопоставлены существительному в твор. пад. *кру́гом,* имеющему ударение на первом слоге.

Смыслоразличительное противопоставление наречия *круго́м* и предлога *кругом* реализуется в словосочетании, на синтаксическом уровне. На фонетическом уровне это противопоставление поддерживается фонетическими различиями главного и побочного (второстепенного) ударения, но оба эти ударения словесные (фонологические), поэтому трактовка Л. Оссовским этих ударений как словесного (фонологического) *круго́м* и побочного (нефонологического) *кругом* нам представляется неубедительной.

М. Олехнович [1979] рассматривает ПУ в связи со словообразованием. Вслед за Р.И. Аванесовым он намечает некоторый ряд словообразовательных типов, характеризующихся наличием или отсутствием ПУ, внутри сложений, аббревиатур, сращений и приставочный образований.

Самой же значительной и разносторонней теоретической разработкой данного вопроса остается небольшая по объему глава "Слова с побочным ударением" из работ [Аванесов 1958, 1974].

На наш взгляд, в ней исчерпывающе полно отмечены факторы, влияющие на появление ПУ в слове на лексическом, словарном уровне: "Наличие или отсутствие второго, побочного ударения зависит от многих обстоятельств, например, от того, является ли слово широко распространенным или редко употребляющимся; относится ли оно к общему языку или специальному; является ли оно книжным по своей стилистической окраске или нейтральным (то есть лишенным особой стилистической окраски); от того, насколько четко выделяются в смысловом отношении отдельные части сложного слова и в каких отношениях друг к другу они находятся. Вообще двух ударений — побочного и основного — можно ожидать в сложениях более новых или необычных, книжных по своему характеру или относящихся к специальному языку (науки, техники), а также в сложениях, первая часть которых имеет иноязычное происхождение... Наконец, чем дальше отстоит основное ударение от места возможного побочного ударения, тем в большей степени можно ожидать двух ударений в слове" [Аванесов 1958, 48, 52].

Таким образом, Р.И. Аванесов отметил связь ПУ с функционально-стилистическим расслоением лексики, со словообразовательной и ритмической структурой слова.

Вот эти три фактора — словообразовательный, ритмический и стилистический — определяют, на наш взгляд, наличие или отсутствие ПУ в слове на уровне словаря. В иерархии этих факторов решающим, по-видимому, является словообразовательный, так как вопрос о ПУ возникает обычно в связи с произношением сложных, сложносокращенных слов и немногочисленной группы префиксальных образований (главным образом, с приставками интернационального характера: *анти-, контр-, ультра-* и др. — и некоторыми русскими: *сверх-, меж-, около-* и др.) и совершенно не касается суффиксальных производных. Наличие или отсутствие ПУ определяется не только способом образования, но и словообразовательным типом. Стилистическая окраска каждой отдельной лексемы и удаленность возможного ПУ от основного корректируют влияние словообразовательного фактора. В этом может убедить сравнение даже произвольно взятых слов, например: *предуведомле́ние, свѐтло-си́ний, вѐтвра́ч, телефонограмма.*

Простое слово *предуведомле́ние,* книжное по своей стилистической окраске, относящееся к официально-деловому стилю речи, имеет одно (основное) ударение на пятом слоге от начала слова, хотя четырехсложный междуударный интервал превышает среднюю величину интервала, характерную для организации звуковой цепи в русском языке. В то же время сложное прилагательное *свѐтло-си́ний,* образованное способом чистого сложения с сочинительным отношением основ, имеет, кроме основного ударения на третьем слоге, еще и побочное — на первом слоге сложного слова. Таким образом, основное ударение от дополнительного отделено одним безударным слогом, тогда как ударение на третьем слоге слова типично для русского языка и наличие ПУ не вызвано требовани-

www.ruslang.ru

ями ритма. Это слово нейтрально по своей стилистической окраске. Очевидно, что наличие ПУ в нем определяется способом образования. Ведущую роль словообразовательного фактора подтверждает и сравнение слов *вѐтвра́ч* и *телефонограмма*, имеющих книжную окраску и принадлежащих к официально-деловому стилю речи, но различных в отношении ПУ. Очевидно, что ПУ в слове *вѐтвра́ч*[1], состоящем из двух ударных слогов (одно ударение основное, другое — побочное), вызвано не требованием ритма. С этой точки зрения, больше оснований иметь ПУ у слова *телефонограмма* с ударением на пятом слоге от начала слова. В основе этих различий лежит также словообразовательный фактор: *вѐтвра́ч* представляет собой аббревиатуру, а *телефонограмма* — сложное существительное со связанным опорным компонентом.

Вторую ступень иерархической лестницы признаков, определяющих наличие или отсутствие ПУ в сложных словах, занимает ритмический фактор. ПУ может отсутствовать в терминах, созданных по модели, тяготеющей к ПУ, если основное ударение падает на первый слог опорного компонента и если в слове количество предударных слогов не превышает двух или трех: *биопо́ле, радиоста́нция, зоопа́рк*. И хотя возможна утрата ПУ только у широко употребительных слов подобной модели, все же стилистическому фактору мы отводим третье место в этой иерархии. Это объясняется тем, что ПУ утрачивают не все общеупотребительные слова словообразовательного типа, тяготеющего к ПУ, а только те, которым позволяет это сделать ритмическая структура. Поэтому возможно в РР произношение без ПУ слова *телесту́дия*, но слово *тѐлепередача* сохраняет его и в этом типе речи; *зоопа́рк* произносится без ПУ, а *здомагази́н* — с побочным.

В [Грамматика-80, 254] наличие или отсутствие ПУ в сложениях связывается с некоторыми акцентологическими характеристиками слов, участвующих в словообразовании в качестве первого компонента, и в частности с акцентным типом слова: "Побочное ударение отсутствует, если компонент, предшествующий опорному, принадлежит к основам существительных или прилагательных с неподвижным ударением на флексии (акц. типов В и В/В): *кора́бль, -ю́ — кораблекруше́ние; второ́й—второго́дник; оди́н, -ого́ — однотру́бка; тепло́—теплоотда́ча*".

Это положение опровергается практикой и материалом словарей. Основы существительных и прилагательных акцентных типов В и В/В могут нести ПУ, например: *тѐплоэнерге́тика, мо̀чеотделе́ние, су̀допроизво́дство, пло̀доовощно́й* [Грам. сл. 1977, Орфоэп. сл. 1983], *тѐплоизоля́ция, пѐньковолокно́, гу̀бно-губно́й, гу̀бно-зубно́й* [Орфоэп. сл. 1983]. ПУ получают не только основы существительных, имеющих в именит. пад. ед. ч. условное ударение на флексии (*сон, плод, суд*), но и такие, которые имеют реаль-

[1] В соответствии со взглядами Р.И. Аванесова [1958, 1974], А.А. Реформатского [1967], М.В. Панова [Русский язык и советское общество 1968б], мы считаем отсутствие редукции гласных неверхнего подъема в односложном первом компоненте сложного слова или в приставке признаком ПУ.

ное ударение на флексии во всей парадигме, например, *тепло́, пенька́, моча́.* Перенос ударения на основу в этих случаях можно охарактеризовать как особенность, сопровождающую образование ряда сложений с самостоятельным словом в опорном компоненте. Сдвиг ударения объясняется тем, что в литературном языке существует запрет на дополнительную ударность соединительных гласных *о* и *е.* Исключение в этом смысле представляют только сложные слова с первыми компонентами, состоящими из согласных (гласные в этих корнях утрачиваются при словоизменении и словообразовании), например: *льнотереби́лка, лжеучёный, снотолкова́тель.* (На соединительный гласный *о* обычно падает главное и единственное словесное ударение в сложных словах со связанными опорными компонентами: *-лог,* обозначающим лицо (*эпидемио́лог*); *-граф,* обозначающим лицо или прибор (*карто́граф, спектро́граф*); *-метр,* обозначающим прибор (*баро́метр*) и др.)

Нуждается в уточнении и другое слишком общо сформулированное в [Грамматика-80, 254] положение о том, что "в сложениях с интерфиксом, омонимичным ударной флексии, побочное ударение на интерфиксе: *сорока̀ты́сячник, четырёхсте́нок, сорвиголова́, себя̀лю́бец".* Что касается сложений с интерфиксом *-и-* омонимичным ударной флексии повелительного наклонения глагола, то, как показывают словари, только два из восьми, отмеченных в грамматике, имеют ПУ: *сорвиголова́* и *перекатѝ-по́ле;* остальные существительные произносятся без ПУ в связи с благоприятствующей этому ритмической организацией слов: *скопидо́м, держимо́рда, держиде́рево, горицве́т, вертиголо́вка, вертише́йка.* В слове *сорокаты́сячник* вряд ли можно произнести компонент *сорока-* так же, как в слове *сорока̀киломе́тро́вый* или в словосочетании *около сорока́ ты́сяч* [сърака́]. Такое произношение можно квалифицировать как просторечное, литературной норме соответствует произношение [съръка]*ты́сячник.* И в этом слове наличие ПУ определяется ритмическим фактором, в данном случае — положением главного ударения в опорном компоненте, его удаленностью от вероятного побочного. Слабо воспринимается на слух ударность компонентов *пяти-, шести-, семи-, девяти-, десяти-* в связи с особенностями редукции гласных переднего ряда даже при достаточной удаленности главного ударения, более заметно ПУ в компоненте *восьми-,* где ударность *-и-* сопровождается звуком [а], а безударность — звуком [ъ] в первом слоге, резко различающимися по своему качеству ([ва]*сьмѝкиломе́тро́вый* и [въ]*сьмиле́тка*), ср.: [Аванесов 1974, 114]. Компоненты же *трёх-, четырёх-* всегда имеют ударение при любом способе образования, в любом словообразовательном типе независимо от места главного ударения. Все сказанное выше не позволяет считать очевидной взаимосвязь с ПУ отмеченных в [Грамматика-80] акцентных характеристик слов, входящих в состав первого компонента сложения.

Здесь же уместно возразить и М. Олехновичу, полагающему, что образования без интерфикса *о, е* с числительными в форме родит. или предл. пад. ед. ч. в первом компоненте, осложненные

неударяемым формантом "произносятся главным образом с побочным ударением" [Олехнович 1979, 19], так как многие приведенные им примеры не соответствуют литературной произносительной норме: *шестùпóлье, семùклáссник, восьмùстúшие, девятùлéтка, десятùбóрец, шестùмéсячный, пятùвёрстный, двùжúльный, двùкрáтный, двùхрядка.* Автор не учел ритмического и словообразовательного факторов особенностей словообразовательного типа данных сложений.

ПОБОЧНОЕ УДАРЕНИЕ В СЛОВАРЕ

Побочное ударение в сложных существительных

Основную массу сложных слов в языке составляют существительные и прилагательные, поэтому мы кратко рассмотрим вопросы ПУ на материале этих частей речи, исходя их тех словообразовательных типов и наиболее распространенных семантических подтипов в пределах типов, которые отражены в [Грамматика-80], постоянно имея в виду взаимодействие словообразовательного фактора с ритмическим и стилистическим, определяющее наличие или отсутствие ПУ на лексическом, словарном уровне. В работе мы придерживаемся традиционного понимания словообразовательного типа и словообразовательного значения, принятого в этой Грамматике [Там же, 135, 139].

Большая часть сложных существительных в языке образуется путем 1) чистого сложения, 2) суффиксально-сложным способом и 3) способом аббревиации. Внутри этих способов словообразования можно выделить определенные словообразовательные типы, характеризующиеся наибольшей и наименьшей склонностью к ПУ.

1. Способ чистого сложения с сочинительным отношением основ обычно сопровождается ПУ (*желèзобетóн, зýбробизóн*). Что касается чистого сложения с подчинительным отношением основ, то здесь наблюдается своеобразие связей с ПУ у существительных различных словообразовательных типов.

В отношении ПУ существительные-сложения значительно различаются в зависимости от характера опорного компонента. Существительные со связанным опорным компонентом обычно ПУ не имеют, независимо от их принадлежности к общеупотребительной или специальной лексике (*вулканóлог, лексикóграф, гальваноскóп, шлемофóн, океанáвт, биотрóн, библиофúл, хлеборóб* и *психопáт, телегрáмма, библиотéка, троллéйбус*), в то время как во многих типах сложных существительных с опорным компонентом, равным самостоятельному слову, ПУ ставится. В этих случаях можно проследить некоторые закономерности в постановке ПУ в зависимости от характера первого компонента. Например, усеченные и связанные основы существительных и суффиксальных прилагательных интернационального характера обычно несут ПУ: *àвтоинспéкция, пнèвмотóрмоз, бùостимуля́тор, энèргоснабжéние; гèоботáника, квàзизвездá, мùкровзрыв, лèйтмотúв, псèвдонаýка, нèйрохирýрг, фòтосúнтез.*

Склонность к ПУ имеют также основы *кино-* и *радио-*: *кѝно-передáча, рàдиоаппарáтура*. Ритмический фактор может корректировать произношение наиболее употребительных из этих образований: *биотóки, геофѝзик, автобáза, кинофѝльм, радиостáнция*.

Зависимость произношения от характера опорного компонента (а это определяется способом образования и словообразовательным типом) подтверждается тем, что те же усеченные и связанные первые компоненты, которые имеют ПУ при опорном компоненте, равном самостоятельному слову, безударны в сочетании со связанным опорным компонентом: *автомоби́ль, микрофо́н, пневмогра́мма*.

ПУ всегда имеет место, если первый компонент равен слову в форме именит. пад. существительного (*чу́до-богаты́рь, генера̀л-майо́р, ше́ф-по́вар*). Тяготеют к ПУ терминологические образования с неполногласными компонентами *младо-* и *хладо-*: *мла̀дотру́рки, мла̀дочéхи, мла̀догегелья́нцы, хла̀дотра́нспорт, хла̀докомбина́т* (но *хладобóйня*). Противоположная тенденция наблюдается у компонента *градо-*: *градоначáльник, градоправи́тель*.

Наличие или отсутствие ПУ в общеупотребительной книжной лексике во многих словообразовательных типах может зависеть от степени удаленности основного ударения от места предполагаемого побочного, т.е. произношение одного и того же первого компонента варьируется от слова к слову независимо от сферы употребления. К их числу относятся компоненты *само-, взаимо-, место-, полу-*, а также с разнообразными основами существительных, прилагательных (в том числе местоименных и счетных), числительных. Например: *самокри́тика*, но *са̀мохарактери́стика; взаимопо́мощь*, но *взаѝмовлия́ние; полукру́г*, но *по̀лупроводни́к; местожи́тельство*, но *мѐсторасположе́ние; новостро́йка, кривото́лки, нервотрёпка, однотру́бка*, но *зву̀корежиссёр, хлѐбозаво́д, двощехрани́лище*. Исключение составляет компонент *лже-*, всегда имеющий ПУ на интерфиксе *-е-*: *лжèучёный, лжèхристиáнский*.

Произношение сложений с усеченным компонентом *пол-* ‘половина’, относящихся к общеупотребительной лексике, зависит от типа речи. Имея тенденцию к ПУ в публичной речи (*по̀лго́да, по̀лми́ра, по̀лсу́ток*), эти образования в РР могут его утрачивать: [пал]*го́да*, [пал]*ми́ра*, [пал]*су́ток*.

Не связаны со сферой употребления различия в произношении сложений с первым компонентом, омонимичным форме повелительного наклонения глагола, и самостоятельным словом в опорном компоненте. Они представлены в различных стилистических пластах лексики, это и экспрессивные наименования: *сорвѝголова́, держимо́рда;* и термины: *гуля́й-го́род, вертишéйка;* и топонимы: *Гуля́й-по́ле;* и антропонимы: *Неразлèйвода́*. Наличие или отсутствие ПУ в этом словообразовательном типе определяется способом образования формы повелительного наклонения в первом компоненте. Обычно имеет ПУ компонент, омонимичный форме повелительного наклонения с нулевой флексией (*гра̀бьармия, ворýй-городóк*). Если же эта форма имеет флексию *-и*, выступающую в сложении в качестве интер-

фикса, то произношение регулируется ритмическим фактором (см. выше).

2. Среди словообразовательных типов суффиксально-сложных существительных, всегда характеризующихся подчинительным отношением основ, можно выделить такие, в которых обычно отсутствует ПУ, и такие, для которых ПУ факультативно. Таким образом, этот способ словопроизводства обладает меньшей склонностью к ПУ, чем способ чистого сложения. Причина, по-видимому, в том, что при суффиксально-сложном способе словообразования опорный компонент не может являться самостоятельным словом. Иногда он бывает омонимичен по форме самостоятельному слову (*кля̀твопресту́пник*), а в ряде случаев возможна двойственная мотивация (*во̀днолы́жник, гру̀зополуча́тель*). Именно такие сложные слова оказываются наиболее склонными к ПУ.

Сложения, которые имеют опорный компонент с односложной мотивирующей основой глагола или существительного и ударением на начальном слоге, не употребляющийся в качестве самостоятельного слова, как правило, произносятся без ПУ. Это образования с суффиксами *-ец, -к(а), -ij-, -j-, -ок, -ин(а), -ц(ы)*, а также с нулевым суффиксом: *новобра́нец, орденоно́сец, мясору́бка, пустосло́вие, многобо́рье, маломе́рок, зуботы́чина, плоскогу́бцы, самосва́л, домосе́д, косого́р, новосёл*, относящиеся к различным функциональным сферам. В сложных существительных с суффиксом *-ец* отсубстантивная основа в опорном компоненте может быть многосложной и не иметь ударения на первом слоге, тем не менее они также произносятся преимущественно без ПУ: *однофами́лец, краснодере́вец*. (Об особенностях произношения компонентов *трёх-, четырёх-*: *трёхле́ток, четырёхпо́лье* — мы уже упоминали выше)

В сложениях с суффиксами *-ник, -чик, -щик, -тель, -льщик, -лк(а), -ств(о)*, а также с суффиксами *-ij-, -j-, -nij-, -tij-* и неодносложной мотивирующей основой опорного компонента произношение варьируется от слова к слову. Существенным для наличия ПУ в сложном слове оказывается формальное совпадение опорного компонента с самостоятельным словом. Среди опорных компонентов отсубстантивного происхождения их немного (*го̀рнозаво́дчик, фальшѝвомоне́тчик, во̀днолы́жник*), поэтому в основной своей массе они не имеют ПУ: *однока́шник, остроконе́чник, старшекла́ссник, краснодере́вщик*. Однако среди образований с отглагольным опорным компонентом (нередко префиксальным) случаев формального совпадения со словом больше и картина вырисовывается более пестрая: *рукомо́йник*, но *то̀коприёмник, кля̀твопресту́пник, га̀зосва́рщик; единобо́рство, вольнодумство*, но *дѐлопроизво́дство; огнетуши́тель*, но *гру̀зополуча́тель; чистописа́ние*, но *прибо̀рострое́ние; землечерпа́лка*, но *со̀ковыжима́лка*. Наличие или отсутствие ПУ в слове внутри одного словообразовательного типа определяется ритмическим фактором, а также его стилистической окраской. По-видимому, имеет значение и тип синтаксической связи в словосочетании, на основе которого возникло сложное слово. Сложные слова, образованные на основе атрибутивных и объектных

словосочетаний, имеют разные тенденции: первые — произноситься без ПУ, вторые же допускают его в большей мере. Характер опорного компонента — отсубстантивный или отглагольный — определяет и характер первого компонента сложения.

3. Некоторые типы аббревиатур обычно имеют ПУ. Это аббревиатуры из сочетания начальной части слова с целым словом (*спѐцкýрс, рòддóм, гòсбáнк*), особенно если это целое слово представляет собой форму косвенного падежа существительного (*кòмвзвóда, зàвкáфедрой*). Лишь отдельные образования этого типа в силу их освоенности либо не имеют ПУ, например, *профсою́з, подлóдка,* либо допускают произносительные варианты: *р(ѐ)дколлéгия*[2], *к(ѐ)мпáртия.*

Как правило, варьируется произношение слоговых аббревиатур из сочетания начальных частей слова (*т(ѐ)хрéд, с(ѐ)лькóр, с(ѐ)цстрáх*). Однако и здесь часть лексем в соответствии со сложившейся традицией независимо от типа речи и привычек говорящего либо имеет ПУ: *спѐцхрáн, гòсснáб, дàльиздáт, гòскòмиздáт, сàмиздáт;* либо его не имеет: *комдúв, политрýк, горкóм.*

Многие промежуточные образования между аббревиацией и сложением обычно имеют ПУ независимо от типа речи. Они представляют собой сложение усеченного прилагательного (однако сохраняющего при этом полный корень) с существительным. Образования с нулевым интерфиксом сходны с аббревиатурами: *стрòймателиáлы, дѐтдóм, стѐнгазéта, развѐддáнные, глàвврáч.*

В аббревиатурах меньшую роль, чем в других способах образования, играет фактор удаленности основного ударения от места предполагаемого побочного: здесь нередки двухсложные образования, имеющие два ударения рядом — побочное и основное. Немаловажным оказывается, в какой сфере речи — публичной или разговорной — используется слово. В тенденции ПУ более свойственны публичной речи, чем разговорной, но на этот фактор накладывается степень освоенности слова и индивидуальные привычки говорящего.

Побочное ударение в сложных прилагательных

В произношении сложных прилагательных наблюдаются те же тенденции, что и в произношении существительных. Прилагательные, образованные способом чистого сложения с сочинительным отношением основ, как правило, имеют ПУ: *счѐтно-решáющий, нàучно-технúческий, плòдòво-я́годный.* Так же (с ПУ) произносится и подавляющее большинство сложений с подчинительным отношением основ: *длúнноволокнúстый, зàсухоустóйчивый, трýднопреодолúмый, метàллорéжущий.* Опорный компонент в таких сложениях представляет собой самостоятельно употребляющееся прилагательное или причастие.

Вместе с тем влияние связанных основ (*-образный, -геничный, -генный*) в опорном компоненте на произношение включающих их сложных прилагательных проявляется менее последовательно, чем в

[2] Надстрочным знаком (ѐ) обозначаем варианты произношения (с ПУ и без него). О фонетических признаках ПУ см. сноску 1.

существительных. Основы прилагательных или слово *много*, выступающие в качестве первого компонента в общеупотребительных лексемах, обычно не несут ПУ: *разнообра́зный, старообра́зный, единообра́зный, многообра́зный.* Если же первую часть сложения (чаще всего термина) составляют основы существительных, то произношение варьируется в зависимости от их длины. Следует обратить внимание на то, что имеет значение при этом именно многосложность первого компонента, а не расстояние между основным ударением и побочным, так как ПУ может быть удалено от основного в многосложных основах всего на два слога (*человѐкообра́зный, кристѐллообра́зный*), но при этих же условиях оно, как правило, отсутствует в односложных основах (*газообра́зный, серпообра́зный, китообра́зный*).

Связанный компонент *-генный* встречается главным образом в узкоспециальных лексемах, среди которых преобладают образования без ПУ: *гомоге́нный, патоге́нный, канцероге́нный, психоге́нный;* однако более редкие термины с неодносложным первым компонентом ПУ получают: *рефлѐксоге́нный.* В прилагательных на *-геничный* (*фо̂тогени́чный, те̂легени́чный*) ПУ факультативно, отсутствие ПУ более свойственно разговорной речи, чем публичной.

В сложных прилагательных обычно имеют ПУ не только те же, что и в существительных, усеченные и связанные первые компоненты интернационального характера (*механосбо́рочный, сѐйсмоакти́вный, псѐвдору́сский, бѝодинами́ческий, мàкромолекуля́рный*), но и некоторые специфические усеченные основы, используемые при образовании прилагательных: *удобо-, неудобо- обоюдо-, инако-*, а также компонент *свеже-* (*удо̀бочита́емый, неудо̀бопроизноси́мый, обоѝдовы́годный, ина̀комы́слящий, свѐжеско́шенный*). В то же время можно отметить три компонента *досто-, все-* и *-еже-*, не имеющие ПУ в прилагательных, обычно общеупотребительных: *достопа́мятный, достопримеча́тельный, всевозмо́жный, всеме́рный, всеви́дящий, всепоглоща́ющий, ежеме́сячный, ежего́дный.*

Под влиянием ритмического и стилистического факторов в сложных прилагательных, как и в существительных, независимо от способа образования варьируется произношение первых компонентов *само-, взаимо-, полу-, ново-, мало-*: *самопи́шущий, самовлюблённый, самобы́тный* и *са̀моопроки́дывающийся; взаимосвя́занный* и *взаѝмоисключа́ющий; полукру́глый* и *по̀луколониа́льный; новомо́дный, новогоро́дний* и *но̀вонаселённый; малогра́мотный, малоду́шный* и *ма̀лодостове́рный, малодо́йный, малогабари́тный.*

В прилагательных, образованных суффиксально-сложным способом, опорный компонент не употребляется как самостоятельное слово (за исключением случаев, допускающих двойственную мотивацию) и ПУ отсутствует. Это прилагательные с суффиксами *-н-, -енн-, -ив-, -нн-* и с опорным компонентом, содержащим односложную отглагольную основу (*центробе́жный, болезнетво́рный; мыловаренный, смолоку́ренный, салото́пенный; теплолюби́вый, слезоточи́вый, самозва́нный*), а также с суффиксами *-н-, -енн-, -евн-, -н'-, -ов-, -ив-, -лив-* и основой существительного в опорном компоненте, тоже преимуществен-

но односложной (*инородный, злокозненный, пятиднёвный, многоречивый, богобоязненный, разносторонний, словоохотливый*).

Сложные прилагательные с нулевым суффиксом и основами существительных и глаголов в опорном компоненте в большинстве своем также произносятся без ПУ: *длинноносный, широкоплечий, жестокосердый, прямоезжий, мимоходжий.* Вместе с тем в сугубо терминологической лексике в многосложном первом компоненте ПУ ставится, даже если опорный компонент как самостоятельное слово не употребляется: *метельчатоколосый, раздельнополый, вещественнозначный, волосистоплодный.*

В суффиксально-сложных прилагательных с суффиксом *-тельн-* односложный первый компонент обычно не несет ПУ (*пищеварительный, благожелательный, любознательный, домостроительный, стеклодельный*). Если же в нем два и более слогов, то ПУ ставится: *железодельный, бумагодельный, жилищностроительный, паровоздостроительный.* При этом важно не расстояние между основным и побочным ударениями, а "неоднозложность" первого компонента, его длина. С ПУ произносятся компоненты, имеющие неоднозложную основу, хотя ПУ может быть отделено от основного всего одним или двумя слогами, а односложные первые компоненты при этих же условиях ПУ не имеют.

Среди прилагательных-сращений с опорным компонентом — причастием термины обычно имеют ПУ: *аэротфиксирующий, мелсодержащий, впередсмотрящий, слаборазвитый, густонаселённый, малозначащий, вышеуказанный, нижеследующий.* В общеупотребительных словах либо ПУ отсутствует (*умалишённый, сумасшедший, дорогостоящий*), либо произношение варьируется (*долгоиграющий, многообещающий*). В сращениях с опорным прилагательным и первым компонентом — наречием ПУ обычно имеет место: *малоинтересный, малоутешительный.*

Побочное ударение в префиксальных образованиях

Некоторые приставки исконно русские и иноязычного происхождения могут иметь ПУ. Как правило, с ПУ произносятся образования с приставками *сверх-, около-, меж-, ультра-, контр-*: *сверхпрочный, околоземный, межвидовой, ультразвук, контратака.* Произношение приставок *противо-, после-, внутри-, вне-, анти-, интер-, транс-, суб-, супер-* зависит от двух факторов: от степени удаленности основного ударения от начала слова и от употребительности слова в той или иной функциональной сфере. Поэтому возможны варианты, например: *противотанковый, противоестественный,* но *противотела, противозрозийный; внутривенный,* но *внутриязыковой; внеплановый,* но *внеустановый; интернациональный,* но *интерлингвистика* (где *интер-* — усеченная основа); *послевоенный,* но *послеоперационный; антисемит,* но *антидемократический; трансмиссия,* но *трансконтинентальный.* Не произносятся с ПУ приставки в образованиях со связанными основами (*антипатия, транскрипция*) и в префиксально-суффиксальных производных (*послесловие*). Произноше-

ние приставок *де-, -ер, дез-*, помимо длины слова, определяется степенью его освоенности и членимости, а также сферой употребления. Ср. произношение таких слов как *демобилиза́ция, дезинфе́кция, реорганиза́ция, демонти́ровать* и *дѐаэра́ция, дѐнатурализа́ция, рѐмилитариза́ция, рѐзвакуа́ция, дѐзинтегра́ция*. Произношение некоторых приставок определяется их семантикой. Например, приставка *про-*, образующая существительные и прилагательные со значением 'являющийся сторонником, действующий в интересах кого- или чего-нибудь', в публичной речи имеет тенденцию к ПУ: *прѝамерика́нский, прѝфаши́стский, прѝсоциали́ст*. В то же время в этом же типе речи в словах со значением 'лицо или предмет, заменяющий то, что названо мотивирующим словом', ПУ не ставится: *проре́ктор, прокóнсул*. Можно отметить характерную для частей *архи-* и *прото-* тенденцию не иметь ПУ в словах, обозначающих старшинство в церковных званиях: *архиере́й, архидья́кон, архиепи́скоп, протоиере́й,* [прътъир']ей, *протодья́кон*. Однако более редкое слово *прѝтопресви́тер*, хотя и имеет, как и слово *протоиере́й*, главное ударение на четвертом слоге, произносится с ПУ. Тенденция к ПУ наблюдается у слов с компонентом *прото-* в значении 'первоначальный, первичный': *прѝтославя́нский, прѝтоисторѝческий, прѝтоба́лты*. Исключение составляет общеупотребительное слово *прототи́п* с характерным для русского языка ударением на третьем слоге. Произношение приставок *архи-* и *прото-* со значением 'высшая степень признака' зависит от освоенности слова и от количества слогов, отделяющих основное ударение от места возможного побочного: *àрхимиллионе́р*, но *архипла́т; прѝтокана́лья*, но *протобе́стия*.

Вместе с тем полисемия префикса не всегда определяет наличие или отсутствие ПУ в слове. Попытку развести произношение образований с приставкой *сверх-* в зависимости от ее значения делает А.А. Зализняк в "Грамматическом словаре" [1977]. Однако у него можно обнаружить противоречие: прилагательное *сверхсро́чный* в значении 'длящийся дольше положенного срока' он дает без ПУ, а *сверхсро́чный* 'крайне срочный' — с ПУ, в то же время в существительном *сверхсро́чник,* соотносящемся со *сверхсрочный* в первом значении и обозначающем 'лицо, находящееся на военной службе дольше положенного срока' [Там же, 414, 455], ПУ отмечает. Возникло это противоречие, по-видимому, потому, что противопоставлены эти образования не по наличию—отсутствию дополнительного ударения (оно присутствует в обоих случаях), а по интенсивности его выражения, которая в приставке, обозначающей 'крайнюю степень проявления чего-либо', превышает, на наш взгляд, даже интенсивность[3] главного ударения.

Выводы

Рассмотрев ПУ на лексическом, словарном уровне, т.е. при изолированном произношении слова, лишенном влияния текстовых, ситуа-

[3] Вопрос об акустических коррелятах ударения вообще и ПУ, в частности, весьма сложен, здесь имеется в виду только его проявление на перцептивном уровне.

тивных, прагматических факторов, можно сделать следующие выводы. ПУ может присутствовать только в сложных словах и некоторых четко устанавливаемых префиксальных образованиях. Его появление определяется взаимодействием ряда факторов: словообразовательного, ритмического и стилистического.

Влияние словообразовательного фактора не ограничивается только тем, что именно он определяет группу слов, относительно которых может ставиться вопрос о ПУ, но проявляется и другими способами. Склонность к ПУ в разной степени выражена в сложных словах, образованных разными способами: чистым сложением, сращением, суффиксально-сложным способом, аббревиацией. Внутри одного и того же способа образования наблюдаются словообразовательные типы и их семантические подтипы, в разной мере тяготеющие к ПУ. При этом прослеживается зависимость от характера опорного компонента (способность или неспособность его употребляться в качестве самостоятельного слова), от синтаксических отношений в словосочетаниях, лежащих в основе сложных слов, от агглютинативных тенденций, наблюдающихся в отдельных словообразовательных типах, полисемии некоторых первых компонентов.

Действие ритмического фактора (чередование ударных и безударных слогов) проявляется также многообразно. В разных случаях бывают важны разные моменты: место ударения в опорном компоненте (например, на первом слоге), удаленность главного ударения от предполагаемого побочного, многосложность первого компонента независимо от расстояния между главным и возможным ПУ.

Словообразовательные типы и их семантические подтипы имеют определенную функционально-стилистическую характеристику. (Этот анализ сделан в [Грамматика-80].) Одни из них в одинаковой степени обслуживают все стилистические пласты лексики, другие тяготеют к определенным сферам употребления. На уровне словаря происходит дифференциация широкоупотребительной лексики, могущей обходиться без ПУ, и узкоспециальной, требующей в силу своей малой частотности ПУ, помогающего обнажить семантическую структуру слова.

Таким образом, уже на уровне словаря слово под влиянием всех этих факторов приобретает свой ритмический рисунок, свою произносительную схему, которая может видоизменяться под воздействием текстовых факторов и в результате его функционирования в разных типах речи.

ПОБОЧНОЕ УДАРЕНИЕ В РАЗНЫХ ТИПАХ РЕЧИ

ПУ — это явление устной речи, а поскольку особенности его реализации во многом определяются ситуацией общения, требующей полного или неполного стиля произношения, мы рассматривали публичную и разговорную речь. Публичную речь (далее ПР) мы наблюдали в таких ее жанрах как научный доклад, лекция, выступление на ученом совете, заседании отдела. Мы использовали также речь

дикторов (в частности, чтение информационных сообщений) и других лиц на радио и телевидении. РР представлена монологами и диалогами.

Главный объект нашего исследования, выделенный на словарном уровне, — сложные слова, аббревиатуры и некоторые приставочные образования, могущие иметь ПУ, — входит в лексический фонд преимущественно специальной речи, в частности в таких ее разновидностях как научная, публицистическая и газетно-информационная. Менее распространены сложные слова в РР. Уже по этой причине ПУ неодинаково представлены в публичной и разговорной речи.

Различия между этими типами речи в интересующем нас аспекте на словарном уровне проявляются и в том, что ПУ более свойственно терминологической, книжной лексике, чем разговорной. Например, очевидно, что такие лексемы с ПУ как *обòрдноспосóбность, трàкторостроúтели, пùломатериáлы, тèрминоупотреблéние* принадлежат специальным типам речи и более естественно их употребление в устной ПР, чем в РР; а слова *буквоéд, широкоплéчий, рогонóсец* без ПУ характерны для РР. Но, попадая в РР, термин сохраняет свой произносительный облик; например, с ПУ: / *это Институт мùкробиолóгии* /;/ *часть материалов своего фòдноархúва* /; / *у него лучше* / *стèреозáписи* /; / *назначили элèктрофорéз* /; / *вообще у нас здесь мùкроклúмат ужасный* /; или без ПУ: / *монографúю на два тома разделили* /; /*колонки*/ *для стереофонúческих записей* /.

В тексте варьирование ПУ гораздо шире, чем при изолированном произношении слова, и больше сложений получают ПУ. Это происходит под влиянием специфически текстовых факторов, таких как: 1) ритмическая организация текста; 2) положение слова во фразе, в синтагме; 3) акцентное (просодическое) выделение слова в связи с его информативной значимостью; 4) просодическое выделение слова, обусловленное действием грамматического фактора — актуальным членением высказывания на тему и рему; 5) прагматический фактор, связанный с введением слова в текст, освоенностью лексемы в языке и степенью знакомства с ней говорящего.

При взаимодействии этих факторов нередко возникают избыточные ПУ, не свойственные слову при изолированном произношении. В связи с этим следует сделать одно замечание по поводу ПУ в просторечии, которое не является предметом нашего специального рассмотрения. Р.И. Аванесов как просторечное квалифицирует избыточное ПУ в общеупотребительных словах: "... жила *в Лèнинграде,* в *òбщежúтии,* а также *пя́тьсòт, ше́стьсòт, се́мьсòт, вóсемьсòт, дéвятьсòт* (в последних случаях, видимо, с основным ударением на первой части сложения и побочным на второй)" [Аванесов 1958, 56]. Соглашаясь с характеристикой такого произношения как сниженного в указанных случаях при наличии у говорящего и других просторечных особенностей (в том числе лексических и грамматических), все же подчеркнем, что сложное слово в просторечии функционирует расчлененным, как словосочетание, и дело

не столько в том, что ПУ может быть там избыточным по сравнению с КЛЯ, сколько в том, что ударение сохраняется на том же слоге, что и в словосочетании. Ср.: / у них *однàкóмнатная квартира* /;/ *стеклòтáра* /, а не /*стеклотáра* / ; /*стеклòпосýда* /, а не / *стѐклопосýда* / ; /*киноòтеáтр* /, а не / *кинотеáтр* / ; /перед *путѝуклáдчиком* нет никаких препятствий / (нормативное произношение — без ПУ, а написание — *путеукладчик*).

Что же касается избыточного ПУ, расположение которого в сложении фонологически оправдано, то оно является характерной чертой ПР, где оно не воспринимается как ненормативное, так как объясняется нередко особыми коммуникативными задачами, которые ставит перед собой говорящий. Появление его в РР чрезвычайно редко.

В обоих типах речи наблюдается тенденция к ритмической организованности, упорядоченности междуударных интервалов. Проявляя общую тенденцию к сокращению междуударных интервалов, публичная и разговорная речь достигают "цели" разными способами: ПР — главным образом за счет дополнительных ударений в сложных, а также в простых длинных словах, РР — преимущественно за счет редукции звуков и выпадения слогов, безударности несамостоятельных и некоторых частотных знаменательных слов. Однако сложные слова в РР из-за своей информативной нагруженности, как правило, не подвергаются деформациям. Исключение составляют несколько частотных широкоупотребительных слов, например, *Ленинград, кинотеатр,* отмеченных в [Русская разговорная речь 1978, 37, 39, 40] в таких произносительных обликах: / *ну* [л'ин̯гра́д] / блокада / ; / нам[вл'ин̯гра́т] / прислали / ; [вл'ьн'ин̯гра́д'иду́т] (в Ленинграде идут); / а где это / ваш [к'инът' а́тр] / , а также / [к'инат'а́тр] "Комедия" /.

Внутри одного типа речи под влиянием ритмического фактора может варьироваться большой круг общеупотребительной книжной лексики. Тенденция к ритмической организованности текста накладывается на ритмическую организацию слова, провоцируя в ПР появление дополнительных ударений. Поскольку для русской звуковой цепи характерен междуударный интервал в 1—3 слога, то слова с основным ударением на 4-м слоге в тексте подвержены дополнительной ударности. Еще более последовательно проявляется тенденция к ПУ у слов с основным ударением на 5-м и далее слоге. Приведем некоторые примеры сокращения междуударных интервалов в результате появления морфологизованного ПУ: / га́зового *мѐсторожде́ния* /(внутри шестисложного междуударного интервала возникает дополнительное ударение); / режи́м наибо́льшего *блàгоприя́тствования* / (ПУ внутри пятисложного междуударного интервала); / как *э́то поле́зно для слòвообразова́ния* / (ПУ внутри семисложного междуударного интервала): / встре́тили гро́мом аплодисме́нтов / *рýкоплескáниями* / (ПУ внутри четырехсложного междуударного интервала).

Под влиянием ритмического фактора может происходить варьирование произношения одной и той же лексемы: / скла́д *боеприпа́сов* /, но / хими́ческих *бòеприпа́сов* / ; / по числу́ *бо*

ло́вок /, но / не́сколько *бе́гголо́вок*/. ПУ не появилось в слоге, непосредственно следующем за главным ударением предшествующего слова. Тенденция к упорядочению ритмических интервалов препятствует скоплению ударных слогов.

Следует отметить, что сложные слова с главным словесным ударением на 7-м слоге не испытывают в тексте колебаний в произношении: они всегда имеют ПУ. Так, если в слове *словоупотребле́ние* с главным ударением на 6-м слоге еще возможны варианты с ПУ и без него, то *тѐрминоупотребле́ние* всегда имеет ПУ. По-видимому, 5 предударных слогов — это порог безударности в сложном слове в тексте ПР.

Под влиянием тенденции к сокращению междуударных интервалов нередко в ПР появляются не обусловленные фонологически дополнительные ударения в некоторых сложных, а также простых, преимущественно длинных словах: / участники этого представительного фо́рума / с *у̀довлетворе́нием* отмечали / ; / обеспечить финанси́рование / *фундамента́льных* и поисковых направлений / ; / представляет на *а̀укцио́н* / свою радиоаппаратуру / ; / это позволит [*а̀*] *существи́ть* / техническое переоборудование вашего хозяйства /. На наш взгляд, это наиболее свойственно читаемым, а не спонтанно произносимым публичным текстам.

Подобное явление исследователи отмечают и в РР [Розанова 1983, 17], однако, по нашим наблюдениям, оно более типично для ПР.

Следует отметить, что появление ПУ в тексте в соответствии с требованиями его ритмической организации представляет собой лишь тенденцию и не носит абсолютного характера, поэтому в обоих типах речи (а особенно в публичной) достаточно примеров как отсутствия ПУ при больших междуударных интервалах, так и скопления ударных слогов вследствие его появления.

Наличие или отсутствие ПУ в слове тесно связано с его просодической выделенностью в потоке речи, которая может зависеть и от фразовых условий и от информативной значимости слова. Сильные фразовые позиции для появления ПУ — это положение слова под синтагматическим и фразовым ударением. Синтагматическое ударение обычно падает на последнее слово синтагмы, фразовое — на последнее слово фразы. Фразовое ударение сильнее синтагматического. Следует отметить, однако, что влияние этих позиций на произношение сложных слов в публичной и разговорной речи проявляется по-разному. В ПР сложения, не имеющие ПУ в слабой позиции, могут получить его в сильной. В РР они сохраняют свою ритмическую структуру, не теряют слогов, но все же имеют тенденцию выступать в своем обычном "словарном" облике, т.е. сохранять ПУ, если оно слову присуще, и произноситься без ПУ, если оно слову не свойственно при изолированном произношении. В результате этих различий ПУ в ПР встречается чаще, чем в РР, не только в широкоупотребительной лексике с неустойчивой ритмической структурой, но и в лексемах, которым на словарном уровне ПУ противопоказано. Приведем некоторые примеры.

Слово под синтагматическим ударением:
ПР: / министр обороны *Велѝкобрита́нии* / ; / события в *Чѐхослова́кии* / ; / речевые *но̀вообразова́ния* / ; / новая мощная *тѐплоцентра́ль* / ; / и соответственно их *вѝдоизменя́я* / ; / давно рабо́таете в му̀льтипликáции / ;
РР: /поездка в Чехослова́кию/.

Слово под фразовым ударением:
ПР: /Уцелели только *а̀втомаши́ны* / ; / Правительство предложило *зако̀нопрое́кт* / ; / ...рассказывается о мужестве и героизме *пѐрвопрохо́дцев* / ; / ... никак не повлияет на их общую *бѐспосо́бность* / ; / Говорит *Лѐнингра́д* / ;
РР: / Простите за *нау̀кообра́зность* / ; / Он делал доклад в славя̀новеде́нии / ; / Ведь это же са̀моразоблаче́ние / ; но / Он человек *малогра́мотный* / ; / Нет никакой *самоотда́чи* /.

Дополнительное ударение, возникающее в отмеченных фразовых позициях и обычно отсутствующее при изолированном произношении слова, не воспринимается как более слабое, чем главное словесное ударение, и даже чаще кажется более интенсивным.

Начало фразы является тоже сильной позицией для реализации ПУ. Оно характеризуется тенденцией к просодическому выделению в обоих типах речи [Николаева 1985, 320]. Исследователи отмечают также как наиболее типичное для русской ритмики явление ударность одного из трех начальных слогов во фразе [Розанова 1983, 15]. Возникновение ПУ в этих условиях лежит в русле общей языковой закономерности:
ПР: / *Осно̀вополага́ющим* моментом в работе... / ; / *Цѐленапра́вленная* работа по профориентации... / ; / *Пѐрвостепе́нной* проблемой... / ; / Из *Бу̀дапе́шта* поступило сообщение / ; / *Пѐрвонача́льный* отбор слов... / ; / *Э̀пице́нтр* землетрясения... / ;
РР: / *Бѐнзоколо́нка* у кинотеатра "Варшава"/.

Характерной чертой ПР (особенно научной) является обилие слов, акцентное выделение которых определяется не фразовой позицией, а содержательной весомостью их при передаче информации. Такие сложные слова также имеют тенденцию получать ПУ. При этом приобретают ПУ даже такие сложения, для которых оно при изолированном произношении слова считалось бы ненормативным. Однако при акцентном выделении семантически значимого слова избыточное ПУ не придает слову сниженной, а тем более ненормативной окраски. Изолированно произнесенное и акцентно выделенное в публичной или разговорной речи слово — это совершенно разные сущности и поэтому разные объекты для каких-либо оценок. При акцентном выделении происходит намеренное обнажение семантической структуры слова и подчеркивание наиболее важного для передачи содержания информации компонента, нередко сопровождающееся перераспределением интенсивности выражения (на уровне восприятия) главного и побочного ударения в слове.
ПР: / по подсказке верховного *гла̀внокома́ндующего* бундесвера / ; / третью по счету *до̀лгоигра́ющую* пластинку / ; / огромный творческий опыт *дрѐвнеру́сских* мастеров / ; / анализ на *ѝнолексе́мном* уровне /.

Хотя получение словом ПУ в результате его акцентного и вместе с тем семантического выделения возможно в обоих типах речи, в РР ситуаций, в которых необходимо такое подчеркивание, значительно меньше, чем в ПР, и, следовательно, меньше ПУ в целом, зависящих от этих обстоятельств.

Той же цели наиболее адекватного донесения до слушателя содержания речи служит акцентное выделение в словосочетании предлога при нейтральном произношении обычно безударного. Дополнительное интенсивно выраженное ударение на предлоге, нередко отделенном паузой от соседнего связанного с ним грамматически слова, возникает не только в результате колебания, оно используется и для привлечения внимания слушающего к содержанию следующего за ним важного для говорящего отрезка речи и одновременно способствует ритмизации текста, сокращению междуударных интервалов. Такое ударение широко распространено в ПР и значительно реже встречается в РР, где оно преимущественно связано с явлением колебания.

ПР: / противопоставлены друг другу *по́* / наличию или отсутствию / ; / по развертыванию *на́* / европейском континенте / ; / довести *до́* / четырехсот миллионов / ; включая право *на́* / самоопределе́ние / ; / программа *по́* воспроизводству рыбных запасов / ; / *на́* высокогорном озере / ; / *по́* международному праву /.

РР: / *по́* / и[нца]тиве / ; / Обзор этот получил / *до́* / полусотни писем /.

Появление дополнительного ударения в обоих типах речи может быть связано со смысловым выделением отрицательной частицы или приставки. Однако повод для реализации такого ударения чаще возникает в ПР, чем в РР.

ПР: / хотят обеспечить себе *бѐзнака́занность* / ; / *дòвооруже́ние* Соединенных Штатов / ; / перспективы этого мирного *со̀существова́ния* / ; / Его работу конференция признала *нѐудовлетвори́тельной*/ ; / *не́* еди́нственно возможные /.

РР: / это *нѐидеологи́чно* / ; / Что ты хочешь / прѝдви́нуть? /.

Нередко избыточное ПУ появляется в акцентно выделенных прилагательных.

ПР: / будут действовать в условиях *ма̀лолю́дной* и безлю́дной технологии /;/ не может рассматриваться как *кра̀тковре́временная* кампания / ; / обеспечение государственной безопасности / является у нас *о̀бщенаро́дным* делом / ; / *всео̀бъе́млющей* программы / ; / *всео̀бъе́млющего* обмена/.

При наличии двух определений при слове ПУ появляется чаще, если эти определения однородные и к тому же содержат один и тот же первый компонент: / в *а̀нтивое́нном, а̀нтиракéтном* движении /. Если же определения неоднородные (первое определение относится к целому атрибутивному сочетанию) и не имеют общих компонентов, ПУ возникает реже, хотя и здесь все в конечном счете зависит от воли, намерений говорящего: / Состоялся массовый *антивое́нный* митинг / ; / и зарубежных *антисове́тских*

центров /. Способствует появлению ПУ в этих случаях просодическая выделенность обоих определений и наличие между ними паузы: / стали жить еди́ной / ѝнтернациона́льной семьей /.

Получают ПУ и одиночные акцентно выделенные определения, входящие в противопоставление:

ПР: / между синхронным / и рассказом *рѐтроспекти́вным* / ; / кроме плановых ремонтов / включает и некоторое количество *внѐпла́новых* /. В этих примерах вследствие особенностей синтаксических структур (инверсии — в первом и эллипсиса — во втором) прилагательные оказываются в конце высказывания и являются носителями не только логического, но и синтагматического, и фразового ударений. Это способствует появлению ПУ. Слово, входящее в противопоставление, может быть выделено просодически и иметь ПУ на протяжении всего текста в любых синтаксических позициях: / синтаксис... в *рѐтроспекти́вном* рассказе /.

В тесной связи с акцентным выделением слова во фразе находится и грамматический фактор. Если при актуальном членении предложения сложное слово входит в рему, а тем более если эту рему составляет, то подчеркивание с помощью ПУ его семантической структуры чрезвычайно распространено, так как при прямом порядке слов в предложении оно является носителем логического, синтагматического и фразового ударения. При этом сложение можыть быть отделено от остальных слов во фразе паузой и составлять самостоятельный такт.

ПР: /Порадовали бесстрашием и мастерством / *канѝтохо́дцы* / ; / Сегодня День *Аэрофло́та* /; / Изучение синтаксиса / *мнѝгоаспе́ктно* /; / Каждое слово в зако̀нопрое́кте / *взаѝмосвя́зано* /; / Коллектив *рабѝтоспосо́бный* / ; / И снова дуэт / на этот раз / *мѐждунаро́дный* / ; / Что же / все это *мѐлкоте́мье*? /.

РР: / Она человек *рабѝтоспосо́бный* /;/ Все это *немѝлова́жно* /.

Следует отметить, что и в этой сильной текстовой позиции ПУ является характерной чертой ПР и значительно реже наблюдается в РР.

Вместе с тем в других фразовых и синтаксических позициях при отсутствии просодической выделенности слова эти же сложения встречаются без ПУ:

ПР: / это *немалова́жный* процесс / ; / привести в *работоспо́собное* состояние /; /одного из *словотво́рческих* начал Хлебникова /

РР: / одно *немалова́жное* дело /.

Таким образом, наличие ПУ в акцентно выделенных словах связано с выполнением говорящим определенных коммуникативных задач в различных ситуациях общения. Вместе с тем для наличия — отсутствия ПУ независимо от условий общения может оказаться важным влияние прагматического фактора, определяющего способ введения нового понятия в текст и его дальнейшего использования, а также освоенность слова в общелитературном языке и степень знакомства с ним говорящего.

Следует заметить, что слово, впервые вводимое в речь, имеет

больше оснований для ПУ, чем при повторном употреблении. Ср.: / Сегодня День *Аэрофло́та* или / наука о *слдвотво́рчестве* / — с ПУ только в начале высказывания. Это наблюдается даже в репликах диалога: / Мне дал *товàрове́д* / — / Какой *товаровéд*? /.

Большую роль в реализации ПУ играет не только мера освоенности слова в общелитературном языке, но и степень знакомства говорящего со словом. Привычные для конкретного носителя языка слова даже терминологического характера имеют тенденцию произноситься без ПУ, а редкие в его речевой практике сложения обычно получают ПУ. Например, в редакционно-издательской среде распространено произношение слова [т'их]*ре́д* без ПУ, а в среде лингвистов — с побочным (*тèхре́д*). Такого рода произносительные различия, связанные с профессиональным и социальным расслоением носителей языка, наблюдаются в большой массе слов.

Как уже указывалось, произношение аббревиатур с первым компонентом *гос-* и *мос-* нередко зависит от типа речи. ПР: / *Госпла́н* СССР / ; / на киностудии "*Мдсфи́льм*"/. РР: / там два санатория рядом / это Вам про *госпла́н* говорили / а конференция в *госба́нке* будет /; / чье производство? Мосфи́льм? /. Однако у профессионалов, если судить по произношению Э. Рязанова в телепередачах "Кинопанорама", разговорный вариант без ПУ может реализоваться и в официальной речи: / на киностудии [мас]*фи́льм* /. Хотя установка этой телепередачи на непринужденность есть, конечно, такое произношение не нарочито, а просто привычно для профессионала.

Одни и те же слова (*станкозавод, станкозаводцы, станкостроители*) по-разному звучали в одной и той же телепередаче в речи рабочих и журналистов. Рабочие даже в публичных выступлениях произносили их без ПУ: / Мы / *станкозавóдцы* / тесно сплотившись /, а журналист-комментатор — с ПУ: / рабочие *стàнкозавóда* /. Также различалось произношение одних и тех же слов в речи врачей и журналистов. Без ПУ у первых: / отличник *здравоохране́ния* / и с ПУ у вторых: / интервью первого заместителя министра *здрàвоохране́ния* СССР /.

Хотя вообще ритмическая структура сложного слова с четвертым и далее главноударным слогом неустойчива (проявляет тенденцию к ПУ в ПР), ПУ может отсутствовать и в редких для общего литературного языка, но привычных для того или иного носителя языка лексемах этой структуры. Даже малочастотные, имеющие узкую сферу употребления термины могут произноситься специалистами без ПУ (*полиструктýрный, источниковéдение, идиостúль, околоплóдник*), хотя в непрофессиональной речи они ПУ имеют. Например, специалисты по поэтической речи чаще, чем лингвисты других специальностей, произносят без ПУ слово *идиостúль*: /в некоторых поэтических *идиостúлях*/. Произношение же непрофессионалов с ПУ сопровождается обычно нередуцированным гласным [о] в интерфиксе: /Изучение *ùди*[*о*]*стúлей*/. Таким образом, существенное

влияние на отсутствие или наличие ПУ в специальном слове оказывает степень его освоенности и частотности его употребления для говорящего.

Выводы

Рассмотрев вопрос о ПУ на словарном, а также текстовом уровне в функционально-стилистическом аспекте и оценив значение различных факторов в реализации ПУ, можно сделать следующие выводы.

Наличие—отсутствие ПУ на лексическом, словарном уровне зависит от словообразовательного, ритмического и стилистического факторов. В результате их взаимодействия слово приобретает определенный ритмический рисунок, схему нейтрального произношения. Специфически текстовые факторы могут видоизменять эту схему. Важную роль при этом играют ритмический фактор, акцентная выделенность слова, определяемая его фразовой позицией и информативной значимостью, грамматический и прагматический факторы.

Различия в реализации ПУ в разных типах речи обнаруживаются уже на словарном уровне, так как сложные слова (основной носитель дополнительного ударения) являются принадлежностью главным образом специальной речи. Внутри сложных слов также происходит расслоение на терминологическую и широкоупотребительную лексику, различающуюся в отношении ПУ. Это определяет преобладание ПУ в ПР на лексическом уровне.

Влияние текстовых факторов, способствующих появлению ПУ, также последовательнее проявляется в ПР, чем в РР, в силу ряда причин, связанных с задачами и условиями коммуникации. В частности, это обусловливает использование полного стиля произношения в ПР и обилие акцентно выделенных слов — носителей ПУ.

Тенденция к упорядоченности междуударных интервалов в публичной и разговорной речи проявляется по-разному: в ПР — преимущественно за счет дополнительных ударений в сложных, а также в простых длинных словах, в РР — главным образом за счет редукции звуков и выпадения слогов, безударности несамостоятельных и некоторых частотных знаменательных слов.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

ПУТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

На стилистические возможности словообразования обращали внимание многие исследователи. Уже в старых русских грамматиках отмечалось не только стилистическое своеобразие ряда суффиксов прилагательных и существительных (например, размерно-оценочных), но и области их наиболее подходящего применения [Ломоносов 1755, Греч 1830, Востоков 1838, Буслаев 1868, Аксаков 1880]. Традиция характеризовать словообразовательные средства с точки зрения их экспрессивно-стилистических качеств с указанием сфер преимущественного использования развивается и современными академическими грамматиками.

Однако стилистическая оценка в грамматиках (и специальных пособиях по стилистике), а также стилистические пометы в толковых словарях показывают значительный разнобой в функционально-стилистической характеристике тех или иных грамматических средств. Все это свидетельствует об отсутствии единых принципов классификации и о недостаточной разработанности этих вопросов[1].

Стилистические потенции языка и речевая культура, специфика языка в разных сферах его функционирования, задачи стилистики в новом обществе — эти вопросы занимали языковедов уже в первые послереволюционные десятилетия. В 20—30-е гг. появились работы, которые имели важное значение для дальнейших исследований разных сторон современного языка, в частности — его стилистических функций [Винокур 1923, Ларин 1928, Щерба 1974, Пешковский 1930 и др.].

Разработка многих насущных проблем стилистики (в том числе изучение экспрессивно-стилистических возможностей разных частей речи, стилистических ресурсов отдельных ярусов языковой системы на материале не только русского, но и других европейских язы-

[1] См., например, наблюдения Р.Г. Пиотровского о пометах в СУ и СО (Вопр. языкознания. 1954. N 1); ср. также высказывание С.И. Ожегова о СУ [Русский язык и советское общество 1962].

ков) активизируется в 50-е гг. В это время появляется ряд статей и специальных монографий [Гвоздев 1952, Ефимов 1957, Гальперин 1958, Пиотровский 1960 и др.]. Особенно важную роль сыграла дискуссия по стилистике на страницах журнала "Вопросы языкознания"[2]. Особое место (начиная с 30-х гг.) занимают работы по истории литературного языка, языку художественных произведений и стилистике академика В.В. Виноградова. В них определяются некоторые существенные теоретические понятия и намечаются основные линии исследований в этой области.

Внимание к стилистическим ресурсам грамматики, стремление выявить специфику использования грамматических форм и конструкций в разных языковых сферах отличают книгу профессора А.Н. Гвоздева [1952]. Этот труд является первым специальным пособием по стилистике современного русского языка, и многие недочеты объясняются не только нечеткими, в ряде случаев весьма субъективными взглядами автора, но и общим состоянием разработки стилистических проблем в те годы.

Остановимся на описании А.Н. Гвоздевым стилистических ресурсов морфологии, в рамках которой он рассматривает специфику разных словообразовательных средств. Присоединяясь в целом к выводам А.М. Пешковского о том, что "стилистические возможности морфологии русского языка очень ограничены", А.Н. Гвоздев дополняет его примеры и делает попытку рассмотреть более детально морфологические категории и формы с точки зрения стилистики. Общий вывод, к которому приходит проф. Гвоздев, таков: "Морфологическая система русского языка, будучи единой в основной массе своих категорий и форм, имеет только незначительные своеобразные ответвления... Отдельные стили различаются также тем, что известные морфологические явления в одних стилях употребляются часто, тогда как в других если не совсем отсутствуют, то встречаются крайне редко и случайно" [Гвоздев 1952, 79]; см. также: [Пешковский 1930].

Далее на основе противопоставления книжной (прежде всего — "стиля строго деловой речи") и разговорной речи анализируются стилистическая окраска и особенности употребления ряда суффиксов и префиксов и некоторых форм и конструкций. В книге обращается внимание на "отсутствие в этом стиле суффиксов субъективной оценки" и делается заключение, что "в стиль деловой и научной речи не проникают морфологические явления, которые имеют дополнительную нагрузку эмоциональности, экспрессивности, изобразительности". В числе явлений, которые здесь относятся исключительно к книжной речи (в отличие от разговорной), отмечается использование существительных с заимствованными приставками и заимствованными суффиксами, с суффиксами отвлеченности и др. [Гвоздев 1952, 80—81].

Для настоящего времени эти утверждения во многом кажутся

[2] См. итоги обсуждения вопросов стилистики (Вопр. языкознания. 1955. N 1).

прямолинейными и не отвечают современной языковой ситуации[3]. В своей в целом положительной рецензии на "Очерки" А.Н. Гвоздева академик В.В. Виноградов относит раздел морфологии к "наименее самостоятельным и наиболее слабым" частям книги (Вопр. языкознания. 1952. N 6. С. 140). Действительно, анализ морфологического материала проводится здесь весьма субъективно (ср. например: "ласкательные суффиксы" особенно широко представлены в "интимной речи", а "уничижительные" характеризуют "стиль юмора и сатиры" и т.п.). В то же время, наблюдения, изложенные в "Очерках", важны для нас тем, что отражают определенный этап в изучении стилистических ресурсов языка, в том числе — словообразования. Своим появлением и выводами книга способствовала дальнейшей разработке ряда вопросов стилистики и функционально-стилистических аспектов грамматики.

Изобразительные, стилистические функции грамматических средств рассматриваются в книге А.И. Ефимова "Стилистика художественной речи" [Ефимов 1957]. Эта работа, имеющая много спорных положений и недостаточную четкость в определении основных понятий стилистики, свидетельствующая отчасти и о малой изученности разных проблем стилистики в 50-е гг., все же интересна сегодняшнему исследователю рядом конкретных наблюдений, в частности, над стилистической ролью словообразовательных средств. Так, например, в книге рассматриваются ряды суффиксов существительных с точки зрения их экспрессивно-стилистической окраски и принадлежности определенным типам речи: "При стилистической классификации словообразовательных средств приходится руководствоваться принципами, учитывающими у п о т р е б и т е л ь н о с т ь (разрядка наша. — Е.Г.) слова в различных типах речи" [Там же, 319].

На этой основе в книге дается описание суффиксов существительных, типичных, по мнению автора, для просторечия, разговорно-бытовой и книжных сфер языка. Однако "учета одной только сферы бытования суффиксов недостаточно. Необходимо считаться и со степенью их эмоциональной заряженности", — пишет далее А.И. Ефимов. Попытки выделить, показать стилистическую специфику того или иного словообразовательного средства всегда представляют интерес и дают материал для размышлений. В данной книге, несмотря на многочисленные яркие примеры из русской литературы, классификация материала и выводы во многом субъективны и вызывают сомнение, так как не отличаются особой систематикой и точностью. Нет здесь и четкого обоснования выделения суффиксов, которые автор квалифицирует как "просторечные", "разговорные" и "книжно-отвлеченные". Ср., например: "Стилистическая классификация словообразовательных средств убеждает, что к большой группе суффиксов просторечного характера близко примыкают суффиксы, характерные для разговорной речи. Последние отличаются от просторечных только тем, что имеют права литератур-

[3] См. исследования Е.А. Земской по словообразованию разговорной речи [Русская разговорная речь 1979] и др.

ности" [Ефимов 1957, 322]. Конечно, такого рода высказывания нельзя отнести к серьезным, научно обоснованным выводам.

В то же время, можно отметить и ряд справедливых и существенных, на наш взгляд, утверждений проф. Ефимова. Ср.: "Характеристика выразительных возможностей суффиксов учитывает, что экспрессия создается благодаря своеобразному синтезу основы и суффиксов... Поэтому приходится всесторонне изучать самые основы, а также типы основ, в которых могут употребляться определенного вида суффиксы" [Там же, 317].

Действительно, семантические и структурные особенности основ играют немаловажную роль при создании стилистически значимой единицы, ограничивая или способствуя реализации потенциальных возможностей словообразовательной системы. Изучение таких словообразовательных связей продолжает оставаться актуальным и сегодня.

Остановимся еще на одной работе, посвященной проблемам стилистики, где также рассматриваются стилистические возможности грамматических средств языка. Это пособие "Практическая стилистика русского языка" [Розенталь 1965]. Одну из непосредственных задач такого курса автор видит в описании стилистической дифференциации языковых средств. Характерно, что в книге выделена специальная глава "Стилистические ресурсы словообразования", которая завершает раздел "Лексической стилистики".

Однако словообразовательный материал представлен здесь очень бедно и схематично. Автор и сам отмечает, например, "условность деления суффиксов", ссылаясь на разнобой в словарях и грамматиках [Там же, 3]. "Стилистические ресурсы" и "стилистические функции" приставок и суффиксов фактически не нашли отражения в этом пособии.

Рассмотренные работы интересны тем, что отражают определенный (начальный) этап изучения стилистики грамматических средств языка.

У истоков этого изучения находится фундаментальный труд академика В.В. Виноградова "Русский язык. Грамматическое учение о слове" [Виноградов 1947]. Описывая, анализируя словообразование имен существительных, В.В. Виноградов обращает внимание на экспрессивно-стилистическую окраску суффиксов и сферы их преимущественного употребления. И хотя со времени выхода книги прошло более четырех десятилетий, и развитие языка представляет в наше распоряжение новый фактический материал, общая картина функционирования суффиксальных существительных, данная в книге, во многом остается и теперь верным ориентиром для исследователя.

Свои наблюдения и выводы В.В. Виноградов уточнил и обобщил в обширном разделе "Словообразование имен существительных" Грамматики русского языка, основным назначением которой было "установление норм русского литературного языка и вместе с тем — показ тех богатейших выразительных возможностей, которыми он обладает" [Грамматика 1952, I, 4].

Функционально-стилистические особенности словообразовательных средств отмечаются и в других работах, посвященных изучению

разных сторон словообразовательной системы. Так, А.А. Дементьев, рассматривая специфику суффиксов, "выражающих категорию субъективного отношения к предметам и лицам", пишет: "В русском литературном языке уменьшительно-ласкательные слова присущи прежде всего разговорно-бытовой речи и художественной литературе, которая воспроизводит и отражает разговорно-бытовую речь. Чем более официальные, строго деловые функции имеет язык, ... тем реже встречаются в нем слова со значением ласкательности, иронии. Исключение представляют статьи и работы полемического характера" [Дементьев 1959, 22 и сл.].

Анализируя образования на *-ка,* автор приходит к выводу, что слова типа *майка, футболка* принадлежат "обычному литературному языку", в то время как слова на *-ка,* представляющие сокращенный вариант полных официальных наименований, распространены в просторечии, имеют "фамильярный характер" и в официально-деловом языке не употребляются. "Что касается слов на *-лка,* то они свойственны непринужденной речи в неофициальной обстановке и уместны в том случае, когда автор передает свое пренебрежение или критическое отношение к описываемому" [Там же, 110].

Подобные оценки, выражающие весьма субъективные представления, во многом объясняются тем, что это были первые шаги в описании и изучении словообразовательной системы, когда наука еще не располагала системным описанием словообразования, в частности — в области стилистики.

В "Очерках по исторической грамматике русского литературного языка XIX в." при исследовании системы словообразования авторы опираются на плодотворное положение о том, что "изменения в грамматическом строе литературного языка нового времени не могут изучаться в отрыве от тех живых стилистических движений и перемещений, которые столь характерны для его развития... собственно формальный аспект неотделим здесь от аспекта стилистического и функционального" [Очерки 1964, 5 и сл.].

История развития словообразовательных типов и моделей, рассмотренная на основе "стилистически и жанрово разнообразного материала", свидетельствует о закономерных изменениях в функционировании основных словообразовательных типов, о стилистических перемещениях и семантической и стилистической дифференциации ряда моделей. Эти процессы имеют продолжение и в XX в., в наше время.

Функционально-стилистическая характеристика словообразовательных средств современного языка дается по традиции академическими грамматиками [Грамматика-70, Грамматика-80], а также в ряде пособий по стилистике.

Обе Грамматики отмечают, как правило, преимущественное использование того или иного типа (модели) в разных сферах современного языка. Более детальное изучение конкретного материала дает возможность внести в это описание определенные коррективы (см. об этом ниже).

Современные учебники и специальные пособия по стилистике [Стилистика русского языка 1982, Кожин, Крылова, Одинцов 1982, Васильева 1976 и др.], включая описание "стилистических ресурсов" словообразования, выделяют прежде всего как стилистически значимую так называемую "словообразовательную синонимию", ср., например: "Стилистическая окраска словообразовательных средств наиболее ярко проявляется в однокоренных синонимах, стилистически противопоставленных друг другу. Благодаря суффиксам, а также префиксам, эти слова соотносятся либо как нейтральные с книжными и разговорными, либо как книжные слова с разговорными" [Стилистика русского языка 1982, 105].

На этой основе делается вывод о существовании и в словообразовании стилистической парадигматики, хотя отмечается неполнота этих парадигм. Ср.: "Обычно такая парадигма бывает представлена двучленным рядом, в котором не хватает слова или с книжной, или с разговорной окраской: *читальня—читалка* (разг.)... *держатель—держалка* (разг.), *ядерник—ядерщик* (разг.), *несуразность—несуразица* (разг.)" [Там же, 108]. Уже эти примеры показывают зыбкость, неточность подобных оценок. Такая опора при анализе современного словообразования на традиционные "три стиля" во многом ограничивает возможности языка и создает упрощенную картину функционирования словообразовательных единиц. Это проявляется и при стилистической характеристике аффиксов, которая в некоторых случаях прямолинейно сводится к указанию на "книжную" или "разговорную" окраску и не отражает реальную языковую действительность. Ср., например: "Книжную стилистическую окраску придают словам суффиксы *-ость... -ность... -емость* (*заболеваемость, сопротивляемость*); *-ство... -енство... -шество* (*новшество, пиршество*)... Разговорную окраску вносят в слова суффиксы *-ка* (*зарубежка, неотложка, публичка*), *-ик* (*кожник, глазник*)" [Там же, 109][4].

В подобных утверждениях сказывается, видимо, сила "инерции", устойчивость традиционных представлений о стилистическом распределении словообразовательных типов. Живой материал языка, современные функционально-стилистические связи свидетельствуют о существенных стилистических перераспределениях и перемещениях.

Проблемы соотношения "словообразование—стилистика" стали привлекать к себе все большее внимание и интерес исследователей. В работах последних десятилетий (60—80-е гг.), где затрагивается стилистический аспект словообразования, наметились определенные пути, по которым идет изучение конкретного материала (разных языков).

Один из путей: выявление "стилистической окраски" и "стили-

[4] Ср. иное мнение: "...у многих словообразовательных типов происходит нивелировка стилистической окраски под влиянием их расширяющегося употребления как терминологических и общественно-нейтральных номинаций (таковы... имена действия с суффиксом *-ка* и некот. др." [Русский язык и советское общество 1968в, 20].

стических функций" разных словообразовательных средств на основе непосредственных наблюдений за их употреблением, или — более широко — изучение состава и функционирования моделей в определенной сфере языка (т.е. изучение какой-либо функциональной разновидности с точки зрения состава и функционирования словообразовательных моделей). Этот путь можно условно назвать "формально-функциональным", так как изучается функционирование форм — средств, моделей ("от формы к содержанию", "от средства к функции")[5].

Исследования этого типа в той или иной степени дают материал и для характеристики самих функциональных разновидностей языка, так как показывают преимущественную употребительность, частотность использования определенных языковых единиц. "Различия между стилями носят не только и не столько качественный, сколько количественный характер... Стили различаются... не столько наличием специфических элементов, сколько специфическим распределением одних и тех же элементов языка" [Сиротинина 1969, 133—135].

Для исследования этого "специфического распределения" стала широко использоваться статистика (от простых подсчетов до применения вероятностно-статистического метода).

Еще в 30-е гг. В.В. Виноградов писал: "По-видимому, в разных стилях книжной и разговорной речи, а также в разных стилях и жанрах художественной литературы частота употребления разных типов слов различна. Точные изыскания в этой области помогли бы установить структурно-грамматические, а отчасти и семантические различия между стилями" (цитируется по: [Головин 1971]).

Позднее в работах Б.Н. Головина и других исследователей была показана польза применения статистики для изучения многих языковых явлений[6]. В ряде случаев "не только возможность или невозможность появления тех или иных языковых средств в различных типах речи, но и степень вероятности их появления там является существенным для характеристики последних" [Шмелев 1977, 102].

Актуальность статистических исследований и целесообразность создания частотных словарей, естественно, не вызывает в наше время сомнений. Справедлива мысль, что частотный "словарь (а точнее — комплекс частотных словарей одного языка) должен давать представление о статистической структуре лексики... С помощью распределительных словарей, в которых отражены частотные характеристики лексики по жанрам, стилям, тематическим рубрикам, мы можем решать более частные вопросы, связанные со структурой определенных подъязыков" [Караулов 1980, 19].

---

[5] См., например, работы М.Д. Степановой, В.Н. Виноградовой, Н.П. Билимовича, Г.А. Стахеева и др.; см. также: [Проблемы лингвистической стилистики 1969].

[6] См. библиографию в кн.: [Головин 1971]. Из современных работ можно указать, например [Журавлев 1988].

В то же время, вероятностно-статистическое исследование не может целиком заменить изучение живого функционирования языковых единиц в разных коммуникативных сферах. Однако такое прямолинейное использование метода обнаруживают некоторые современные работы.

Так, например, высказывается мнение, что при помощи статистических данных "любой стиль может быть определен и на уровне словообразования" [Анисимова 1981, 54]. Для этой цели на основе исследования (а) количества слов, образованных при участии какой-либо морфемы, и (б) частотности их употребления в том или ином стиле — предлагается создавать частотные словари морфем. Попытка составить такой словарь для изучения газетно-публицистического стиля предпринята Т.В. Анисимовой (Волгоградский пед. институт). См. также: [Кузнецова, Лавренова 1975]. Предложенные ею данные раскрывают и плюсы, и минусы подобных работ. Так, авторы неизбежно сталкиваются с рядом теоретических вопросов (определение полисемии и омонимии, синонимии словообразовательных средств, определение понятия "стиль" и принципов отбора текстов, характерных для того или иного стиля и др.), от решения которых во многом зависят и конечные результаты.

Основные выводы работы — об "универсальности" ряда суффиксов существительных (например, *-ость, -ство, -ение, -ация*), продуктивность которых, по мнению автора, обусловлена "стилем" — вызывают сомнение именно потому, что нечетко очерчен круг источников конкретного материала[7]. Однако, несмотря на спорность некоторых выводов автора, работа заслуживает внимания, так как является одной из немногих пока попыток представить количественный анализ словообразовательных фактов и учесть их при оценке стилистических возможностей современного словообразования.

Частотные словари полезны и общей теории словообразования, так как могут дать материал для уточнения ряда таких понятий как "продуктивность", "регулярность" и др.[8]

Использование количественных данных при изучении стилистики имеет уже определенную традицию. Анализ "картины частот" языковых средств в разных функциональных разновидностях дает материал не только для выводов о функционировании тех или иных единиц, но и для характеристики самого "стиля". Ср., например, мнение М.Н. Кожиной, основанное на изучении статистических данных: "в научном стиле различия по наукам, жанрам, характеру изложения — не выходят за границы среднего по стилю (с учетом доверительных интервалов)" [Кожина 1969, 59—62]. Этот вывод весьма существен для стилистического исследования, т.к. свидетель-

[7] Исследование проводилось на основе "Частотного словаря русского языка" под ред. Л.И. Засориной (М., 1977), который, как известно, имеет ряд специфических особенностей. Так, в нем не разграничиваются публицистические и научные тексты, что, видимо, и отразилось на результатах Т.В. Анисимовой.

[8] Хотя возможна и другая точка зрения: "Статистические данные всегда основываются на структуре существующих слов. По ним можно судить о морфемном составе лексики, но они не создают правильного представления о действующем в языке словообразовании" [Арутюнова 1961, 55].

ствует об отсутствии значительной внутристилевой дифференциации (в сфере научной речи).

Однако исключительное доверие к статистическим данным может привести, на наш взгляд, к слишком прямолинейным выводам, например, таким: "Существует строгая количественная зависимость между абстрактностью содержания текста (с проявляющимся в нем типом мышления) и абстрактностью речи. Та же зависимость имеется между конкретностью содержания и конкретностью речи... Так, для научного стиля суммарный коэффициент отвлеченности и конкретности оказывается следующим: АР (абстрактная речь)=0,76, КР=0,24. Для художественного (также суммарно): АР=0,30, КР=0,70. Как видим, разница существенная: данные диаметрально противоположны" [Там же].

Обобщая сказанное, следует, по-видимому, добавить, что статистический метод является все-таки вспомогательным фактором при исследовании живого функционирования языковых единиц. Он может быть использован результативнее всего там, где нужно более четко представить какую-либо закономерность, тенденцию. В других случаях "средние статистические" показатели могут даже исказить картину функционирования языковых единиц[9].

Наиболее полный стилистический анализ словообразовательных средств современного языка находим в работах В.Н. Виноградовой, где на основе большого, во многом уникального материала, изучается стилистическая значимость словообразовательных моделей и словообразовательно-мотивированных слов, а также стилистические особенности их использования, их функционирования [Виноградова 1972; 1984]. Исходя из известного в стилистике положения о двух типах "окраски" языковых единиц ("эмоционально-экспрессивной" и "функционально-стилистической")[10], автор ставит задачу показать, как эти два вида стилистической характеристики выражаются средствами словообразования. В целом это исследование также примыкает к направлению изучения словообразования "от формы".

Разные пути изучения функционирования языковых единиц дают возможность более полно и адекватно описать и языковой механизм в действии, и "общее" и "различное" в функциональных разновидностях современного языка.

Закономерно и актуально поэтому изучение функционально-стилистического аспекта словообразования в направлении "от семан-

---

[9] Ср. характерный результат одного исследования: "В равных отрезках художественного и научного текстов (поэма А. Твардовского "За далью даль" и "Трансформационный метод в структурной лингвистике" М., 1964) оказалось совершенно одинаковое количество прилагательных (5—9%) среди остальных слов" [Полищук 1969].

[10] Разграничение двух типов стилистической окраски было предложено Ш. Балли [Балли 1961]. См. также дискуссию по стилистике в "Вопросах языкознания" (1954—1955). Это выделение разных видов стилистической маркированности проводится и в современных учебных пособиях (см., например, [Кожин, Крылова, Одинцов 1982]. Ср.: [Винокур 1968; Шмелев 1977] и др.

тики" (от смысла к форме, средствам)[11]. Такое описание системы, возможное на основе словообразовательных категорий, предполагает обширную программу исследований.

На этом пути в первую очередь должны рассматриваться не отдельные показатели эмоционально-экспрессивной окраски или экспрессивно-стилистические функции словообразовательных средств, но задача состоит в том, чтобы исследовать реальные и потенциальные возможности системы (словообразовательного механизма) в различных функциональных разновидностях современного языка, определить набор, "репертуар" (по Щербе) тех средств, состав тех словообразовательных типов, которые объединяются выражением общего значения (т.е. представляют одну словообразовательную категорию), их реальное распределение по языковым сферам, их функционирование.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА, ВЫРАЖАЮЩИЕ КАТЕГОРИЮ ОТВЛЕЧЕННОСТИ В РАЗНЫХ ТИПАХ РЕЧИ

Ярче всего категория отвлеченности отражается в словообразовательных элементах языка

В.В. Виноградов

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Известно, что "грамматическая система языка (в том числе и словообразовательная) развивается по своим внутренним законам. Но это развитие испытывает сильнейшее воздействие со стороны общественных условий существования языка. Социальные факторы могут способствовать ускорению одних исторических преобразований в грамматике, задерживать развитие других, предоставлять новый материал для некоторых внутренне обусловленных процессов и т.д." [Русский язык и советское общество 1962, 23].

В русском языке XX в. многие закономерные процессы были активизированы, актуализированы внешними, социальными причина-

[11] Ср.: "Можно с полным на то основанием предполагать, что и в такой области языкознания, как словообразование, подходы от формы и от значения позволят более точно определить сферы его действия" [Кубрякова 1980, 84].

Здесь же, однако, следует сказать и о том, что функциональные исследования могут проводиться сейчас в значительной степени успешно потому, что уже существуют структурно-системные, синхронные описания словообразования (и такие фундаментальные, как в [Грамматика-70, Грамматика-80], и более частные описания отдельных фрагментов системы), дающие общее представление о состоянии словообразовательной системы.

ми. Интенсивное взаимодействие разных языковых сфер сказалось и на активизации ряда процессов в словообразовании. Это проявилось, например, в размежевании, "стилистическом отталкивании", синонимических моделей, в возрастании "стилистической выразительности ряда словообразовательных средств", в "формировании суффиксов стилистической окраски" и т.д. [Там же]. Традиционный анализ языковых фактов, основанный на сопоставлении данных трех стилей ("строгий—нейтральный—разговорный"), способствовал выявлению возможностей системы, основных ее закономерностей, в том числе — стилистических тенденций. Однако на современном этапе развития языка (70—80-е гг.) это традиционное выделение трех стилей, распространяемое и на словообразование, во многом уже не соответствует реальной языковой ситуации[1]. Разнообразие стилистических движений в словообразовательной системе сейчас естественнее рассматривать на фоне взаимовлияния, взаимопроникновения разных функциональных разновидностей, характерных для современного литературного языка, как результат их широкого взаимодействия.

При изучении словообразования в функционально-стилистическом аспекте существенно определить реальные и потенциальные возможности словообразовательной системы в разных функциональных разновидностях современного языка, определить "инвентарь" словообразовательных средств (выражающих определенное значение) и их реальное распределение, функционирование в разных типах речи.

Наше исследование основывается на материале одного из самых активных участков словообразовательной системы — средств выражения категории отвлеченности. Это предполагает и методику изучения проблемы — "от содержания к форме"[2].

Исследование разных сфер современного русского литературного языка дает материал для определенных выводов о функционально-стилистической стратификации словообразовательных средств. В 1939 г. Г.О. Винокур писал: "Существуют словообразовательные средства, прочно прикрепленные своим значением и стилистическим колоритом к определенным видам речи ... Эта связь словообразователь-

[1] Ср.: "Стили языка исторически изменчивы. В стилистике русского языка нашей эпохи продолжаются многие процессы, характерные для русского языка XIX века. ... Особенно характерно для советского времени напряженное взаимодействие стилей, влияние одного на другой: в первую очередь — разговорного стиля на нейтральный, во вторую — книжного на нейтральный. Эти взаимодействия имеют важное значение для преобразований в разных ярусах языка, особенно в грамматике и фонетике ... "В словообразовании, как и в других ярусах языка, надо различать нейтральный стиль и противопоставленные ему стили разговорный и строгий ... Стилистические взаимодействия в словообразовательной системе в русском языке XX в. были интенсивны" [Русский язык и советское общество 1962, 41, 96 и др.].

[2] Исследования, "ориентированные на анализ функционирования грамматических единиц", имеют свои традиции. О двух путях в изучении грамматических средств в функциональном аспекте, см., например, в работах А.В. Бондарко: "Функциональная грамматика трактуется нами как грамматика ... включающая описание функций языковых средств не только в направлении от средств к функциям, но и от функций к средствам" [Бондарко 1983, 3—4].

ных средств с той или иной специальной областью речи может быть не только условно традиционной, но и логически осмысленной. Тот или иной ассортимент суффиксов, преимущественно употребляющийся в данном кругу терминов, может оказаться связанным внутренними закономерными отношениями с преобладающим типом логических форм постижения действительности, отразившейся в этих терминах" [Винокур 1939, 10—11].

Этот вывод, отражающий языковую ситуацию 30-х гг., не потерял своей значимости и теперь (в 70—80-е гг.). Современный материал также дает основания утверждать, что "отдельные словообразовательные типы явно тяготеют к определенным типам речи"[3]. Некоторые словообразовательные средства более свойственны "замкнутым" функциональным стилям, таким, как научный, официально-деловой и газетно-информационный и менее характерны для разговорной речи и языка художественной литературы. Так, например, своеобразными маркерами научно-технической речи являются имена со значением процесса на *-ирование* (ср. ряд примеров из области "кинолексики": *панорамирование, микширование, маскирование, виньетирование, контрастирование*).

Однако на современном этапе развития языка, когда активизировалось и усложнилось взаимодействие и взаимовлияние разных функциональных разновидностей, не всегда можно провести прямые параллели зависимостей и прикрепленности тех или иных грамматических средств к определенным языковым сферам. "Тем настоятельнее требование, предъявляемое к стилистике, — отграничить от нейтральных в стилистическом отношении средств языка стилистически ограниченные, или стилистически связанные, не только несущие предметную информацию, но и сигнализирующие об определенном типе речи" [Шмелев 1977, 125].

В нашей работе исследовался материал трех языковых сфер — научной, официально-деловой и публицистической[4]. Внимание к именному словообразованию (изучаются, как было сказано выше, словообразовательные типы, выражающие категорию отвлеченности) объясняется в первую очередь тем, что настоящий период развития языка характеризуется актуализацией имени — закономерным результатом активных процессов номинации в современном русском языке[5].

Категория отвлеченности выделяется как основной объект исследования в силу того, что она охватывает наиболее широкий круг понятий (процесс, действие, состояние, качество) и представлена име-

[3] Ср.: "Например, несомненно публицистическая окраска лежит на таких образованиях, как *меценатствующий, шарлатанствующий, демагогствующий...*" [Шмелев 1977, 117].

[4] Выделяем функциональные разновидности современного языка вслед за Д.Н. Шмелевым [Шмелев 1977]. Однако при конкретном исследовании некоторые из этих терминов потребовали уточнения. Ср., например, понимание термина "публицистический" в ряде работ: [Сиротинина 1968, Лаптева 1968 и др.].

[5] См. об этом [Способы номинации в современном русском языке 1982; Русский язык по данным массового обследования 1974]. Ср. также наблюдение об "экспансии субстантивов" в некоторых сферах современного языка [Лаптева 1968].

нами практически во всех сферах современного языка[6]. В настоящем разделе рассматривается функционирование словообразовательной категории с общим значением отвлеченного действия.

Именам, выражающим понятие отвлеченности, посвящено значительное количество исследований и в синхронном, и в историческом аспекте[7]. Большей частью это работы грамматического плана, хотя в некоторых указывается специфика функционирования таких образований.

Прежде чем перейти к анализу нашего материала, представим состав этой категории в современном русском языке. Наиболее полную характеристику находим в академических грамматиках нашего времени. Интересно сравнить данные Грамматики-52 и Грамматики-80, так как отделенные тридцатилетием они могут показать определенные тенденции в развитии словообразовательной системы, в частности — на этом активном ее участке.

Уже в Грамматике-52 отмечалось, что современному языку свойственно "стремление сосредоточить образование имен существительных, обозначающих отвлеченные понятия, в системе нескольких особенно продуктивных типов". В кругу суффиксального образования отвлеченных имен существительных, обозначающих действие, особенно многочисленны отглагольные слова с суффиксом *-ние* (*-нье*) (и производными от него), *-ка, -мость, -нность, -ация* (*-яция*), *-фикация*(*-ификация*) и др.

Сферы преимущественного употребления здесь указываются лишь для некоторых типов, например: тип с суф. *-мость* продуктивен в научно-технической и газетно-публицистической речи [Грамматика-52, 256].

Характерен общий вывод об использовании отвлеченных имен: "Круг образований слов с отвлеченным значением и степень их употребительности неоднородны, неодинаковы в разных стилях современного русского языка. Имена существительные отвлеченного значения шире и разнообразнее применяются в разных жанрах книжной и отвлеченно-научной речи" [Там же, 251].

Сравнительный анализ этих двух фундаментальных грамматических трудов (в сфере отглагольных имен со значением отвлеченного действия) дает материал для вывода об определенной активизации ряда словообразовательных типов.

Как наиболее продуктивный обе грамматики отмечают тип с суф. *-ние,* распространенный в разных сферах. Продуктивный тип, оформленный суф. *-ка,* обе грамматики относят к профессионально-технической речи, хотя [Грамматика-80] указывает также и на его

[6] Ср., например: категории лица, орудия, места и т.п., естественно, имеют более ограниченное языковое пространство.

[7] Так, имена действия (nomina actionis) в той или иной степени рассматривались в грамматических трудах со времен М.В. Ломоносова. В наше время этой теме посвящены как специальные работы, так и разделы в общих фундаментальных исследованиях, см., например: [Левин 1941, Васильев 1958, Очерки 1964] Хохлачева 1969; Суффиксальное словообразование существительных в восточнославянских языках XV—XVII вв. 1974 (там же см. подробную библиографию)].

высокую продуктивность в разговорной речи. В ряде других случаев намечается существенное расхождение. Так, в 50-е гг. отглагольные имена с суф.-*ство* были непродуктивны, в 80-е гг. — этот тип, по данным Грамматики -80, "продуктивен в различных сферах". Непродуктивный ранее тип с суф.-*ба,* проявляет некоторую продуктивность в художественной речи (*ворчба грома* — Нагибин). Малопродуктивные типы с суф. *-аж, -ёж* стали продуктивными в 80-е гг. в специальной терминологии, разговорной речи, просторечии (*дубляж, монтаж, реагаж, платёж*). Имена с суф. *-от* (который в 50-е гг. встречался "лишь в небольшом числе существительных, обозначающих действие с общим значением шума, например, *гогот, грохот...*" [Грамматика-52] обнаруживают продуктивность в художественной речи. Тип имен с суф. *-ура* (*режиссура, корректура*), напротив, в 80-е гг. утрачивает продуктивность. В то же время, сейчас функционирует и обнаруживает продуктивность ряд типов (преимущественно, в разговорной речи, а также в просторечии — с суф. *-он, -уха, -ок*), которые [Грамматика-52] из-за их непродуктивности не упоминает.

Рост продуктивности характеризует, как видим, некоторые малопродуктивные типы, которые стали проявлять активность преимущественно в языке художественной литературы, в разговорной речи, просторечии. Такое стилистическое движение на данном участке словообразовательной системы связано с общими стилистическими изменениями, происходящими в современном словообразовании, которые "вызываются не только тенденцией к усилению экспрессивности языка, но и причинами социальными: обостренным взаимодействием книжного литературного языка с городским просторечием и разговорной речью" [Русский язык и советское общество 1968в, 19].

Факты, отмеченные в Грамматике-80, в целом не затрагивают утвердившегося мнения, что для передачи отвлеченного значения в современном русском языке используются немногочисленные продуктивные типы (см. об этом: [Грамматика-52, Виноградов 1952])[8]. Результаты нашего исследования не противоречат этому общему выводу.

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ ОТВЛЕЧЕННОГО ДЕЙСТВИЯ НА *-НИЕ*

Анализ функционирования отглагольных имен, обозначающих отвлеченное действие, свидетельствует, что наиболее продуктивным здесь остается словообразовательный тип, оформленный суф. *-ние(-нье)* (и его вариантами *-ание(-анье), -ение(-енье), -ие,* а также *-тие(тье)*). Причем следует сказать, что он обладает высокой степенью и эмпирической и системной продуктивности. Это значит, что в рамках

[8] Это общее положение современного языка подтверждается и результатами исторических исследований. Ср., например: [Очерки 1964, Суффиксальное словообразование существительных в восточнославянских языках XV—XVII вв. 1974 и др.].

данного типа под воздействием общественных потребностей постоянно возникают новые слова, а росту новообразований способствует отсутствие существенных ограничений (структурных, семантических, стилистических)[9].

Имена на *-ние* являются классическим примером словообразовательной транспозиции, при которой основное различие между производным и производящим состоит в том, что они принадлежат к разным частям речи [Dokulil 1962, Земская 1973, Грамматика-80]. В таких существительных, представляющих собой лишь формальное преобразование глагольной основы, без семантических изменений, широко отражены разные структурно-семантические группы производящих основ. Большая свобода в сочетаемости аффикса подтверждает его продуктивность и укрепляет общую активность этого словообразовательного типа в современном языке[10].

Анализ фактического материала показывает[11], что имена на *-ние* представлены во всех функциональных разновидностях (ФР) общелитературного языка[12].

Имена на *-ние* в текстах научной сферы речи

Вот ряд примеров. характерных для научной сферы речи[13]: *В процессе работы над созданием звукового фильма используются следующие методы: синхронная съемка..., последующее озвучивание, предварительное озвучивание, озвучивание под черновую фонограмму, перезапись* (Н.Н. Кудряшов, Справочник кинолюбителя[14]); *В книге... освещаются вопросы составления сценария, монтажа фильма, его озвучивания и демонстрирования* (Г.Ф. Андерег, Н.Д. Панфилов, Справочная книга кинолюбителя); *Установленные перед экспозиционным окном непрозрачные диафрагмы, называемые масками или каше, ограничивают экспонируемую часть кинопленки. Такой способ назы-*

[9] К продуктивным, вслед за Е.А. Земской, мы относим "такие единицы, которые в языке той или иной эпохи служат образцом для построения новых единиц" [Современный русский язык 1981, 216]; О двух видах продуктивности см: [Dokulil 1962, Современный русский язык 1981, 216—217].

[10] К группе "имен на *-ние*" здесь и в дальнейшем описании мы относим все образования с вариантами этого суффикса, связанными с разными типами производящих основ: *-ение, -ание, -ие, -тие*, см.: [Грамматика-80].

[11] Круг источников конкретного материала был отобран с определенной тематической ориентацией: как опорные, основные для работы были взяты тексты обширной и недостаточно исследованной с языковой точки зрения коммуникативной сферы — кино и телевидения. Для сравнения и расширения материальной базы привлекались также разнообразные тексты, отражающие другие сферы общественной деятельности.

[12] При сборе материала мы не производили деления внутри ФР по жанрам, типам речи, ввиду общей неразработанности проблемы. От этого картина функционирования отвлеченных имен предстает, по-видимому, в более общем виде, чем хотелось бы.

[13] К этой сфере мы относим кроме собственно научных трудов (монографий, статей в научных журналах) разнообразные научные пособия и учебники, справочники для специалистов, справочники для лекторов (типа "Наука сегодня"), научные и научно-популярные журналы, научно-популярную литературу, а также научные доклады и лекции в вузах.

[14] Далее (Н.Н. Кудряшов).

вается кашетированием (Там же); *Заключительными этапами творческой работы над кинофильмом являются монтаж и озвучение* (Н.Н. Кудряшов, А.Н. Кудряшов, Любительский кинофильм)[15]; *В ночных сценах небо должно быть почти черным, поэтому первая задача кинооператора заключается в подборе соответствующего светофильтра для притемнения неба* (Там же); *Добавляя к раствору в качестве пластификатора камфору, путем полива и высушивания на твердой поверхности... получают нитрацеллюлозную основу, которая наряду с достаточно высокими механическими свойствами обладает недостатком — пожароопасностью (сравнительно низкая температура воспламенения и бурное горение, сопровождаемое выделением токсичных продуктов)* (Кинопроекционная техника: Учебник для кинотехникумов); *Механизм, обеспечивающий разматывание кинопленки, ее непрерывное и прерывистое передвижение и наматывание в рулон, называется лентопротяжным механизмом; Существуют лаки: прозрачные, противодействующие стягиванию и скручиванию; Экспонированная кинопленка... подвергается первому промыванию в воде... при сравнительно длительном хранении происходит почернение всей поверхности; Нарезание зубьев осуществляется фрезерованием при подаче фрезы вдоль оси барабана* (Там же); *В настоящее время заканчивается большая комплексная работа по созданию нового поколения звукотехнической аппаратуры для озвучивания и дублирования фильмов* ("Техника кино и телевидения").

Вот еще ряд примеров отглагольных имен из текстов, относящихся к научной прозе: *Значительное число программ направлено на снижение материалоемкости производства. Один из путей ее снижения — изготовление деталей из металлических порошков, при котором исключаются процессы плавки и литья, сокращается до минимума механическая обработка. Использование деталей из композиционных материалов на порошковой основе, внедрение процесса плазменного напыления порошков позволят при относительно небольших затратах существенно повысить прочность и износостойкость различного оборудования, а применение технологических лазерных установок — уменьшить расход металла в машиностроении* (Наука сегодня: Справочник лектора. 1982); *Посевы получают дополнительное питание макро- и микроэлементами, стимулируется или тормозится их рост, проводится искусственное их иссушение (дессикация) или обезлиствление (дефолиация)* (Там же); *Во многих задачах проектирования приходится изучать тепловые процессы, протекающие в создаваемом объекте. Это касается различных систем термостатирования, технологий, включающих процессы плавления или кристаллизации, конструкций, испытывающих сильные тепловые перегрузки,* и т.д. (Наука сегодня: Ежегодный справочник. 1988); *Воспроизводятся процессы поглощения, рассеяния и испускания длинноволнового и коротковолнового излучения, образования, переноса и конденсации водяного пара, которые сопро-*

[15] Далее (Н.Н. Кудряшов, А.Н. Кудряшов).

вождаются формированием и распадом облаков, выпадением осадков (дождя и снега), изменением влажности суши и т.д. *На модели изучаются крупномасштабные долговременные региональные климатические сдвиги; Такой подход к освоению недр обеспечивает рациональное территориальное сочетание различных ресурсов и мест их потребления. Необходимо резко сократить потери при добыче и транспортировке, извлекать максимально рентабельное количество компонентов из минерального сырья при переработке и обогащении* (Там же).

Имена с общим значением отвлеченного действия активно используются в языке разных наук, о чем свидетельствует и приведенный материал.

Имена на *-ние* в текстах официально-деловой сферы речи

Модель на *-ние* издавна считалась принадлежностью книжных сфер. Действительно, не менее широко используются отглагольные имена этого типа и в официально-деловой разновидности современного языка. Это подтверждается материалом (собранным методом сплошной выборки) из "Законодательных актов о кинематографии" и других источников[16]. Вот наиболее частотные образования: *Основными задачами... являются: проведение репертуарной политики, обеспечение выполнения государственного плана; осуществление монопольного права проката; управление предприятиями и организациями непосредственного подчинения; совершенствование технической базы... осуществление дальнейшего совершенствования, планирования и распределения кинотехнического оборудования, выделение фондов, снабжение материалами... указание по их применению и заполнению с целью улучшения организации бухгалтерского учета... распространение передового опыта ведения учета.... право на получение вознаграждения за использование произведения... рассмотрение и утверждение заданий на проектирование... открытие кредитов и изыскание резервов... контроль за правильностью расходования, кредитования затрат, порядок списания затрат* и т.д. ("Законодательные акты...", 1—330).

Как видно из примеров, круг основ, оформленных суф. *-ние*, здесь весьма ограничен. Семантика мотивирующих глаголов отражает общую идею управления, планирования, отчетности и т.п.

Для большей полноты картины функционирования этого словообразовательного типа в официально-деловой сфере можно привести примеры из другой тематической области — юриспруденции. Так в "Комментарии к Основам законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях" (М. 1983) широко используются следующие образования: *ознакомление должностных лиц ... рассмотрение дела о деянии, совершение деяния*

[16] Источники материала здесь и далее относятся к началу 80-х гг.: Ведомственные нормали ("Норм-кино"), Руководящие материалы ("РМ-кино"), Госстандарты по фотокино- и звукозаписи и "Законодательные акты о кинематографии" (М., 1982).

и наложение взыскания... пресечение противоправных действий..; Это законодательство требует осуществления систематической работы по предупреждению правонарушений, выявлению и устранению причин, их порождающих; Применение предупреждения регулируется общими нормами, определяющими порядок наложения административных взысканий, приведения их в исполнение и обжалование; Штраф налагается на лиц, виновных в совершении следующих административных проступков: загрязнение и засорение вод; нарушение водосохранного режима ... повреждение водосохранных сооружений и т.д.

Подобные тексты-комментарии, отражая лексику юридических документов, являются принадлежностью официально-деловой разновидности современного литературного языка[17]. В то же время книга может быть использована, как сказано в аннотации, как научное пособие студентами и преподавателями вузов, т.е. ее можно с полным правом отнести и к научной сфере речи. Этот пример подтверждает близость и взаимопроникновение этих стилей, "интенсивный процесс межстилевых сближений", связанный с экстралингвистическими причинами, функционально и стилистически оправданный[18].

Современные тексты свидетельствуют, таким образом, о большой распространенности отглагольных имен на *-ние,* выражающих отвлеченное действие, в сферах научной и официально-деловой речи[19].

---

[17] Ср.: "Официально-деловой стиль — это стиль государственных актов, законов, международных документов, уставов, инструкций, деловой переписки и т.п." [Логинова 1968, 186].

[18] Ср.: "Научный стиль обнаруживает, например, большую близость с канцелярско-деловым. Эти два стиля, имея во многом общий генезис, будучи родственными по происхождению... наряду с процессами дивергенции всегда показывали и много пунктов конвергенции, сближения, в результате чего образовался сложный конгломерат исходных общностей и позднейших схождений и взаимопроникновений. Например, общее для обоих стилей стремление вместить в пределы одной фразы максимум необходимой информации ведет к насыщению конструкции субстантивами, обычно выстроенными в виде цепочки последовательно прикрепляющихся генетивов" [Лаптева 1968, 127].

[19] Особая насыщенность отглагольными существительными некоторых сфер литературного языка отмечалась уже в 20-е гг., и вызывала возражения и даже протест у ряда лингвистов. Так, А.М. Пешковский писал: "Речь, построенная на отглагольных существительных, есть речь всегда вялая, путаная, не расчлененная на синтаксические звенья и соответственно мелодически бедная, бесформенная" [Пешковский, 1959]. Однако исследователи современного языка объясняют закономерность появления таких образований и обосновывают необходимость их использования в определенных сферах речи: "Ряд семантико-стилистических свойств отглагольного имени делает его незаменимым и самодостаточным для делового текста, закрепляет его за официально-деловой речевой стихией <...> утрата грамматических категорий, свойственных глаголу (вида, залога, времени), и создает нужную деловой речи однозначность и одновременно обобщенность смысла <...> Живая практика делопроизводства советского времени показала необходимость и оправданность употребления отглагольных имен в деловом стиле и невозможность замены их глагольными образованиями" [Логинова 1968, 204—205].

Имена на *-ние* в публицистике

Тексты публицистики также дают примеры широкого использования образований этого типа, причем здесь лексико-семантические группы производящих основ представлены более разнообразно, что естественно объясняется разнообразием жанров и широкой тематикой текстов этой сферы[20].

Можно здесь привести высказывание составителей трехтомного собрания произведений народного артиста М. Ромма, характеризующее специфику индивидуального стиля известного кинорежиссера, но в то же время отражающее и существенную особенность не только публицистической разновидности, но и вообще современных книжных сфер языка: "Порой было нелегко определить: в какой раздел отнести ту или иную статью; она могла содержать и исторический экскурс, и теоретические выкладки, и критическую оценку фильмов, и публицистический выход в современность"[21].

При анализе языкового материала мы учитываем сложившуюся языковую ситуацию. Обратимся к примерам. Очень показательный материал дают тексты М. Ромма: *Вторжение звука в кинематограф резко изменило представление о монтаже и мизансцене; При монтаже сцены происходит обогащение изобразительной ее стороны и одновременно — нарушение логики актерского поведения ... Построение глубинной мизансцены ... дает огромное обогащение изобразительных ресурсов; Он вкладывает свое понимание, свое истолкование в эту съемку кадра ... Если внимательно посмотрите, вы увидите у некоторых наших режиссеров "остекленение" кадра; Ускорение и нарастание музыки имеют пределы ... общая ритмическая формула — беспрерывное ускорение с одновременным нарастанием масштаба, энергии; Но если серьезность и пристальность рассмотрения ограничатся тщательным исследованием того, что попадается на дороге ... без широкого осмысления ... это может привести к потере одной из важнейших сторон советского киноискусства; Это один из сильнейших специфически кинематографических способов рассмотрения человека, проникновения внутрь его. Это способ сосредоточения внимания зрителя; Разумеется, говоря о ракурсе, я вовсе не имею в виду всенепременного оригинальничанья; Благодаря смелости в оперировании материалом, нарушению всех канонов драматургии, благодаря острому противопоставлению невероятно контрастного материала, преодолеваются все логически привычные нам стыки; И всякому исследованию жизни противодействует гримм, притворство, гово-*

[20] В нашей работе рассматривался прежде всего материал критических статей и книг по искусству кино (М. Ромма, И. Вайсфельда, Р. Юренева и др.), статей и очерков из журналов "Советский экран", "Искусство кино", "Советское фото" (словесный комментарий раздела "Фотопублицистика"), а также материал публицистических очерков в журнале "Новый мир" (80-е гг.). Преимущественно исследовались тексты, которые можно отнести к одному из наиболее распространенных современных публицистических жанров - "жанру раздумий, размышлений" (об этом условном названии см.: [Сиротинина 1968]).

[21] *М. Ромм.* Избранные произведения в 3-х тт. Т.1. Теория. Критика. Публицистика. М., 1980; далее (М. Ромм).

рение на условном языке; Я утверждаю, что на вкус кинематографиста, то, как читает Качалов, слушать невозможно. Раскрашивание каждого слова искусственно поставленным тембром актерского бархатного голоса, наигрывание буквально в каждом слове.

Не менее частотны отглагольные имена отвлеченного действия на *-ние* и в книге другого исследователя кино, известного искусствоведа И. Вайсфельда[22]: *В стремительной динамике становления кино поучительно и интересно исследовать современные проявления его общих особенностей ... В творчестве, пусть и в неповторимо своеобразном виде, действуют, живут закономерности: жизнестойкие художественные традиции сохраняются, продолжаются, одновременно они опровергаются и преобразуются на практике благодаря расширению и углублению способов познания социальной действительности, открытию новых потенциалов кинематографической выразительности; В самом сопоставлении двух начал кино заключена ситуация их конфликтности, если угодно, драматизма, несовпадения, расхождения, конфронтации ... Выводы иногда подсказаны встревоженным поиском истины, но чаще — схематизмом мышления, упрощением; Вместе с авторами фильма мы, зрители, в финале как бы выполняем задачу объединения, синтезирования событий, судеб, отношений; Бертольд Брехт выдвинул термин очуждения ... Очуждение означает отдаление ... В связи с разбираемым вопросом вернемся к старому термину остранение, вокруг которого в свое время велось много споров ... Не от студий, салонов и художественных школ, а от нашей классики XIX века ведет свое начало остранение как своеобразный способ художественного освоения действительности; Здесь нас также интересует проблема отдаления от действительности или приближения к ней для ее постижения. Толстовские "отдаления" привели его к гениальным проникновениям как в самые сложные явления политической жизни современного мира, так и во внутренний мир отдельного человека; Исключение из кинопроизведения (или даже ослабление) социального и психологического предполья означает неизмеримое обеднение экрана. Сведение творчества сценариста и режиссера к логизированному познанию только одних предпосылок предполья при стереотипности, невыразительности художественного мышления также катастрофично. Новое в искусстве кино и его драматургии — не прощание с его познавательными, эмоциональными потенциалами, а их развитие, обновление.*

Рассмотренные тексты публицистической разновидности дают представление и о широте использования отглагольных имен на *-ние*, и о характере мотивирующих основ, свойственных этой сфере книжной речи.

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ ОТВЛЕЧЕННОГО ДЕЙСТВИЯ НА *-КА*

Наиболее активным и сильным конкурентом суффикса *-ние* для образования имен со значением отвлеченного действия в русском языке считается суф. *-ка*. Словообразовательный тип, оформленный

[22] И. Вайсфельд. Искусство в движении. М., 1981; далее (И. Вайсфельд).

этим суффиксом, получает развитие к середине XVIII в.[23] В XIX в. его продуктивность возрастает. Существенно, что "имена на *-ка* в XIX в. употреблялись без каких-либо стилистических ограничений ... Свобода жанрово-стилистического использования имен на *-ка*, естественно, способствует их широкому вхождению в словарь языка" [Очерки 1964, 100, 102, 103].

В XX в. этот словообразовательный тип еще более укрепился, что было связано с большой употребительностью образований на *-ка* в производственно-технических сферах речи. В результате ряда исследований был сделан вывод о том, что "словообразовательный тип с суф. *-ка* в современном общелитературном языке и в производственно-технической терминологии активнее, чем тип на *-ние*" [Русский язык и советское общество 1968в, 151].

Действительно, образования этого типа с суф. *-ка* широко распространены в современном языке, но все-таки сфера их употребительности ограничена[24].

Имена на *-ка* в текстах научной сферы речи

Так, в научных текстах эти имена представлены наряду с именами на *-ние*, но используются преимущественно для обозначения конкретного действия, процесса. Ср.: *Следующий этап работы — режиссерская и операторская разработка сценария ... Здесь производится раскадровка, намечаются приемы съемки отдельных эпизодов и кадров* (Н.Н. Кудряшов, А.Н. Кудряшов); *Разбивка эпизодов на кадры и планы намечается уже в режиссерском сценарии и операторской раскадровке* (Там же); *Тут уместно вмонтировать так называемую "врезку", которая будет сюжетно оправдана; К сожалению, еще не изобретена такая обращенная кинопленка, которая бы ... при втором проявлении, после общей засветки, давала бы высокий контраст; При досъемках в помещении крупных и средних планов людей ... необходимо очень точно контролировать контраст освещения; Съемочные карты сохраняются, так как по ним можно в любое время восстановить принятые схемы освещения, когда отдельные кадры снимаются непоследовательно, с перерывами во времени, или производятся досъемки и пересъемки; С уменьшением яркости неба нужно быстро снижать освещенность на объектах переднего плана либо удалением и расфокусировкой осветительных приборов, либо установкой сеток на осветительных приборах; Недодержка в пасмурную погоду, при использовании оттененного нейтрально-серого светофильтра, может быть несколько меньше* (Там же)[25], *Подсветкой*

[23] Ср.: "О существительных на *-ка* следует сказать, что они представляют собой достаточно новое явление в языке: в древнерусский период они были единичны, по свидетельству наших памятников в XV—XVII вв. количество их возросло" [Суффиксальное словообразование существительных 1974, 173].

[24] Ср. такой же вывод в кн. [Виноградова 1984], см. также: [Грамматика-80].

[25] Из некоторых источников, в частности, из указанной работы (Н.Н. Кудряшов, А.Н. Кудряшов), материал собирался на основании сплошной выборки.

спереди достигнута полная проработка изображения лица; Кроме того, уменьшается натяжение кинофильма при намотке и размотке, что способствует меньшему износу перфорационных дорожек (*Кинопроекционная техника*"); *Смазка шестерен редуктора осуществляется разбрызгиванием масла при вращении деталей ... Заливка и слив масла производится через отверстия; Таким образом можно осуществить первоначальную регулировку синфазности работы механизма; В цветном изображении засветка экрана приводит к уменьшению насыщенности цветов* (Там же) и т.д.

Можно привести аналогичные примеры из других учебных пособий, научных работ, справочников для лекторов и т.п. Ср.: *Созданы новые непрерывные процессы производства металлических изделий* (*непрерывная разливка стали, ее объединение с непрерывной прокаткой, производство труб с совмещением процессов сварки и последующей прокатки в непрерывном потоке* (Наука и человечество: Международный ежегодник 1981); *Прокат используется в основном как исходный материал с последующим, обычно значительным изменением формы: ковкой, штамповкой или обработкой на металлорежущих станках... Широкое применение прокатки при производстве машиностроительных деталей массового потребления, несомненно, должно принести большой технико-экономический эффект* (Наука сегодня. 1982); *Намечено создать электрооборудование и соорудить межсистемные линии электропередачи переменного тока напряжением 1150 кВ и постоянного тока напряжением 1500 кВ, предназначенные для переброски сверхбольших потоков электроэнергии из восточных районов страны на Урал и в Центр; Созданы специальные бумажные основы, водорастворимые краски для глубокой печати, новые составы для пропитки и отделки бумаги; Внедрены более совершенные процессы переработки пластмасс; Цель сотрудничества, проводимого странами-членами СЭВ по проблеме "Развитие научных основ и разработка новых технологических процессов сварки, наплавки и термической резки различных материалов..." — совместная разработка технологии и создание различного оборудования* (Там же).

Эти и подобные примеры наглядно показывают, что имена на *-ка*, обозначая конкретные действия, процессы, имеют большей частью специальный характер и используются в определенных тематических областях научной, производственно-технической сферы речи.

Имена на *-ка* в текстах официально-деловой сферы речи

В официально-деловой области образования на *-ка* имеют ограниченное употребление. Используются, как правило, традиционные образования, известные и общелитературному языку. Так, например, материал "Законодательных актов о кинематографии" дает следующие немногочисленные примеры: *упаковка, сортировка, отгрузка, отправка* (фильмовых материалов), *обработка* (информации), *разбивка* (фильмов по тематике), *уступка* (права экранизации), *мотивировка* (отклонения текста песни), *поправка* и *доработка* (текста) и др., ср.: *Подведомственные организации участвуют в приемке всех полно-*

метражных и короткометражных художественных кинофильмов; Главное управление кинофикации и кинопроката... принимает участие в разработке типовых договоров на поставку киностудиям фильмов; Оплата предварительной работы по укладке текста для озвучения телефильмов может производиться исходя из должностного оклада ("Законодательные акты...").

Характерно, что в тексте "Комментария к Основам законодательства..." такие образования вообще единичны, ср.; например: *Переуступка права водопользования.*

Ограниченное использование образований на *-ка* в этой функциональной разновидности (ФР) прежде всего связано с тем, что такие отглагольные существительные специализируются на выражении конкретного процесса действия, тогда как именам на *-ние* свойствен более обобщенный, отвлеченный характер действия и поэтому они более естественны в официально-деловой ФР. Важно еще и то, что официально-деловая речь — традиционная, исторически сложившаяся устойчивая языковая сфера, "функциональная природа" которой "не позволяет затрагивать при любых усовершенствованиях самую ее сущность — стандарт и шаблон, единообразие в отборе речевых средств" [*Логинова* 1968, 187, 225 и др.].

Имена на *-ка* в публицистике

В публицистической сфере книжной речи употребление подобных образований также весьма ограничено. Здесь используются преимущественно слова общелитературного языка. Хотя встречаются отдельные примеры обозначения некоторых специальных процессов, ср.: *Необходимость сохранения чувственной целостности речевого материала резко сократила возможность разбивки актерских сцен на монтажные куски... Монтажная разбивка обогащала сцену* (М. Ромм); *Сюда врезан план матросов, лезущих на скалы ... засим следует установка лестниц; Процесс перестройки кинематографии ... достаточно медлительный процесс переориентировки нашей режиссуры* (Там же); *Мы находимся в поисках органического разрешения мизанкадра, раскадровки актерской сцены; Кинематографическая мизансценировка и последующий монтаж должны быть заранее продуманы* (*Там же*); *В современном сценарии и фильме переосмысливаются традиционные для драматургии понятия: экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация, эпилог* (И. Вайсфельд); *Как видим, уже в самом отборе персонажей, в расстановке их на поле драматургического сражения композиция заявляет о себе как образная, формирующая сила* (Там же).

Вот еще ряд примеров — слов общелитературных, встретившихся там же: *трактовка, переделка, перестройка, разработка, подготовка, зарисовка, завязка, разведка* и др.[26]

[26] В образованиях на *-ка*, как и в именах на *-ние*, в некоторых случаях трудно определенно сказать, какое именно значение — отвлеченное или конкретно-предметное — имеет слово. Это может быть связано с переходным характером самого значения или совмещением этих значений. В этой работе перед нами не стояла задача анализа производящих основ глаголов с точки зрения структуры и семантики. Мы опирались на уже имеющиеся характеристики, см.: [Русский язык и советское общество 1968в, Даниленко 1974], см. также: [Булатова 1957].

Можно дополнить эти примеры материалом из других исследованных текстов, относящихся к публицистической ФР: *Недостатком таких авторов является имитация чужих взглядов и форм, недооценка собственных сил* (Сов. фото. 1984. N 1); *Я решил отшутиться и посоветовал по рации Чистякову для тренировки спать на льду* (Там же); *В пылу полемики критик, думается, подошел тогда к не лишенному противоречий фильму односторонне, не связал его с разработкой нашим экраном серьезной "общественной проблематики"* (Искусство кино. 1982. N 11); *Р. Юренев, как всегда, выступает с открытым забралом, не прячет своих сомнений и антипатий, он активен в поддержке всего, что считает народным, гуманным и прогрессивным в зарубежном кино; По счастью, с Юрием Каюровым мы сразу нашли общий язык — роль и на сей раз требовала дальнейшего углубления трактовки неисчерпаемого образа; Талантливые актеры с такой отдачей, увлеченностью и выдумкой разыграли, каждый раз по-новому, этот скетч, что не только вся съемочная группа, но и окружающие нас случайные зрители — прохожие — веселились от души* (С. Юткевич "Ось времени" // Искусство кино. 1982. N 11)[27]; *Пригодились изменения цвета и кадра ... и частичное использование рапидной съемки; Новаторское использование пейзажа, который перестал играть лишь роль фона, обозначения места действия или просто монтажной "перебивки", а соучаствовал в действии; Из-за этого возникали частые накладки в текущих съемках* [Там же].

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИМЕН НА *-НИЕ* И *-КА* В КНИЖНЫХ СФЕРАХ РЕЧИ

Материал книжных сфер современного литературного языка (научной, официально-деловой, публицистической), показывая общую картину широкой употребительности отвлеченных имен со значением действия, свидетельствует о большей частотности образований на *-ние*. Продуктивности этого словообразовательного типа, как уже отмечалось выше, способствует отсутствие существенных структурно-семантических ограничений со стороны производящих основ, ср.: "Теоретически почти от каждого глагола, кроме основ совершенного вида с приставками реального значения, можно с помощью этого суффикса образовать отглагольное существительное"[28] [Виноградов 1947, 117].

Синонимичный, конкурирующий словообразовательный тип на *-ка* также имеет широкую производящую базу: "При сравнении продуктивных групп производящих основ с суф. *-ние* и *-ка* нетрудно убедиться в почти полном совпадении основ, пригодных как для того,

---

[27] Далее (С. Юткевич).

[28] От основ сов. вида, однако, такие имена образуются реже, менее активно. Еще А.А. Потебня указывал, что "при многих глаголах совершенных длительных (неоднократных) вовсе нет этих существительных; так, например, нельзя или крайне неловко сказать ... запертие, починение платья..." [Потебня 1958, 344], ср. также: [Васильев 1958].

так и для другого типа..." [Русский язык и советское общество 1968в, 147].

Однако для образований на *-ка* все же существуют некоторые и структурные и семантические ограничения. Так, имена на *-ка* не образуются от глаголов на *-еть* типа *болеть, светлеть, голубеть;* от глаголов на *-нуть* типа *глохнуть, мокнуть* (от этих глаголов нет и образований на *-ние*); от глаголов типа *лечь, беречь;* от глаголов *вить, бить, жить, пить* и др. Скопление согласных в корне глагола — *стк, стрк, днк* — также накладывает запрет на образование имен на *-ка* (см. об этом: [Дементьев 1959, 22; Русский язык и советское общество 1962, 33]). Использование таких имен ограничивается и семантическим фактором: суф. *-ка* создает существительные со значением конкретного действия или производственного процесса, т.е. круг производящих основ здесь значительно меньше. Имена на *-ка* имеют поэтому более ограниченную область применения: они обнаруживают особую продуктивность преимущественно в производственно-технических сферах.

Однако в этих языковых сферах активно используется и словообразовательный тип на *-ние.* У данных конкурирующих типов исследователи отмечают в одних случаях распределение основ, закрепление "сфер влияния" (в первую очередь, в основах традиционных классов глаголов), в других случаях — "обостренную борьбу за право образовать слово от общей для обоих типов основы... Перспективы развития каждого из типов зависят от исхода борьбы синонимических образований типа *шлифование—шлифовка, шифрование—шифровка...*" [Русский язык и советское общество 1968в, 147].

В сфере функционирования подобных однокоренных образований намечаются две линии: а) сосуществование, параллельное использование однокоренных имен, в результате которого одно утверждается в языке, другое со временем перестает активно употребляться (*засветка—засвечивание, разведка—разведывание, резка—резание* и др.); б) семантическое размежевание, закрепление за каждым из однокоренных образований своего значения (*заявление—заявка, подписание—подписка, добавление—добавка, поставление—поставка, налаживание—наладка* и т.п.). Ср. ряд примеров: *Совместно разработанная унифицированная установка для воздушно-плазменной резки отличается простотой в изготовлении и повышенной надежностью в эксплуатации... Установка универсальна и обеспечивает высококачественное резание любых металлов толщиной до 40 мм* (Наука сегодня. 1982); *Рассмотрим подробнее явление засветки экрана посторонним светом... При дневной кинопроекции на экран будет падать рассеянный свет, вызывающий засвечивание всей поверхности экрана* ("Кинопроекционная техника"); *Трудности кинематографического мизансценирования — необычайная ограниченность площадки в сочетании с необходимостью давать огромное пространство и разъяснительное толкование; Кинематографическая мизансценировка и последующий монтаж должны быть заранее продуманы* (*М. Ромм*).

Эти последние примеры подводят нас к обсуждению вопросов взаимодействия и взаимоотношений однокоренных образований.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ИМЕН НА *-ИРОВАНИЕ* И *-ИРОВКА* В РАЗНЫХ ТИПАХ РЕЧИ

Известно мнение, что в существительных от глаголов на *-овать* (и одного из самых продуктивных вариантов этого типа — *-ировать*) среди однокоренных преобладают имена на *-овка* (*-ировка*), которые вытесняют имена на *-ование* (*-ирование*) [Дементьев 1959].

По-видимому, так прямолинейно не следует понимать взаимоотношения, взаимодействие форм на *-ние* и *-ка* от глаголов на *-ировать*[29]. Этот словообразовательный тип включает в основном глаголы двух групп: а) непереходные, со значением 'заниматься тем, что означает производящая основа' и б) переходные, со значением целенаправленного действия.

Имена на (*-иров*)*ка* выделяются среди других имен на *-ка* прежде всего тем, что сохраняют глагольный показатель (*-иров-*), образуясь, параллельно с именами на -(*ирова*)*ние,* как от переходных, так и от непереходных глаголов, ср.: (1) *пломбировать—пломбирование—пломбировка; маркировать—маркирование—маркировка; гофрировать—гофрирование—гофрировка* и т.п.; (2) *стажировать*(*ся*)*—стажирование—стажировка; маршировать—марширование—маршировка* и др. Однако, утверждение, что имена на -(*иров*)*ка* продуктивнее и употребительнее имен -(*ирова*)*ние*[30], требует проверки, дополнительного исследования. Так, в профессионально-технической сфере, отражающей номинацию техники кино и телевидения, для обозначения многих конкретных процессов используются преимущественно образования на -(*ирова*)*ние,* имена с синонимичным суф. -(*иров*)*ка* единичны. Вот ряд примеров: *демонстрирование, копирование, транспонирование, экспонирование, фиксирование, контратипирование, анаморфирование, маскирование, виньетирование, микширование, панорамирование, кашетирование, проецирование* и др. Ср.: *В зависимости от назначения кинопленки можно разделить на: негативные* (*для киносъемок*), *позитивные* (*для печати фильмокопий*), *контратипные* (*для контратипирования*) и др. ("Кинопроекционная техника"); *Затем пленку перфорируют на перфорационных станках; одновременно с перфорированием пленка маркируется; Процесс освещения кинопленки называют экспонированием; Вариоскопические фильмы с такого негатива могут быть получены тремя способами;* а) *на 35-мм кинопленке путем кашетирования изображения в процессе печати кинофильма; Виньетирование приводит к постепенному спаду освещенности изображения от центра к краям* (Там же); *Полученный*

---

[29] Ср.: "Отдельные глаголы с суффиксом *-ирова* появились на русской почве в XVIII в., но живым в русском языке он стал только к середине XIX в. С этого времени глаголы с суффиксом *-ирова* становятся той основной группой, через которую происходит пополнение словарного состава русского языка глаголами с индоевропейской основой. Эти глаголы относятся к самым различным специальным областям деятельности" [Авилова 1955].

[30] Ср.: "Все же большинство новых слов оформлено через окончание *-овка.* Подавляющее большинство их или обозначает производственные процессы, или относится к спортивной лексике" [Дементьев 1959].

при воспроизведении эффект будет подобен эффекту, полученному путем электрического микширования (В.С. Вовченко, Звук на любительской кинопленке)[31]; *Предлагается электронное устройство, обеспечивающее дозирование излучения фотовспышки ... Станок для ретуширования фотопластинок* ("Фотокинотехника"); *Предусмотрена возможность регулировки светового потока с целью дозирования экспозиции при впечатывании выбранной комбинации из трех цифр и их ориентировки* (Там же); *В механизме затрудняется регулирование зацепления шестерен* ("Кинопроекционная техника"); *Можно осуществить первоначально регулировку синфазности работы механизма* (Там же).

Материал показывает, что для выражения значения какого-либо специального, производственно-технического процесса от глаголов на *-ировать* используются преимущественно образования на-(*ирова*)*ние*[32].

Эта модель представляет продуктивный образец для создания имен со значением активно протекающего процесса, заключенным в производящей основе. В ряде случаев сам контекст дает очевидные примеры "чистой транспозиции", ср.: например: *Находясь в кадровом окне, участок кинопленки засвечивается (экспонируется)... изображение такого объекта, создаваемое объективом, тоже будет перемещаться в плоскости кинопленки в течение времени ее экспонирования* ("Кинопроекционная техника"); *Затем пленку перфорируют на перфорационных станках; одновременно с перфорированием пленка маркируется* (Там же)[33].

Подтверждением высокой продуктивности этой модели является факт появления имен на *-ирование* в тех случаях, когда соответствующий однокоренной глагол отсутствует[34] ср.: *С первичного негатива печатают промежуточный позитив, а с последнего печатают вторичные негативы, или контратипы. С контратипов на специальных кинокопировальных фабриках производится массовая печать фильмокопий, выпускаемых в СССР большим тиражом. Такой процесс массовой печати называют печатью с контратипированием* ("Кинопроекционная техника"); *Механизм форфильтрования содержит ряд нейтрально-серых светофильтров... Конструкция автоматического регулятора экспозиции и механизма форфильтра в минимальной степени диафрагмирует световой поток* ("Техника кино и телевидения"); *Лампа накаливания... с помощью конденсора равномерно освещает диафрагму, называемую маской; Единственное требование, предъявляемое при съемке, заключается в ограничении размеров кадра*

---

[31] Далее (В.С. Вовченко).

[32] Наши выводы касаются материала рассматриваемой коммуникативной сферы — кинематографии, но эти наблюдения в целом не расходятся с выводами других исследователей, см., например: [Даниленко 1959, 36].

[33] Процесс номинализации актуализирован в современном языке разными причинами (о типах такой "прямой субстантивации глагола" см., например, в работах В.Г. Гака). Для нашей темы важен сам факт активного функционирования отглагольных имен и их распределение по разным функциональным разновидностям.

[34] Т.е. потенциально возможен, но в речевой практике не зафиксирован. Это отметил в свое время Г.О. Винокур.

сверху и снизу, т.е. в маскировании (М.З. Высоцкий, Большие киноэкраны и стереофония)[35].

Г.О. Винокур по этому поводу писал: "Вряд ли можно сомневаться в том, что большинство таких слов возникает именно в терминологическом качестве, минуя глагольную и причастную стадию, и производится непосредственно от тех нарицательных и собственных имен, от которых этими словами заимствуется их предметное содержание" [Винокур 1939, 17][36].

Имена на *-(иров)ка* представлены в этой тематической сфере значительно ограниченнее. Они могут выступать как варианты однокоренных имен на *-(ирова)ние,* с тем же значением (см. выше — *регулирование—регулировка*); могут расходиться в сферах употребления (ср.: *ориентировка* — термин кинотехники, *ориентирование* на местности — туристско-спортивный термин); могут различаться оттенками значения или развивать новые (предметные, например: *формулировка, плиссировка, драпировка, экипировка, планировка,* и т.д.).

Рассмотренный материал взят из текстов специальной области, относящейся к научной ФР. Но глаголы на *-ировать* и их производные широко распространены и в других книжных сферах.

Так, в публицистике активно используются имена на *-(ирова)ние* (реже — на *-(иров)ка*), обозначающие "общие отвлеченные понятия". Ср.: *копирование, конструирование, прогнозирование, синтезирование, манипулирование, комментирование, форсирование, фиксирование, демонстрирование* и др. Вот ряд примеров в тексте: *Перед режиссером открывается широчайшее поле интерпретации, комментирования, истолкования* (М. Ромм); *Ведь в каждом новом продвижении почти неизбежно присутствует старое — не в механических повторениях и простом тиражировании... движение — это процесс, который включает в себя... творческую переработку ранее найденного; За последние десять—двенадцать лет мы наблюдаем тенденцию к игнорированию ценности студийных коллективов; Многие наши операторы слабо владеют искусством свободного оперирования камерой* (Там же); *Давно прошли те времена, когда от фотографии ждали лишь копирования объекта съемки* (И. Вайсфельд); *Они предпочитали использовать, переосмысляя, сложившиеся в театре, а частично использованные в дореволюционном кино, структуры повествования с "обычным" сюжетом, ориентацией на актера, использованием привычных форм мизансценирования и т.д.; Главное препятствие, возникающее на пути авторов фильма с введением большого числа персонажей — скороговорка, называние имен персонажей вместо раскрытия их особенностей, иллюстрации к темам, а не живые характеры, искусственное форсирование конфликтов; В кино стадия восприятия композиции особенно трудна для прогнозирования; В первом случае ... время астрономическое и экранное могут совпадать; во втором — конструирование времени, его членение, перерывы условны* (Там же); *Но в кинематографии есть не*

[35] Далее (М.З. Высоцкий).

[36] В ряде случаев используются причастные формы при отсутствии глагола, ср.: *руинированные* архитектурные памятники (пример Д.Н. Шмелева).

только фотографирование. В ней есть элементы, которые, переплетаясь с мастерством фотографирования, создают искусство ("Из истории кино"); *Есть характерные для старой плотной застройки приемы — дворы, айваны, хаузы, все это обеспечивало естественное кондиционирование, создавало тень и прохладу; По некотором размышлении в голову может прийти мысль о том, что эта земля, природа, здешний климат не в полной мере согласуются с принятыми приемами застройки, планировки кварталов, характером архитектуры* (Новый мир. 1983).

В разных областях публицистики, как видим, широко используются имена от глаголов на *-ировать*, выражающие различные отвлеченные процессы, действия. Нетрудно заметить, что тексты дают преимущественно примеры имен на *-(ирова)ние*. Продуктивность этой модели в разных сферах книжной речи и ее употребительность взаимосвязаны. "Употребительность, являясь следствием продуктивности, в определенных условиях может стать сопутствующей причиной, усиливающей или ослабляющей продуктивность той или иной словообразовательной модели" [Даниленко 1968].

Словообразовательный тип, оформленный суф. *-(иров)ка*, заметно уступает в активности продуктивному типу на *-(ирова)ние*, что связано с некоторыми формальными и семантическими ограничениями. Так, имена на *-(иров)ка* выражают, как правило, значение специального (чаще — производственно-технического) процесса, и поэтому не образуются от определенной группы глаголов с обобщенно-отвлеченным значением: *третировать, дезертировать, редактировать, рецензировать, гарантировать, комментировать, конвоировать, премировать, компрометировать* и т.п.

Нужно, по-видимому, учитывать и морфонологический фактор. Известно, что основную массу глаголов на *-ировать* составляют заимствования, "проводником" которых был до XVIII в. польский, а затем — непосредственно западноевропейские языки, в частности — немецкий. Отмечая неустойчивость, колебание ударения в глаголах на *-ировать*, исследователи связывают это явление с разными источниками заимствования (из польского — на *-ирова́ть*, из немецкого — на *и́ровать*). К XX в. акцентологическая неустойчивость в целом исчезает, так как большинство глаголов приобретает ударение на слоге *-ир-* [Воронцова 1982]. Но все же ряд глаголов (≈100 из 1000, т.е. 10%) имеет ударение наконечное. И с этим, на наш взгляд, связано существование имен на *-ировка*. Наблюдения показывают, что все глаголы с наконечным ударением дают образования с этим суффиксом. Ср.: *пломбирова́ть-пломбировка, гравирова́ть—гравировка, сервирова́ть—сервировка, командирова́ть—командировка, бомбардирова́ть—бомбардировка, глазирова́ть—глазировка, никелирова́ть-никелировка, полирова́ть—полировка, нормирова́ть—нормировка, дрессирова́ть—дрессировка* и др. Ср. отсутствие таких имен от глаголов: *курси́ровать, редакти́ровать, конспекти́ровать, фотографи́ровать, прогнози́ровать, синтези́ровать, демонстри́ровать* и др.

Следует сказать, что существует ряд имен на *-ировка* (*зондиров-*

ка, хромировка, транспонировка, вольтижировка и др.)[37], соотносительных с глаголами, не имеющими в современном языке наконечного ударения. Однако в истории языка эти глаголы имели двоякое ударение, что и дало возможность образоваться именам.

В целом, в современном языке имена на *-(ирова)ние*, как уже было отмечено, значительно уступают по употребительности более продуктивному типу на *-(ирова)ние*, особенно в общелитературых, публицистических текстах[38]. В официально-деловой ФР[39] преобладают в основном имена на *-ирование*, выражающие общую идею управления, планирования, отчетности: *нормирование, контролирование, премирование, проектирование, тиражирование, финансирование, планирование, функционирование* и др.

Находит отражение и ряд производственных процессов, связанных с кинотехникой. Так, например, в основные задачи Госфильмофонда входило *осуществление контроля за дублированием на русский язык фильмов производства союзных республик; организация работ по редактированию, дублированию, субтитрированию и озвучению... зарубежных фильмов* ("Законодательные акты..."); *При создании кинофильма в широкоформатном варианте срок демонстрирования исчислялся с момента выпуска к/ф на экран; Главное управление кинофикации и кинопроката осуществляет контроль за кинорепертуаром и демонстрацией кинофильмов... выдает разрешительные удостоверения на право демонстрирования кинофильмов* (Там же).

Последний пример "демонстрирует" явление вариантности, наблюдающееся в разных функциональных сферах.

ЯВЛЕНИЕ ВАРИАНТНОСТИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОДНОКОРЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОТВЛЕЧЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Имена *демонстрация* и *демонстрирование* выражают один и тот же смысл — 'показ, показывание движущихся изображений' — и могут употребляться в тождественных контекстах. Их параллельное функционирование имеет уже свою традицию, однако использование варианта *демонстрирование* поддерживается наличием глагола и других отглагольных образований, ср.: *Когда на экране появляется первый сигнал, включается электродвигатель второго кинопроектора, который будет демонстрировать следующую часть. Некоторое время оба кинопроектора работают вместе, причем демонстрирование фильма в это время ведется только кинопроектором, заканчивающим работу* ("Кинофильм и кинопроекционная аппаратура", 1971); *Данные*

[37] См.: [Обр. сл. 1974]. Из 100 глаголов на *-ировать* только два не имеют имен на *-(иров)ка*: *премировать* и *квартировать*. Возможно, здесь оказывает противодействие семантический фактор.

[38] Характерно, что для XIX в. исследователи отмечают большую активность таких имен, усиливающуюся отсутствием каких-либо стилистических ограничений. См.: [Очерки 1964].

[39] Основным источником материала и здесь служили "Законодательные акты о кинематографии".

таблицы не распространяются на кинопередвижки, демонстрирующие фильмы в неприспособленных для этой цели помещениях... В конце работы первого кинопроектора включается в работу второй, а с первого снимается продемонстрированная часть фильма (там же); *Опыт демонстрирования панорамных, широкоформатных фильмов ... показал, что изображение как бы втягивает зрителя в демонстрируемое на экране действие* (М.З. Высоцкий).

Закреплению варианта *демонстрирование* способствует и то обстоятельство, что он стоит в ряду аналогичных семантико-структурных образований (отглагольных существительных на *-(ирова)ние*, обозначающих разнообразные процессы и широко использующихся в разных областях кинематографии (см. выше).

Функционирование однокоренных образований со значением отвлеченного действия можно проследить еще на одном примере: взаимодействия вариантов *озвучение, озвучивание, озвучание.* Обширный материал статей, книг, справочников по киноделу, а также устная профессиональная речь дают примеры использования всех трех вариантов, ср.: *Съемка—монтаж—озвучение* (В.С. Вовченко); *Аппаратура для озвучивания любительских фильмов; Методы озвучивания фильма* (Н.Н. Кудряшов); *Возможны несколько способов осуществления процесса предварительного озвучания. ... Использовались различные дубли фонограмм озвучания* (М.З. Высоцкий).

Возникновение этих отглагольных существительных было вызвано появлением новых общественных понятий, новых реалий, в частности — звукового кинематографа. Первая словарная фиксация глаголов *озвучить—озвучивать* с пометой "кино нов." относится к 1938 г. [СУ]. Существительное *озвучение* отмечается впервые в СО (1952), *озвучивание* — в БСЭ (2-е изд.)[40].

Эти отглагольные имена семантически тождественны, означают одно и то же понятие. Ср., использование обоих существительных в равнозначных контекстах: *В процессе работы над созданием звукового фильма используются следующие методы: синхронная съемка..., последующее озвучивание, предварительное озвучивание, озвучивание под черновую фонограмму, перезапись* (Н.Н. Кудряшов); *Предварительное озвучение — процесс звукозаписи кинофильмов, при котором звук записывается раньше, чем снимается изображение, с целью*

[40] Глагол сов. вида *озвучить* и соответствующий ему глагол несов. вида *озвучивать* относятся к группе образований, имеющих общее значение 'наделить (наделять) тем или свойствами того, что названо мотивирующим существительным' (*озаглавить, очеловечить, остеклить* и т.п.) [Грамматика-70]. Эти глаголы доказали свою актуальность и жизнеспособность не только тем, что стали производящей основной для других имен (ср. указанные отглагольные существительные, причастия типа *озвученный, озвучивший* и др.), но и тем, что вышли далеко за пределы узкой специальной терминологии и стали широкоупотребительны в общелитературном языке. За сравнительно небольшой отрезок времени (40 лет) помимо первого значения 'сделать звуковым (кинофильм)' эти глаголы развили ряд новых значений, ср. данные [БАС]: *Озвучивать*, несов., *озвучить*, сов., перех. Спец. 1. Производить запись фонограммы (музыки, диктор. текста, шумов и т.п.) к немому кинофильму или при дублировании кинофильма; 2. Снабжать радиоприемниками, репродукторами (помещение); 3. Приспосабливать для демонстрации звуковых кинофильмов (помещение); 4. Подвергать действию ультразвука.

последующей съемки изображения под фонограмму. Последующее озвучение — процесс звукозаписи кинофильмов, при котором звук записывается после съемки с учетом уже готового изображения (ГОСТ 13699-68 — "Запись и воспроизведение информации").

Нет препятствий к употреблению рассматриваемых отглагольных имен и с точки зрения грамматических норм современного языка. Производящими для имен на *-ние*, несущих значение процесса, действия, выступают преимущественно переходные глаголы несов. вида, в частности, продуктивными являются префиксальные глаголы с суф. *-ива/-ыва*, которые имеют оттенок длительности, процессуальности и сообщают его именам существительным[41], ср.: *оштукатуривание, отоваривание, озвучивание* и т.п. При наличии двух семантически тождественных, грамматически равноправных однокоренных отглагольных имен типа *озвучивание—озвучение* употребление одного из них может зависеть от разных факторов, в том числе, от конкретного контекста, от уже сложившейся традиции использования, от "лингвистических вкусов" автора того или иного пособия, справочника и т.п.[42]

Каковы же лингвистические основания для использования терминов *озвучивание* и *озвучение?* Оба термина грамматически равноправны. Семантическая тождественность, равнозначность, однако, создает избыточность, от которой, как правило, язык стремится тем или иным путем освободиться. В данном случае, видимо, более употребительным становится вариант *озвучивание,* о чем свидетельствуют специальные тексты (в частности, материал ежемесячного журнала "Техника кино и телевидения").

В ряде пособий по кино-, фото-, телетехнике встречается "третий вариант" — термин *озвучание.* Ср.: *Возникает вопрос о выборе правильного расположения микрофонов в ателье озвучания по отношению к экрану* (М.З. Высоцкий); *Рассмотрим основные особенности технологии стереофонической записи кинофильмов — синхронной, последующего и предварительного озвучания* (там же); *Мысль об озвучании движущихся изображений возникла задолго до изобретения кинематографа* (М. Голдовский, Основы кинотехники).

Показательно, что этот вариант встречается и в БСЭ (2-е изд.): *Дублирование звуковых фильмов — специальный вид звукозаписи, при котором производится полное речевое озвучание фильма с переводом текста с одного языка на другой.*

Использование такого термина, однако, вызывает сомнение. Возникновение его можно объяснить "потенциальным", не зафиксирован-

[41] Ср.: "Морфемы *-ва, -ива, -ыва* (редко *-а*) соотносительно с *-е(ни)* и в системе существительных сохраняют оттенок кратности, длительности" [Виноградов 1947, 118].

[42] Ср.: *В книге... освещаются вопросы составления сценария, монтажа фильма, его озвучивания и демонстрирования* (Г.Ф. Андерег, Н.Д. Панфилов, Справочная книга кинолюбителя); *Магнитная запись звука — наилучший способ любительского озвучивания фильма* (Там же). У некоторых авторов, например, в работе Ю.А. Ашихманова "Устройство для синхронного озвучения любительских фильмов", так же, как и в книге В.С. Вовченко, используется только вариант *озвучение,* ср.: *Работа устройства в режиме озвучения; Синхронизатор переведен в режим озвучения* и т.д.

ным современными словарями глаголом *озвучать* — теоретически возможной формой несов. вида. Известно, что видовая корреляция глаголов (сов.вид — несов.вид) может осуществляться разными способами, в том числе при помощи определенных суффиксов, путем имперфективации. По В.В. Виноградову, "этих суффиксов три: непродуктивный *-ва-*, малопродуктивный *-а/-я* и очень продуктивный и живой *-ыва, -ива*" [Виноградов 1947, 502—509][43], причем особо продуктивен суф *ыва/-ива* при образовании "форм несовершенного вида от предложных (или приставочных) глаголов совершенного вида". Что касается суф. *-а/-я*, то он обнаруживает "заметные признаки жизни и даже продуктивность" при образовании глаголов несов. вида от отыменных глаголов на *-ить*, осложненных приставками, например, *заземлить—заземлять, приземлить—приземлять, разграфить—разграфлять* и т.д. У некоторых глаголов существуют двойные формы несов. вида: с суф. *-ыва/-ива* и с суф. *-а/-я* (*накоплять—накапливать; отряхать—отряхивать; приготовлять—приготавливать*), что связано с необходимостью в некоторых случаях подчеркнуть оттенок 'интенсивная длительность и повторяемость', а также со стилистическими причинами[44].

В современном русском языке существует видовая пара *озвучить—озвучивать*. Возможна ли параллельная форма несов. вида с *-а-* (которая дала бы отглагольное образование *озвучание*, использующееся в современной кинотерминологии)?! Можно ли предсказать появление той или иной формы несов. вида и какие основы и в каких случаях "выбирают" тот или другой суффикс?

Анализ группы префиксально-суффиксальных глаголов (с приставкой *о-* и суф. *-ить*), характеризующихся общей семантикой 'наделить тем или свойствами того, что названо мотивирующим существительным', обнаруживает характерную тенденцию — зависимость между ударением глагола сов. вида и формой глагола несов. вида: (1) при ударении глагола сов. вида на корне — глагол несов. вида, как правило, образуется с помощью суф *-ива/-ыва*: *озагла́вить—озаглавливать, окула́чить—окулачивать, оку́чить—окучивать, оси́лить—осиливать, одура́чить—одурачивать, отова́рить—отоваривать, обиле́тить—обилечивать, обюрокра́тить—обюрокрачивать, оспо́рить—оспаривать* и т.п., (2) при ударений глагола сов. вида на финали — глагол несов. вида образуется при помощи суф. *-а/-я*: *озелени́ть—озеленять, озари́ть—озарять, окрыли́ть—окрылять, опереди́ть—опережать, оснасти́ть—оснащать, охлади́ть—охлаждать* и т.п.[45]

---

[43] Иную точку зрения см. в [Грамматика-70], где выделяется всего один суф. *-ива(-ва)* с тремя морфами: *-ива-, -ва-, -а-*. Другие исследователи (см., например, работы Н.С. Авиловой) выделяют два суффикса: *-ыва-/-ива-/-ва* и *-а-*.

[44] В современных исследованиях при характеристике имперфективации как продуктивного способа создания видовых соответствий также отмечается возможность параллельных однокоренных образований несов. вида, их появление рассматривается как "абсолютно нерегулярное... обусловленное историческими причинами..." [Авилова 1976, 41].

[45] Встречающиеся отдельные примеры параллельных форм несов. вида типа *осмыслить—осмыслять, осмысливать; опылить—опылять, опыливать* и др. требуют дополнительного специального анализа, но не меняют общей тенденции.

Глаголы *озвучить—озвучивать* относятся к первому ряду соответствий, т.е. закономерной является форма несов. вида с суф. *-ива-*. Таким образом, отсутствие глагола *озвучать* в современном литературном языке объясняется определенными причинами, в частности — морфонологическим фактором. Но если нет оснований для появления глагола, то тем более — для отглагольных образований. Существительное *озвучание*, а также встречающиеся причастия *озвучающий, озвучаемый* не соответствуют современным литературным нормам[46].

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ОТВЛЕЧЕННОГО ДЕЙСТВИЯ С СУФФИКСАМИ *-АЦИЯ, -СТВО* И НУЛЕВЫМ В РАЗНЫХ ТИПАХ РЕЧИ

При помощи других суффиксов категории отвлеченности имена действия в современном языке образуются менее активно, но возможны во всех функциональных разновидностях. Так, в научной сфере (особенно в области производственно-технической терминологии) достаточно широко представлены имена с нулевым суффиксом[47], ср.: *Добавляя к раствору в качестве пластификатора камфору, путем полива и высушивания на твердой поверхности, получают основу* ("Кинопроекционная техника"); *При эксплуатации фильмокопии подвергаются нагреву, растяжению, чрезвычайно быстрым приложениям нагрузки... Напряжение, соответствующее точке С, есть временное сопротивление разрыву, т.е. напряжение, при котором образец разрушается ... Заливка и слив масла производится через отверстие; Кроме того, уменьшается натяжение кинофильма при намотке и размотке, что способствует меньшему износу перфорационных дорожек; При сборке плоского кулачка — добиваются получения натяга в пределах 0,01—0,02 мм; Для прижима рамки к гладкому барабану служит пружина* (Там же).

Вот еще несколько примеров из другого источника: *Одним из важнейших средств кинематографической выразительности является показ действия разными "планами": общими, средними, крупными и сверхкрупными* (Н.Н. Кудряшов, А.Н. Кудряшов); *Если при киносъемке кадра применяется объектив с переменным фокусным расстоянием или наезд ... понятие общий, средний и крупный план обозначает основные положения киноаппарата относительно снимаемых объектов; Для такого монтажного соединения необходимо при съемке предусматривать "захлест", то есть повторять движение не в конце предыдущего, а в начале последующего кадра; Простые приемы*

[46] Характерно, что вопрос о правомерности существования этого термина задали специалисты НИКФИ (Научно-исследовательского кинофотоинститута). Хотя в современной речевой практике слово *озвучание* используется довольно широко, но носители литературного языка ощущают его некоторую неполноценность. Так, в одной из передач Кинопанорамы (сент. 1984) ведущий, употребив термин "озвучание", тут же поправил себя: "озвучивание".

[47] Определенную активность словообразовательного типа с нулевым суффиксом, традиционно использующегося в производственно-технических сферах, исследователи отмечали и раньше [Винокур 1939, Даниленко 1959, 1966, 1977 и др.].

внутрикадрового монтажа, такие, как наезд и отъезд кинокамеры ... всегда доступны кинолюбителям ... В кинокартинах немого периода и в звуковых кинофильмах 30-х и 40-х годов для переходов от одного места действия к другому, а также для обозначения пропуска времени широко использовались различные технические приемы: наплывы, шторки; Определение правильной экспозиции с помощью фотоэлектрического экспонометра основано на световых измерениях двух видов: 1) на замерах яркости... 2) на замерах освещенности; Нужно применить другой способ замера, а именно замерить яркость не всего объекта, а только сюжетно важной детали (Там же).

Как видно из приведенных примеров, имена с нулевым суффиксом свободно используются в специальных сферах научной ФР языка. Однокоренные параллели с именами на *-ние* и *-ка* (типа: *натяг—натяжение, нагрев—нагревание, слив—заливка, замер—измерение* и т.п.) в целом не характерны для взаимоотношений этих типов. Можно согласиться с выводами, сделанными на материале 60-х гг., что словообразовательный тип с нулевым суффиксом "идет своим путем развития, имея свои семантические особенности и сферы активно употребления ... Наиболее устойчиво в современных образованиях этого типа значение ограниченного во времени, интенсивно протекающего действия или единичного акта какого-то действия. Это значение поддерживается как терминологическими, так и общелитературными образованиями" [Русский язык и советское общество 1968в, 149].

В официально-деловой разновидности современного языка такие имена представлены большей частью узуальными, общелитературными образованиями типа *пересмотр, учет, перевод, сбор* и т.п., хотя при необходимости используются и имена, отражающие специфику определенной тематической сферы, ср.: *Управление по производству документальных, научно-популярных и учебных фильмов осуществляет запуск в производство полнометражных фильмов* ("Законодательные акты о кинематографии"); *Управление участвует в разработке основных направлений по производству, тиражированию, прокату и показу кинофильмов ... организует разработку и пересмотр отраслевых технических нормативов, ... контролирует своевременность ввода его в эксплуатацию; ... дает заказы на перевод текстов (озвучение, дублирование, субтитрирование) советских фильмов ... осуществляет сбор, хранение и обработку информации* (Там же).

Ср. еще ряд примеров из других текстов официально-деловой сферы: *Штраф налагается на лиц, виновных в совершении следующих административных поступков: переуступка права водопользования ... самовольный захват водных объектов ... незаконная охота и уклонение от сдачи государству шкурок пушных зверей ... участие в отстреле и отлове пернатой дичи* ("Комментарий к Основам законодательства...").

В публицистике наряду с традиционными общелитературными образованиями (типа *пересмотр, отказ*) используются и терминированные имена, обозначающие определенные конкретные действия, связанные с тематикой текста. Более свободно (по сравнению

с деловой сферой) возникают и отдельные новообразования. Вот ряд примеров: *Сцена усложнена беспрерывным медленным наездом аппарата* (М. Ромм); *Само собой разумеется, что помимо статичной камеры, наездов и отъездов, можно строить мизансцены переменной крупности на поперечном движении камеры; Когда берем целые сцены, то делаем наплывы, мягкие шторки, стараемся брать актера крупно; Картина требует самостоятельного домысла. Мы должны приучать зрителя к тому, что картину нельзя смотреть, развалившись в кресле* (Там же)[48]; *Работу Ромма над фильмом о подвиге в пустыне отмечает, по меткой характеристике Пудовкина, внимательнейший, любовный присмотр к человеку* (Караганов А. Предисловие // М. Ромм, Избр. произв.): *Однако только в момент репетиций я осознал, что задуманное панорамное движение камеры вызовет лишь обратный эффект: вместо "прыжка во времени" образуется простой переход из одной части декорации в другую. Значит, надо пространственный бросок обозначить иначе* (С. Юткевич); *Нужно очистить половину улицы, чтобы снять подъезд Трофимова на старинном фиакре; В монтажной "фуге" дважды повторяется медленный отъезд камеры ... Этот лейтмотив прощаний повторяется в финальном кадре отлета камеры; Столь типичная для Франции форма народного вальса повторялась в джазовой инструментовке, сопровождая проезд по современному Парижу; Я старался применять этот прием редко и не в чистом виде, а используя выразительность смены ритмов в одном кадре: так, в эпизоде Парижской Коммуны замах коммунара булыжником — "орудием пролетариата" — начинается замедленно, а бросок следует быстро"* (Там же).

Приведенный материал дает характерную картину совмещения, одновременного использования в публицистических текстах разностилевых образований: и литературно-нейтральных, и сугубо специальных, обозначающих конкретные специальные действия (ср.: *наезд, наплыв, отъезд, отлет* кинокамеры и т.п.). Исследователи 60-х гг. отмечали, что "общелитературное словообразование демонстрирует пеструю картину значений в именах с нулевым суффиксом. Однако и здесь обращает на себя внимание большое количество лексем, обозначающих интенсивно протекающие действия, чувства". [Русский язык и советское общество 1968в, 150]. Окказионализмы, новообразования в публицистике 70—80-х гг. подтверждают это наблюдение.

Значение отвлеченного действия может передаваться в современном языке и суф. *-ация, -ство* и некоторыми другими.

Имена, оформленные суф. *-ация* (*-фикация, -изация*), используются преимущественно в научно-технических, а также публицистических сферах книжной речи. В.В. Виноградов, отмечая продуктивность суф. *-ация, -изация* для обозначения процесса, действия (соотносительно с суф. глаголов *-ировать(ся), -изировать(ся), -овать(ся)*...), выс-

[48] Ср.: "Восприятие зрителя освобождалось от домысливания звука. Домысливание получало иное направление, иные стимулы" (И. Вайсфельд).

казывает мнение, что "для современного языка характерно распространение сферы применения суффикса *-изация* и на русские основы: воениизация, советизация, большевизация, озимизация..." [Виноградов 1947, 131]. Эти наблюдения подтверждаются и современной языковой ситуацией. В монографии "Русский язык и советское общество" в результате тщательного исследования группы имен с суф. *-фикация, -изация* делается убедительный вывод о значительном росте продуктивности этого словообразовательного типа (для 60-х гг.), обусловленном во многом экстралингвистическими причинами. Наш материал дает примеры активного функционирования имен на *-ация*, особенно в публицистике, например: *Однако наше авторское желание, так легко записанное на бумаге, оказалось гораздо более трудным для фиксации на пленке* (С. Юткевич); *Основным связующим звеном... служит прежде всего актерская игра, которую я для себя окрестил условно" активной", предполагая соучастие актера во всем творческом процессе, стимуляцию его личной фантазии* (Там же); *Были потери (неполнота характеристик, схематизация вымышленных персонажей, перегрузка материалом...), но в целом многосерийные картины... остаются в нашем сознании коллективными портретами времени* (И. Вайсфельд); *Материализацию звука в кино нельзя рассматривать однозначно. Звук необычайно обогатил образную палитру искусства кино; Детализация, по-своему интересная, отяжеляла повествование, смещала основную тему* (Там же); *Лучшие фильмы, где героями были подростки, всегда выходили за строгие тематические рамки, они были рассказом о том, как сложен процесс социализации личности* (Искусство кино, 1982); *Поскольку фильм выдержан в лирико-комедийном жанре, все моменты Ленькиных огорчений подаются без излишней драматизации* (там же). В публицистических текстах частотны такие образования, как *детализация, импровизация, интерпретация, ориентация, децентрализация, экранизация, интеллектуализация* и др.

Имена на *-ация* соотносительны с глаголами на *-ировать*, как и существительные на *-(ирова)ние*, и могли бы выступать их непосредственными конкурентами. Но этого не происходит, так как у каждого типа, как правило, свое "поле деятельности", что связано с некоторыми специфическими оттенками значения этих образований[49].

В последние десятилетия (80-е гг.) эти имена представляют достаточно стабильную группу, в публицистике известны лишь отдельные новообразования.

Словообразовательный тип, оформленный суф. *-ство*, функционирует преимущественно в публицистических сферах. Это объясняется прежде всего семантикой мотивирующих глаголов, "обозначающих действия и состояния человека", ср. *посягательство, вмешательство, угодничество, лодырничество, украшательство, препирательство*

[49] Ср.: "Посредством суф. -ация ... от основ глаголов на -ировать (реже от основ на -овать) образуются имена существительные женского рода, обозначающие действие (безотносительно к длительности и характеру течения процесса, что отличает их от отглагольных существительных на -ание, -ние, -тие), ср. конкретизация и конкретизирование..." [Грамматика-52, 263].

и т.д.: *Я говорил о том, что немой кинематограф заставлял зрителя сотворчествовать ... и что нынешний кинематограф снова ищет пути к зрительскому сотворчеству* (М. Ромм); *Противопоставлял свое творчество парадности, украшательству и дидактичности* (Там же); *Здесь он знакомится со стариком садоводом Хамракулом, и знакомство это оказывает большое влияние на мальчика* (Искусство кино. 1982); *Каждая творческая личность дышит воздухом того уровня, до которого способна дотянуться. В верхних горизонтах воздух свежее и чище, он не засорен микробами коньюнктуры, угодничества, приспособленчества, компромисса, всяческой жизненной суеты* (Новый мир. 1983).

Семантика производящих основ (глаголы со значением действия или состояния человека) объясняет некоторую продуктивность имен этого типа в художественной литературе, отмеченную в [Грамматика-80] (ср. приведенные там новообразования типа *зазывательство, открывательство*). В целом же имена на *-ство* со значением отвлеченного действия заметно уступают в употребительности и распространенности рассмотренным выше типам (на *-ние, -ка, -ация,* с нулевым суффиксом)[50].

Заключение

В современных стилистических исследованиях неоднократно отмечалась важность выделения, различения двух типов стилистической характеристики, двух сторон стилистической окраски языковых единиц: "эмоционально-экспрессивной" и "функционально-стилистической"[51].

Эти оценки могут выступать в языковой единице одновременно, будучи тесно связанными и взаимозависимыми, но могут быть представлены и только одной из них[52].

В нашей работе исследовались функционирование, реализация словообразовательных типов, отражающих категорию отвлеченности, сферы их преимущественного использования, т.е. нас интересовала в первую очередь "функционально-стилистическая" характеристика словообразовательных единиц.

Специальная окрашенность, связанная с функционально-стилистической принадлежностью, прикрепленностью языковых единиц, приобретается ими в процессе их функционирования, их жизни в языке. Видимо, совершенно справедливо мнение, что "стилистические средства не формируют стиль, а в известном смысле сами формируются им, т.е. приобретают стилистическую значимость в соответствии с

[50] Ср.: "Образование существительных с суффиксом -ство от глагольных основ было малопродуктивным. В языке XVIII в. отмечены: буйство..., воровство..., беспокойство и др. По направлению к современности подобные образования количественно сокращаются, частично заменяясь словами с другими суффиксами" [Очерки 1964, 113].

[51] См., например, материалы дискуссии по стилистике (1954—1955) на страницах журнала "Вопросы языкознания" и более поздние работы (О.К. Крыловой, В.Н. Виноградовой и др.). Ср. также мысль Ш. Балли об "эмоциональной" и "социальной" окраске языковых единиц [Балли 1961].

[52] "Само собой разумеется, что один и тот же речевой факт может одновременно обладать и той и другой окраской, однако пристальное наблюдение позволяет установить, что чаще всего одна из них преобладает" [Балли 1961].

той сферой или сферами общения, с которыми они связаны в сознании говорящих" [Шмелев 1977, 165].

Такая стилистическая значимость, функциональная закрепленность определенных словообразовательных типов зависит не только от регулярного использования имен (принадлежащих к этому типу) в тех или иных языковых сферах, но она поддерживаетя стилистической характеристикой, стилистическими "приметами" этих отдельных имен, зависит от изменений (исторических или ситуационных) в их окраске.

Изучать стилистические особенности, стилистическую характеристику языковых средств и стилистический состав той или иной функциональной разновидности можно разными путями (см. выше). Как кажется, наиболее просты и в то же время результативны два следующих способа: "Один из них состоит в том, что мы исходим из категорий самого контекста. При этом мы отталкиваемся от контекстуально определенной совокупности текстов и смотрим, какие варианты языка употребляются в данном корпусе текстов. Подобным способом мы можем изучать язык индивидуума, язык жанра (например, научного сообщения) ... и т.д. и сравнивать этот язык с языком релевантной нормы с целью установления его собственных различительных характеристик. Но к данной проблеме можно подойти и с другой стороны, а именно: изучать контекстуальное распространение определенных языковых черт. ... принципиально возможны два пути: определение набора языковых форм с помощью контекстов, в которых эти формы употребляются, и определение контекстов с помощью языковых форм, в них встречающихся" [Энквист 1980, 255—256].

В нашей работе мы шли по пути "выявления языковых форм", средств выражения словообразовательной категории отвлеченного действия, характерных для разных контекстов, разных типов речи.

В результате исследования был уточнен набор словообразовательных типов, выражающих эту семантику, выявлены некоторые особенности их функционирования в трех сферах книжной речи — научной, официально-деловой, публицистической. Имена со значением отвлеченного действия, представляющие один из активных участков словообразовательной системы, неоднократно привлекали внимание исследователей, причем круг проблем, связанных с nomina actionis все расширяется, открывая все новые перспективы исследования. Если на предыдущих этапах (60-е гг.) последовательно углублялось изучение деривационной структуры этих единиц и вопросов транспозиции глагола, теории номинализации, то с середины 80-х гг. все больший интерес вызывают вопросы, связанные с семантическими структурами (синхронный аспект и становление) и особенностями функционирования этих имен в разных ФР. Для нашего времени характерно особое внимание к динамическому, функциональному аспекту языковых явлений. Изучение актуализации внутреннего потенциала языка, его проявления в речи (тексте) ведется в разных направлениях и на разном материале. Исследование словообразования в функциональном аспекте имеет особое значение, так как, являясь одним из живых и продуктивных способов номинации в современном языке, именно оно активно пополняет лексические запасы, используемые в разных функциональных разновидностях.

ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ КАК КОНСТРУКТИВНЫЙ ЭЛЕМЕНТ НОМИНАТИВНОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКА

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Для современного языка характерно активное производство имен существительных как основного словообразовательного средства номинативной системы языка. В построении номинаций большую роль играют и признаковые части речи. Среди них важнейшее место занимают относительные прилагательные. Именно поэтому изучение активных процессов современного словообразования было бы неполным без характеристики категории отсубстантивных относительных прилагательных (ОП) как определенного класса производных слов.

ОП живет в современном языке напряженной жизнью, служа компонентом очень распространенного и полифункционального класса номинаций (ОП + существительное).

В сфере активного производства имен прилагательных наблюдается резкое различие между относительными и качественными прилагательными. Суффиксальное производство качественных прилагательных в современном языке не отличается активностью. Обнаруживают продуктивность немногие суффиксы, да и то преимущественно в РР (в первую очередь, соединяющиеся с основами субстантивов *-ист-*, реже *-оват-;* с основами глаголов — *-тельн-, -к-, -уч-;* с глагольно-именными основами — *-ательн-*).

Вместе с тем нельзя сказать, что категория качественности в современном языке затухает. Качественные значения постоянно возникают у ОП, создавая сложные перестройки в системе. Таким образом, недостаточная активность производства в сфере качественных прилагательных получает компенсацию в сфере ОП. Основной массив новообразований дают ОП с суф. *-н-, -ов-, -ск-*. Эти прилагательные обнаруживают активность и в производстве, и в употреблении, служа строительным материалом для самых разнообразных наименований — и специального, и неспециального характера.

Рассмотрим эту категорию слов подробнее.

Итак, специфический чертой русского (и — шире — славянских языков) является наличие в нем особой словообразовательной категории — ОП, выражающих широкое недифференцированное значение отношения. Этот класс слов существует в русском языке издревле и представляет собой специфическое явление в области словообразования. Он формируется в основном прилагательными с наиболее продуктивными суффиксами *-н-, -ов-, -ск-*. В чем же своеобразие этого класса слов?

1. Эти слова являются синтаксическими дериватами (по Е. Куриловичу).

2. Являясь по своей структуре и синтаксической функции прила-

гательными, они передают значение, лежащее в их основе, как признак. Их сущность — транспозиция предмета в признак. Таким образом, ОП аналогичны словам типа *белизна, смелость,* транспонирующим значение признака в значение предмета, или словам типа *отбрасывание, развешивание,* транспонирующим значение процесса в значение предмета.

Итак, своеобразие славянских ОП заключается в том, что они могут рассматриваться как свободно конструируемые единицы, близкие синтаксическому построению, а не слову. По своей семантике ОП близки падежным формам базового существительного, а сочетания "ОП + существительное" столь многообразны по значениям, что заслуживают рассмотрения в специальном разделе. Здесь мы лишь упомянем, что одни из подобных сочетаний можно сравнивать по семантике со свободными конструкциями "сущ. + сущ. в косв. падеже", другие — с составными терминами, обладающими известной слитностью, а третьи — с многословными описательными оборотами, в которых прилагательное называет лишь ключевое слово изображаемой ситуации, намек на нечто целостное. В европейских неславянских языках соответствующие значения передаются, как правило, сложными словами (немецкий язык) или сочетаниями существительных с предлогами (французский и английский языки).

Для нас ОП имеют особый интерес, так как они дают богатый материал для разработки вопроса о деятельном характере словообразования, о том, как словообразование используется для выражения разного рода мыслительных (когнитивных) процессов, в том числе и процесса наименования. ОП с суффиксами *-н-* и *-ов-* в русском языке выражают общее неконкретизированное отношение к тому, что называет базовая основа.

На протяжении истории русского языка сфера действия этих прилагательных и характер их употребления изменились. В древнерусском языке сочетания с такими прилагательными свободно употреблялись для выражения разных видов отношения к предмету, названному производящим существительным (параллельно значениям, выражаемым косвенными падежами существительных), см. напр.: [Шатерникова 1940], так что можно было бы говорить об отнесении их к парадигме склонения соответствующих существительных, уподобляя форме слова, ср.: [Трубецкой 1937, 16]. В середине прошлого века Г. Павский писал: "... Многие прилагательные могли бы и не существовать в языке. Вместо *писчая бумага, деревянный стол, весенний месяц* легко бы можно было сказать: *бумага для письма, стол из дерева, месяц весны*... Но наш русский язык, наравне с прочими славянскими, касательно размножения прилагательных имен превзошел другие индоевропейские языки" [Павский 1850, 1—2].

В языке XIX в. свободное синтаксическое функционирование относительных прилагательных ослабевает [Белошапкова, Земская, 1962, 4—25].

Современный язык (вторая половина XX в.) дает нам сложную картину функционирования ОП. Прежде всего следует отметить неравномерность употребления ОП в разных сферах литературного

языка. В нейтральном общелитературном употреблении эти прилагательные используются для выражения ограниченного круга отношений (посессивности, часть и целое, материал, назначение и ряд др.). Наряду с этим существуют такие сферы языка, в которых наблюдается повышенная активность ОП. Это — терминологическая и профессиональная речь, публицистика, разговорная речь и поэтический язык. О семантике и функционировании ОП писали много. Однако до сих пор целый ряд вопросов остается дискуссионным. Постараемся ответить на некоторые из них.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СОЧЕТАНИЙ С ОТНОСИТЕЛЬНЫМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Профессионально-терминологическая речь во второй половине XX в. является той сферой общения, которая отличается большой разветвленностью и оказывает влияние на другие сферы языка — язык газет, РР и язык художественной литературы.

Рассмотрим функционирование сочетаний "ОП + существительное" в профессиональной речи и терминологии.

В профессионально-терминологической речи сохраняются многие явления языка, утраченные другими сферами речи. Это относится, в частности, и к использованию в этой сфере речи ОП для выражения тех видов отношений, которые в общелитературном языке передаются косвенными падежами существительных. Такая консервация древних явлений в профессионально-терминологической речи объясняется тем фактом, что многие выражения, являющиеся в ней давно созданными устойчивыми номинациями, служат образцами для создания по своему подобию новых номинаций. Происходит притяжение новых номинаций к старым.

В этом отношении показателен следующий факт. В древнерусском языке были широко распространены сочетания, в которых прилагательное определяло отглагольное существительное, выступая со значением, близким значению родительного объекта (ср. *платяное мытье—мытье платья, чтение книжное—чтение книг*). Свобода образования таких сочетаний постепенно уменьшалась, и к началу XIX в. мы находим лишь реликты прежнего свободного употребления таких сочетаний: сочетания, имеющие характер устойчивых номинаций. Таковы, например, наименования фабрик, заводов, мастерских и т.п. В таких сочетаниях прилагательное образуется от основы существительного, обозначающей продукт производства. Ср. старые названия фабрик, заводов и т.п. учреждений: *оружейный завод, шляпная фабрика, сапожная мастерская*; и новые названия, формируемые по тому же образцу: *баллонный цех, прессовый цех, капроновая фабрика, кобальтовый цех, мембранный завод, цементный завод* и т.п. Следовательно, влияние профессионально-терминологических сочетаний с ОП проявляется в том, что по их образцу создаются сочетания такой же структуры (т.е. состоящие из существи-

тельного и ОП), характеризуемые аналогичными семантическими отношениями между компонентами. Это влияние может обнаруживаться в разных сферах литературного языка: в терминологии при сознательном построении новых терминов, в профессиональной речи, близкой речи терминологической, но лишенной ее строгости и системности, а также и в некоторых сферах общелитературного языка.

Для установления характера семантического отношения, выражаемого прилагательным, использовался трансформационный анализ. Сочетаниями, выражающими одни и те же семантические отношения, признаются сочетания, подвергающиеся одним и тем же синтаксическим трансформациям, т.е. соответствующие одним и тем же трансформам. Правильными синтаксическими трансформациями признаются такие, в результате которых получаем трансформы: 1) включающие одни и те же лексические морфемы, 2) характеризуемые одними и теми же отношениями синтаксической связи между лексическими морфемами, см.: [Апресян 1964]. Использование этого метода позволяет выявить основные, наиболее частотные виды отношений, выражаемые изучаемыми сочетаниями. В качестве трансформов могут использоваться и искуственные построения, если они отвечают таким требованиям, как грамматическая правильность и понятность выражаемого ими значения. Искусственные обороты более, чем реально употребляемые стилистически безупречные выражения, соответствуют предназначенной им роли — быть диагностическими сочетаниями, свидетельствующими о семантической однотипности изучаемых конструкций. Они могут охватить более широкий круг изучаемых конструкций, так как наличие семантического соответствия между ними и проверяемым материалом не нарушается никакими условностями словоупотребления, ср.: [Леонтьева, Никитина 1964; Павлов 1985, 70—71].

Для современного общелитературного языка сочетания с прилагательными, в которых последние обозначают обстоятельственные отношения, а именно отношения к месту, инструменту или способу действия, нетипичны. Как правило, они носят индивидуальный характер и создаются по типу уже имеющихся сочетаний.

Выражение обстоятельственных отношений — чисто местных, локальных (без наслоения качественных оттенков), инструментальных и образа действия — в современном языке передается конструкциями, состоящими из имени существительного, поясняемого другим существительным в косвенном падеже (с предлогом или без предлога). Ср. такие сочетания, выражающие локальные отношения, как *поездка в Крым, путешествие вокруг Европы, поход по Кавказу,* которые не могут быть в нейтральном стиле речи трансформированы в сочетания с однокоренными прилагательными. Можно возразить, что сочетания *Крымская поездка, Европейское путешествие, Кавказский поход* и т.п. вполне возможны. Они возможны и допустимы, но только в определенных условиях, в определенных стилях речи.

Точно также инструментальные отношения свободно передаются в современном языке сочетаниями существительных с существительными в твор. пад. без предлога: *уборка хлеба комбайном, рисование маслом* (*акварелью, пастелью*). Сочетания с прилагательными типа

масленное (*акварельное, пастельное*) *рисование* представляются необычными.

Рассмотрим типические конструкции с ОП, распространенные в профессионально-терминологической речи. В профессионально-терминологической речи сохраняются утраченные общелитературным языком во всей полноте конструкции, в которых прилагательное определяет существительное со значением действия-процесса и является выразителем его обстоятельственных характеристик (инструментальных, способа действия и пространственных).

Тип 1 — *комбайновая уборка.* В таких сочетаниях при отглагольном существительном прилагательное обозначает отношение к инструменту, орудию или средству действия (типа *комбайновая уборка хлеба, самолетная разведка, сывороточное лечение, анкетный опрос* и т.п.). Сочетания этого рода обычно трансформируются в конструкции с твор. инструментальным (*комбайновая уборка* — уборка комбайном, *осколочное ранение* — ранение осколком) или в описательные обороты, состоящие из отглагольного существительного и выражения *при помощи, с помощью* + род. пад. производящего имени (*анкетный опрос* — опрос с помощью анкеты, опрос при помощи анкеты). Несколько примеров: *талонное обследование пассажирских потоков, тестовая проверка, слуховой анализ, лучевое лечение опухолей, ветровое зондирование, жидкостная очистка газа.*

ОП с подобным значением может сочетаться и с конкретным существительным: Ср. *слуховой анализ — слуховой материал; шприцевое заражение — шприцевой больной.*

Подобные сочетания проникают и в неспециальную речь: *Пулевые дырки пронизывают стекло кабины* (Е. Евтушенко, Я—Куба).

Тип 2 — *пастбищное содержание.* В этих сочетаниях при отглагольном существительном прилагательное обозначает место действия. Такие сочетания широко распространены в профессионально-технических сферах. Например, *станочное* (*стойловое, пастбищное*) *содержание коров, клеточное содержание птиц, батарейное выращивание индюшат, непробирочный опыт* (из современных газет). Такие сочетания трансформируются в конструкции с предложным падежом: *пастбищное содержание* — содержание на пастбище, *клеточное выращивание* — выращивание в клетках и т.п. Однако в отличие от синонимичных им предложно-падежных конструкций адъективные сочетания являются официально принятыми терминами.

Из сочетаний с отглагольными существительными прилагательные, выражающие обстоятельственные отношения, могут перемещаться в сочетания с предметными существительными, как-либо связанными с соответствующими процессами, чаще всего — являющимися их результатом, продуктом. В таких случаях прилагательное утрачивает яркий обстоятельственный характер, и все сочетание выступает как номинация — обозначает разновидность предмета или явления (ср. тип 1) *осколочное ранение* и *осколочный рубец*: 2) *круговая прогулка* и *круговое шоссе;* 3) *клеточное выращивание птиц* и *клеточные несушки.*

В следующем примере отчетливо видна связь между сочетаниями,

включающими существительное со значением процесса, и сочетаниями с конкретными существительными: *Как практически организуется пакетное пчеловодство? Северный колхоз или совхоз, получив весной пчел в пакетах, пересаживает их в обычные ульи ... пчеловод из сравнительно небольшого количества пакетных пчел наращивает сильные семьи-медовики...* (Сель. жизнь. 1967).

Вот примеры сочетаний с конкретными существительными из современных газет: *Это относится абсолютно ко всем силосам (башенным, ямным* и т.п.); *избыток дешевых и многобелковых пастбищных кормов; цех клеточных несушек; Биологи произвели обширные сборы донных животных; донная тина болот; прудовый ил.*

Тип 3 — *спиртовое брожение.* Сочетания трансформируются в конструкции с родительным субъекта. Они широко распространены в профессионально-терминологической речи: *опухолевый рост* — рост опухоли (опухоль растет), *газовая утечка* — утечка газа (газ утекает), *метеорный поток* — поток метеоров; *грязевые, селевые потоки.* Например: *...вниз по склону шел гигантский лавовый поток* (В.А. Обручев, Плутония); *метод поддержания пластового давления* (из газет); *На ленточную культивацию требуется не более 250 килограммов крюкового усилия* (Сель. жизнь. 1963); *химизм такого сложного процесса, каким является спиртовое брожение* (А.И. Опарин, Возникновение жизни на земле); *Однообразный, метрономный удар недопустим* (В. Яхонтов, Театр одного актера); *Белые предприняли пешечный штурм* (из газет).

Тип 4 — *траекторные измерения.* Шире, чем в общелитературной речи, в профессионально-терминологической речи распространены сочетания, трансформируемые в конструкции с родительным объекта или другими косвенными падежами, имеющими объектное значение (*полостные ранения* — ранения полости, *полостные операции* — операции полости, *зяблевая вспашка* — вспашка зяби, *трутневый расплод* — расплод трутней).

Вот несколько примеров из газет: *аппаратура для траекторных измерений; Нужно произвести так называемый ямочный ремонт; изготовление морской соли из отходов бромного производства; На этом знакомство с зонтичным производством закончилось; проблемы портретной реконструкции.*

В профессионально-терминологической речи в сочетаниях с объектными значениями могут в качестве определяемых выступать существительные не только со значением процесса или лица, но и имеющие значение предмета—производителя действия: *Каждый сахарный завод должен иметь жомовую сушилку* (из газет).

Объектные отношения лежат в основе наименований цехов, фабрик, заводов, промыслов и т.п. (производство чего?), а также магазинов, рынков и т.п. (продажа чего, торговля чем?): *цех — балонный, таблеточный, юхтовый, прессовый, вагонный, тележечный* и др.; *завод — термометровый, автомобильный, тракторный, вагонный; промышленность — автомобильная, подшипниковая; совхоз — чайный, розовый; магазин — обувной, рыбный, молочный, мебельный.*

Тип 5 — *йодная недостаточность.* Характерны для профессиональ-

ной речи также сочетания, в которых существительное обозначает какой-либо признак, а прилагательное — отношение к предмету, являющемуся его носителем: *Йодная недостаточность наносит большой ущерб животноводству* (Сель. жизнь. 1963); *текстовая неполнота парадигмы редких слов* (из научной статьи); *Человек не умирает от электронной недостаточности* (Веч. Москва. 1964); *тканевая несовместимость* (из газет); *протонная радиоактивность* (Строение вещества. 1964). Ср. в профессиональной речи лингвистов: *морфемная омонимия, формантная полисемия, акцентная долгота* и т.п. Такие сочетания трансформируются в конструкции с родительным беспредложным ед. или мн. ч. (*йодная недостаточность* — недостаточность йода, *тканевая несовместимость* — несовместимость тканей, *морфемная омонимия* — омонимия морфем).

Тип 6 — *сувенирный кубок*. Этот тип сочетаний составляют такие, которые трансформируются в конструкции, включающие существительное, определяемое приложением или сочетанием со словами *который является* + твор. пад. существительного. Напр., *сувенирный кубок* — кубок-сувенир, или кубок, который является сувениром; *дебютная часть* — часть, которая является дебютом; *зальные помещения, эталонное топливо, эталонные шестерни, дебютная стадия, помесные телята, помесные коровы, помесный молодняк*.

Несколько иллюстраций из газет: *прокурор подал исковое заявление в суд* (Изв. 1964); *В первой пристрелочной попытке* (Сов. спорт 1964); *метание молота на рекордные расстояния* (Там же); *почва газонного поля* (Там же); *Настольная лампа бросает мягкий свет на так называемый постовой столик* (Мед. газ. 1964).

Тип 7 — *кассетный магнитофон*. Более типично для профессионально-терминологической речи наименование предмета не по перечисленным выше признакам, а по характерной для него части, детали, яркой примете. В таких сочетаниях прилагательное выражает отношение к предмету, являющемуся этой частью, деталью, приметой другого предмета: *гиревые, маятниковые часы; кассетный магнитофон; кнопочный переключатель; платформенные весы; поплавочные удочки; пластиночные фотоаппараты, ствольные орудия; корневищные растения* и т.п. Сочетания этого рода трансформируются в сочетания, в которых определяющей частью является однокоренное с прилагательным существительное в твор. пад., присоединяемое предлогом *с*: *маятниковые часы* — часы с маятником, *гиревые часы* — часы с гирей и т.п.; или в сочетания с *имеющий* (что?) — магнитофон, имеющий кассеты. Этот вид сочетаний является самым распространенным. С помощью него обозначается все многообразие предметного мира: *лаповый культиватор, поручневые кронштейны, поручневые трубы, тросовая волокуша, ковшевой погрузчик, шланговый опрыскиватель, ламповая электроника*.

Тип 8 — *магнитофонная кассета*. Этот тип отношений "обратен" предыдущему: там обозначается целое по части, здесь — часть по целому. Ср. *маятниковые часы* (тип 7) и *часовой маятник* (тип 8); *кассетный магнитофон* и *магнитофонная кассета*. Синонимичны сочетаниям с род. пад. базового существительного: *автомобильное*

колесо — колесо автомобиля. Этот тип словосочетаний также широко распространен и используется для наименования разновидностей предметов: *автомобильное, велосипедное колесо; бумага — блокнотная, тетрадная; комбайновые детали.*

Тип 9 — *струйные течения.* Выражает обстоятельственные отношения способа действия (в виде..., типа..., как ?). Трансформ может включать сочетания *методом* + род. пад., *способом* + род. пад. твор. падеж имени. ОП обозначает отношение к способу, виду, методу действия, определяемое существительное именует действие-процесс или метод, способ; *фазовый анализ, литьевой метод, групповая борьба, ансамблевое исполнение, стадийный анализ, гидропонный метод, схемные решения.* Например: *струйные течения в верхней атмосфере* (Авиация и космонавтика. 1964); *ранговые разбиения* (Материалы по математической лингвистике. 1963).

В особый подтип можно выделить сочетания с конкретными существительными, которые выражают обстоятельственные отношения к форме не названного в сочетании действия, т.е. содержат эллипсис: *пучковая морковь* (морковь, продаваемая пучками), *бутылочное молоко, пакетное молоко, струйный насос* и т.п.

Тип 10 — *ночная смена.* Выражает отношение ко времени. ОП производятся от базовых основ, обозначающих временны́е отрезки: *ночной полет, дневное дежурство* и т.п. Этот тип отношений распространен и в неспециальной речи.

Тип 11 — *домровый оркестр,* тип 12 — *хлорвиниловая пленка.* Эти типы синонимичны сочетаниям, содержащим род пад. с предлогом *из* + род. пад. имени или включающим выражение *состоящий из* + род.п. имени. Различие между 11-м и 12-м типами в том, что тип 11-й включает наименования считаемых предметов (*балалаечный ансамбль*) и выражает отношение целого к составляющим его частям, тогда как тип 12 — наименование вещества (*хлорвиниловая пленка, полиэтиленовое покрытие*) и выражает отношение не к части, но к материалу, веществу. Оба эти типа свойственны и неспециальной речи: *березовая, дубовая роща* (отношение к части, *состоящая из...*), *меховое пальто, шелковая блузка* (отношение к материалу).

Тип 13 — *тракторное топливо.* Выражает отношение назначения, трансформ — сочетание с предлогом *для* с род. пад. Очень распространены как в специальной, так и в неспециальной речи.

Именования назначения используются для называния видов, сортов изделий, материалов, всего многообразия естественного мира и мира артефактов, служащего человеку: *курточная, пальтовая ткань; плащевые пуговицы, топочный мазут, тарные дощечки, очковое стекло, мясные цыплята, газонные травы* и т.п.

Особую разновидность этого типа составляют такие, которые обозначают виды предметов и явлений по действию, для которого они предназначены: *взлетная площадка, полоса; разминочная дорожка, прогулочная автомагистраль, рулежная дорожка, отгонные пастбища, впускные окна и трубы, выводной круг, выхлопные отверстия, игровые площадки, питьевые фонтанчики, поливные машины.* Вот несколько примеров: *Опытовый бассейн* (загл. // Водный транс-

порт. 1962); *бегущие по рулежным дорожкам самолеты* (Авиация и космонавтика. 1964); *На каждую индейку приходится выгульного дворика — 4—5 квадратных метров* (Сель. жизнь. 1963).

Итак, в современной профессионально-терминологической речи широко распространен способ создания двусловных терминов, в которых существительное называет какое-либо общее понятие или род предметов, а прилагательное определяет разновидность этого предмета или понятия (напр., *снарядная, гантельная гимнастика; лыжный (парусный, буерный) спорт; семестровый, годовой экзамен; недельное, месячное расписание; значки спортивные, сувенирные*).

Конструкции "ОП + существительное" составляют самый распространенный вид сочетаний профессионально-терминологической речи. Это наиболее частотный тип структур, применяемых для создания неоднословных терминов и профессиональных выражений разного рода, что несомненно, объясняется их конструктивной "выгодностью" (кратность по сравнению с тяжеловесными, часто более чем двусловными синонимичными им описательными оборотами; структурная однотипность различных наименований, соотносимых как с одинаковыми, так и с разными синонимичными конструкциями) и специфической семантической слитностью, а также способностью употребляться в качестве производящих. Так, активизировавшееся в последнее время прилагательное *компьютерный* дает самые разнообразные сочетания: *Население должно получать всякие услуги, в том числе и компьютерные* (Правда. 1986); *Смогут ли салоны заполнить компьютерный ваккум?* (Там же); *пластинка компьютерной музыки* (Сов. культура. 1987); *компьютерная грамотность* (Правда. 1986).

Адъективные сочетания, как было показано выше, могут соотноситься с предложно-падежными конструкциями разного строения. Ср. *носовое, горловое* и т.п. *кровотечение* — кровотечение из носа, горла...; *сметная смоимость* — стоимость по смете; *топливные налоги* — налоги на топливо; *рейсовое задание* — задание на рейс; *ассортиментный минимум* — минимум в отношении ассортимента и т.п.

Характерно толкование терминов, представляющих собой группу "прилагательное + существительное", при помощи описательных оборотов или конструкций с предлогами, обычно применяемой в терминологической литературе: *поплавковый самолет* — 'гидросамолет, имеющий шасси с поплавками'; *полочный абсорбер* — 'абсорбер, в котором газ промывается струями жидкости, стекающей с полки на полку'; *кривошипно-ползунный механизм* — 'плоский четырехзвенный механизм, в состав которого входят кривошип и ползун'; система разработки *этажным* естественным *обрушением* — 'система разработки мощных залежей, при которой выемка полезного ископаемого производится на высоту этажа...'; *крыльевая* силовая *установка* — 'силовая установка с размещением двигателя в крыле, под крылом или над крылом'. Показательно, что двусловный термин толкуется несколькими (двумя, тремя, а иногда и более) конструкциями. Это отчетливо свидетельствует о различии между адъективными и субстантивными сочетаниями. Адъективным сочетаниям присуща семанти-

ческая емкость, широта и неопределенность значения. Она может устраняться либо в результате сознательного приписывания им определенного значения, либо в результате более или менее частого их употребления в определенном значении, либо просто в более или менее широком контексте. Однако эта особенность сочетаний с прилагательными приводит к тому, что нередко два способа выражения сосуществуют и встречаются даже в одном контексте. Например: *аграрные прения* и *прения по аграрному вопросу; шампиньонный перегной* и *перегной из-под шампиньонов.*

Несомненно, что использование в одном контексте различных синтаксически, но семантически тождественных (или близких) конструкций отчасти объясняется и стремлением избежать синтаксической монотонности.

Употребление сочетаний с отсубстантивными прилагательными — типическая черта профессиональной речи. Рассматриваемые сочетания профессиональной речи воспринимаются многими носителями литературного языка как несоответствующие литературной норме. При этом наблюдается интересное явление: сочетания, которые употребительны часто и давно, приобретают устойчивый характер и лишаются налета "нестрогости", нелитературности. Длительность употребления меняет стилистическую окраску сочетания. Ср. обычные: *квартирная хозяйка, школьный сторож;* и более редкие и потому кажущиеся неправильными: *маячный смотритель, костельный сторож, лодочный сторож.*

Любопытен следующий факт. Объявление в одном из продуктовых магазинов Москвы: *Потребительская конференция состоится...* — вызвало негодование ряда покупателей, требовавших замены прилагательного существительным род. пад. мн.ч. Показательно, что аналогичное сочетание *читательская конференция* стало привычным и не вызывает отрицательного отношения.

Другой любопытный факт. В одном из московских магазинов было вывешено объявление: *Сельдь тихоокеанская ящиковая.* Вскоре объявление было заменено: *Сельдь тихоокеанская из ящиков.* Между тем привычные наименования продуктов торговли такого типа (прилагательное обозначает отношение к таре, упаковке) никого не возмущают. Например, *бутылочное, пакетное молоко; бутылочное* (*баночное, бочковое*) *пиво.*

Если сравнить сочетания с прилагательными, распространенные в профессионально-терминологической речи, с обычной разговорной речью, то бросается в глаза следующее: в обычной бытовой речи соответствующие значения могут выражаться не сочетаниями, а одиночными существительными, послужившими производящими основами для прилагательных. Вот несколько примеров из специальной печати: *Сильные ливневые дожди* (ср. *ливни*); *прогноз буранных вьюг* (ср. *буранов*); *На юге Украины наблюдались даже суховейные явления* (ср. *суховей*); *чтобы предохранить ребенка от глистной болезни* (ср. *глистов*); *Высадка в грунт рассадных культур* (ср. *рассады*).

Ср. стилистическую оценку этих двух способов выражения: *Среди болезней, наиболее угрожающих человеку, одно из первых мест*

принадлежит разным видам злокачественных опухолей. Все они носят название раковой болезни или просто рака (ж. Гигиена и здоровье рабочей семьи. 1924).

Распространенность терминов этого типа в профессиональной речи объясняется тем обстоятельством, что единообразие их строения облегчает соотнесение различных взаимосвязанных терминов и, следовательно, построение системы терминов, включающих одно и то же стержневое существительное, определяемое различными ОП. Однако под влиянием частотности такого употребления сочетания рассматриваемого типа могут создаваться неоправданно, появляться в тех случаях, когда в них нет необходимости, из ложного стремления к профессиональности, наукообразности речи. Несомненно, что это явление отражает общий процесс терминологизации речи и связано в частности с отмечаемым С.И. Ожеговым ростом удельного веса описательных оборотов, синонимичных глагольным конструкциям [Ожегов 1962, 16—17]. Например, многочисленные адъективные сочетания со словом *изделия* нередко равны по значению существительному, от основы которого образовано прилагательное. Так, *колбасные изделия* не обозначают изделия из колбас, а просто 'колбасы'; ср. также *чулочно-носочные изделия — чулки и носки, сувенирные изделия — сувениры* и даже *палочные изделия* вместо *палки*, ср.: (Чуковский, Живой как жизнь. М.. 1962. С. 116—117).

Такие сочетания могут употребляться в целях создания комического эффекта, который достигается контрастом между наукообразным способом выражения и бытовым характером обозначаемого. Например: *Ящики сгружены. Теперь видно и само "транспортное средство"* (ср. *транспорт*) *— трехметровый гибрид арбы и тачки. Столь же уникальные образцы тачечного транспорта движутся внутри цеха* (ср. *тачек*) (Веч. Москва. 1955); *...лишь ложечка дегтя в... — Вы хотите сказать — в бочковой таре, наполненной натуральным продуктом, именуемым медом?* (Лит. газ. 1963).

Таким образом, влияние терминологических профессиональных сочетаний противоречиво. Оно полезно и целесообразно в тех случаях, когда способствует созданию единообразных по структуре составных наименований, см.: [Шмелев 1968, 52—53]. В тех же случаях, когда подобные сочетания проникают в общелитературный язык, это способствует псевдотерминологизации речи, ее излишней усложненности. Во всех выше охарактеризованных случаях прилагательное имеет чисто относительное значение и передает отношение к денотату без каких-либо сигнификативных надбавок.

СОЧЕТАНИЯ С ОТСУБСТАНТИВНЫМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ В НЕСПЕЦИАЛЬНОЙ РЕЧИ

Выше были упомянуты те виды сочетаний с ОП, которые свойственны и специальной, и неспециальной речи (отношения к материалу, назначения, части к целому).

Охарактеризуем еще некоторые виды сочетаний с ОП, свойст-

венные неспециальной речи. Сочетания с ОП часто именуют целое по части — по какой-либо детали, характерной примете. Широко употребляются сочетания с ОП для характеристики временных периодов по какой-либо характерной для них примете. Вот несколько типичных примеров: *Пришла к нам и весна спортивная* (из газет); *завтра зарплатный день* (РР). Газетные заголовки: *Хоккейная весна; Наступила пора гастрольная; Турнирные будни.*

Людей часто именуют по одежде или ее важной детали: *габардиновые кавалеры, вельветовые барышни, белохалатные тети, красногалстучный юнец.*

В этой связи интересно отметить расширение употребительности прилагательного *металлический* (относящийся к "металлороку")[1]: *...администраторы филармоний отказывают в предоставлении сцены "металлическим" рокгруппам...* (Комс. правда 1987), *"Металлическая галантерея" — эта та же самая желтая кофта Маяковского* (Кн. обозрение. 1987); *Информации о рокмузыке в наших библиотеках не сыскать. Вот приходится выезжать на "металлическую толпу", чтобы приобрести втридорога свежие номера западных музыкальных журналов* (Комс. правда. 1987).

Отметим, что сочетания с ОП в нестрогой речи могут выражать различные виды отношений, так что представить их в виде закрытого списка невозможно. Так, прилагательное *телефонный* обычно сочетается со словами определенной тематической группы (типа *разговор, шнур, трубка, будка* и т.п.). Но также встречаем: *телефонное воспитание, телефонный пациент, телефонная служба здоровья.* Вот еще примеры, показывающие характер употребления ОП: (сочетания с причинными отношениями) *цветочная болезнь,* (при этом нередко наблюдается эллипсис) *туфельные сложности* — сложности из-за покупки туфель. Типичны для неспециальной речи сочетания *"малышовый" вопрос, "подростковая" проблема,* когда перифразой сочетания с ОП является конструкция "относящийся к ...", "связанный с ...".

Сочетания с ОП в системе языка сосуществуют с конструкциями "существительное + косв. пад. существительного, однокоренного с ОП" (ср. *телефонное воспитание — воспитание по телефону*). Параллелизм таких словосочетаний рассматривался неоднократно, см., например: [Очерки 1964, Земская 1965, 1967, Чуглов 1967, Дащенко 1989]. Сравним сходства и различия между такими конструкциями. Сочетания с ОП способны выражать: 1) отношение к единичному лицу или предмету (единичная референция); 2) отношение к лицам или предметам определенного рода (родовая референция). Особенно часто первое значение выражают производные от имен собственных — фамилий, географических названий и т.п. (типа *Европейская безопасность — безопасность Европы*). Вот несколько типических примеров: *"Иссык-*

[1] Показательно, что сочетание *металлический рок* функционирует синонимично сложному слову *"металло-рок"* и усечению *"металл"*. Вот несколько примеров из одной газетной статьи (Кн. обозрение. 1987): «„Металлический рок" впервые дал о себе знать в 1974 году... Музыка „металлорока" появилась и в русле тяжелого рока... Может быть, со временем и я перестану слушать *„металл"*».

кульский форум" (загл. // Лит. газ. 86); *Юмор булгаковского повествования* (Вопр. лит. 1986); *из киплинговской сказки* (Кн. обозрение 1987); *Артемьевской музыкой наполнены многие десятки фильмов и театральных постановок* (Моск. правда. 1987). Показательно, что в одном тексте обычно сосуществуют конструкции с ОП и с косвенными падежами существительного. Различие между ними может относиться к сфере не семантики, но "звучания" соответствующих оборотов. Конструкции с ОП, произведенные от имен собственных, несут меньшую печать книжности, передают интонацию непринужденности, интимности. Вот ряд примеров из одной статьи (Лит. газ. 1986); *В книге Айтматова — патетическая интонация, крутой монологизм, серьезность, дидактизм... Не лучше ли сначала поговорить о злободневности айтматовского романа? Роман Айтматова отражает напряженные нравственные искания наших дней...*

Отфамильные и оттопонимические прилагательные могут получать, как это не раз отмечалось, и значение свойственности, подобия, т.е. качественно-характеризующее: *пушкинская ясность, булгаковский юмор, европейская воспитанность, американская деловитость.* Добавим, что нередко варьирование ОП и сочетаний существительных преследует одну цель — избежать монотонности повествования. Ср.: *В персонажах Айтматова часто происходит сращение человека и животного... Мальчик и Мать-олениха — вот своеобразный айтматовский Зодиак* (Лит. газ. 1986); *Дискография джаза насчитывает несколько десятков тысяч наименований... Пластинка "Джаз Леграна" считается одной из лучших в джазовой дискографии* (Моск. правда. 1987). Небходимо подчеркнуть, однако, что значение отношения к единичному лицу или предмету, т.е. выражение определенной референции, если речь идет об ОП, соотносительных с именами нарицательными, им менее свойственно, чем конструкциям с существительными в косвенных падежах, так как последние могут иметь при себе всякого рода уточнители, конкретизаторы, что делает их специфическим средством выражения данного значения. Ср.: он услышал *голос женщины* / *голос женщины, живущей напротив* / *женский голос* (отношение к единичному неопределенному лицу / отношение к единичному определенному лицу / отношение к ряду лиц, свойственности); ср. *женская походка* (обобщенное наименование — 'типичная для женщин') и *походка этой* ('той, моей знакомой...') *женщины;* ср. толкование нового прилагательного *битнический* (Новое в русской лексике: Словарные материалы 1982)[2]: 'относящийся к битнику, битникам, характерный для них'; *битниковский.*

Каковы те факторы — внутрилингвистические и экстралингвистические, — которые благоприятствуют активизации сочетаний с ОП? Это такой экстралингвистический фактор, как бурное развитие науки и производства, обусловившее рост профессионально-терминологической лексики и ее активное проникновение в общелитературные

[2] Далее (НС-82).

сферы выражения. Резко возрастает потребность в обозначении разного рода отношений к предметам, в создании сложных номинаций, являющихся разновидностями каких-то более общих номинаций. Благоприятствуют этим сочетаниям и факторы иного характера. Становятся более влиятельными в общей системе литературного языка те сферы речи (в частности, профессионально-технические), которым более свойственны сочетания с ОП, чем синонимические им средства выражения (ср. *пылевые очки — очки от пыли, стилевое единство — единство стиля, холодовое раздражение — раздражение, производимое холодом*). В названных сферах речи сочетания "ОП + существительное" широко распространены в качестве удобных лаконичных номинаций, соотносительных иногда с многословными конструкциями.

Однако имеются факторы, затрудняющие формирование и употребление сочетаний с ОП. Им препятствуют не только борцы за чистоту русского языка (о которых упоминалось выше), но и чисто языковые факторы. К их числу относятся такие: 1) невозможность выразить при помощи прилагательного значение конкретной референции, что объясняется синтаксическими причинами (невозможность конкретизировать относительное прилагательное с помощью поясняющих слов и способность к такому распространению существительного в косвенном падеже); 2) различия, охарактеризованные в пункте 1, порождают типичные семантические различия между сочетаниями с косвенными падежами и сочетаниями с ОП. Как правило, сочетания с ОП имеют обобщенное значение, тогда как сочетания с косв. падежами существительных — значение конкретной референции. Ср. два диалога: а) — *Это какое молоко?* — *Бутылочное* // (вид молока) — и б) — *Ты мне какого молока налила?* — *Из бутылки* // (конкретное указание). Ср. употребление выражения *рыночная цена* в контексте, показывающем слитность его семантики: *Что рыночные цены упали на рынке — великолепно* (М.А. Булгаков, письмо Н.А. Булгаковой (1922. янв. 10). 3) Между конструкциями с прилагательными и присубстантивными косв. падежами наблюдаются различия в сферах употребления. Сочетания с ОП — стилистически неоднородны. Одни из них характеризуются "нестрогостью", разговорностью и поэтому не допускаются во все сферы языка, хотя диапазон их употребления на наших глазах становится все шире. Другие, включаясь в сферу терминологии, закрепляются за специальными сферами речи. Многие сочетания с ОП воспринимаются как более терминологичные, профессиональные, чем сочетания с косв. падежами. Мы провели небольшой опрос (15 информантов), прося сопоставить сочетания *ладонная поверхность* и *поверхность ладони*. На вопрос "Какая разница между данными сочетаниями?" большинство (12 человек) ответило, что разницы в значении нет, но *ладонная поверхность* звучит научнее. 4) Причина чисто словообразовательного характера: не от всех существительных могут быть произведены прилагательные, тогда как производство форм косвенных падежей не имеет таких ограничений; 5) наличие у ряда отсубстантивных прилагательных закрепленных за ними словарных значений. Возникает конфликт между значением широкого недифференцированного отношения и лексикализованным

относительным значением. Поэтому при употреблении таких прилагательных нередко используются кавычки, извинения (*если можно так сказать,...*), оговорки и т.п. Так, прилагательное *меховой* обозначает чаще всего отношение к материалу (*меховая шуба, шапка* и т.п.). Ср.: *Говоря о приближении сырьевых источников к производству, думается, мы снижаем значение разговора о "меховом потенциале" страны. — Да, вы правы. Наша, если можно так выразиться, "меховая" страна испытывает нехватку в добротных изделиях из меха* (Комс. правда. 1967). Может создаваться напряжение между специальным и общелитературным значением, вызывающее даже непонимание. Так, термин *срочные роды* обозначает 'роды, проходящие в срок' (ср. *срочная телеграмма*). Между тем обычная женщина, как правило, не знает этого термина и выражение *срочные роды* понимает как 'необычно быстрые, преждевременные'. Ср. диалог в роддоме между медсестрой и роженицей: М. — *Какие роды'* Р. — *Первые* // М. *Так* // *Роды срочные?* Р. (молчит, не понимая). М. *Я спрашиваю* / *роды срочные?* Р. *Да нет.* М. (поясняя) *Срок у вас когда? В срок началось?* Ср. спец. военное *тревожная группа* и узуальное *тревожный* 'вызывающий тревогу'. В тех случаях, когда с общим относительным значением используются прилагательные, наделенные устойчивыми качественными значениями, может возникать комический эффект: *Поджарые буренки проворно шныряли от одного саженка к другому. ...От скотского увечья спаслись единицы деревцев* (Сель. жизнь. 1963).

Интересно в этой связи сравнить употребление сочетаний со словами *детский* и *взрослый.* Первое часто выражает значение 'предназначенный для детей' и входит в сочетания типа *детская обувь, детская посуда, детская мебель, детский кинофильм* и т.п. Трансформы таких сочетаний — конструкции с существительными с предлогом *для.* Прилагательное *взрослый* не имеет значения 'предназначенный для взрослых' Оно обозначает 'вышедший из детского возраста, достигший зрелости'. Однако принадлежность слов *детский и взрослый* к одному семантическому полю обусловливает их взаимовлияние. Возникают сочетания типа *взрослая литература, взрослые писатели, взрослая обувь, одежда; взрослый сеанс* (ср. *детский сеанс*) и т.п. Такие сочетания, несомненно, не соответствуют нормам русского литературного языка и могут восприниматься комически.

Расширение состава сочетаний "существительное + ОП" объясняется действием процесса аналогии. Устойчивые номинации профессионально-терминологической речи обрастают, как снежный ком, им подобными сочетаниями. Действие аналогичных процессов пронизывает все ярусы языка, однако, как справедливо пишет Е. Курилович, "лишь социальный фактор определяет, осуществятся ли эти возможности (аналогичных процессов — *Е.З.*). и если да, то в какой мере" [Курилович 1962]. Далее Е. Курилович приводит показательное и красивое сравнение: "Дождевая вода должна течь по предусмотренному пути (водосточные трубы, желоба, стоки) при условии, что идет дождь. Но сам дождь не является необходимостью. Изменения, предусмот-

ренные "аналогией", тоже не являются необходимостью. Поскольку лингвистика вынуждена считаться с этими двумя факторами, она никогда не может предвидеть будущих изменений. Наряду с взаимозависимостью и иерархией языковых элементов внутри данной системы, лингвистика имеет дело с исторической случайностью (в социальной структуре). И хотя общая лингвистика склоняется скорее к анализу системы как таковой, конкретные исторические проблемы могут решаться удовлетворительно лишь с учетом обоих факторов одновременно" [Там же 120—121].

СОЧЕТАНИЯ С ОТНОСИТЕЛЬНЫМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ЗНАЧЕНИЕ ШИРОКОГО НЕДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ОТНОШЕНИЯ

Рассмотрим подробнее один вид сочетаний, составляющих специфическую черту функционирования ОП.

Своеобразие русских ОП отчетливо обнаруживается в тех случаях, когда они употребляются для выражения широкого недифференцированного отношения, проясняемого лишь в широком контексте. Что может значить встретившееся в газете сочетание *"парфюмерная дама"*? Любительница парфюмерии? Торгующая парфюмерией? Применяющая много парфюмерии? Как понимать сочетания *колясочный визит* (*визит в коляске? по поводу коляски?*), *вензельная нагрузка?* Под заголовком *"Вензельная" нагрузка* газета повествует о том, что мамы и бабушки обязаны снабжать вензелями вещи детей, едущих в лагерь: *Управлению бытового обслуживания города следует что-то придумать, чтобы освободить мам и бабушек от "вензельной" нагрузки* (Веч. Москва, 1964).

Сочетание *акварельная повесть* мы могли бы понять вне контекста, как наименование, в котором слово *акварельный* имеет переносное метафорическое значение 'неяркий, свойственный акварели' (*акварельный закат, акварельные краски* и т.п.). Однако в данном случае речь идет о другом. А. Зоркий употребляет сочетание *акварельная повесть* в ином значении: *Недавно искусствовед И. Зильберштейн отыскал серию изумительных акварелей, изображающих ссыльных декабристов и их жен. Они были написаны декабристом Николаем Бестужевым. Авторы фильма назвали акварельную повесть трагической. Действительно, она потрясает судьбой целой плеяды прекрасных людей, мужеством Бестужева, который создал ее в кандалах, стремясь сохранить для потомков образы своих товарищей. Именно в акварельной повести и наступает разгадка прошлого поэзией. Авторы не просто показали акварели, а заставили взглядеться в лица ушедших навечно и прожить на экране их гордыми и прекрасными чувствами* (Лит. газ. 1961). Таким образом, *акварельная повесть* — это 'повесть в акварелях' и одновременно 'повесть об акварелях'.

Приведем примеры подобных сочетаний из художественных текстов:

В автомобильной Калифорнии
Где солнце пахнет канифолью,
Есть парк секвой
А. Вознесенский

Дело происходило в так называемую "вторую брюквенную зиму"... (Г. Белль в пер. Н. Федосюк, С. Тарханова (Лит. газ. 1967). Как объяснить, что такое *автомобильная Калифорния?* Калифорния — "это страна, в которой много автомобилей"; *брюквенная зима* — "зима, в которую ели много брюквы (или: основной пищей была брюква)"?

К такого рода сочетаниям нельзя найти точный трансформ, состоящий из существительного в косвенном падеже с предлогом или без предлога. Подобные свернутые словосочетания мы встречаем то и дело. Их понять помогает только широкий контекст и знание предситуации (если они характеризуют какой-либо частный случай). Таково, например, сочетание *чемоданное самолюбие,* понимаемое только из предтекста (речь идет об истории, приведшей к разводу): молодая жена ставит чемодан мужа под стол, что он воспринимает как оскорбление (Лит. газ. 1961).

В тех случаях, однако, когда сочетания обрисовывают типизированную ситуацию, они могут получать характер термина или устойчивого профессионального названия: *Каждый день, вернее, каждую ночь, в Шереметьевский порт под Москву с разных сторон слетаются "матричные" самолеты. Берут газетные матрицы в легких бумажных мешках и снова уходят в ночь* (Звезда. 1964); *Фр. Гальтон век назад сформулировал суть "близнецового метода" генетики. Сегодня это уже звучит так — "близнецовый метод" науки о человеке, помогающий ему познать себя. С этой-то целью в США, Англии, Франции, Италии, во многих других странах созданы "близнецовые центры"... При институте был создан близнецовый детсад...* (Комс. правда. 1975).

Такие номинации могут быть загадочными для непосвященных, требуют пояснения как, например, выражение *квартальное мясо*: *— Вот какие дела, корреспондент, — говорит он мне. — Вы все носитесь с гречкой, а Шурдуков вчера сдал квартальное мясо.*

Я привык к выражению "квартальное мясо". Больше того, я уже понимаю, о чем пойдет речь (речь идет о мясе, которое должно быть сдано за квартал) (Лит. газ. 1962).

Особенно активны такие сочетания с прилагательными в непринужденной РР: *Я сегодня в голову лук втирала и часа два ходила* с луковой башкой //; *Как твоя капустная нога?* //(поврежденная при уборке капусты); *Как же мы решим мою никотиновую судьбу?* // (о лечении никотиновой кислотой); *у Варюшки двушечная катастрофа* //; *Я искал в летнем чемодане* // (чемодан с летними вещами); *Он потратил все фестивальные деньги* // (заработанные на фестивале).

Удобство использования таких прилагательных очевидно. Они сокращают речь говорящего, позволяя ему избегать долгих объяснений. Это явное разрешение антиномии говорящий / слушающий в пользу говорящего. Говорящий, не затрудняясь тем, что многие

прилагательные как бы закреплены, если не за определенными существительными, то за определенной семантической сферой, помещает их в совсем иную среду: *картофельный* — обычно: *суп, пюре, поле, ботва, ...* но: *Принесите какие-нибудь картофельные фотографии* // (снятые на уборке картошки); *луковый — салат, суп, запах, ...* но *луковая башка; стихотворный* — обычно: *произведение, текст, размер, ритм ...,* но: *стихотворные старушки переписывают вовсю эти стихотворения* // (любящие стихи).

Иногда необычность сочетания бывает так велика, что вызывает недоумение, порождает вопросы и недовольство. (Из речи лектора) — *Колхозная торговля развивается очень активно.* (Слушатель) — *Вы имеете в виду колхозную торговлю или торговлю колхозников?*

РАЗВИТИЕ КАЧЕСТЕННО-ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЗНАЧЕНИЙ У ОТСУБСТАНТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Прилагательные, соотносимые с одной и той же основой, могут иметь и широкое недифференцированное значение отношения и качественное значение. Ср.: *Это он с зеркальным попугаем хотел драться?* (РР, т.е. 'отраженным в зеркале') и *зеркальная гладь реки* ('гладкая, как зеркало'): *костровые площадки* ('площадки для костра') и *костровый фольклор* (Новое в русской лексике: Словарные материалы 1980)[3]. Качественные значения, как правило, рождаются на основе разного рода коннотаций, свойственных базовому существительному, ассоциативных представлений, которые оно вызывает. В современном языке развитие качественно-характеризующих значений обнаруживается у прилагательных, соотносительных с разными семантическими классами базовых существительных, в том числе очень активно с существительными, принадлежащими к идентифицирующей лексике, свидетельствуя о том, что подобные существительные имеют разнообразные устойчивые коннотации. Качественно-характеризующие значения ОП могут иметь как общеязыковой, так и индивидуальный характер. Если эти значения основаны на общих коннотациях, свойственных слову в языке, они имеют общеязыковой характер. При этом наблюдается интересное явление: прилагательное как бы высвечивает, проясняет те пресуппозиции (или устойчивые коннотации), которые свойственны существительному лишь в слабой, не вполне ясной степени. Ср. слова: *лозунг—лозунговый, плакат—плакатный, пещера—пещерный, книга—книжный, бумага—бумажный, пляж—пляжный, касса—кассовый.*

Имена существительные не имеют качественной семантики, это названия конкретных предметов (био- или артефактов), когда как прилагательные наряду с относительным имеют и устойчивое качественно-характеризующее значение. Ср. *книжный магазин* и *книжная романтика, бумажный пакет* и *бумажная душа, пеленочный материал*

[3] Далее (НС-80).

и *пеленочный возраст* (нежный, юный), *пляжный коврик* и *пляжный день* (солнечный, ясный, жаркий).

В том, что такие прилагательные имеют качественное значение, свидетельствуют уточнения разного рода (*очень, самый, настоящий* и т.п.), показывающие их возможность выражать разную степень признака, изменяться по шкале больше/меньше: *Сегодня настоящий пляжный день* (РР); *Она выбрала самый конкурсный фильм* (РР); *Финал картины откровенно плакатный* (Лит. газ. 1987); *За последние три десятилетия Булгаков стал одним из самых репертуарных русских драматургов в нашей стране и за рубежом* (Вопр. лит. 1986); *Получился матч по-настоящему кубковым, задорным, боевым* (Сов. спорт. 1964). Некоторые из значений подобного рода еще не стали общепринятыми, поэтому такие слова помещают в кавычки: *"отметочная" критика* (Лит. газ. 1965); *Этот жанр у нас сейчас находится в "пеленочном" возрасте* (Веч. Москва. 1965); *"костровый" фольклор* (Наш современник. 1980); *Долгий "проблемный" разговор* (Лит. газ. 1986); *Когда началась эта забота о своем благонравном, "пятерочном" лице?* (Изв. 1960); "Анекдотная" проекция войны (Лит. газ. 1965); *"микрофонная" манера исполнения, или, как еще говорят, "исполнение шепотком"* (Комс. правда. 1964).

Качественные значения часто содержат элемент сравнения: *дедовская техника* (как у дедов, в стародавние времена), *страусиная политика* (как у страуса, который прячет голову под крыло). Ср.: отмеченное в НС-82 *маннокашный* (как манная каша): *Что греха таить, критика в прессе пресновата, какая-то "маннокашная"* (Неделя. 1982). А. Вознесенский пишет о секвойе: *сияя кроной парашютовой* (похожей не парашют). Ср. в РР: *Бывают такие возвратные (бумеранговые) рикошетом явления...; Эта ваша ватная жизнь нереальна* (жизнь в вате, защищенная от всего ватой). МАС дает узуальное переносное значение прилагательного *ватный*: "Обмякший, лишенный способности двигаться, действовать. Ватные ноги". Разные семантические проекции слова порождают разные переносы.

Качественные значения нередко развиваются у группы тематически связанных слов, например, *кассовый, нагрузочный, репертуарный: ... спектакль этот спокойно и удобно попал в "нагрузочные", еще не перестав дышать премьерой... Серьезный фильм надо уметь претворять в кассовый* (Лит. газ. 1986); *Спору нет, ежемесячные отчисления в Фонд мира — дело более чем благородное. Но такая ли "кассовая" память нужна героям?* (Лит. газ. 1987); *Драматурги типа Рышкова... были репертуарными авторами* (Лит. газ. 1965).

Активно порождают прилагательные с качественно-характеризующим значением конкретные существительные, имеющие л о к а л ь н ы й компонент в семантике (место, пространство, учреждение, заведение, для которого характерно то или иное). Соответствующее прилагательное получает значение 'такой, какой бывает там-то': ярмарочная публика (М. Булгаков, Жизнь господина де Мольера); из газет: *премьерная публика, митинговая манера* говорить, *ресторанные разглагольствования, именинное веселье, подъездное общество, арсенал подъездной наглости; комнатный конфликт; трамвайные нравы;*

"палаточная" жизнь; кишлачный мальчик (Лит. газ. 1987); ср. узуальное: *городской, деревенский мальчик*[4]. Ср. прилагательное *незоопарковый*: близкое *"незоопарковое" знакомство* (с животным) (НС-82).

О живом характере появления качественно-характеризующих значений свидетельствует процесс их порождения из контекста и конситуации. Из РР (объяснение дается тут же в тексте; рассказ о больном и его матери): *Она ему была костылем // А раз она свою костылевую роль кончила / ей надо работать //*; (шутливо) *Все надо держать на пупе // Я шел по этому пупному пути //*. Вот еще текстовые пояснения семантики подобных окачествленных прилагательных. НС-82 помещает прилагательное *потолковый* ('взятый с потолка') в таком примере: *У нас в детдоме... было много таких, у которых потолковые фамилии, знаешь, что это такое? — Потолковые? Впервые слышу. — Это ребята, о которых ничего не было известно... Вот им и придумывали: одному — Иванов, другому — Петров, третьему — Сидоров* (А. Рекемчук, Тридцать шесть и шесть).

В одном из чистательских писем в Лит. газ. (1987) противопоставляются понятия *дамский роман* и *роман для женщин*: *Если я была бы директором, то организовала бы издательство романов для женщин. Не улыбайтесь, не приклеивайте ярлык "дамский роман"!. Это должны быть романы особые, которые показывали бы красивую, духовную любовь женщин...* . Показательно, что далее автор статьи именует *роман для женщин* без всякой негативной оценки сочетанием с ОП — *женский роман*: *С созданием специального издательства для женских романов можно несколько повременить.*

Итак, ОП способны развивать качественное значение и выражать общее значение отношения. Эти две ипостаси отсубстантивных прилагательных противостоят друг другу. Есть тем не менее случаи, когда резкое противопоставление этих двух ипостасей ослабевает и ведет к их сближению. Сравним две группы сочетаний: а) *автомобильная Калифорния, дынная осень, хоккейная весна;* б) *"обушковая" техника, пещерный век.*

Между этими группами нет резкой разницы. И те, и другие сочетания не имеют точных трансформов и соотносительных сочетаний с существительными в косвенных падежах. Мы равно не говорим *весна хоккея, Калифорния автомобилей,* как и *осень дынь, техника обушка, век пещеры.* Вместе с тем сочетания второй группы имеют одно существенное отличие: они овеяны коннотациями, вызывающими качественные наслоения в семантике прилагательных.

Живой процесс окачествления прилагательных идет нередко на наших глазах и иногда бывает трудно сказать, родилось уже качественное значение или нет. Многое зависит и от семантики

[4] Существительные подобной семантики активно развивали качественно-характеризующие значения у прилагательные и в прошлом: *партерная публика, мирные кабинетные занятия, дорожный знакомый, родниковая вода* и т.п. См. подробнее [Белошапкова, Земская 1962. 20—21]. Ср. в "Былом и думах" Герцена: "англичанин — существо *берложное*, любящее жить особняком...". [МАС] такого перен. значения не отмечает.

базового слова, и от семантики существительного, с которым сочетается прилагательное. Так, прилагательное *джинсовый* в сочетаниях со словами *куртка, сумка, туфли* и т.п. — несомненно относительное. А сочетание *джинсовый стиль* уже несет налет качественности: *Существует молодежный стиль: джинсы, джинсовая куртка и даже сумка на плече — и та джинсовая. Джинсовый стиль удобен, что и говорить* (Комс. правда. 1976).

Сравним сочетания *лачужный Шанхай* (*Шанхай, бедный, лачужный, убогий и грязно-серый, лежал прямо под стенами причудливонарядного парка тайпинов* (Лит. газ. 1987) и *автомобильная Калифорния* (А. Вознесенский). Однотипные по выражаемому отношению ('Шанхай, для которого характерны лагучи'; 'Калифорния, для которой характерны автомобили'), эти сочетания несут разный заряд качественности. Базовое существительное *лачуга* имеет яркую оценочную окраску. *Лачуга* — символ бедности. Сема 'бедность' сохраняется и в прилагательном *лачужный*, и усиливается контекстом (*бедный, лачужный, убогий*). Подобных коннотаций нет у прилагательного *автомобильный*, которое — соответственно этому — не развивает качественного значения. *Автомобильная Калифорния* вряд ли обозначает 'богатая Калифорния'. Это просто указание ее типической приметы. Однако прилагательное *автомобильный* в иных сочетаниях может получать налет качественной характеристики. В статье (Лит. газ. 1987), озаглавленной *"Автомобильные девочки"*, это понятие раскрывается так: *Автомобильные девочки... Достаточно вечером пройти по улицам Петропавловска, чтобы увидеть их — стоящих у дверей кинотеатров и кафе. Притормаживая, приветливо распахивают двери владельцы автомобилей: "Девчата, покатаемся?"* Очевидно, что понятие *автомобильные девочки* имеет оценочный характер. *Автомобильные девочки* противопоставлены *домашним девочкам, школьным девочкам* и т.д. Этот оценочный смысл четко раскрывается в следующей цитате из той же статьи, содержащей трехчленное противопоставление *автомобильная девочка—отличница—троечница*: *В компании трех подруг Катя — самая интересная фигура. Для нее "автомобильная жизнь", окончившаяся тягчайшим душевным кризисом, означала полную смену социальных ролей (отличница—"автомобильная девочка") и после суда завершилась крахом, низвержением со школьного Олимпа на самое дно, ниже троечников.* Показательно, что в этом очерке нравов употребляются и другие оценочные сочетания с прилагательным *автомобильный*: *"автомобильная жизнь"* (неоднократно), *"автомобильный стереотип"*.

Активность производства прилагательных с суффиксами *-ов-* и *-н-*

Суффиксы *-н-* и *-ов-* обнаруживают высокую продуктивность на всем протяжении истории русского языка [Зверковская 1986]. Для функционирования этих суффиксов характерно взаимодействие, обусловленное их способностью сочетаться с одним и тем же кругом основ. Так, от основ конкретных существительных, обозначающих растения,

материалы, вещества, издавна образуются прилагательные с помощью и того, и другого суффикса [Очерки 1964]. В современном языке сохраняется параллелизм многих прилагательных, отмеченный ранее: *апельсинный—апельсиновый, асфальтный—асфальтовый, лимонный—лимоновый, ананасный—ананасовый, нарзанный—нарзановый, смородинный—смородиновый, фасольный—фасолевый, бензинный—бензиновый; керосиновый—керосинный, нафталиновый—нафталинный, лазуревый—лазурный; пурпурный—пурпуровый; ромашковый—ромашечный; яблонный—яблоневый; малиновый—малинный; морошечный—морошковый.* От основ иной семантики такие парные производные образуются не столь часто: *носковый—носочный, пайковый—паечный, пустяковый—пустячный, порошковый—порошочный, пробковый—пробочный* и др.; ср. специальные: *клетковый* и *клеточный* (содержание кур); *котловой* и *котельный* (вода).

Рассмотрим подробнее, как меняется сфера сочетаемости суф. *-ов-* с базовыми основами[5]. Как и в прежние периоды истории языка, основная сфера деятельности суф. *-ов-* — основы существительных неодушевленных с конкретным предметным значением, в том числе — названия растений, материалов (типа *вересковый, донниковый, камышовый*). В наше время особенно интенсивно суф. *-ов-* сочетается с новыми названиями веществ, минералов, синтетических материалов (типа: *наирит—наиритовый, палыгорскит—палыгорскитовый, джинсы—джинсовый*). В формальном отношении суф. *-ов-* не знает ограничений, так как он не вызывает чередований на морфемном шве и легко соединяется с основами с исходом на группу согласных, что не свойственно суф. *-н-; парковый, стендовый, ламповый, люксовый* (НС-82), *китчевый* (НС-80). В этих случаях основной конкурент суф. *-ов-* суф. *-н-* не пригоден. Основы существительных односложных также тяготеют к соединению с суф. *-ов-*. Кроме того, суф. *-ов-* расширяет свою сочетаемость с различными группами основ.

С основами существительных одушевленных: в современном языке формируется группа прилагательных от существительных, обозначающих лиц по возрастному признаку (*малютка—малютковый, ползунок—ползунковый, подросток—подростковый, малыш—малышовый, грудничок—грудничковый, мальчик—мальчиковый*). Подобные прилагательные имеют относительное значение, чаще всего они выражают отношение назначения — 'предназначенный для' и обычно употребляются для называния видов товаров, учреждений (типа *мальчиковые ботинки, подростковый велосипед*). Однако подобные прилагательные могут выражать и широкое значение отношения (*подростковая проблема, малышовый вопрос* — из газет, т.е. проблемы, вопросы, связанные с подростками, с малышами; *подростковые коллективы, ползунковый возраст*).

В сферу действия суф. *-ов-* вовлекаются основы уменьшительных существительных с суффиксами *-ик, -чик, -ок, -ец* и др., см.:

[5] О расширении круга базовых основ, сочетающихся с суф. *-н-*, см.: [Русский язык и советское общество 1968в].

[Даниленко 1964, 67—68], если такие существительные стали терминами наук или производства: *змейковый, канальцевый, желудочковый, колпачковый, уголковый* и т.п. Ср. обычные бытовые номинации: *шариковая ручка, пирожковая.* Суф. *-ов-* дает производные от основ отглагольных существительных с суф. *-б(а)* и *-j-* (*резьбовый, питьевой, литьевой*), *-еж* (*балдежный*), от основ глаголов (*бросовый, гулевой*), от основ наречий и других неизменяемых слов (*верняк—верняковый, лафа—лафовый,* НС-82).

Конкуренция между прилагательными с суффиксами *-н-* и *-ов-*

В словообразовании прилагательных в течение длительного времени сосуществуют два процесса: 1) активное образование отсубстантивных ОП, 2) активное развитие качественных значений у ОП. Эти два процесса взаимосвязаны. Второй из названных в современном языке приобретает силу активного воздействия на первый, так как закрепленные за отсубстантивными прилагательными с суф. *-н-* словарные значения препятствуют их использованию для выражения разных видов отношений.

В подобных случаях язык должен найти выход. Такой выход — создание от той же основы другого прилагательного, не имеющего закрепленного за ним словарного значения. Так, напр., если мы возьмем прилагательные *пыльный* и *грязный,* то они обозначают в современном языке 'покрытый пылью, запыленный' и 'покрытый грязью, загрязненный'. Такие прилагательные не могут выражать отношения разного рода к тому, что названо производящей основой. Для выражения соответствующих отношений создаются новые ОП, которые обычно производятся с помощью суф. *-ов-*. Вот несколько примеров употребления сочетаний со словом *пылевой*: *Мы наблюдаем на Марсе сильные пылевые бури...* (Изв. 1962); *Слой воздуха... с пылевыми частицами и парами воды* (В.А. Обручев, Плутония); *жестяные пылевые очки* (В. Катаев Время, вперед!); *пылевой вентилятор* [БСЭ]. Сочетания *пыльные частицы, пыльные очки, пыльный вентилятор* означают 'запыленные, покрытые пылью', а не 'частицы пыли', 'очки от пыли', 'вентилятор, защищающий от пыли'.

Ср. также сочетания со словом *холодовый,* которое не может быть заменено словом *холодный*: *Вы начинаете опыт с холодового рефлекса* (И.П. Павлов); *Камера соединена гибким шлангом "с холодовым костюмом", между слоями которого циркулирует охлажденная смесь* (Веч. Москва. 1956); Ведь именно горло в первую очередь подвергается холодовым раздражениям (Здоровье. 1961). Именно этого рода конкурентная борьба между *-н-* и *-ов-* адъективами имеет наиболее активный характер. Потребности обозначить разные виды отношения требуют наименования, для которого не годится прилагательное на *-н-,* имеющее лексическое значение качества, свойства, но не отношения, или выражающее лишь определенный вид отношения (например, отношение к материалу).

В современном языке функционируют целые серии однокоренных

прилагательных с суф. *-н-* и *-ов-*, из которых второе, как правило, является более поздним и имеет чисто относительное значение, тогда как прилагательное на *-ный* является качественным, его типовое значение: 'имеющий то (наделенный тем), что называет базовая основа' (ср. *жирный, холодный, потный, пыльный* и т.д.). Поэтому, нельзя согласиться с мнением И.Б. Шатуновского о том, что "прилагательные с сигнификативным значением (т.е. качественные. — *Е.З.*) могут быть образованы от жестких десигнаторов только в результате лексической деривации (выделено нами. — *Е.З.*), т.е. с помощью суффиксов типа *-ат-, -аст-* и т.п., но не *-н-, -ов-, -ск-*). Словообразование располагает формантами, добавляющими к семантике основы предикат и тем самым образующими качественные (признаковые) прилагательные: *носатый* — "имеющий большой нос", *безрукий* — "не имеющий рук" и т.п." [Шатуновский 1982, 15]. Лишь в виде оговорки И.Б. Шатуновский добавляет: "Иногда предикат закрепляется в прилагательном с транспонирующими суффиксами: *влажный* (грязный) — "содержащий влагу (грязь)" [Там же].

Факты показывают, что суффиксы *-н-* и *-ов-* ведут себя поразному. Многие *-н-*образования выступают как двуликий Янус, представляя то категорию относительности, то категорию качественности. Прилагательные с суф. *-н-* не только развивают качественные значения, но и могут образовываться как качественные (т.е. сигнификативные). Адъективы на *-ов-* гораздо более транспозиционны, относительны. Приведем высказывание В.В. Виноградова, содержащее проницательную характеристику значения суф. *-ов-*: "Однако значение суффикса *-ов-, -ев-* почти всегда в этих случаях несколько предметнее и раздробленнее, чем значение суффикса *-(ь)н-*. Оно обнимает круг разнообразных предметных отношений (ср. *жировой* и *жирный, снеговой* и *снежный*). Вообще в суффиксе *-ов-* оттенок предметного отношения или отношения к материалу выступает более внушительно, чем в суффиксе *-н-* (ср. *круговой* и *кружный*) [Виноградов 1947, 230].

Процесс размежевания однокоренных прилагательных с суф. *-н-* и *-ов-* охватывает значительный круг производных. Приведем некоторые из бытующих в современном языке пар однокоренных прилагательных, в которых прилагательное на *-н-* имеет качественное значение, может образовать сравн. степень или сочетаться с *более, самый*, тогда как прилагательное на *-ов-* выражает чисто относительное значение[6]: *ветровой* (ветровая эрозия, ветровое зондирование, ветровое стекло ('от ветра') — ср. *ветренный; вкусовой* (качества, оценка) — ср. *вкусный; грязевой* (потоки, лечение, ванны) — ср. *грязный, пылевой* (частицы, бури, очки, вентилятор, почвы) — ср. *пыльный; шумовой* (эффект, оформление, норма, нагрузка) — ср. *шумный; звуковой* (эффект, оформление) — ср. *звучный; потовой* ('относящийся к поту, потению' — БАС; железы, выделения) — ср. *потный* ('покрытый потом, вспотевший' — БАС; лицо, руки, человек); *жировой* (железы, ткани, опухоль, комбинат, промышлен-

[6] В ряде случаев для сопоставления с прилагательными на *-ов-* приводим однокоренные образования не с суф. *-н-*, но иной структуры.

ность) — ср. *жирный* ('содержащий много жира' — суп, мясо, ...); *стилевой* (впервые: СУ; БАС — 'относящийся к стилю'; выдержанность, поправки, единство, решение и т.п.) — ср. *стильный* (впервые: Даль, 3-е изд.; БАС — 'выдержанный в определенном стиле'); *злаковый* (впервые: Даль; БАС — 'относящийся к злакам'; культура, смесь) — ср. *злачный* (дано у Срезн.; БАС — устар., 'обильный злаками, плодородный'; ср. современное переносное *злачное место*); *цветовой* (Б. энц. Южакова — цветовая слепота; впервые отмечено в СУ; БАС дает два значения: 1. 'относящийся к цвету', 2. 'связанный с восприятием цвета'; гамма, решение; измерение, изображение, идея, пятна, впечатления...) — ср. *цветной* ('имеющий окраску разных цветов'); *силовой* (впервые: СУ; поле, резание, политика, линии, прием) — ср. *сильный; солевой* (впервые: СУ; раствор, состав, завод, отравление, часы, остатки, отряд) — ср. *соленый; волевой* (впервые: СУ; решение, характер, факторы) — ср. *вольный* (от омонима — воля, свобода); *огневой* (испытания) — ср. *огненный; болевой* (точка) — ср. *больной* ('испытывающий боль, нездоровый'); *краевой* ('относящийся к краю') и *крайний* ('расположенный на краю').

Некоторые ОП на *-ов-* соотносятся с качественными прилагательными не на *-н-*, но иной структуры: *световой* (день, табло, эффекты, фонарь) — ср. *светлый; тепловой* (единицы, режим, сеть, удар, энергия, центр) — ср. *теплый.* Ср. *целевой,* не имеющее соотносительного производного на *-н-; целевой* (впервые отмечено в СУ; БСЭ — целевой налог; БАС — дает два значения: 1. 'направленный на осуществление какой-либо цели'; 2. 'предназначенный для определенной цели'; установка, форма, обобщения, аспирантура, ссуда, кредиты).

Некоторые из таких поздних ОП с суф. *-ов-* не зафиксированы в толковых словарях. Так, в БАС и МАС (2-е изд.) отсутствуют: *опытовый* ('предназначенный для опытов', например, бассейн) — ср. *опытный; холодовый* (рефлекс, костюм, раздражения; холодовые и тепловые нервные окончания) — ср. *холодный; ценовой* (механизм, "ножницы"[7]) — ср. *ценный; смеховой*[8] (прием, культура древней Руси, ...) — ср. *смешной.*

Различие между однокоренными прилагательными на *-ов-* и *-н-* может носить и иной характер. Оба прилагательных — относительные, но производное на *-н-* является более старым и служит для выражения устойчивого набора относительных значений, тогда как прилагательное с суф. *-ов-* используется для свободного выражения разных видов отношения или входит в состав специальных номинаций: *стеновой* (впервые: СО — 1952, 'идущий на сооружение, возведение стен'; панели, блоки, материалы; отмечено, однако, и *стеновая живопись*) и *стенной* [(Срезн.]: *стеньный;* выступ, часы, коврик, шкаф, живопись и т.п.); *цветковый* (впервые: Толль, 1864); БАС — 'имеющий органы плодоношения в виде

[7] Например: Концы "*ценовых* ножниц" разошлись еще шире (Правда. 1986).

[8] БАС дает *смеховой* с пометой "просторечное". Впервые зафиксировано у Даля. Относительное значение является поздним. *Смешной* отмечено в [Срезн.].

цветков'; растения, класс) и *цветочный* (впервые: Лексикон (1762); БАС — 'относящийся к цветку' семена, рассада, оранжерея, чаща, календарь, выставка, магазин и мн.др.).

Некоторые из прилагательных на *-ов-* этой группы отсутствуют в толковых словарях: *струновой* (отсутствует в БАС; зажим) — ср. *струнный* (оркестр, инструмент); *снарядовый* (отсутствует в БАС, отмечено в 60-е гг: *снарядовая гимнастика*), *снарядный* (цех, гильза...; гимнастика); *скаловый* (отсутствует в БАС; лук) — ср. *скальный* (грунт, выемка); *письмовый* (отсутствует в БАС; архив, сырье) — ср. *письменный* (отмечено в [Срез.]; стол, принадлежности...); *песковый* (отсутствует в БАС; материал /спец./) — ср. *песочный, песчаный.*

Особо выделим случаи, когда оба прилагательных имеют относительное значение, но прилагательное на *-н-* развивает и качественное значение; *снеговой* и *снежный* (пресс, щит); ср. однако: *снежный день; эта зима более снежная, чем прошлогодняя.* Интересно соотношение слов *пепловый* и *пепельный.* Прилагательное *пепловый* БАС поясняет так: 'то же, что *пепельный*'. У последнего выделяются два значения: *1.* 'относящийся к пеплу; состоящий из пепла'. Примеры из В.А. Жуковского (*на сих кучах пепельных*) и И.М. Сеченова (*до основания пепельного конуса*); 2. 'такой, как у пепла; седовато-серый, дымчатый (о цвете, оттенке)'. По нашим материалам, в современном языке с относительным значением употребляется *пепловый* (туча, облако). Прилагательное *пепельный* функционирует лишь в перен. значении (о цвете).

Итак, мы могли наблюдать разные виды соотношения однокоренных прилагательных с суффиксами *-н-* и *-ов-*. Процессы их размежевания и конкурентной борьбы разнообразны и проходят разные стадии. Во всех случаях, однако, прилагательные на *-ов-* "более относительны", более склонны к выражению чистого отношения, тогда как производные на *-н-* легче подвергаются окачествлению.

О семантике отсубстантивных прилагательных с суфиксами *-н-, -ов-*

В лингвистической литературе идут споры о характере семантики отсубстантивных относительных прилагательных. Имеющиеся разногласия можно свести к двум точкам зрения.

1. ОП имеют словообразовательное значение широкого недифференцированного отношения, которое выражается формулой 'относящийся к тому, что названо базовой основой'. Они представляют собой транспозицию предмета на уровень признака.

ОП типа *вагонный, лесной, цветовой* лишены разнообразия лексических значений. Те значения, которые могут быть выражены словосочетаниями, включающими ОП и разнообразные существительные, не являются значениями самих прилагательных: это значения словосочетаний, в составе которых происходит конкретизация общего значения недифференцированного отношения. Например: *березовая роща* — состоящая из берез, *березовый лист* — лист березы, *дубовая мебель* — сделанная из дуба, *асфальтовый завод* — производя-

щий асфальт, *детская книга* — предназначенная для детей, *волейбольный мяч* — предназначенный для игры в волейбол и т.п. При толковании ОП в словарях наряду с общей формулой 'относящийся к ...' следует характеризовать наиболее типические для того или иного прилагательного типы выражаемых им отношений, см. об этом: [Земская, 1977]; ср.: [Улуханов 1970]. Например: *меховой* 1. Относящийся к меху. 2. Сделанный из меха; *детский* 1. Относящийся к детям. 2. Предназначенный для детей.

2. Противоположная, крайняя, точка зрения состоит в следующем: у ОП выделяются значения в соответствии с теми типами отношений, которые выражают ОП в сочетании с различными существительными и которые могут иметь различные подстановки (трансформы). Все "значения" такого рода признаются словообразовательными. Наиболее отчетливо эта позиция выражена в кн. [Немченко 1973]. В рассматриваемой точке зрения вызывают возражения три момента:

а) избираемые подстановки не отражают эксплицитно тип отношений, выражаемых словосочетанием. Так, подстановка сущ. + сущ. род. пад. включает различные типы отношения. Ведь известно, что в русском языке есть родительный субъекта, объекта, части и т.д., следовательно, считать, что все сочетания с прилагательными, заменяемые род. падежом, выражают один тип отношения, неправомерно. У В.Н. Немченко в один тип попадают *лесной сплав* — *сплав леса, сплавляют лес* — объективное значение: *колокольный звон* — *звон колокола, колокол звонит* — субъектное значение; *паровозные колеса* — *колеса паровоза* — часть и целое и др. То же замечание относится и ко многим другим подстановкам, например, с твор. пад., с род. пад. с предлогом *из;*

б) значение 'относящийся к тому, что обозначено производящим существительным' (при подстановке сущ. + сущ. род.) нельзя ставить в один ряд со "значениями" частными, типа "проводимый, устраиваемый, приготовляемый по случаю того (выделено нами. — *Е.З.*), что обозначено производящим существительным (при подстановке сущ. по случаю + сущ. род.): *именинный банкет, похоронный обед...*" [Немченко 1973, 117] или "предназначенный для того, что обозначено производящим существительным: ... *волейбольная площадка*" [Там же] и др. Значение 'относящийся к ...' является самым общим, оно включает в себя все частные случаи употребления ОП, которые и являются реализацией этого общего значения в составе конкретных словосочетаний;

в) значения, выделяемые указанным способом, не являются значениями прилагательного, т.е. слова. Это значения, присущие словосочетанию, потому что вне словосочетания прилагательное не обозначает ни 'предназначенный для...', ни 'являющийся частью...', ни 'производимый по случаю...' и т.д. Прилагательное как единица лексическая несет в себе лишь общее значение признака — относящийся к тому, что названо базовой основой'.

Среди работ, посвященных семантике ОП, особый интерес представляет для нас [Апресян 1974]. Раздел "Регулярная многозначность

прилагательных" автор начинает словами: "Регулярная полисемия прилагательных представлена, главным образом, относительными прилагательными, значения которых в обычной лексикографической интерпретации часто настолько многообразны, что на первый взгляд с трудом поддаются учету" [Там же, 211].

Какова позиция Ю.Д. Апресяна в вопросе о семантике ОП? Он формулирует обе точки зрения, охарактеризованные выше, признавая обе лишь отчасти справедливыми. По поводу точки зрения, названной нами второй, сказано: "Лексикографы склонны усматривать у относительных прилагательных значения, которые фактически "наводятся" сочетающимися с ними существительными" [Там же, 211]. На наш взгляд, это верно.

В чем же состоит мнение самого Ю.Д. Апресяна? Он пишет: "По-видимому, принципиально возможен список всех словарных (выделено нами. — *Е.З.*) значений относительных прилагательных, и есть основания полагать, что он не будет слишком велик. В него во всяком случае войдут такие значения, как Х-ующий, Х-ованной, являющийся Х-ом, содержащий Х, содержащий в Х-е, каузирующий Х, находящийся в (месте) Х, происходящий во (время) Х и ряд других" [Там же, 212]. Как нам кажется, это утверждение есть признание по существу второй точки зрения. Ю.Д. Апресян лишь устраняет ее явные недостатки. Несмотря на корректировку данной позиции, трудно признать ее отвечающей фактам языка.

Набор значений, выделяемых посредством соотнесения словосочетаний с трансформами, велик. Однако важно другое. Набор отношений, выражаемых словосочетаниями с ОП, в принципе не исчислим, потому что кроме словосочетаний, имеющих четкие определенные трансформы, существует особый тип употребления ОП, не соотносимый однозначно ни с какими подстановками, но могущий быть "переведенным", вернее истолкованным, лишь с помощью перифрастических выражений в составе широкого контекста (см. о подобном употреблении ОП выше). Факт употребления ОП в словосочетаниях такого рода доказывает несводимость их семантики к семантике трансформов с косвенными падежами существительных и их неисчислимость. Можно ли у самих прилагательных (не у словосочетаний!), входящих в словосочетания типа *хоккейная весна, футбольные надежды, садовые дамы, вензельная нагрузка, брюквенная зима, капустная нога,* видеть словарные значения, выражающие определенный вид отношения? Думаю, что нет. Знаменательно, что Ю.Д. Апресян к заголовку "Регулярная многозначность прилагательных" дает примечание: "У некоторых относительных прилагательных полисемия близка к моносемии" [Апресян 1974, 211]. О чем свидетельствует эта фраза? О том, что ОП по существу однозначны, имеют единое значение 'относящийся к ...' И второе. Ю.Д. Апресян говорит не о лексических значениях ОП, но о том, как их следует интерпретировать в словарях. Действительно, в толковые словари целесообразно помещать не только общее значение 'относящийся к ...', но и характеризовать те виды отношений, которые обнаруживаются в наиболее частотных типах словосочетаний с данным ОП, см.: [Земская, 1977].

РОСТ КАТЕГОРИИ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В НЕСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Активность ОП — типическая черта русского и других славянских языков. В таких языках, как немецкий, фрунцузский, английский, этот класс прилагательных не является столь представительным, что отмечают единодушно все исследователи. Значения, передаваемые в русском языке сочетаниями с ОП, в названных языках выражаются сложными словами (особенно активно в немецком языке) и сочетаниями из двух существительных. Однако есть неоспоримые свидетельства того, что рост категории ОП — общий процесс развития, характерный для ряда европейских языков, в том числе не только тех, которым ОП было свойственно издревле.

Рассмотрим этот вопрос немного подробнее по отношению к немецкому языку. ОП в германистике гораздо менее изучены, чем в славистике или в русистике. Сошлемся на мнение специалиста: "Показательно, что в германистической литературе для относительных прилагательных не существует единого терминологического обозначения, ср.: Zugehörigkeits-adjektive (Дорнзейф), Verhaltenswörter (Бринкман), Relativ-und Beziehungsadjektive (Флейшер), Bezugsadjektive (Хотценкехерле, Шойблин, Питте), denominative Adjektive (Бенцинг). В работах советских германистов встречаются следующие термины: relative Adjektive (Степанова), semantische-relative Adjektive (Адмони), beziehungsverweisende, Beziehungsadjektive (Москальская). Представляется наиболее удобным и точным обозначение Bezugsadjektive" [Нарустранг, 1982, 7]; ср.: [Павлов 1985].

Р. Хотценкехерле рассматривает категорию прилагательных, которые он называет Bezugsadjektive, подчеркивая специально невнимание к ним со стороны исследователей и пренебрежительное отношение к ним со стороны стилистов и пуристов. Он рассматривает прилагательные типа aussprachlich, fischereilich 'рыбоводческий, рыболовный', landkartlich, motorlich, nervlich, programmlich, regielich, tierlich, verkehrlich, sprecherisch, указывая, что многие из этих слов могут быть неизвестны читателю на первый взгляд, что так было и с ним самим и что в словари, включая Duden-Aufgabe (1967), они не попадают, являясь, как сказать, незаконными побегами (illegitime Sprösslinge) немецкого языка" [Хотценкехерле 1968, 16—17].

Другая группа ОП (betrieblich, erziehlich, forstlich, gebietlich, harmonisch, preislisch, rechtschreiblich, schachlich, schulisch, unterrichtlich) отсутствует в старых словарях, но имеется в Das grosse deutsche Wörterbuch von G. Wahreig (1966), что свидетельствует о росте категории ОП [Там же, 17—18].

Рассматривая семантику ОП, Р. Хотценкехерле указывает, что все подобные прилагательные имеют общее семантическое ядро — общеотносительное значение. Объединяет их то, что все они могут быть истолкованы посредством конструкции bezuglich auf 'относящийся к ...', betreffend 'касающийся' [Там же, 19].

Для нас интересно отметить, что в немецком языке наблюдается тенденция к формальному размежеванию ОП с адъективами того

же корня, но иной семантики, т.е. процесс, аналогичный тому, который мы наблюдали в отношении русских прилагательных с суф. *-н-* и *-ов-* (типа *вкусный—вкусовой, грязный—грязевой*). Р. Хотценкехерле приводит такие примеры: Fremdsprachige Unterricht 'обучение, которое ведется на иностранном языке', но Fremdsprachliche Unterricht 'обучение, которое касается иностранного языка'; das motorische Nervenzentrum, но ein motorlich hervorgehenden Wagen; ein tierisches Behnemen, но bie tierliche ('к животному относящееся') Seelen kunde [Хотценкехерле 1968, 19].

Исследование Е.В. Нарустранг, специально посвященное развитию немецких ОП, показывает глубокое семантическое сходство между ОП в русском и немецком языках. Е.В. Нарустранг пишет: "... анализ таких дериватов позволяет выявить определенные уровни в семантической структуре самого отсубстантивного прилагательного. Наиболее обобщенный из них предполагает выделение в семантике деривата (вне его связи с определяемым именем) лишь предельно абстрактную формулу: "относящийся к ...": astronomisch [Нарустранг 1982, 16—17]. Опираясь на исследование Е.В. Нарустранг, можно отметить, что сходство наблюдается не только в общей семантике рассматриваемых классов слов, но и в том, что: 1) в обоих языках в конкретных словосочетаниях с существительными реализуется аналогичный набор отношений[9]; 2) ОП в немецком языке образуются от тех же лексико-семантических групп слов, что и в русском [Там же, 16].

ОП проявляют активность и во французском языке. По мнению ряда лингвистов, неверно было бы считать, что во французском языке ОП не являются живой и активной категорией.

Различия между русским и французским касаются не факта наличия / отсутствия ОП, но различий тех видов отношений, которые передаются в этих языках с помощью отсубстантивных прилагательных [Гак 1983, 121—122]. Так, значение принадлежности (ср. *мамин, папин, Катин*), отношения к материалу (*ситцевый, асфальтовый*), отношения назначения, времени и некоторые другие, которые в русском языке, как правило, передаются прилагательными, во французском выражаются сочетаниями с существительными.

С другой стороны, "относительные прилагательные, обозначающие принадлежность к определенной стране, партии, сфере деятельности и т.п., шире используются во французских текстах, чем в русских, где им соответствуют существительные: l'arivée presidentielle à Rouen — прибытие президента в Руан; les prix agricoles — цены на сельскохозяйственные продукты" [Там же, 122].

ОП во французском языке могут производиться также от русских

[9] "Среди встретившихся вариантов предметных отношений наиболее частотными являются родо-видовые отношения, иногда осложненные особым отношением тождества, различные отношения субъектности, объектные отношения, отношения владения или господства, отношения типа „имеющий то, что выражено производящий основой", „свойственный тому, что выражено производящей основой", „сделанный из ...", „состоящий из ...", „целое — часть целого", отношения содержания и содержимого" [Нарустранг 1982, 16].

фамилий на *-ский* с помощью продуктивного суффикса -ien/-ienne — dostoievskien (пример В.Г. Гака). В русском языке "прилагательный" характер основы препятствует использованию таких слов для производства адъективов (откуда выражения типа *маяковские рифмы*).

Не рассматривая подробно функционирование ОП в английском языке, сошлемся на [Харитончик 1986], где дается характеристика значений, выражаемых английскими прилагательными. Целый ряд значений из тех, которые выделяет автор, (относящийся к ...; сделанный из...; состоящий из...; предназначенный для...; расположенный там ...; происходящий во время ...; принадлежащий тому, что обозначено базовой основой) мы рассматриваем выше, как типический для сочетаний с русскими относительными прилагательными.

Чем объясняется характерная для нашего времени активизация ОП в различных языках? Можно думать, что главная причина — потребность современных развитых языков в средстве, предназначенном для выражения абстрактной категории отношения. ОП — это тот класс слов, который и служит для выражения категории отношения, тогда как качественные прилагательные служат для обозначения свойств, ср.: [Тарасова 1979, 86]. Другая причина — потребность общества в разветвленной системе номинаций, имеющих аналогичное и достаточно удобное строение. Показательно, что сфера наибольшей активности ОП — профессиональная речь, язык терминологии, где составные номинации проявляют очень высокую употребительность.

Выводы

1. Интенсивность производства и употребления отсубстантивных ОП — яркая черта современного языка.
2. Самым общим образом семантику отсубстантивных ОП можно охарактеризовать как 'относящийся к тому, что названо базовой основой'.
3. Общее относительное значение прилагательного получает конкретизацию в контексте словосочетания или более широком.
4. Наименования типа "ОП + существительное" широко употребительны не только в сфере научно-терминологической речи (как составные термины), в профессиональной речи, но и общелитературном книжном языке (особенно широко в языке газет) и в живой разговорной речи. Это один из наиболее распространенных видов номинаций, присущий русскому и другим славянским языкам. Показательно, что и в языках, в которых категория отсубстантивных прилагательных не является продуктивной (как, например, немецкий, английский, французский), наблюдается ее активизация.
5. ОП в сочетании с существительными способны выражать разнообразные виды отношений — от типических, часто повторяющихся, до случайных, ситуативных.
6. Способность сочетания с каждым конкретным прилагательным выражать те или иные виды отношений зависит от семантики базовой основы. Так, прилагательные, производные от названий матриалов,

веществ, обычно обозначают 'сделанный из ...', т.е. отношение к материалу; от названий временны́х отрезков — 'происходящий тогда-то', т.е. отношение ко времени; от названий пространственных существительных — 'находящийся там-то', от артефактов — 'предназначенный для изготовления данного предмета', 'предназначенный для продажи...', 'являющийся частью...' и т.п.

7. Закрепленность прилагательного за выражением того или иного вида отношений не является абсолютной. Она зависит и от семантики существительного, с которым сочетается ОП, и от речевого намерения говорящего. Способность выражать многообразные виды отношений, в том числе ситуативные, нетипизированные связи между предметами и явлениями, составляет принципиальное свойство ОП, позволяющее рассматривать их как синтаксические дериваты, т.е. как класс слов, в которых значение предмета транспонируется в значение признака. Именно поэтому формула 'относящийся к тому, что названо базовой основой', наиболее точно передает значение этих прилагательных.

8. Свойство ОП выражать случайные, ситуативные связи между предметами обнаруживается в разных сферах языка, прежде всего в РР, языке художественной литературы, языке газет. Считать подобные факты не пригодными для характеристики литературного языка [Чуглов 1967], на наш взгляд, неверно, так как именно они показывают, ка́к действует живой механизм современного словообразования. Факты такого рода выявляют действие механизма словообразования, тогда как устоявшиеся явления литературного словоупотребления часто не отражают живых норм словообразования и тенденций его развития.

9. Тенденция к активизации значения относительности сосуществует в системе современного языка с тенденцией к окачествлению отсубстантивных прилагательных. Отсубстантивные прилагательные подобны двуликому Янусу — они могут совмещать в себе широкое относительное значение с значением качественно-характеризующим. На основе значения отношения к роду лиц или предметов у ОП развивается значение свойственности, подобия: 'как у ...', 'как, где ...' и т.п., т.е. качественное значение.

10. Наши материалы подтверждают вывод И.Б. Шатуновского [1982] о том, что относительное значение отсубстантивных прилагательных базируется на денотативном значении существительного (например: *трамвайный — билет, депо, остановка, рельсы...*), тогда как качественное значение отсубстантивных прилагательных базируется на коннотациях разного рода или на сигнификативном значении существительного (например: *трамвайный — знакомство, ссора, нравы...*).

11. Качественное и относительное значение могут сосуществовать в структуре одного слова. Однако они уживаются не всегда. Появление у ОП качественного значения может приводить к конфликту. Наличие у слова устойчивого качественного значения мешает ему употребляться для выражения значения 'относящийся к ...'. Между тем потребность профессиональной речи и научной терминологии

в построении составных терминов, включающих прилагательное, требует прилагательных, способных выражать относительное значение. Это приводит к изменениям в системе словообразования: создается разряд новых (позднейших) образований — прилагательных с суф. *-ов-*, наряду с которыми функционируют однокоренные прилагательные с суф. *-н-* (реже — иной структуры). Первые закрепляются за выражением чисто относительных значений, вторые выражают качественные значения (ср. *вкусовой—вкусный, грязевой—грязный, пылевой—пыльный* и т.п.) или сохраняют за собой устоявшийся круг относительных значений.

СИНТАКСИС

ОТНОШЕНИЯ ЛОГИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ: СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ И ИХ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО СФЕРАМ ЯЗЫКА

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Функциональное исследование языка многоаспектно. Кажется возможным признать, что одним из важных, если не самым важным, аспектом функциональных описаний является следующий: систематизация разных языковых способов выражения одного и того же смысла.

Такая систематизация может осуществляться для разных целей: для построения языковой модели "Смысл⇔Текст"[1], для задач типологического сопоставления разных языков [Недялков, Сильницкий 1969] и др. Наша задача — дать систематизацию определенных языковых средств с их распределением по сферам языка. Можно думать, что разные цели исследования "от смысла" отличаются своей методикой и своими принципами систематизации, и поэтому, например, систематизация средств выражения определенного смысла для типологического сопоставления разных языков не должна повторять функционально-стилистической систематизации.

В качестве объекта описания целесообразно выбрать разные способы выражения отношений логической обусловленности (далее — ОЛО): причинных, следственных, условных, целевых и уступительных. Выбор такого объекта описания определяется рядом причин. Во-первых, как справедливо подчеркивает В.А. Белошапкова, "описание способов номинации отношений между ситуациями" является особой и важной задачей [Белошапкова 1982, 76]. Во-вторых, способы выражения ОЛО являются благодатным материалом для функциональных исследований в стилистическом аспекте. Потребность в выражении ОЛО характерна для всех сфер языка, и, следовательно, в этой области можно ждать развитой и достаточно дифференцированной в функционально-стилистическом аспекте системы способов выражения, ср., например, стилистически нейтральное *У него заболела голова, потому что он переутомился* и сугубо научное *Переутомление является причиной головной боли* или стилистически нейтральное *Он не пошел гулять, потому что болела голова* и типично разговорное *Он не пошел гулять из-за головы.*

[1] Методы построения такой модели весьма разнообразны. Их обзор и изложение собственной оригинальной концепции см.: [Апресян 1974].

Отдельные способы выражения ОЛО уже многократно были предметом исследования в грамматико-семантическом плане[2], начато их описание и в стилистическом аспекте [Формановская 1978]. Задача состоит в том, чтобы дать, по возможности, полное описание в одной системе всех способов выражения ОЛО и последовательно соединить это описание с функционально-стилистическим анализом каждого из способов.

Для исследования способов выражения ОЛО в грамматическом и функционально-стилистическом аспектах, как кажется, необходимо в полном объеме привлечь материал живой разговорной речи, который пока в исследованиях подобного рода либо вообще не использовался, либо использовался сугубо эпизодически. Необходимость такого материала определяется двумя моментами: (1) многие способы выражения ОЛО распространены либо только в РР, либо преимущественно в РР; (2) многие способы выражения ОЛО, выступая в неразговорных сферах, сохраняют тем не менее разговорную окраску, и поэтому без привлечения разговорного материала едва ли можно точно и полно понять особенности структуры и функционирования этих способов выражения ОЛО.

Представляется полезным не просто фиксировать, как это в большинстве случаев делалось до сих пор, принадлежность того или иного способа к определенной языковой сфере, но и попытаться объяснить, какие структурные особенности способа обусловливают его употребительность в той или иной сфере.

В необходимости решать такие задачи убеждает следующее. Фундаментальные грамматики современного русского языка либо вообще не ставят вопрос о сферах употребления той или иной конструкции, в том числе и предложений с ОЛО [Грамматика-79], либо решают его в самом общем плане[3]. Специальные исследования также оставляют место для вопросов. Хотя книга Н.И. Формановской [1978] посвящена стилистике сложного предложения, в ней многие способы выражения ОЛО, равно как и других отношений, не получают характеристики в стилистическом плане. Так, при анализе следственных сложноподчиненных предложений с союзом *так что* ничего не говорится о том, что этот вообще малоупотребительный союз явно не характерен для разговорной сферы. Ничего не говорится о сферах употребления следственных сложноподчиненных предложений с союзом *и* (*Очерк не был сдан в срок,* **и** *его не напечатали*), с союзом *и* и

[2] Особо должна быть отмечена работа Х. Беличевой-Кржижковой, в которой дается систематизация способов выражения ОЛО в разных видах сложного предложения [Беличева-Кржижкова 1985].

[3] В Русской грамматике (1980), например, о бессоюзных соединениях предложений сказано только, что сфера их употребления ограничена "преимущественно рамками разговорной речи», хотя очевидно, что и в других сферах языка эта конструкция представлена достаточно широко, что подтверждает и материал самой Русской грамматики.

словами, специально предназначенными для выражения следственных отношений (*и следовательно, и поэтому*). Кроме того, многие стилистические характеристики представляются малоубедительными. Так, утверждается, что для всех стилей речи характерны причинные союзы *потому что* и *оттого что*. Есть основания думать, что это верно только для союза *потому что*, союз *оттого что* не характерен для живой разговорной речи и не используется для имитации разговорной речи в художественной литературе. Во всяком случае ни одного примера, который опровергал бы это мнение, в материалах Н.И. Формановской нет.

Можно надеяться, что решение всех поставленных задач даст существенные результаты как в научно-познавательном, так и в методическом плане. Последнее не менее важно, чем первое, если учесть, что функциональный подход к языку находится сейчас в стадии поиска и становления[4].

ОСНОВЫ СИСТЕМНОГО ОПИСАНИЯ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ ЛОГИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ

Логическими, по-видимому, могут быть названы всякие такие отношения, которые устанавливаются мыслительным актом для выявления реальных отношений между компонентами действительности и тем самым становятся важнейшей частью картины мира, отраженной в сознании человека. Естественно, что лингвистику, в первую очередь, интересуют такие отношения, для которых данный язык выработал специальные способы выражения. К числу логических должны быть отнесены как уже названные выше отношения причины, следствия, условия, цели и уступки, так и противительные, разделительные и т.п. Объектом исследования выбираются только отношения первого ряда. Именно они объединяются под названием отношений логической обусловленности[5]. Это объединение не является произвольным. ОЛО могут быть охарактеризованы и выделены в особый класс с помощью понятия пропозиции[6].

Как показал Ш. Балли, в значении каждого предложения выделяются модус и пропозиция (в терминологии Ш. Балли "модус" и "диктум" [Балли 1955, 43—44]). Пропозиция — это сообщаемое, модус — отношение говорящего к сообщаемому, это "я" говорящего в значении предложения. Два названные плана значения предложения особенно ясно проявляют себя в том случае, когда модус и пропозиция

---

[4] Проблема метода в функциональных исследованиях подробно обсуждается, например, в [Бондарко 1983].

[5] Х. Беличева-Кржижкова называет эти отношения причинными, различая при этом причину в широком и узком смысле слова [Беличева-Кржижкова 1985, 415—416]. Неудобства такой терминологии очевидны.

[6] Важность понятия пропозиции для исследования семантики как простого, так и сложного предложения подчеркивается многими синтаксистами, см., например, об этом: [Адамец 1978].

имеют раздельное выражение, ср.: *Я утверждаю* (модус), *что будет шторм* (пропозиция).

Пропозиция есть суждение о событии. Событие при этом понимается не только как свершение чего-то (*Река мелеет*), но и как приписывание предмету признака (*Река мелкая*) и как определение местоположения предмета (*Река — за холмом*) и т.п.[7]. Отличительный признак события в том, что оно всегда ориентировано на временной оси. Поэтому первичной формой выражения пропозиции является предикативная конструкция, в основе которой лежит компонент, чаще всего полнозначный глагол или глагол-связка в личной форме, с временным показателем. Пропозиция в форме предикативной конструкции является развернутой. Развернутая пропозиция может по определенным правилам свертываться, например, предикативная конструкция может быть свернута в событийное существительное: *он читает книгу — чтение им книги.*

Предложение может быть монопропозитивным и полипропозитивным. Полипропозитивное предложение может быть и сложным, и простым. Полипропозитивное предложение, состоящее из двух и более развернутых пропозиций является сложными: *Он много читает, потому что это доставляет ему удовольствие.* Полипропозитивное предложение со свернутой пропозицией может быть простым: *Чтение книг доставляет ему удовольствие.*

Логико-семантическая структура пропозиции обнаруживает себя с достаточной ясностью в развернутой пропозиции. По мнению Н.Д. Арутюновой, пропозицию можно определить "как семантическую структуру, объединяющую денотативное и сигнификативное значение, из которых последнему принадлежит центральная позиция"[Арутюнова 1976, 37]. В типичных стандартных случаях компонент с денотативным значением путем идентификации соотнесен с конкретным реальным единичным предметом действительности, ср. *Этот дом — архитектурный памятник,* где компонент *этот дом* означает конкретный дом. Можно сказать, что компонент с денотативным значением привязывает предложение-пропозицию к действительности. Чтобы осмыслить компонент с денотативным значением, мало знать словарное значение слова, необходимо соотнести это слово с конкретным денотатом. Компонент с сигнификативным значением обращен уже не к конкретной действительности, а к мысли о действительности. Чтобы осмыслить компонент с сигнификативным значением, достаточно знать словарное значение слова.

Логико-семантическая структура предложений с ОЛО обладает следующими отличительными признаками.

В предложениях с ОЛО имеют место три пропозиции. Во-первых, ОЛО устанавливаются всегда между компонентами с пропозитивным значением. Во-вторых, сами ОЛО формируют особую пропозицию. Пропозитивное значение вступающих в ОЛО компонентов не вызывает сомнения в том случае, когда эти компоненты представлены предикативными конструкциями, т.е. когда ОЛО выражены в форме

[7] Аналогичным образом толкуется событие в [Беличева-Кржижкова 1985, 407—408].

сложного предложения. Свернутая пропозиция обнаруживает себя тем, что допускает развертывание в предикативную конструкцию. При таком развертывании простое полипропозитивное предложение перестраивается в сложное.

Существуют попытки различать причинные отношения между субстанциями (например: *Значения языковых единиц также определяются парадигматическими и синтагматическими связями*) и ситуациями (примером может служить любое сложное предложение [Антонова 1983, 45—47]). Надо полагать, что компонент-субстанция, также как и компонент-ситуация, имеет пропозитивное значение, поскольку простое предложение с причинными отношениями между субстанциями может быть развернуто в такое сложное предложение, предикативные конструкции которого соответствуют значению компонентов субстанций, ср.: *Языковые единицы имеют определенное значение, потому что эти единицы парадигматически и синтагматически связаны.*

ОЛО принципиально невозможны между компонентами с конкретно-предметным значением, наиболее контрастно противопоставленным пропозитивному (событийному) значению. Если все же ОЛО устанавливается относительно компонента, названного конкретно-предметным существительным, то такое существительное с необходимостью получает пропозитивное "прочтение", ср. разговорное *Я не могу пойти с тобой из-за ключей* // 'я не могу пойти с тобой, потому что у меня нет ключей запереть квартиру' или 'я не могу пойти с тобой, потому что должен кому-то передать ключи' и т.п.

Кажется, таким образом, важным найти в значении всех компонентов, вступающих в ОЛО, то общее, что позволяет им участвовать в этих отношениях. Это общее, как мы попытались показать, и есть пропозитивность.

Другой важный признак ОЛО следующий: ОЛО — это отношения зависимости. Завсисимость здесь понимается в том смысле, что всегда можно назвать компонент обусловливаемый и обусловливающий его, а следовательно, и зависимый от обусловливаемого. Именно обусловливающий компонент несет в себе одно из значений ОЛО: или причинное, или следственное, или условное и т.д.

Итак, предложения с ОЛО выделяются в особую группу среди предложений с логическими отношениями на основе двух отличительных признаков: 1) ОЛО устанавливаются только между компонентами с пропозитивным значением; 2) ОЛО — это отношения зависимости.

Другие типы логических отношений в отличие от ОЛО могут устанавливаться не только между пропозициями, но и между отдельными конкретно-предметными именами, признаками имен и обозначениями действий и т.п. Например, противительные, разделительные, сопоставительные отношения возможны между именами, называющими конкретные предметы: *Не только березы, но и клены есть в этом парке; Или я, или он должен ехать в командировку.* Отношения такого рода не являются зависимыми.

Особо должны быть рассмотрены так называемые каузативные

предложения, толкуемые обычно с помощью слова "каузировать" или выражения "делать так, чтобы"; "каузировать не" или "делать так, чтобы не", ср.: *Он подозвал меня* 'он каузировал меня подойти к себе', или 'он сделал так, чтобы я подошел к нему'; *Они разбили сквер* 'они каузировали сквер быть', или 'они сделали так, чтобы сквер был'; *Он разбудил меня* 'он каузировал меня не спать', или 'он сделал так, чтобы я не спал'. Эти семантические интерпретации, по-видимому, правильны. Однако объединение этих предложений в одну систему с причинными сложноподчиненными предложениями и т.п., как это делают В.П. Недялков и Г.Г. Сильницкий [1969], требует особого обсуждения.

Отличие каузативных предложений типа *Он подозвал меня* от причинных сложноподчиненных предложений и т.п. в том, что данные каузативные предложения не допускают сколько-нибудь очевидных преобразований в причинные сложноподчиненные предложения и им подобные. И поэтому кажется достаточно ясным, что если предложения типа *Экскурсия не состоялась, потому что была плохая погода — Экскурсия не состоялась из-за плохой погоды — Плохая погода была причиной отмены экскурсии* и т.п. мыслятся носителями языка в одном ряду как нечто весьма сходное по содержанию, то каузативные конструкции ими в этот ряд явно не включаются. Если предложения с разными способами выражения одного из ОЛО употребляются в одной и той же сфере языка, то всегда можно наблюдать такие тексты, в которых эти предложения, несмотря на формальные различия, взаимозаменимы. Особенно широко развита такая взаимозаменимость в РР: предупреждая о более позднем, чем обычно, приходе домой с работы с равным успехом можно сказать *Я поздно сегодня / собрание //*; *Я поздно сегодня / потому что собрание //; Из-за собрания я поздно сегодня //*. К таким предложениям вполне приложимо то определение синонимии, которое было предложено Д.Н. Шмелевым. Суть его в том, что в отношения синонимии вступают такие единицы, которые в своем значении имеют существенные общие признаки и такие несовпадающие признаки, которые в определенных позициях нейтрализуются[8]. Если считать, что за разными способами выражения ОЛО стоят, по крайней мере иногда, некоторые семантические различия, то тексты, где эти различия несущественны, и есть те "позиции", в которых происходит нейтрализация разных способов выражения ОЛО. Для предложений типа *Он подозвал меня, Он разбудил меня* нет ни одного контекста, в котором бы осуществилась нейтрализация этих предложений с причинными сложноподчиненными предложениями и т.п. Этот объективный факт при функционально-стилистическом подходе к языку заставляет так представить основы построения системы предложений с ОЛО, чтобы каузативные конструкции не входили в состав ОЛО.

[8] "... Синонимы — это слова, несовпадающими семантическими признаками которых являются только такие признаки, которые могут устойчиво нейтрализоваться в определенных позициях. Чем больше таких позиций, тем выше степень синонимичности соответствующих слов, тем чаще осуществима их взаимозаменимость" [Шмелев 1973, 130].

Из этого не следует, конечно, что предложенные В.П. Недялковым и Г.Г. Сильницким основы описания причинных отношений ошибочны, просто это иные основы, позволяющие вполне корректным образом рассматривать предложения типа *Он подозвал меня* в одной системе со сложноподчиненными причинными предложениями и другими причинными предложениями. Наше понимание ОЛО не позволяет включить в их состав каузативные отношения в предложениях типа *Он подозвал меня* потому, что субъект-подлежащее в таких предложениях не может быть интерпретирован как компонент с пропозитивным значением. На наш взгляд, предложения типа *Он подозвал меня* являются монопропозитивным. Если же признать в субъекте-подлежащем пропозитивный смысл, то тогда все предложения с активным субъектом должны были бы интерпретироваться как полипропозитивные, а с таким решением едва ли кто-либо согласится.

Также специального обсуждения требует вопрос о статусе предложений типа *Веселое щебетание птиц разбудило меня* (1). Принадлежат ли отношения в таких предложениях к числу причинных из состава ОЛО или это каузативные отношения типа *Он разбудил меня* (2)? Несмотря на явное сходство (1) и (2), кажется все-таки, что это разные по своей семантико-синтаксической структуре предложения. Доказательством является то, что (1) без труда преобразуется в причинное предложение, ср.: *Я проснулся из-за веселого щебетания птиц* (3); *Я проснулся, потому что весело щебетали птицы* (4). Ясно, что (1), (3) и (4) по-разному представляют одну и ту же ситуацию или, как еще говорят, передают одно и то же положение дел. Предложение (2) не допускает таких преобразований. Предложение *Он разбудил меня* (2) и *Я проснулся из-за него* (5) не одно и то же, эти предложения сообщают о разном положении дел. (5) может означать: 'я проснулся, потому что он пришел', 'я проснулся, потому что он громко разговаривал', 'я проснулся, потому что он меня просил об этом' и т.д. Из этого следует, что за местоимением *из-за него* в (5) скрывается пропозиция, а за местоимением *он* во (2) не стоит пропозиция, и (2) не может иметь тех многочисленных осмыслений, которые приведены для (5). Таким образом, предложения типа *Веселое щебетание птиц разбудило меня* включаются в состав предложений с ОЛО. Интересно отметить, что и предложение *Он разбудил меня* может быть преобразовано в причинное при сохранении местоимения *он*, ср.: *Он не разбудил тебя?*, где за местоимением *он* стоит уже пропозиция, которая может иметь разные осмысления: 'его приход', 'его звонок по телефону', 'то, что он громко разговаривал' и т.п. Такое предложение вполне может быть преобразовано в причинное сложноподчиненное предложение, ср.: *Ты не проснулся от того, что он громко разговаривал?*

Особенности логико-семантической структуры предложений с ОЛО определяют те признаки, которые должны быть положены в основу системного описания способов выражения этих отношений. Эти признаки следующие:

(1) способ выражения пропозиций, вступающих в ОЛО. Этот

признак предполагает, во-первых, дифференциацию развернутых и свернутых пропозиций и, во-вторых, дифференциацию различных способов свертывания пропозиций;
(2) способ оформления самой пропозиции логической обусловленности, или, проще говоря, способ выражения самого значения причины, следствия, условия и т.п. Способ оформления самого значения логической обусловленности зависит от способа выражения пропозиций, вступающих в ОЛО. Например, при развернутой пропозиции определенное ОЛО может быть выражено союзом: *Команда проиграла, потому что плохо была подготовлена физически;* а при свернутых пропозициях это значение требует для своего выражения специального предикативного слова или выражения: *Причиной проигрыша команды была плохая физическая подготовка.*

Признаки (1) и (2) определяют способ выражения ОЛО. Каждый способ допускает дальнейшую классификацию по определенным признакам. Эти признаки определяют разновидности каждого способа. Состав разновидностей каждого способа различен. Разновидности способа могут иметь свою функционально-стилистическую нагрузку, т.е. могут быть распределены по разным языковым сферам. Например, среди предложений типа *Он не мог работать из-за головной боли* выделяется разновидность с конкретно-предметным существительным в пропозитивном осмыслении: *Он не мог работать из-за головы.* Эта разновидность широко распространена в РР.

Детальное описание всех разновидностей каждого способа требует отдельных специальных исследований. Свою задачу мы видим в том, чтобы назвать для каждого способа, с одной стороны, только наиболее частотные и регулярные разновидности, а с другой — только наиболее интересные с исследовательской точки зрения и малоизученные разновидности. Полное же описание разновидностей будет продемонстрировано лишь на примере одного способа выражения ОЛО — на примере бессоюзных сложных предложений с причинно-следственными отношениями.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ — ПЕРВИЧНАЯ ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ ЛОГИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ

Для построения системы способов выражения ОЛО в современном русском языке кажется необходимым определить первичную форму выражения ОЛО. Первичность формы в этом случае должна пониматься в строго синхронном плане.

Первичной формой выражения ОЛО, той формой, от которой кажется целесообразным вести отсчет всем другим способам выражения этих отношений, является форма сложноподчиненного предложения. Эту форму выражения ОЛО есть основания считать первичной потому, что именно она в наибольшей степени соответствует логической природе отношений обусловленности. Это соответствие заключается в следующем:

1) в сложноподчиненном предложении, как и вообще в любом другом сложном предложении, компоненты, между которыми устанавливаются отношения обусловленности, выражаются предикативными конструкциями, а предикативные конструкции — это основной способ выражения пропозиции. Предикативная конструкция является развернутой пропозицией, все логико-семантические характеристики пропозиции проявляются в предикативной конструкции явно и последовательно;

2) сами отношения логической обусловленности в сложноподчиненном предложении выражаются специальными грамматическими средствами — союзами;

3) и, наконец, в сложноподчиненном предложении грамматическими средствами выражена зависимость обусловливающей предикативной конструкции от обусловливаемой.

На третьем свойстве сложноподчиненных предложений следует остановиться несколько подробнее. Подчинительные союзы противопоставлены сочинительным именно на том основании, что подчинительные союзы показывают иерархическую зависимость соединяемых компонентов, и поэтому по отношению к этим компонентам невозможен третий компонент, к которому бы соединенные подчинительным союзом компоненты находились бы в одинаковых отношениях. Сочинительные же союзы показывают, что два соединенных ими компонента находятся или могут находиться в одинаковой зависимости от третьего компонента. Если в простом предложении практически всегда есть тот третий член, к которому в одинаковых синтаксических отношениях находятся члены, связанные сочинительным союзом, то в сложном предложении такой третий компонент выступает далеко не всегда, однако синтаксическая позиция для него всегда открыта: для того, чтобы употребить этот третий компонент, необходимо в сочиненные части при сохранении сочинительного союза ввести одинаковые подчинительные союзы, ср.: *Было холодно, и он закрыл окно — Он сказал, что было холодно и что он закрыл окно.* Другими словами, сочинительные союзы возможны между придаточными частями с одинаковыми подчинительными союзами, а подчинительные союзы в этой позиции невозможны.

Писать снова[9] о процедуре различения сочинительных и подчинительных союзов побуждает спорный вопрос о синтаксическом статусе следственного союза *так что*. Традиционно этот союз относится к подчинительным. Он является единственным в русском языке следственным союзом[10]. Х. Беличева-Кржижкова поставила под сомнение подчинительный статус союза *так что*, полагая, что в

[9] Приемы различения сочинительных и подчинительных союзов на указанной основе были сформулированы в [Ширяев 1980].

[10] В Грамматике-80 (I, 597) кроме собственно союза *так что* отмечаются еще аналоги его: просторечные и устаревшие частицы *аж* и *ажно* (*Коли ты ему полюбился, али так, час добрый на него найдет, так уж награждает, награждает, аж тошно становится* — Тург.), коррелят *так* (*Хоть я гнусь, но не ломаюсь: Так бури мало мне вредят* — Крыл.).

предложениях с этим союзом "нет отношения детерминации — необходимого условия подчинения, а есть отношения, подобные возникающим в предложениях с соединительными средствами связи: *и / а потому, следовательно*" [Беличева-Кржижкова 1985, 412—413]. Важным аргументом в пользу признания союза *так что* сочинительным Х. Беличева-Кржижкова считает то, что часть с этим союзом может занимать только постпозицию по отношению к обусловливаемой части, в то время как типично подчинительные союзы позволяют помещать обусловливающую часть и в препозицию по отношению к обусловливаемой; примеры общеизвестны, ср.: *Пойду гулять, если будет время* и *Если будет время, пойду гулять*.

Если *так что* действительно не подчинительный союз, то придется признать, что следственные отношения не имеют в русском языке средства так же адекватно передающего их логико-семантическую природу, как это делают подчинительные союзы при выражении других ОЛО, поскольку союз *так что* в отличие от причинных, условных и прочих союзов не показывает зависимости обусловливающей части от обусловливаемой. Кажется, однако, что точка зрения на союз *так что* как сочинительный может быть оспорена, если воспользоваться предложенной выше процедурой различения сочинительных и подчинительных союзов. Союз *так что,* как и все бесспорно подчинительные союзы и в отличие от всех бесспорно сочинительных союзов, ни при каких условиях не может соединить две придаточные части с одинаковыми подчинительными союзами, чтобы обозначить их одинаковое отношение к третьей части, и, следовательно, *так что* по своему синтаксическому поведению ничем не отличается от обычных подчинительных союзов. Неспособность части с союзом *так что* занимать в сложном предложении препозицию не может, по-видимому, служить достаточным аргументом отнесения этого союза к сочинительным, поскольку существуют бесспорные подчинительные союзы, придаточные части с которыми так же не могут занимать препозицию; к таким союзам например, принадлежат причинные союзы *потому что, ибо*.

Полагаем, таким образом, что союз *так что* является подчинительным, а предложения с этим союзом — первичным способом выражения следственных отношений.

Сложноподчиненные предложения с ОЛО имеют развитую систему разновидностей, распределенных по разным языковым сферам. Основные средства создания функционально-стилистических разновидностей следующие.

1. Как правило, каждое из ОЛО может выражаться несколькими союзами. Эти союзы объединяются в группы с явно выраженной стилистической нагрузкой, предопределяющей функционирование соответствующего сложноподчиненного предложения в определенной сфере или сферах. Наблюдения на этот счет давно и широко известны. Например, всегда отмечается, что причинные союзы *вследствие того что, ввиду того что, по причине того что, поскольку* и др. регулярны только в научной и официально-деловой сферах, употребительны они также в строгих жанрах публицистики. Сложно-

подчиненные предложения с этими союзами нехарактерны для РР, а в языке художественной литературы употребляются обычно с особой эстетической нагрузкой; ср., например, намеренное соединение средств из строгих сфер языка, в том числе и союза *поскольку*, со сниженными разговорными и просторечными средствами для создания особого и яркого языкового портрета персонажа в рассказах М. Зощенко: *Я говорю: "При всем чутком отношении к поэтам я тебе в данное время не могу печку переложить, поскольку наш печник загулял"* ("В Пушкинские дни. Первая речь о Пушкине"); *Что же касается Гоголя и Тургенева, то их могли нянчить все мои родственники, поскольку еще меньше времени отделяло тех от других* ("Вторая речь о Пушкине"); *Уединитесь временно от общества, поскольку у вас, видать, нервная система не в порядке, и вы чуть на людей не бросаетесь* ("Вынужденная посадка").

Можно привести примеры и типично разговорных союзов. К ним, в частности, принадлежит условный союз *раз*: *Раз пришел / посиди //; Раз начал / так уж говори //; Сделаю / раз надо //; Уж раз купили / чего ж теперь о цене говорить //.*

Из других сфер этот союз чаще всего употребляется в художественной литературе для имитации РР у персонажей, ср.: *Я в темноте петь тенором отказываюсь. Раз, говорит, темно — я ухожу* (М. Зощенко).

2. Менее известна, чем функционально-стилистическая дифференциация союзов, функционально-стилистическая нагрузка некоторых типов порядка компонентов сложноподчиненного предложения. Е.А. Земская показала, что в РР союз может располагаться в любом месте вводимой им предикативной конструкции [Русская разговорная речь 1973, 394—397]. В материалах Е.А. Земской представлены сложноподчиненные предложения с причинным (*потому что*) и условным (*если*) союзами: *Все устали потому что было жарко // — Все устали было жарко потому что // — Все устали было потому что жарко // — Все устали жарко потому что было // — Потому что было жарко / все устали // — Было жарко потому что / все устали // — Жарко потому что было / все устали // — Было потому что жарко / все устали //; Мы в кино не успеем / если он придет поздно // — Если он придет поздно / мы в кино не успеем // — Мы в кино не успеем / он придет поздно если // — Мы в кино не успеем / он если придет поздно // — Он если придет поздно / мы в кино не успеем //.*

Наши материалы не оставляют сомнения в том, что эти и все другие употребляемые в РР союзы, выражающие ОЛО, имеют аналогичное синтаксическое поведение: *Огурцы быстро теперь растут / ночи теплые потому что стали //; Надо заранее билет брать / может не быть тогда потому что //; Придет он если / позвони //; И купаться там даже можно / повезет если с погодой //; Больше он должен писать / грамотней чтобы был //; Бегать надо / фигура была чтобы //;* Выспался *я хорошо / поздно хотя лег совсем //;* (о цветах) *А ничего с этими желтыми не случилось / мороз был ночью хотя //.*

Не менее яркая особенность РР — взаиморасположение предикативных конструкций. Подробно анализируя сложноподчиненные предложения с изъяснительными отношениями, Е.А. Земская обнаружила два рода явлений: (а) свободу расположения главной части по отношению к зависимой, особенно показательна в этом плане как собственно разговорная черта интерпозиция главной части — *Значки я рада что купила* //; (б) взаимопроникновение предикативных конструкций — *Ты мусор слышала когда увозили?* (ср.: *Ты слышала, когда увозили мусор?*) [Русская разговорная речь 1973, 397—402].

Для сложноподчиненных предложений с ОЛО в РР взаимопроникновение предикативных конструкций мало характерно. Приведем все зафиксированные в наших материалах примеры: *Я будет если / поздно приду / собрание* //, ср.: *Я поздно приду / если будет собрание* //; *Форточку / мухи потому что / занавесить надо / летят* //, ср.: *Форточку надо занавесить / потому что мухи летят* //.

Что же касается интерпозиции придаточной части в сложноподчиненных предложениях с ОЛО, то она распространена очень широко. И это, по-видимому, имеет свои объяснения. Придаточная часть в сложноподчиненных предложениях с ОЛО синтаксически зависит от предиката главной части. Содержащаяся в структурно-семантических классификациях, восходящих к работам Поспелова (см., напр.: [Поспелов 1959]), квалификация сложноподчиненных предложений как расчлененных структур, в которых придаточная часть считается зависимой не от определенного слова главной части, а от главной части в целом, представляется не вполне убедительной[11]. Доказать синтаксическую зависимость придаточной части именно от предиката главной можно очень просто; именно от предиката главной части можно естественным образом поставить вопрос к придаточной части, ср.: *Я на юг в этом году поеду / потому что позагорать хочется* // — поеду почему? — потому что позагорать хочется. Синтаксические связи главной и придаточной частей не всегда находятся в полном соответствии с реальными смысловыми связями. Свобода местоположения придаточной части в РР позволяет употребить ее контактно с тем словом главной части, с которым придаточная часть ближе всего соотнесена по смыслу, ср.: *Я на юг / позагорать хочется потому что / в этом году поеду* //, где контактное положение придаточной части с обстоятельством *на юг* главной части подчеркивает их смысловую соотнесенность: юг — это именно то место, где легко осуществить желание позагорать. Приведем другие примеры:

К машинистке / кое-что перепечатать надо мне потому что / я еще зайду //; *Съезжу / отдохнуть отвлечься потому что хочется / куда-нибудь недалеко* //; (о статье) *Это переделать / не очень понятно потому что / надо* //; *В пергамент / промокнет*

[11] В.А.Белошапкова справедливо заметила, что мысль об отнесенности придаточной части к главной в целом на деле означает, что придаточная часть относится к предикативному ядру главной части [Современный русский язык 1981, 535—537].

потому что заверни ||; Я спрошу | приедет она если | и об этом ||; Лучше все-таки телевизор | если наружная антенна есть | работает ||; На электричке | если в Лосинку хочешь | ехать лучше всего ||; (о настольной лампе) *Включи| посветлей чтобы было немножко и настольную||; На колесиках чтобы легче было чемоданы теперь есть ||; Такси | чтобы мы успели | теперь уже брать надо ||*; (о телевизоре) *Включи поздно хотя уже наверно | этот спектакль ||; Я книгу | хотя он и не будет читать | подарю ему все же эту ||.*

Как бы ни были разнообразны функционально-стилистические разновидности сложноподчиненных предложений с определенными ОЛО, среди этих разновидностей всегда есть нейтральная функционально-стилистическая разновидность. Нейтральной функционально-стилистической разновидностью называем такую, которая одинаково регулярно употребляется во всех сферах языка и поэтому не имеет стилистической нагрузки. Для сложноподчиненного предложения с любым из ОЛО можно назвать нейтральный, употребляемый во всех сферах союз и нейтральный порядок предикативных конструкций. В языке художественной литературы нейтральная функционально-стилистическая разновидность сложноподчиненного предложения не несет никакой эстетической нагрузки, участвуя в осуществлении эстетических функций только в совокупности с другими средствами.

Нейтральными структурами сложноподчиненного предложения с ОЛО являются следующие:

а) причинные сложноподчиненные предложения с союзом *потому что* и постпозицией придаточной части: *Нетрудно было найти этот дом, потому что вся улица состояла только из одного дома* (В. Каверин);

б) условные сложноподчиненные предложения с союзом *если;* придаточная часть может быть как препозитивной, так и постпозитивной: *Если задеть веслом или рукой за космы мха, из него вылетает густым облаком яркая изумрудная пыль* (К. Паустовский); *Он непременно снял бы шапку, если бы она у него была* (В. Катаев);

в) целевые сложноподчиненные предложения с союзом *чтобы* и постпозитивной придаточной частью: *Каждый из нас отдает всю кровь, силы, все мужество для того, чтобы могла спокойно работать и процветать наша страна и ее культура* (К. Паустовский);

г) уступительные сложноподчиненные предложения с союзом *хотя,* придаточная часть может быть как постпозитивной, так и препозитивной: *По-прежнему я жила у Киры, много читала и работала, хотя это было не очень удобно* (В. Каверин);

д) следственные сложноподчиненные предложения с союзом *так что* и постпозицией придаточной части: *Вслед за молнией на землю пролился дождь, густой и скорый, так что стало сумрачно вокруг* (А. Платонов).

То, что каждый тип проиллюстрирован только одним примером из художественной литературы, ни о чем не говорит: в любых текстах любой сферы языка можно без труда обнаружить множество примеров данных нейтральных функционально-стилистических разновидностей. И не случайно именно эти предложения с ОЛО отмечаются в первую очередь во всех грамматиках при описании сложноподчиненного предложения.

Особого замечания требуют сложноподчиненные предложения со следственными отношениями. Можно констатировать, что первичная форма выражения следственных отношений — следственное сложноподчиненное предложение с союзом *так что* (а других следственных подчиненных союзов, как уже было сказано, нет) — в любых сферах не принадлежит к числу частотных. Следственные отношения чаще выражаются другими способами: предложения типа *Тормоза отказали, и машина стала неуправляемой, Тормоза отказали, и поэтому* (*следовательно, таким образом*) *машина стала неуправляемой* более обычны в соответствующих сферах, чем предложение *Тормоза отказали, так что машина стала неуправляемой.*

Тот факт, что именно среди сложноподчиненных предложений существует нейтральная функционально-стилистическая разновидность, употребляемая во всех сферах языка, объясняется, в первую очередь, тем, что сложноподчиненные предложения с ОЛО — первичная форма выражения этих отношений. И кажется совершенно естественным, что каждая сфера языка удовлетворяет свои потребности в выражении ОЛО прежде всего за счет формы, наиболее приспособленной для выражения этих отношений.

Тезис о том, что сложноподчиненное предложение как первичная форма выражения ОЛО избирается исходным пунктом, точкой отсчета для анализа многочисленных вторичных способов выражения ОЛО, означает следующее: чтобы дать анализ структурно-семантических особенностей вторичных способов, необходимо и достаточно указать, чем вторичный способ отличается от первичного.

ОТНОШЕНИЯ ЛОГИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ В СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ — ОСОБАЯ ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ ЛОГИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ

Бессоюзные сложные предложения — особая форма, а, следовательно, и особый способ выражения ОЛО. Если в сложноподчиненном предложении конкретный тип ОЛО (причина, условие и т.п.) определяется семантикой соответствующих подчиненных союзов, то в бессоюзном сложном предложении нет специального средства выражения этих отношений. В бессоюзном сложном предложении ОЛО выступают как имплицитные. Эксплицитность сложноподчиненного предложения / имплицитность бессоюзного в выражении ОЛО — главная отличительная черта этих двух форм сложного предложения.

Положение об имплицитном характере смысловых отношений, в том числе и ОЛО, в бессоюзном сложном предложении утвердилось сравнительно недавно. Долгое время в учении о бессоюзном сложном предложении в советском языкознании господствовали концепции А.М. Пешковского и Н.С. Поспелова, общим в которых было признание за интонацией способности выражать (эксплицировать)

смысловые отношения между предикативными конструкциями в бессоюзном сложном предложении так, как это делают в сложноподчиненном предложении союзы или союзные слова, или подобным образом [Пешковский 1956, 48—50, 470—473; Поспелов 1950]. И только интонационно-синтаксические исследования последних лет показали, что интонация в бессоюзном сложном предложении не выполняет функции подобной функции союзов или союзных слов. М. Кубик доказывает это тем, что одна и та же интонация, определяемая им на слух, свойственна бессоюзным сложным предложениям с явно разными смысловыми отношениями между предикативными конструкциями: одинаково, по мнению М. Кубика, интонируются, например, бессоюзные сложные предложения с противительными отношениями (*Вы уйдете — мы останемся*) и условными (*Банка лопнет — масло разольется*) [Кубик 1967, 64]. Т.М. Николаева поставила своей целью экспериментально проверить так называемый компенсационный принцип А.М. Пешковского, согласно которому интонация может возмещать отсутствие грамматических средств. Основной вывод Т.М. Николаевой следующий: интонация в бессоюзном сложном предложении отличается по сравнению с интонацией в союзных предложениях большей яркостью, свойства же выражать смысловые отношения между предикативными конструкциями эта интонация не имеет [Николаева 1969, 126—128].

Смысловые отношения в бессоюзных сложных предложениях устанавливаются на основе апперцепционной базы говорящих. Апперцепционная база — это общие знания и общий опыт говорящих[12].

Например, из апперцепционной базы известно, что снежный покров — необходимое условие катания на лыжах, и именно это знание "проявляет" условные отношения в предложении *Выпадет снег / будем ходить на лыжах //* Можно сказать, таким образом, что смысловые отношения в бессоюзном сложном предложении выявляются на основе конкретного содержания соединяемых предикативных конструкций, создаваемого лексико-семантической структурой этих предикативных конструкций. Между предикативными конструкциями устанавливаются те смысловые отношения, которые естественным образом заложены в апперцепционной базе и поэтому с легкостью выводятся из содержания предикативных конструкций. Если из содержания предикативных конструкций смысловые отношения не вытекают с достаточной легкостью и очевидностью, то их объединение в одно бессоюзное предложение просто не может состояться. Популярная фраза *Этого не может быть, потому что не может быть никогда* не способна быть бессоюзной, потому что в апперцепционной базе не заложено никаких отношений между смыслами соединяемых предикативных конструкций, и поэтому только причинный союз может установить между данными предикативными конструкциями причинные отношения.

[12] Понятие апперцепционной базы было впервые введено в лингвистическое описание Л.П. Якубинским — см.: [Якубинский 1923, 147]. Это понятие подробно рассматривается в [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981, 193—198].

ОЛО занимают в апперцепционной базе ведущее место, и бессоюзные сложные предложения с ОЛО — один из самых активных типов бессоюзного сложного предложения вообще.

Признание того факта, что интонация в бессоюзных сложных предложениях не выражает смысловых отношений между предикативными конструкциями, имело для теории бессоюзного сложного предложения далеко идущие последствия. И.Н. Кручинина вообще отказалась признать за бессоюзным сложным предложением статус синтаксической единицы. Основания для такого решения следующие: в бессоюзном сложном предложении нет никаких грамматических средств, участвующих в выражении смысловых отношений, следовательно, бессоюзное сложное предложение не имеет синтаксической формы и не является поэтому синтаксической единицей. То, что называют сложным бессоюзным предложением, И.Н. Кручинина считает обычной последовательностью предложений в тексте [Кручинина 1973, 115].

Действительно, интонация не выражает смысловых отношений в бессоюзном сложном предложении, но это, на наш взгляд, не означает, что интонация в бессоюзном сложном предложении вообще лишена всякой синтаксической функции. Сравним бессоюзное сложное предложение *Не пойдем гулять: дождь на улице* и текст из предложений, построенных на основе тех же предикативных конструкций: *Не пойдем гулять. Дождь на улице.* По-видимому, предписанный действующими правилами пунктуации знак "двоеточие" в бессоюзном сложном предложении будет интонационно "прочитан" иначе, чем точка. Можно показать, что за различием в интонировании скрываются и функционально-синтаксические различия, позволяющие обнаружить синтаксическую нагруженность особого интонирования бессоюзного сложного предложения. Интонация в бессоюзном сложном предложении — это знак того, что между предикативными конструкциями существуют определенные смысловые отношения, которые заложены в содержании предикативных конструкций и должны быть осознаны говорящими на основе их апперцепционной базы. Эту синтаксическую функцию интонации бессоюзного сложного предложения можно обозначить как функцию активизации имплицитных смысловых отношений. Именно потому, что в предложении *Не пойдем гулять: дождь на улице* активизированы причинные смысловые отношения, это предложение может служить ответом на прямой причинный вопрос *Почему не пойдем гулять?,* требующий непременно обозначить причину. Ответить же на этот вопрос текстовым образованием *Не пойдем гулять. Дождь на улице* нельзя, поскольку причинные отношения в тексте не активизированы. Итак, в синтаксической форме бессоюзного сложного предложения осуществляется активизация имплицитных смысловых отношений.

Отсутствие в бессоюзном сложном предложении средства с функциями, аналогичными союзу или союзному слову, предполагает еще одно отличие сложноподчиненного предложения как первичной формы выражения ОЛО от бессоюзного сложного предложения. В бессоюзном сложном предложении не выражена категория сочинения / подчинения, и, следовательно, не отражено одно из ключевых свойств ОЛО —

иерархическая зависимость вступающих в логические отношения обусловленности компонентов.

Таким образом, сложноподчиненное предложение как первичная форма выражения ОЛО и бессоюзное сложное предложение отличаются соответственно эксплицитностью / имплицитностью ОЛО и выраженностью / невыраженностью иерархической смысловой зависимости предикативных конструкций. Общее же у них то, что пропозиция представлена в своей основной форме — в форме предикативной конструкции.

Для определения функционально-стилистических разновидностей бессоюзного сложного предложения, распределенных по разным сферам языка, первостепенное значение имеет уяснение особенностей неформального семантического устройства бессоюзных сложных предложений. Неформальные семантические особенности проявляют себя: (1) в характере смысловых отношений между предикативными конструкциями с их противопоставлением на дифференцированные / недифференцированные и (2) в характере смысловой структуры бессоюзного сложного предложения с противопоставлением прямых и опосредованных отношений между предикативными конструкциями.

Для описания смысловых отношений в структурах с имплицитными ОЛО необходимы особый метаязык, на котором должны толковаться не имеющие специального выражения ОЛО. Для бессоюзного сложного предложения как одного из имплицитных способов необходимость такого метаязыка особенно актуальна: только с помощью особого метаязыка описания смысловых отношений, на наш взгляд, можно показать своеобразие ОЛО в бессоюзных сложных предложениях. Важно, чтобы метаязык описания ОЛО для всех имплицитных способов представления ОЛО был единым. Важно и то, чтобы на этом же метаязыке описывались и эксплицитные способы выражения ОЛО. Только при выполнении этого последнего условия можно корректно сопоставить смысловую структуру сложноподчиненного предложения как первичного эксплицитного способа выражения ОЛО со смысловой структурой бессоюзного сложного предложения. Вполне понятно, что метаязык толкования смысловых отношений должен быть отвлечен от средств выражения этих отношений. Но, с другой стороны, хотя метаязык и мыслится как система "чистых" смысловых отношений, абстрагированная от средств выражения этих отношений, строить его полезно все же с оглядкой на эксплицитные способы выражения тех или иных отношений. Нельзя не принять во внимание, что язык располагает специальными средствами выражения ОЛО, первичными среди которых являются союзы и союзные слова. В метаязык описания ОЛО следует поэтому включить такие термины, которые обозначают отношения, выраженные союзами и союзными словами. Следовательно, первооснову метаязыка для описания ОЛО, на наш взгляд, могут составить следующие термины: "потому что-отношения" (или причинные отношения), "так что-отношения" (или следственные отношения), "если-отношения" (или условные отношения), "чтобы-отношения" (или целевые отношения), "хотя-отношения" (или уступительные отношения). Эти

термины можно, по-видимому, оставить без дальнейшего определения.

Для того, чтобы показать своеобразие ОЛО в бессоюзных сложных предложениях, постулируем для принятого метаязыка два свойства: (1) термины, составляющие метаязык, являются элементарными, неразложимыми на более мелкие составляющие, (2) из элементарных можно составлять сложные термины, включающие несколько элементарных.

Принятый метаязык и позволяет различать дифференцированные и недифференцированные отношения в бессоюзных сложных предложениях. Дифференцированными являются такие смысловые отношения, которым в метаязыке соответствует один термин. Так как смысловые отношения, обозначенные одним термином метаязыка, могут быть выражены союзом, то бессоюзные предложения с дифференцированными отношениями и соответствующие союзные в плане смысловых отношений ничем не отличаются друг от друга: то, что в союзном типе эксплицируется союзом или союзным словом, в бессоюзном заложено в лексико-семантическом содержании соединяемых предикативных конструкций, ср.: *Не надо свитер надевать, потому что тепло на улице — Не надо свитер надевать: тепло на улице.* Недифференцированными являются такие смысловые отношения, которые для своего толкования требуют двух и более терминов метаязыка, ср.: *Оттепель будет — лыжня испортится опять,* где в лексико-семантическом содержании заложены и отношения условия 'если оттепель будет, лыжня испортится опять', и отношения следствия 'оттепель будет, и, следовательно, лыжня испортится опять', и отношения причины 'так как оттепель будет, лыжня испортится опять'. Союзов или союзных слов, выражающих такое комплексное значение, в русском языке нет, и поэтому такие бессоюзные сложные предложения не имеют точных аналогий среди союзных. Возможность недифференцированных отношений — отличительная черта семантики бессоюзных сложных предложений.

Не все ОЛО в форме бессоюзного сложного предложения могут быть представлены как дифференцированные. Следственные отношения не могут быть изолированы в бессоюзном сложном предложении от причинных, ср.: *Меня не было вчера в институте / я ничего не знаю //* — 'меня не было вчера в институте, так что я ничего не знаю' и 'так как меня не было вчера в институте, я ничего не знаю'; *Поздно уже / пошли что ли //* — 'поздно уже, так что пошли' и 'так как поздно уже, то пошли'; *Интересный этот фильм / надо сходить //* — 'интересный этот фильм, так что надо сходить' и 'так как этот фильм интересный, то надо сходить'; *Там далеко все-таки пешком / лучше на автобусе доехать //* — 'там далеко все-таки пешком, так что лучше на автобусе доехать' и 'так как там далеко все-таки пешком, то лучше на автобусе доехать'; *Мороз на улице / наверно каток сегодня зальют //* — 'мороз на улице, так что, наверно, каток сегодня зальют' и 'так как мороз на улице, то, наверно, каток сегодня зальют'.

Объяснение нераздельности следственных и причинных отношений

следует, по-видимому, искать в логической природе отношений причины и следствия. Пропозиция (а), по отношению к которой пропозиция (б) называет причину, всегда может быть осмыслена как следствие по отношению к пропозиции (б). Так как ни одна из предикативных конструкций-пропозиций в бессоюзном сложном предложении не имеет союза и, следовательно, направление зависимости не установлено, то и возникают недифференцированные причинно-следственные отношения. Следует отметить, что недифференцированные причинно-следственные отношения возникают только в том случае, если пропозиция, осмысляемая как следственная, следует за причинной, но не наоборот: предложение *Я ничего не знаю / меня не было вчера в институте //* не понимается носителями языка как следственно-причинное. Объяснение этого также лежит в логической природе причинных и следственных отношений. Если логика языка позволяет вначале обозначить причину, а затем то, что вызвано этой причиной, то начать мысль со следствия нельзя, так сказать, "по логике вещей".

Уступительные отношения в бессоюзном сложном предложении всегда сопровождаются противительными. Противительными являются также логические, но не включаемые в ОЛО отношения, выражаемые в союзном сложносочиненном предложении союзом *но* и некоторыми другими, которые могут быть замещены союзом *но*. Существование недифференцированного уступительно-противительного отношения объясняется тем, что и противительные, и уступительные отношения строятся на основе таких распределенных по разным предикативным конструкциям компонентов, которые в смысловом плане могут быть помечены знаком + и —, ср.: *Хотел прийти / не пришел //*, где *хотел* помечает действие *прийти* как положительное (+), а частица *не* — как отрицательное (—). При противительных отношениях (+) противопоставляется (—), при уступительных (+) осуществляется вопреки (—) или наоборот. Уступка не исключает противопоставления, доказательством чему является уникальная для русского языка контаминированная структура бинарного сложного союзного предложения, в котором одна часть содержит уступительный союз *хотя*, а другая — противительный *но*: *Хотя и было холодно, но мы все же решились пойти на лыжах.* Контаминированный характер таких предложений проявляется в том, что они легко преобразуются в два обычных сложных предложения: в уступительное сложноподчиненное предложение *Хотя было холодно, мы все же решились пойти на лыжах* и в противительное сложносочиненное предложение *Было холодно, но мы все же решились пойти на лыжах.* Дифференцировать противительные и уступительные отношения могут только союзы. В бессоюзном сложном предложении игра (+) и (—) с неизбежностью дает недифференцированное уступительно-противительное значение: *Очень старался / не получилось все-таки ничего //* — 'хотя очень старался, не получилось все-таки ничего' и 'очень старался, но не получилось все-таки ничего'.

Для бессоюзного сложного предложения характерна такая смысловая структура, при которой между содержанием предикативных конструк-

ций нет непосредственных прямых связей, эти связи опосредованы некоторым невербализованным — имплицитным — смыслом, ср.: (а) *Будет солнечный день / пойду на пляж //* и (б) *Будет солнечный день / не стану завтра начинать работу //*. В (а) отношения прямые: солнечный день обычно рассматривается как непосредственная естественная причина пребывания на пляже. В (б) отношения между предикативными конструкциями опосредует смысл, который в общем виде можно обозначить так: то, что является естественным при обстоятельствах, обозначенных в первой предикативной конструкции. Естественным при жарком летнем солнечном дне является для человека желание провести время на природе, позагорать, покупаться и т.п. Поэтому семантическую структуру предложения (б) можно представить так: 'будет солнечный день — [поэтому я пойду на пляж] — поэтому не стану завтра начинать работу'. Возможность опосредования смысловых отношений в бессоюзном сложном предложении заложена, как и вообще семантическая структура бессоюзного сложного предложения, в апперцепционной базе. Закрепленные в апперцепционной базе говорящих знания о связях и отношениях между событиями, как правило, образуют развитые цепочки отношений. Поэтому всегда есть возможность вербализовать только некоторые звенья из апперцепционной цепочки, и эти звенья с необходимостью вызывают в сознании другие, невербализованные звенья, активизируя тем самым всю цепочку или какую-то ее часть[13].

Разговорная речь — основная сфера функционирования бессоюзных сложных предложений

И синтаксическая форма, и семантические характеристики бессоюзных сложных предложений наиболее соответствуют условиям и задачам разговорной коммуникации. Смысловые отношения в бессоюзном сложном предложении никак специально не выражены, они, как показано, извлекаются из содержания соединяемых предикативных конструкций на основе апперцепционной базы и, следовательно, являются имплицитными. Имплицитный же смысл опосредует смысловые отношения в бессоюзном сложном предложении. Следует заметить, что имплицитный смысл вообще весьма активен в РР. Он представлен далеко не только в бессоюзных сложных предложениях. Имплицитный смысл, например, имеет место в широко распространенных в РР предложениях с разнообразными по своей синтаксической природе незамещенными синтаксическими позициями[14]. Активность в РР имплицитного смысла вообще и имплицитного смысла в бессоюзных сложных предложениях, в частности, объясняется следующим. Всякое

[13] В развернутом и детально аргументированном виде изложенная здесь концепция бессоюзного сложного предложения представлена в [Ширяев 1986].

[14] Анализ таких предложений см. в [Русская разговорная речь 1973, 288—318; Земская, Китайгородская, Ширяев 1981, 191—227].

высказывание с имплицитным смыслом ставит перед адресатом сообщения некоторую семантическую задачу по нахождению этого смысла. В РР, одним из основных признаков которой является непосредственное участие партнеров в коммуникации, у отправителя сообщения всегда есть возможность следить за правильностью нахождения имплицитного смысла адресатом и в случае необходимости корректировать адресата. Другие сферы языка рассчитаны на опосредованное общение, и поэтому предпочитают везде, где это возможно, экспликацию смысла. По-видимому, это является одной из основных причин явного, единодушно отмечаемого всеми исследователями преобладания в РР бессоюзного сложного предложения над союзным, а в других сферах явного преобладания союзного сложного предложения над бессоюзным.

В большинстве случаев бессоюзные сложные предложения, употребляемые вне разговорной сферы, несут на себе печать разговорности. Важно иметь в виду, что разговорные характеристики бессоюзного сложного предложения не переходят из РР в другие сферы языка в полном объеме, а подвергаются значительным ограничениям и изменениям. Понять семантико-синтаксическую структуру бессоюзного сложного предложения в этих сферах значит понять те ограничения, которые накладываются на собственно разговорные характеристики, и те изменения, которым эти характеристики подвергаются.

Следует заметить, что существуют такие типы бессоюзных сложных предложений, которые при определенных характеристиках теряют статус разговорности и могут употребляться как нейтральные средства в сферах языка, явно не способных испытывать разговорное влияние. Например, бессоюзные сложные предложения с дифференцированными прямыми изъяснительными отношениями возможны в строгой научной речи, ср.: *Опыты ясно показали: цикличность не изменяется.* Что же касается бессоюзных сложных предложений с ОЛО, то они никогда не теряют своей разговорной отмеченности.

Покажем, какими семантико-синтаксическими характеристиками могут обладать бессоюзные сложные предложения с ОЛО в РР и какие ограничения накладываются на эти характеристики в других сферах языка.

Важной отличительной особенностью функционирования бессоюзных сложных предложений в РР является то, что в форме бессоюзного сложного предложения может быть реализовано любое ОЛО, одно или, если оно не способно выступать дифференцированно, то в недифференцированном комплексе с другим. Следует заметить только, что регулярность и активность бессоюзных сложных предложений с разными ОЛО и разными недифференцированными комплексами различна. Наибольшей активностью и регулярностью отличаются:

а) бессоюзные сложные предложения с причинными отношениями: *Надо сегодня уроки выучить / завтра тебе некогда будет //* 'надо сегодня уроки выучить, потому что завтра тебе некогда будет'; *Не хочется что-то мне есть совсем / заболел я наверно //* 'не хочется что-то мне есть совсем, потому что заболел я, на-

верно'; *Не пойду гулять / дел много* // 'не пойду гулять, потому что дел много'; *Дождь сегодня точно будет / совсем низко барометр* // 'дождь сегодня точно будет, потому что совсем низко барометр'; *Он позже придет / у него заседание какое-то* // 'он позже придет, потому что у него заседание какое-то';

б) бессоюзные сложные предложения с недифференцированными причинно-следственными отношениями: *Трамвай там испортился не ходил / я опоздал* // 'трамвай там испортился, так что я опоздал' и 'так как трамвай там испортился, я опоздал'; *Масла у нас уже нет / надо купить* // 'масла у нас уже нет, так что надо купить' и 'так как масла у нас уже нет, то надо купить'; *Часы у меня очень отстают / надо наверно в мастерскую отнести* // 'часы у меня очень отстают, так что надо, наверно, в мастерскую отнести' и 'так как часы у меня очень отстают, надо их, наверно, в мастерскую отнести'; *Конференция была в Вильнюсе / они ездили* // 'конференция была в Вильнюсе, так что они ездили' и 'так как конференция была в Вильнюсе, то они ездили'; *Опять ветрено / волны будут* // 'опять ветрено, так что волны будут' и 'так как опять ветрено, то волны будут';

в) бессоюзные сложные предложения с условными отношениями: *Статью можно и за день написать / все продумано* // 'статью можно и за день написать, если все продумано'; *Крикните / санки нужны будут* // 'крикните, если санки нужны будут'; *Опоздает поезд на полчаса даже / плохо будет* // 'если поезд опоздает даже на полчаса, то плохо будет'; *Погода будет ничего / мы останемся* // 'если погода будет ничего, то мы останемся'; *Не приедешь / позвони мне обязательно* // 'если не приедешь, то позвони мне обязательно'; *А удлиненный будет сеанс / можно просто попозже прийти* // 'если будет удлиненный сеанс в кино, то можно просто попозже прийти'.

Менее активны, но в целом также обычны для РР бессоюзные сложные предложения с недифференцированными уступительно-противительными отношениями: *Хотел поработать / не получилось* // 'хотя хотел поработать, не получилось' и 'хотел поработать, но не получилось'; *Собрался на конференцию / не поехал заболел* // 'хотя собрался на конференцию, не поехал' и 'собрался на конференцию, но не поехал'; *Крысы у нас на даче появились // Кошку завели / не хочет ловить* //; (о телевизоре) *Поставили усилитель / не помогло* //; *Посадили морковь / не взошла / посадили огурцы / померзла половина* //.

Намного реже, чем все другие ОЛО, выступают в форме бессоюзного сложного предложения целевые отношения. Это объясняется, по-видимому, тем, что целевые отношения принадлежат к числу гипотетических, и глагол в целевых предикативных конструкциях должен быть выражен либо формой ирреальных наклонений, либо инфинитивом. Показатель ирреальности — компонент *бы* — в сложноподчиненном целевом предложении входит в союз *чтобы*. И если само значение цели легко, как и все другие ОЛО, может быть выведено из содержания соединяемых предикативных конструкций, то

ирреальность может быть подана имплицитно с большим трудом. Поэтому среди немногих бессоюзных сложных предложений с целевыми отношениями основную массу составляют такие, в которых целевая предикативная конструкция сохраняет формальный компонент *бы*: *Надо потише нам телевизор включить / соседи не пожаловались бы //* 'надо потише нам телевизор включать, чтобы не пожаловались соседи'; *Они даже такси взяли /не опоздать бы //* 'они даже такси взяли, чтобы не опоздать'; *Зашел бы ты ко мне / поговорили бы мы обо всем подробно //*; *Ехали бы вы на машине / побольше все-таки привезли всего бы //*; *Ты в два целлофана заверни / не промокло бы там //*.

Без компонента *бы* в бессоюзном сложном предложении чаще всего выступает целевая предикативная конструкция с инфинитивом при отрицании: *Ты с доставкой пошли / не ходить им //* 'ты с доставкой пошли, чтобы не ходить им на почту'; (о телефоне) *Ты лучше в книжку его номер запиши / не забыть //* 'ты лучше в книжку его номер запиши, чтобы не забыть'; *Надо плащ взять / не промокнуть //* 'надо плащ взять, чтобы не промокнуть'.

Все другие структуры бессоюзных сложных предложений с целевыми отношениями представлены в наших материалах единичными примерами: А. *Я не знаю как с этой тлей бороться //* Б. *С тлей бороться / опрыскивать надо //* 'чтобы бороться с тлей, надо опрыскивать растения'; *Я думаю / защищать докторскую / надо все-таки себя проявить как-то //* 'чтобы защищать докторскую диссертацию, надо все-таки себя проявить как-то'; (о лыжах) *Кататься как следует / два дня надо снегу идти //* 'чтобы можно было кататься на лыжах, надо два дня снегу идти'.

В плане недифференцированных значений бессоюзные сложные предложения с ОЛО в РР характеризуются следующими двумя существенными моментами:

1) недифференцированные комплексы с ОЛО в РР широко развиты, они часто состоят из трех, а если учитывать неделимые недифференцированные отношения, то даже из четырех элементарных дифференцированных отношений, ср.: *Поступит он в институт тут у вас / часто вы будете встречаться //* — 'так как поступит он в институт тут у вас, часто вы будете встречаться', 'поступит он в институт тут у вас, так что часто вы будете встречаться', 'если поступит он в институт тут у вас, часто вы будете встречаться', 'когда поступит он в институт тут у вас, часто вы будете встречаться'; *Кончатся дожди / будет и здесь загорать не хуже чем на твоем юге //* — 'так как кончатся дожди, можно будет и здесь загорать', 'кончатся дожди, так что можно будет и здесь загорать', 'если кончатся дожди, можно будет и здесь загорать', 'когда кончатся дожди, можно будет и здесь загорать';

2) ОЛО, как уже видно из приведенных примеров, могут входить в недифференцированный комплекс с отношениями иного логико-семантического статуса. Уже показано, что уступительные отношения не только выступают в недифференцированном комплексе с противительными отношениями, но и представляют с ними неделимый

комплекс, хотя по ряду существенных свойств логические уступительные отношения отличаются от противительных. Наиболее регулярны и активны недифференцированные комплексы с разнородными, но все же близкими по своей логико-семантической природе отношениями. Так, условные отношения регулярны в недифференцированном комплексе с временными, близость которых к ОЛО проявляется в том, что компонент с временным значением и компонент со значением логической обусловленности могут соединяться сочинительным союзом[15], ср.: *Я приду к тебе вечером и при условии что ее не будет* //. Отличие же временных отношений от ОЛО в том, что временной компонент, хотя и может рассматриваться как компонент с пропозитивным значением[16], тем не менее его первичной формой выражения явно не является предикативная конструкция. Обычным способом выражения компонента с временным значением являются предложно-падежные формы существительного и наречия, ср.: *Он пришел в пять часов; Лекция началась поздно; Она вышла замуж летом.*

Приведем примеры бессоюзных сложных предложений с условно-временными отношениями: *Поедешь | посмотри ему кроссовки* // 'если поедешь, посмотри ему кроссовки' и 'когда поедешь, посмотри ему кроссовки'; *Сделаю все | сразу в отпуск иду* // 'если сделаю все, то сразу в отпуск иду' и 'когда сделаю все, то сразу в отпуск иду'; *Кончится дождь | можно погулять* // 'если кончится дождь, можно погулять' и 'когда кончится дождь, можно погулять'.

Бессоюзные сложные предложения с опосредованными ОЛО отличаются в РР большой активностью и регулярностью. Их главная особенность в том, что опосредующий смысл может быть весьма развитым, его можно представить как состоящий из нескольких частей, каждая из которых может быть выражена особой предикативной конструкцией. Чем более развит опосредующий смысл, тем глубже опосредование, ср.: (о ребенке) *Надо его полечить как следует | нечего ему там будет делать* // 'надо его полечить, [потому что скоро поедем в отпуск с ним на море, на море единственное занятие — купание, больному же купаться нельзя, и, следовательно, если ребенка не вылечить, то ему] нечего будет делать на море'.

Бессоюзные сложные предложения с ОЛО как структура, всегда несущая на себе печать разговорности, практически не употребляются в строгих функциональных стилях — научном и официально-деловом. Причина таких функциональных ограничений, по-видимому, заложена в самих основополагающих характеристиках бессоюзного сложного предложения: научному и официально-деловому стилю свойственны в большей мере, чем другим сферам языка, эксплицит-

[15] Вероятно, не случайно в традиционном учении о членах предложения второстепенные члены с временным значением объединяются термином "обстоятельственные отношения" в одну группу с причинными, условными, следственными и т.п. членами предложения.

[16] Временное значение относит к классу событийных Х. Беличева-Кржижкова [Беличева-Кржижкова 1985, 407].

ность выражения, а форма бессоюзного сложного предложения ориентирована на имплицитный смысл; научному и официально-деловому стилю свойственна строгость значений, а для бессоюзного сложного предложения неотъемлемой характеристикой являются недифференцированные значения, которые, вероятно, должны быть оценены как нестрогие.

Те ограничения, которые накладываются на семантико-синтаксические характеристики разговорного бессоюзного сложного предложения, вне РР можно разделить на общие и частные. Общие ограничения касаются всей системы бессоюзных сложных предложений с ОЛО во всех сферах языка, где они употребляются. К общим ограничениям относятся следующие.

1. Существуют ограничения на использование синтаксической формы бессоюзного сложного предложения. В форме бессоюзного сложного предложения могут выражаться только те ОЛО, которые в самой РР выражаются в этой форме регулярно и активно. Чем менее регулярны и активны в РР бессоюзные сложные предложения с ОЛО, тем меньше шансов встретить этот тип в иных сферах языка. Малоактивные в РР бессоюзные сложные предложения с целевыми отношениями в других сферах языка практически не встречаются, во всяком случае в наших материалах нет ни одного примера таких предложений. Бессоюзные сложные предложения с уступительно-противительными отношениями, менее активные в РР по сравнению с такими типами, как бессоюзные сложные предложения с причинно-следственными и условными отношениями, в иных сферах языка хотя и возможны, но редки, ср. примеры из языка художественной литературы: *Промок под дождем, попал в полынью, — выбирайся да поезжай дальше* (В. Вересаев); *Он и раньше намеревался прямо из больницы завезти его к себе — собственно допрашивать уже не о чем, во всем признался, надо лишь подписать протокол допроса* (В. Тендряков); *Я вижу любовь: она, как корь, еще не вышла наружу, а скоро высыпит* (И. Гончаров).

2. Широко и разнообразно представленные в РР недифференцированные значения в бессоюзных сложных предложениях с ОЛО, в других языковых сферах ограничены. В них обычно в недифференцированном комплексе выступают только однородные или близкие по своему семантико-синтаксическому статусу отношения. Недифференцированные значения, в которых отношения обусловленности выступают в едином комплексе со значениями иного семантического статуса, свойственны только РР. Например, в РР возможны бессоюзные сложные предложения, в которых в единый недифференцированный комплекс объединяются причинно-следственные отношения и отношения степени, ср.: (о коте) *Он у нас обжора страшный / все съедает что ни дай* // 'он у нас обжора страшный, так что все съедает что ни дай' и 'он у нас такой страшный обжора, что все съедает что ни дай'. В других сферах языка такие предложения неупотребительны.

3. Если для бессоюзных сложных предложений с ОЛО в РР характерно

глубокое опосредование, то во всех других сферах языка опосредующий смысл для своего выражения редко требует более одной предикативной конструкции.

Далее, как и было заявлено, будут детально проанализированы на материале бессоюзного сложного предложения с причинно-следственными отношениями эти общие и многие частные закономерности функционирования бессоюзных сложных предложений в РР и других сферах языка.

БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ: РАЗНОВИДНОСТИ И ИХ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО СФЕРАМ ЯЗЫКА

Бессоюзные сложные предложения с причинно-следственными отношениями в разговорной речи

Бессоюзные сложные предложения с причинно-следственными отношениями в РР являются высокоактивными и регулярными. Семантика предикативных конструкций, из которой выводятся причинно-следственные отношения, весьма разнообразна. Заметно все же преобладание личностных бессоюзных сложных предложений, в которых обусловливаются действия, физические и интеллектуальные, состояния самих говорящих либо некоторого третьего лица: *Я все расставила / легко теперь все найти //*; *Я в магазин зайду / приду позже //*; *Чешские мне портфели очень нравятся / я наверно куплю //*; *У Лели рисует хорошо девочка / в какую-то особую художественную школу ее приняли //*; *Мы ехали медленно / в пять только добрались //*; *Редкие книги у нас не дают домой / в институте должен я работать //*.

В РР причинно-следственный комплекс может выступать в более широких недифференцированных комплексах. К регулярным недифференцированным отношениям с причинно-следственным компонентом относятся недифференцированные отношения, формируемые причинно-следственным компонентом и также принадлежащим к классу ОЛО условным компонентом: *Ты сейчас наешься / опять не будешь //* — 'так как ты сейчас наешься, опять потом есть не будешь', 'ты сейчас наешься, так что потом есть не будешь' и 'если ты сейчас наешься, то потом есть не будешь'; *Поспишь днем / ночью спать не будешь //*; *Она говорит когда ко мне придет пациент / первый раз опоздает / я ему только скажу // Второй раз / я ему сделаю замечание / третий раз / я вас не приму //*; *Он гуляет / хорошо спит //*.

Условный компонент в отношениях появляется в тех случаях, когда в первой предикативной конструкции сообщается о неосуществленном действии. Осуществленное условие — это уже причина, и поэтому можно думать, что всякая причина потенциально содержит в себе условие.

Менее регулярны, но также весьма частотны недифференцированные комплексы, в которых причинно-следственный компонент соединяется с

компонентом иного логико-семантического статуса (не со значением ОЛО). Сюда относятся:

(а) причинно-следственные — уступительно-противительные отношения: *Уговаривала она его долго / уговорила //* — 'так как долго уговаривала, уговорила', 'уговаривала она его долго, так что уговорила' и 'хотя и долго она его уговаривала, уговорила', 'уговаривала она его долго, но уговорила'; *Бро́ня уехала раньше / собирается прийти раньше //* — 'так как Броня уехала раньше, собирается прийти раньше', 'Броня уехала раньше, так что собирается прийти раньше' и 'хотя Броня уехала раньше, собирается раньше прийти' и 'Броня уехала раньше, но собирается прийти раньше';

(б) причинно-следственные — объяснительные отношения: *У нас там хороший базар / много очень цветов //* — 'так как у нас там хороший базар, то много очень цветов', 'у нас там хороший базар, так что очень много цветов' и 'хороший базар — значит такой, на котором много цветов'; *Он как-то резко выучился / сразу вдруг пошло свободно //* (ребенок выучился читать); (о ремонте автомобиля) *Тебе хорошо выправили / совсем незаметно издали //*. При объяснительных отношениях вторая предикативная конструкция раскрывает, конкретизирует (толкует) смысл того или иного слова первой предикативной конструкции; часто это слово имеет оценочный характер, ср. бессоюзное сложное предложение с дифференцированным объяснительным отношением: *Он учится хорошо / одни пятерки у него / даже четверки редкость //*. Толкование оценки может осуществляться через указание на следствие, в этом случае объяснительные отношения и соединяются в недифференцированном комплексе с причинно-следственными отношениями;

(в) причинно-следственные отношения — отношения степени: *Он разволновался / заснуть долго не мог //* — 'так как он разволновался, то заснуть долго не мог', 'он разволновался, так что заснуть долго не мог' и 'он так разволновался, что заснуть долго не мог'; (о ребенке) *Разоспался / нипочем не могу разбудить; У нас рядом радио орет / бассейн / работать невозможно //*. Определение степени проявления действия, качества осуществляется через указание на следствие, которое бывает при данной степени действия (качества). И поэтому когда выражение степени не обозначено специальными средствами (ср. *Он разволновался так, что заснуть долго не мог*) — неизбежно недифференцированное отношение причинно-следственное — степени.

Широко и разнообразно развита при причинно-следственных отношениях в РР система опосредования отношений. Назовем регулярные типы опосредования.

Следственные связи второй предикативной конструкции опосредуются имплицитным следственным же смыслом, соединяющим смысл первой и второй предикативных конструкций: *Опять солнца нет / плащ брать надо //* — 'опять солнца нет — [поэтому может быть дождь] — поэтому плащ брать надо'; *Вода холодная / немногие купаются //*; *Ветер сменился / может потеплеет завтра //*; *Мороз сильный / на лыжах не удастся //* (не удастся покататься); *В Костроме ничего погода была / купались мы все-таки //*; *В Можайск электричек двадцать идет / никаких проблем тут нет //* (с поездкой); *До часу у меня*

будут всякие визиты / после обеда я займусь этим //; *Читает она уже свободно / индивидуально обещали с ней заниматься //* (заниматься иностранным языком); *Форм его размеров нет / ушивать я буду //*; *У нас тема кончается / может индивидуальную дадут //*; *Они слушали что-то там о здоровье / теперь воду пьют целый день //*.

Особого рода опосредование имеет место в том случае, когда при экспликации смысловых отношений эксплицированный смысл добавляется ко второй предикативной конструкции. Такой смысл проявляет, делает очевидными следственные отношения второй предикативной конструкции к первой, ср.: (о туфлях) *Далеко мы пойдем / не надо новые надевать //* 'далеко мы пойдем, так что не надо надевать новые туфли, [потому что в новых туфлях легко натереть ногу]'. Этот смысл чаще всего имеет причинный характер: (о спортсмене) *Он молодой совсем / трудно что-то предсказать //* — 'потому что у молодых часто бывают срывы'; *Ки́рку-то позвали / чего-то надо купить //* — 'потому что неудобно ему идти в гости без подарка'; *Памятник он захотел поставить / три месяца бегал //* — 'потому что трудно заказать памятник на могилу'; *Он маленький совсем / форму мы не можем ему купить //* — 'потому что для таких маленьких форм не шьют'; *Какая-то компания там сидела веселая / сторонкой я обошла //* — 'потому что испугалась'; *Артем в самый последний момент прибежал / протискивался он уже там //* — 'потому что было много народу'.

"Добавляемый смысл" может быть недифференцированным, например, причинно-следственно-целевым: *Ты все не утащишь / я встречу тебя //* — 'потому что хочу помочь тебе' и 'чтобы помочь тебе'; *Я вошла / три человека вскочили //* — 'потому что хотели уступить мне место' и 'чтобы уступить мне место'.

При причинно-следственных отношениях характерно в РР и глубокое опосредование: (об автобусе) *Мигает / пошли //* — 'мигает автобус, следовательно он поворачивает, а поворачивающийся автобус не нашего маршрута, и, следовательно, пошли пешком (не будем ждать нашего автобуса)'.

В РР существуют регулярные текстовые образования, которые отличаются от причинно-следственных бессоюзных сложных предложений только тем, что каждая из предикативных конструкций на основе интонационного оформления получает свое коммуникативное назначение (побуждение, вопрос, повествование) и тем самым приобретает статус предложения. Отношения в тексте между двумя такими предложениями отличаются от соответствующих бессоюзных сложных предложений только тем, что причинно-следственные отношения здесь оказываются опосредованными имплицитным смыслом модального плана, ср.: *Около нас строительство большое / пыли много //* 'так как около нас строительство большое, то пыли много' и 'около нас строительство большое, так что пыли много' и *Около вас строительство // Пыли много?* 'около вас строительство, и поэтому я вправе спросить (следствием этого обстоятельства является правомерность моего вопроса), много ли у вас пыли, потому что при большом строительстве обычно бывает много пыли'. Подобные текстовые образования, вероятно, прямо базируются на бессоюзных сложных предложениях, являясь

своего рода производными от них, и поэтому должны быть рассмотрены в системе с бессоюзными сложными предложениями. Бессоюзные сложные предложения и все текстовые образования, подобные рассмотренному, объединяются в функциональные группы[17]. Развитая, многочленная, функциональная группа — отличительная черта бессоюзного сложного предложения с причинно-следственными отношениями.

Функциональная группа, в основе которой лежат бессоюзные сложные предложения с причинно-следственными отношениями, включает регулярные члены с такими комбинациями частей по их коммуникативной установке:

а) повествовательная часть — побудительная часть: *Десять градусов на улице / свитер ему поддень //*; *Ты пойдешь на Галушкина* (название улицы) */ обложки эти посмотри //*; *У вас библиотека открылась / принеси мне "Юности" за этот год //*; *Я там журналы принес / читайте //*; *Дождь передавали / возьми плащ //*; (в метро) *Наша следующая / продвигайтесь //*; *Испортился телевизор / Иванову позвони //*; *Ты пойдешь мимо кулинарии / купи на завтра что-нибудь //*; *Что-то он кашляет / смеряй-ка ему //* (смеряй ребенку температуру). В побудительной предикативной конструкции возможно не только повелительное наклонение, но и другие формы с побудительным значением, в том числе и формы сослагательного наклонения: *Жарко / в Пирогово поехали //*; *Уже полвторого / пошли //* (обедать); (в метро) *На следующей / пошли //*; *Я очень хочу по Волге / путевку достать бы только //*; *Галя будет неделю дома / ты съездила бы в Смоленск //*;

б) повествовательная часть — вопросительная часть: *Ключей нет на столе / ты взяла?; Марку я принес / ты убрал?; Я саданулась / где-то ведь у нас йод был?;* (о враче) *Конусова ушла / как-то теперь там будет?; Новый мост построили / автобус есть теперь из Сокольников к Рижской?; Там у магазина этот ножи точит / может ножницы нам?; Эту рецензию мою напечатали / рублей пятнадцать получу?; Кирилл / ручка на столе лежала / ты стащил?*

Существуют и другие менее регулярные члены функциональной группы. К ним принадлежат члены с такой комбинацией частей по их коммуникативной установке:

а) вопросительная часть — повествовательная часть: (о телевизоре) *Он будет еще смотреть? я не выключаю //* 'я спрашиваю, будет ли он смотреть, и так как, возможно, будет, то, следовательно, я не выключаю телевизор'; *Ты принес ему марки? он обрадовался //*; *Купил новые часы? хотел ты вроде //*;

б) вопросительная часть — побудительная часть: (о телевизоре) *Что там интересного? включи-ка //*; *Не смотрел ты этот фильм? сходи //*;

в) вопросительная часть — вопросительная часть: *Кать / ты работаешь? к нам?* 'если не работаешь, то, может быть, приедешь к нам'.

Еще одной важной отличительной особенностью бессоюзных слож-

[17] Понятие функциональной группы было впервые введено и подробно рассмотрено [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981].

ных предложений с причинно-следственными отношениями является то, что вторая следственная часть может получать экспрессивную нагрузку. В частности, широко представлены в РР конструкции, в которых экспрессия создается за счет того, что вопросительная или повествовательная по своей формально-синтаксической структуре конструкция с помощью особой интонации переосмысляется в отрицательную конструкцию: *Поздно уже / куда мы потащимся!* 'поздно уже, так что мы никуда не потащимся'; *Натер он ногу в этих новых туфлях / как теперь в школу идти!; Пять градусов минус на улице / без пальто он пойдет!*

Бессоюзные сложные предложения с причинно-следственными отношениями в функциональных стилях и языке художественной литературы

Бессоюзные сложные предложения с причинно-следственными отношениями всегда функционируют вне разговорной сферы, подобно другим бессоюзным сложным предложениям с ОЛО, как разговорно отмеченные. Поэтому они не встречаются в научном и официально-деловом стилях. Разговорность бессоюзных сложных предложений с причинно-следственными отношениями в разных сферах служит для решения разных функционально-стилистических задач. Ни в одной из сфер разговорные семантико-синтаксические характеристики причинно-следственных бессоюзных сложных предложений не реализуются без ограничений и, иногда, некоторых модификаций. Эти ограничения и модификации непосредственно связаны с функционально-стилистической нагрузкой данного типа бессоюзного сложного предложения. Среди бессоюзных сложных предложений неразговорных сфер могут быть выделены стандартные и нестандартные предложения с причинно-следственными отношениями. Стандартными называем бессоюзные сложные предложения с такими характеристиками, которые регулярны во всех сферах. Стандартными являются бессоюзные сложные предложения с прямыми причинно-следственными отношениями, не осложненными другими отношениями. Причинно-следственные бессоюзные сложные предложения с иными семантико-синтаксическими характеристиками (такими как опосредованные отношения, вхождение причинно-следственных отношений в более широкий недифференцированный комплекс) являются для неразговорных сфер нестандартными. Их употребление ограничено отдельными сферами.

Должны быть специально рассмотрены бессоюзные сложные предложения с причинно-следственными отношениями в публицистике и близком к ней научно-популярном стиле, с одной стороны, и в языке художественной литературы, с другой.

В публицистических текстах и научно-популярной литературе употребительны только стандартные бессоюзные сложные предложения с причинно-следственными отношениями. Ср. примеры из публицистики: *В Западной Германии этот "обновитель социализма" и "борец за*

демократию" быстро понял, что "борцы" там никому не нужны: с присущими ему решимостью и последовательностью он сразу же вступил на курс "праворадикализма", а попросту говоря, неонационализма (Лит. газ.); *Перед читателями заурядный деляга, на которого его профессия не отбрасывает облагораживающего отсвета, — с такой душевной организацией, с подобной иерархией ценностей Валерий Олегович в любой из сфер деятельности остался бы лишь устроителем собственного благополучия* (Там же); *Объединились и другие правые: в 1978 году возник Европейский демократический союз с участием английских и датских консерваторов и родственных им партий других стран* (Там же); *Со своими задачами коллектив успешно справился — открыта дорога к новым угольным пластам* ("Правда").

Бессоюзные сложные предложения с причинно-следственными отношениями в публицистике служат целям оживления текста, придания ему определенной экспрессии. Особенно ясно проявляется эта же их роль в научно-популярных текстах: если в строгом научном тексте бессоюзных сложных предложений с причинно-следственными отношениями практически нет, то в научно-популярном такие предложения обычны, и могут, по-видимому, рассматриваться как важное средство популяризации научного стиля, если можно так выразиться, ср.: *Так закончится второй этап пути — замкнется малый круг кровообращения* (А. Поликарпов); *Стенки сосуда становятся такими тонкими, что эритроцит уже может передать через них свою ношу: клетки, примыкающие к сосуду-капилляру, получают кислород* (Он же); *Сейчас мы полностью автоматизировали рентгеноструктурный анализ кристаллов, создали систему дифрактометров, соединенных с ЭВМ, а это создало все условия для существенного ускорения исследований: сейчас на определение структуры одного кристалла требуется неделя, редко две, тогда как раньше эта процедура отнимала не менее года* ("Наука и жизнь"); *У нас есть станки, работающие в автоматическом режиме, — рабочие к ним даже не подходят* (Там же); *Все протоны и нейтроны в ядре находятся в разных состояниях — двух совершенно одинаковых частиц здесь нет* (Там же).

Редки, но все же не исключены в данных языковых сферах и бессоюзные сложные предложения с недифференцированным комплексом, в котором причинно-следственные отношения соединяются с другими отношениями логической обусловленности, например, с условными: *Прекращается жизнь сердца — врачи тут же заменяют его подготовленным к операции протезом* (А. Поликарпов); *Стравливается луг скоту, скашивается трава — беднеет видовой состав, сокращается число растений-симбионтов* ("Наука и жизнь"). Недифференцированные комплексы с разнотипными отношениями в публицистическом и научно-популярном стилях не зафиксированы.

Стандартные бессоюзные сложные предложения с причинно-следственными отношениями безусловно являются доминирующими и в языке художественной литературы. Они широко распространены в разных типах художественной речи — и в авторском повествовании, и в речи персонажей — как средство имитации разговорной речи: *Ну случается, конечно, что иного ничем не проймешь, — такого прихо-*

дится исключить: шелудивая овца все стадо портит (В. Вересаев); *Человек был еще свободен, когда он эти силы олицетворял в существах, стоящих вне его, — с ними, по крайней мере, можно было бороться, против них стояла свободная самоопределяющаяся душа человека* (Он же); *Мы с вами люди привычные: нас никакая зараза не смеет тронуть* (Он же); *Тогда боец сделал знак своим — бодровцы приостановились — мордвин пошел один на стену врагов: было видно, ликовал своей силой парень* (К. Петров-Водкин); *Один из них хватил дядю Митрия вдоль головушки — тот и свалился наземь, как сноп* (Он же); *День прошел — вот и мама ложится спать* (В. Каверин); *Нюрка Яковлева опять загуляла: лошади с утра не поены, не кормлены* (Ф. Абрамов); *Выдохлась наконец дневная жара — полегче стало дышать* (Он же); *Нахлынуло, накатило прошлое — отбросило на двадцать лет назад* (Он же); *Слушать либо разучились, либо устали слушать — перебивают* (Ю. Крелин); *Кто-то умрет, кому-то выговор — в результате перестройка* (Он же); *Он начальник — имеет право* (Он же); *...Мне лень ждать, волноваться — лучше буду оперировать сейчас* (Он же).

Однако и в речи персонажей, и в авторском повествовании достаточно широко представлены и разнообразные по своим семантико-синтаксическим характеристикам нестандартные бессоюзные сложные предложения с причинно-следственными отношениями. Они — одно из средств прямой имитации РР. В авторском повествовании, особенно в сказовом авторском повествовании, бессоюзные сложные предложения создают эффект разговорности повествования. Следует заметить, что далеко не для всех авторов характерно использование нестандартных бессоюзных сложных предложений, а только для наиболее остро ощущающих РР. В любом случае стандартные предложения преобладают. Из настандартных с причинно-следственными отношениями чаще других в речи персонажей и авторском повествовании встречаются следующие.

1. Бессоюзные сложные предложения, в которых причинно-следственные отношения выступают в недифференцированном комплексе с другими ОЛО, в частности, с условными отношениями: *Поедете, — в первый же год чахотку наживете* (В. Вересаев); *Умерло непосредственное чувство — умерло все* (Он же); *Я пошевельнусь, — он встает и поправляет сбившуюся подо мною подушку, дает мне пить* (он же); *Да ведь фельдшерица дознается — опять скандал, опять про вредительство начнет ляпать* (Ф. Абрамов); *Ведь узнает медичка, что опять работал — заживо съест* (он же); *Ваша теория мне известна: давно не приносили коньяк — престиж отделения падает* (Ю. Крелин); *Подпись моя есть — все в порядке. Если нет — давайте подпишу* (Он же).

Возможны, но редки бессоюзные сложные предложения, в которых причинно-следственные отношения выступают в недифференцированном комплексе с отношениями степени: *Ночь тянется медленно: кажется ей не будет конца* (К. Паустовский) — 'так как ночь тянется медленно, то кажется, что ей не будет конца', 'ночь тянется медленно, так что, кажется, ей не будет конца', 'ночь тянется так медленно,

что, кажется, ей не будет конца'; *Леднев убирал в отсеке, как в операционной после операции, а Левин жадно курил — выкурил две самокрутки и попил горячего крепкого чая из термоса* (Ю. Герман).

2. Причинно-следственные бессоюзные сложные предложения с опосредованием:

— через следствие: *Дети Николая Ивановича еще малы; первые все перемерли, но оставшиеся пошли в родителей: весело глядеть на умные личики этих здоровых ребят* (И. Тургенев) — 'пошли в родителей — [следовательно, они хорошо выглядят] — следовательно, весело глядеть на умные личики этих здоровых ребят'; *Я не знаю, как с тобой и говорить ноне, Пряслин. В Москву съездил — никто тебе не указ* (Ф. Абрамов); *Ты в эту Москву слетал — совсем ошалел* (Он же);

— через причину: *Чернявка за ум взялась, начала дочь выращивать, и ни себя, ни других не щадила для этого: водка пошла с Вольновки такая, что после нее царской и в рот было не взять* (К. Петров-Водкин) 'ни себя, ни других не щадила для этого — [потому что хорошо и много работала для добычи денег] — и поэтому водка пошла с Вольновки такая, что после нее царской и в рот было не взять'; *А вот теперь Амур там взяли у китайцев; тоже страна богатая — чай у нас будет свой, некупленный* (И. Гончаров); *Уже начало десятого — больше часа он крутился в больнице, а работа еще не началась* (Ю. Крелин) 'больше часа он крутился в больнице, потому что работа начинается в восемь часов'.

3. Функциональные группы, базирующиеся на бессоюзных сложных предложениях с причинно-следственными отношениями, очень слабо представлены в языке художественной литературы. Однако у отдельных авторов некторые члены функциональных групп показывают большую активность, например у Ф. Абрамова к числу явно активных относится член функциональной группы с комбинацией частей "повествовательная—вопросительная": *Есть у нее на книжке пятьсот рублей, за корову когда-то выручила — неужели ради дома пожалеет?; На краю поселка жили — долго ли головы снести?; Давно на Пинеге изведен строительный лес, за стоящим деревом за пятнадцать и за двадцать верст ездят, а тут такое золото под боком — разве будут ворон считать?; Еще работал полдня и назавтра полдня работал, потому что травы навалено было гектара три — как не прибрать, прежде чем отправляться домой?; Еще в мае заказаны Зотьке скобы для дровяника (верхняя обвязка у столбов сдала) — сколько будет копаться?; Рука пошла на поправку, руке стало лучше — неужели сидеть дома?; Нюрка Яковлева за посуду выручила — разве ей до лошадей теперь?; Через пять дней кончается отпуск — так неужели хоть раз за два месяца не пройтись без дела по деревне, не послушать Синельгу, не побывать у реки?; Половину людей с пожни снял — что коровы-то зимой жрать будут?; Племянник в области какой КП занимает — неужели будет смотреть, как дядю бьют?; Последние часы у меня на земле остались — о чем же и говорить? Ноги отрежешь — кому я такой нужен?* Нетрудно видеть, что большинство приведенных примеров содержит риторический вопрос, создающий экспрессию. Для собственно РР риторические вопросы нехарактерны.

Не чужд для Ф. Абрамова и член функциональной группы с комбинацией частей "повествовательная—повелительная": *Михаил и так чувствовал себя виноватым перед псом: давеча в сарае налетел — расплачивайся пес за то, что хозяин с бабой совладать не может; Илья Нетесов, как всегда, пришел во всеоружии — топор, вилы, грабли: на любую работу посылай.*

Возможны, конечно, названные члены функциональной группы и у других авторов, но в гораздо меньшем количестве, ср.: *Ясные дни, теплые, душистые ночи, музыка Веры, — чего мне больше?* (В. Вересаев); *Таня уехала, — что ждет ее впереди?* (Он же); *Он видел, как радостно вспыхнула Люба, когда Даев заговорил с нею: неужели он и его взгляды не возмущают ее?* (Он же); *Равенства не будет, друзья связаны будут не чувством, а одолжением, оно вмешивается — и один станет выше, другой ниже: где же свобода?* (И. Гончаров); [Лидия] *Вы говорите, что у Василькова большое состояние, — тогда пошлите за ним* (А. Островский).

4. Широко используется в художественной прозе экспрессивное оформление одной из предикативных конструкций бессоюзного сложного предложения с причинно-следственными отношениями: *Под спудом в каждом нерастраченные запасы доброты — открыть их, дать им вырваться наружу!* (В. Тендряков); *Зазнался: урока хочешь! Я дам тебе один раз навсегда: будешь помнить!* (И. Гончаров); *Пулеметы, пушки на стены выкатили — ну нет ходу* (Ф. Абрамов); *А может закатиться? Стряхнуть с себя дорожную пыль? Полдеревни старых дружков-приятелей — какой загул можно дать!* (Он же).

Особо должно быть рассмотрено функционирование бессоюзных сложных предложений с причинно-следственными отношениями в поэтическом стихотворном языке.

Замечено, что в стихотворных поэтических текстах широко представлены многие сугубо разговорные особенности. Как показала Е.А. Земская, для РР характерен "непроективный" порядок слов, при котором непосредственно синтаксически связанные между собой слова располагаются в предложении дистантно по отношению друг к другу, ср.: *Французскую принеси мне книгу* (непроективный порядок слов) — *Принеси мне французскую книгу* [Русская разговорная речь 1973, 383]. И.И. Ковтунова, исследуя специально словопорядок в поэзии, приводит большое количество примеров с дистантным порядком слов; из поэзии А. Блока [Ковтунова 1976, 223]:

Когда же отойду под сень
Колонны мраморной угрюмо (ср. отойду угрюмо);
Тихо вечерние тени
В синих ложатся снегах (ср. в синих снегах).

О.Г. Ревзина проводит прямое сопоставление разговорных синтаксических особенностей, описанных в работах последних лет по РР, и поэтического синтаксиса М. Цветаевой [Ревзина 1979, 89—106; 1980, 3—38]. Устанавливается, например, что и в РР, и у М. Цветаевой разрешено некоторые синтаксические позиции замещать такими словоформами, которые в данных позициях во всех других сферах языка нетерпимы, ср. [Ревзина 1980, 12]:

"Здесь" на "там"
Променявший, и "дай" на "дам";
В завтра путь держу, —
В край без праотцев.

Устанавливается также, что у М. Цветаевой регулярны, как и в РР, нулевые полнозначные глаголы, [Там же, 19]:

Тот навстречу — крылья,
Та навстречу — руки;
Не камень! — Уже
Широтою орлиною —
Плащ! — и уже по лазурным стремнинам
В тот град осиянный,
Куда — взять
Не смеет дитя
Мать.

Материалы по бессоюзному сложному предложению показывают, что в поэтических стихотворных текстах не только широко представлены как стандартные, так и нестандартные бессоюзные сложные предложения, в том числе и бессоюзные сложные предложения с причинно-следственными отношениями, но и явно проявляет себя тенденция использовать формальные и семантико-синтаксические особенности бессоюзных сложных предложений даже более широко, чем это имеет место в самой РР. Система бессоюзных сложных предложений в поэтических текстах получает особое развитие, обусловленное теми эстетическими задачами, которые решаются в этих текстах. В стихотворных поэтических текстах бессоюзные сложные предложения с причинно-следственными отношениями имеют следующие особенности.

1. Если в РР форма бессоюзного сложного предложения функционирует только в том случае, если нужные отношения легко и просто, очевидным образом, выводятся из содержания соединяемых предикативных конструкций, то в поэтической стихотворной речи в форму бессоюзного сложного предложения могут объединяться такие по содержанию предикативные конструкции, отношения между которыми далеко не очевидны. Поэт хочет, чтобы его читатель обнаружил не тривиальные, а часто неожиданные для обыденного здравого смысла отношения. Употребляя форму бессоюзного сложного предложения, поэт часто требует от читателя особых усилий для проникновения в строй поэтической мысли. Если в РР очевидность смысловых отношений покоится на апперцепционной базе говорящих, то в поэтической речи смысловые отношения не только не поддерживаются апперцепционной базой, но и могут противоречить тем связям между разного рода реалиями действительности и мысли, которые заложены в сознании носителей языка и освещены их повседневным опытом. Следует подчеркнуть, что такое использование формы бессоюзного сложного предложения характерно для поэзии разных эпох и направлений, что подтверждают приводимые ниже примеры поэтических бессоюзных сложных предложений с причинно-следственными отношениями:

Он был поэт: беспечными глазами
Глядел на мир и миру был чужой.

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, —
Любуйся ими — и молчи.

Ф. Тютчев

О дитя! как легко средь незримый зыбей
Доверяться мне песне твоей:
Выше, выше плыву серебристым путем,
Будто шаткая тень за крылом.

А. Фет

Весною светлой, как вестник мая,
Целую ландыш, в мечту влюбленный,
И внемлет ветру лазурь немая, —
Я вею, млею, воздушный, сонный.

К. Бальмонт

Я вздрагиваю от холода, —
Мне хочется онеметь.

О. Мандельштам

Пусть голоса органа снова грянут,
Как первая весенняя гроза:
Из-за плеча твоей невесты глянут
Мои полузакрытые глаза.

А. Ахматова

Знаю, смерти нет: не подкрадется,
Не задушит медленно она, —
Просто жизнь сверкнет и оборвется,
Точно песней полная струна.

О. Берггольц

В любом из приведенных примеров только знак бессоюзного сложного предложения — тире или двоеточие — заставляет обнаружить причинно-следственные отношения. В самом деле, понятие *поэт* не связано очевидным образом со свойствами глядеть на мир беспечными глазами и быть миру чужим. Это, как и все другое в приведенных поэтических текстах, весьма необычное для обыденного мышления осмысление мира. Нужны особые усилия, чтобы проникнуть в мир поэта и понять его.

Уникальное использование формы бессоюзного сложного предложения можно наблюдать в таком своеобразном поэтическом фольклорном жанре, каким является частушка. Рассмотрим следующий пример:

На стене висит пальто —
Меня не сватает никто.
Пойду — выйду — закричу:
Караул, замуж хочу![18]

[18] На этот пример обратила мое внимание Е.А. Земская.

Ритмика этой частушки такова, что заставляет "прочесть" между предикативными конструкциями *на стене висит пальто* и *меня не сватает никто* обычную для бессоюзного сложного предложения интонацию активизации смысловых отношений (интонация "точки" в этом случае едва ли возможна). Семантика соединяемых в бессоюзное сложное предложение предикативных конструкций такова, что заставляет предполагать между ними ОЛО. Между тем никаких реальных ОЛО (или каких-либо иных отношений) между этими предикативными конструкциями нет и быть не может. Частушка, выражаясь неакадемично, как бы оставляет слушателя в дураках, заставляя с помощью формы бессоюзного сложного предложения искать в содержании предикативных конструкций то, чего в нем нет. Можно говорить, следовательно, об озорстве в использовании формы бессоюзного сложного предложения, озорстве, вообще характерном для частушки.

2. В поэтических стихотворных текстах возможны глубокие опосредования смысловых связей между предикативными конструкциями, по-видимому, часто более глубокие, чем в РР, ср.:

Гляжу я вдаль ... нет сил —
Тускнеет око
Ах, кто меня любил
И знал, — далеко!

Л. Мей

Не дали воли нам
Отец и мать —
Целое поле нам —
Брачная кровать.

М. Цветаева

Отравлен хлеб, и воздух выпит:
Как трудно раны врачевать.

О. Мандельштам

Мне не надо пропуска ночного,
Часовых я не боюсь:
За блаженное, бессмысленное слово
Я в ночи январской помолюсь.

Он же

Глубокий опосредующий смысл в бессоюзных сложных предложениях из поэтических текстов — один из способов создания емкого подтекста, к которому поэтическая речь особенно склонна.

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО СЛЕДСТВЕННЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ

Возможность выражения ОЛО в форме сложносочиненного предложения ограничена. В сложносочиненных предложениях могут выражаться из ОЛО только следственные отношения и только при союзе *и*: *Подул южный ветер, и сразу стало тепло* 'подул южный ветер, так что сразу стало тепло'.

Союз *и* в системе сочинительных союзов занимает особое место.

Он может обозначать только сам факт связи, а конкретный характер смысловых отношений между сочиненными предикативными конструкциями выводится из лексико-семантического содержания этих конструкций при опоре на апперцепционную базу носителей языка. Сложносочиненное предложение с союзом *и*, не передающим никаких определенных смысловых отношений, по своему семантико-синтаксическому статусу ближе всего стоит к бессоюзному сложному предложению[19], в котором, как показано, синтаксико-интонационные средства связи также не передают никаких определенных смысловых отношений, а являются сигналом к поиску таких отношений в содержании соединяемых предикативных конструкций. Отличие таких сложносочиненных предложений от бессоюзных только в том, что в бессоюзных предложениях категория сочинения / подчинения никак не выражена, а сложные предложения с союзом *и* отмечены как сочиненные. Вероятно, именно этим обстоятельством объясняются ограничения на выражение в форме сложносочиненного предложения ОЛО, одним из ведущих признаков которых является то, что ОЛО — отношения с иерархической зависимостью компонентов, а при сочинении обе предикативные конструкции представлены как равноправные. И, следовательно, синтаксическая форма сложносочиненного предложения не вполне соответствует характеру ОЛО.

Иная точка зрения на сложносочиненные предложения со следственными отношениями представлена в Русской грамматике (1980), где утверждается: "Неоднозначность, функциональная гибкость союза *и* не свидетельствует, однако, о его семантической опустошенности. Его семантическая характеристика устанавливается путем противопоставления союзу *или*: с союзом *и* несовместимо значение взаимоисключения, заключенное в *или*" [Грамматика-80, II, 617]. Даже если согласиться с тем, что союз *и* кроме функции связи выполняет и еще какие-то семантические функции, подобно другим сочинительным и подчинительным союзам, то все равно придется признать, что следственные отношения не могут выражаться только этим союзом, без опоры на содержание предикативных конструкций. Об этом свидетельствует, в частности, то, что в предложениях с следственными отношениями, не вполне очевидным образом выводимыми из содержания предикативных конструкций, обойтись только союзом *и* едва ли возможно, ср.: *Свои идеи он всегда стремится выражать строгим языком формальной логики, и именно поэтому популяризация этих идей трудна* — без специального экспликатора следственных отношений *именно поэтому* осмысление этого предложения как следственного может быть затруднено.

Функционально-стилистические возможности следственных сложносочиненных предложений определяются двумя моментами:

1) следственные сложносочиненные предложения входят в систему других сложносочиненных предложений. И если бессоюзные предло-

[19] Х. Беличева-Кржижкова относит сложносочиненные предложения с союзом *и*, как и бессоюзные сложные предложения, к числу предложений с имплицитными причинными отношениями [Беличева-Кржижкова 1985, 408—409].

жения отмечены как разговорная форма, то сложносочиненные предложения вообще и сложносочиненные предложения со следственными отношениями в этом плане не несут никакой функционально-стилистической нагрузки;

2) следственные отношения в сложносочиненных предложениях имплицитны. Имплицитность не характерна для строгих стилей — научного и официально-делового.

Эти два момента определяют следующую картину распределения следственных сложносочиненных предложений по сферам языка. Сложносочиненные предложения со следственными отношениями возможны везде, где не ставится целью обязательная эксплицитность отношений. Они обычны и частотны:

а) в РР: *Он обещал придти / и мы поработаем //*; *Голова у меня разболелась и я быстро ушла //*; *Он попросил меня Свифта и я взял из библиотеки //*; *Она не очень-то готовилась / и не поступила // Конечно //* (не поступила в институт); (о выставке) *Мне сказали что есть кое-что интересное все-таки / и я решил пойти //*;

б) во всех типах языка художественной литературы: *Я был гостем в бараке и мог бы не выходить, но, признаться, от выпитого вина у меня немножко кружилась голова, и я был рад подышать свежим воздухом* (А. Чехов); *Она давно уже ушла, и пора бы ей вернуться //* (Он же); [Сергей] *Эта, знаешь, в сущности, нелепая фраза у меня в ушах на годы завязла. Поначалу иногда даже во время работы вылезала она из сознания, ужалит, и так нехорошо делалось, хоть беги куда* (В. Розов); [Алексей Алексеевич] *Ну вот ты проявился и становишься мне неинтересен* (Он же); *Раз, другой пробовал он вмешаться в разговор, она презрительно кривила губы, и слова его безответно пропадали* (Д. Гранин); *Она откашлялась, прикрывшись платочком, улыбнулась, и сразу все заулыбались, заговорили, что коньячок кусается, хватит и белого* (Он же); *Голос ее чуть сорвался, в сухих глазах полыхнуло, и все почувствовали, что происходит что-то не то* (Он же);

в) в публицистике: *Раздражение почти незаметно, но оно отравляет утро, и отец, отведя ребенка в детский сад, уходит на работу с чувством вины* ("Неделя"); *У подростка же чувство справедливости, обращенное не на себя, а на мир, сильно обострено, и так как мир обычно не отвечает высоким, но абстрактным требованиям подростка, то вот и раздражение* (Там же); *Я смотрел, как ловко и песенно управляется Майра со своими подопечными. Именно — песенно. Животные к ее песням привыкли, и теперь сменщице волей-неволей тоже во время дойки приходится напевать* (Там же); *После дойки табунщик Мусхан открыл загон с молодняком, и верблюжата, похожие чем-то на страусов, разбежались по своим мамашам додаивать молоко* (Там же); *Приказом "в связи с конфликтной ситуацией" группу расформировали, и Снегорева, естественно, перестала быть руководителем, чего и добивались авторы письма* (Лит. газ.); *Она лишила премии двух работников группы за невыполнение плана. По существу, поступила совершенно правильно, но нарушила какие-то формальности, и заводская комиссия по трудовым спорам постановила: выдать премии* (Там же).

Для функционирования сложносочиненного предложения со следственными отношениями показательно то, что эти предложения, будучи нехарактерными для научного стиля, вполне обычны в научно-популярных текстах: *Эта так называемая переохлажденная вода находится на грани замерзания, и достаточно малейшего локального охлаждения, чтобы началась бурная кристаллизация* ("Наука и жизнь"); *Но это противоречит закону сохранения энергии, и для больших кристаллов, где первичный пучок может полностью передать свою энергию дифрагированным волнам, необходимо более строгое описание* (Там же); *Проблема поиска путей оптимального взаимодействия человека и природы поставлена, и ее нужно решать сейчас, не откладывая дело в долгий ящик* ("Наука и человечество").

СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ЭКСПЛИКАТОРАМИ ОТНОШЕНИЙ ЛОГИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ

Экспликаторами отношений в сложном предложении будем называть слова *следовательно, зато, однако* и т.п., основное назначение которых в языке — обозначение логических отношений. Из числа ОЛО с помощью экспликаторов могут быть выражены следственные отношения. К следственным экспликаторам относятся *поэтому, потому, следовательно, итак, таким образом, отсюда, значит.* Эти экспликаторы могут употребляться либо в бессоюзных сложных предложениях, ср.: *Много наших собралось / поэтому тебя очень ждали //*, либо в сложносочиненных предложениях с союзом *и*, реже *а*, ср.: *Меня же в Москве не было / а потому я и не мог его видеть //*, *У меня там было окно в занятиях / и поэтому я мог с ним поговорить обсудить все //*[20]. Следует подчеркнуть, что экспликаторы не являются союзами или союзными словами. Это доказывается тем, что при экспликаторах всегда открыто место для действительных союзов, как сочинительных, так и подчинительных, ср.: *Стало жарко, поэтому можно начинать купаться — Он пишет, что стало жарко и что поэтому можно начинать купаться.* Следовательно, отличие сложных предложений с экспликаторами ОЛО от первичной формы выражения ОЛО — сложноподчиненных предложений — в том, что в предложениях с экспликаторами синтаксически не выражена зависимость обусловливающей части от обусловливаемой.

Если бессоюзные сложные предложения и сложносочиненные предложения без экспликаторов с имплицитными ОЛО не характерны, как уже сказано, для научного и официально-делового стилей, то сложные предложения с экспликаторами отношений, напротив, распространены прежде всего в научном и деловом изложении, что лишний раз доказывает эти стили дорожат эксплицитностью выражения содержания. Ср.: *Если событие А реализуется при т из п равновероятных исходов опыта, то событие $\bar{A}$ реализуется при остальных* n−m

[20] Грамматика-80 (II, 620—621, 629—630) экспликаторы отношений при сочинительных союзах называет "конкретизаторами", а в бессоюзном сложном предложении — "аналогами союзов".

исходах; поэтому $P(A)=\frac{m}{n}$, $P(\bar{A})=\frac{n-m}{n}=1-\frac{m}{n}$ *и, следовательно,* $P(\bar{A}) = 1-p(A)$ (А.М. Яглом, И.М. Яглом, Вероятность и информация); *Число этих испытаний для всех исходов* ß *оказывается примерно одинаковым, поэтому и наибольшее значение требуемого числа испытаний здесь будет, вообще говоря, наименьшим возможным* (Там же); *Таким образом, вероятность AB будет равна* $\frac{m_1 m_2}{n_1 n_2} = \frac{m_1}{n_1} \cdot \frac{m_2}{n_2}$ *и, значит,* $P(AB) = P(A)p(B)$ (Они же); *В рамках периода древности в большинстве стран еще не произошла автономизация литературы среди других видов духовной деятельности, и поэтому нелегко, а чаще попросту невозможно отделить религиозные произведения от светских, собственно художественные от деловых, философских, правовых* и т.п. (История всемирной литературы); *"Старые" литературы не имели предшественников, они начинаются на наших глазах как бы с нуля, и поэтому, такие страны, как Шумер или Египет, заслуженно считаются первыми очагами нашей цивилизации* (Там же).

В других сферах языка сложные предложения с экспликаторами также не редкость, но набор экспликаторов в этих сферах существенно уже. Так, в РР употребительны только экспликаторы *потому* и *поэтому*: *У него тридцать семь и одна / и поэтому я думаю пусть посидит дома //*; *Она не пошла / и он поэтому не идет //*; *У меня еще встреча сегодня / и потому уж я завтра к тебе лучше приеду //*; *У них тема кончается / и потому они теперь без отпуска //*.

Следует отметить, что в научном стиле экспликаторы одинаково активны как в сложном предложении, так и в тексте как важное средство его смысловой организации: *...Однако математики не очень любят иметь дело с абсолютной величиной чисел, поскольку она плохо поддается дальнейшим преобразованиям. Поэтому принято характеризовать разброс случайной величины средним значением квадрата ее отклонения от своего среднего значения* (А.М. Яглом, И.М. Яглом, Вероятность и информация); *Однако по концепции Вернадского — в отличие от Ньютона — для получения практически важных результатов необходимо учитывать взаимодействие большого количества элементов — десятков, сотен, а то и тысяч. Именно поэтому лишь с появлением ЭВМ стало возможным не только теоретически описывать модели экосистем, но и реализовать их на ЭВМ, доводя до практического использования* ("Наука и человечество"); *Изучение крестьянских говоров, являющихся реликтовыми языками, по необходимости вступает в круг явлений материального и духовного быта, характерных для реликтовой сферы крестьянской культуры. Отсюда вполне понятное требование комплексного изучения слов и обозначаемых ими материальных и духовных предметов* (В. Жирмунский); *При этом подчеркнуто, что̀ каждое из последующих поколений богов превосходит другое. И поэтому читатель подготовлен к тому, чтобы заранее поверить в несравненное могущество самого юного бога* ("История всемирной литературы").

Взаимопреобразования: приведенные выше сложные предложения вполне могут быть разделены на два предложения — на письме это

деление обозначается точкой; в свою очередь приведенные текстовые образования с помощью соответствующих знаков препинания, например, запятой, можно превратить в сложные предложения. Важно отметить, что при обоих преобразованиях смысловые отношения сколько-нибудь существенно не изменятся. Не изменится и функционально-стилистическая характеристика полученных в результате преобразования конструкций, поскольку и исходная, и полученная от исходной конструкции одинаково свойственны научному стилю. Вероятно, при экспликаторах различие сложного предложения и аналогичных текстовых образований нейтрализуется. Нейтрализуется соответственно в этом случае и функциональная нагрузка таких знаков препинания как запятая (или точка с запятой) и точка.

Взаимосоответствия текстовых образований и сложных предложений с экспликаторами необходимо отличать от преобразований в парцеллированные конструкции. При парцелляции осуществляется необычное для языка деление одной конструкции на две. И поскольку такое деление необычно, оно всегда несет стилистическую нагрузку. Парцелляция обычно создает экспрессию, ср.: *И вот наступил последний предстартовый день. Ясный, солнечный, тихий*[21].

В области сложного предложения парцелляция ясно проявляется при делении сложноподчиненного предложения, в том числе и сложноподчиненного предложения с ОЛО, на две интонационно завершенные части — на два предложения. Такая парцелляция свойственна языку художественной литературы, ср.: *Среди них Кузьмин невольно выделялся своей непричастностью... Дело тут было не в костюме, не подходящем к этой парадной обстановке. Потому что были тут и молодые люди в затасканных свитерах, и небрежно одетые американцы в вельветовых штанах. Нет, дело было, наверное, в том, что Кузьмин не мог скрыть напряженности* (Д. Гранин).

ОТНОШЕНИЯ ЛОГИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ В СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ С НЕСВОБОДНОЙ ФОРМОЙ

Существует особый тип сложного предложения с условными отношениями, примером которого могут служить предложения *Сделай он это, все было бы хорошо* 'сделал бы он это, все было бы хорошо'. Такие предложения обычно рассматриваются в составе бессоюзных, хотя и выделяются в особую группу. Между тем формально-синтаксическое устройство таких предложений принципиально отлично от формально-синтаксического устройства обычных бессоюзных сложных предложений. В обычных бессоюзных сложных предложениях смысловые отношения между предикативными конструкциями выводятся из содержания этих конструкций. В рассматриваемых же предложениях условные отношения определяются на формальной основе — средством выражения являются соответствующие морфологические формы глагола — повелительное или сослагательное наклонение, их функция

[21] Явление парцелляции как особого экспрессивного приема подробно описано в [Русский язык и советское общество 1968 б, 277—301].

в этом случае — непрямая, она состоит как раз в том, чтобы пометить одну из предикативных конструкций по отношению к другой как условную. По своему формально-синтаксическому устройству условные сложные предложения такого типа намного ближе стоят к союзным предложениям, чем к бессоюзным. В них, как и в союзных сложных предложениях, смысловые отношения выражаются эксплицитно — специальными формальными средствами, в отличие от имплицитно представленных отношений в бессоюзном сложном предложении. И такие условные сложные предложения, подобно союзным сложноподчиненным предложениям, можно было бы отнести к первичному способу выражения условных отношений, если бы не одно важное обстоятельство — несвобода их структуры[22]. Несвобода формы состоит именно в том, что глагол условной предикативной конструкции в них, в отличие от других сложных предложений с условными отношениями, имеет строго фиксированную форму. Всякое изменение этой формы глагола ведет к разрушению структуры.

Сфера употребления несвободных сложных предложений с условными отношениями — РР: *Не будь у нас бабушки / пропали бы мы с Аленкой* //; *Написал бы он ей хоть строчку | все было бы иначе* //; *Подай она эту статью хоть на недельку раньше | в этом бы году вышла* //.

Во всех других сферах сложное предложение несвободной формы с условными отношениями в функционально-стилистическом плане отмечено как разговорное. И поэтому такое предложение наиболее часто встречается в речи персонажей художественных произведений: [Глумов] *Будь он бедный человек, я бы ему, кажется, руки целовал* (А. Островский); [Круглова] *Да осыпь ты меня золотом с ног до головы, так я все-таки дочь свою на позорище не отдам* (Он же); — *Платите, дядь, нужно. Билет взять... Далеко ли вам? Дядя счастливо засмеялся и хлопнул по кондукторской сумке. — Заплатил бы! Ей-богу! Сядь я на другой номер, или, может быть, вагон пропусти — и баста — заплатил бы. Плакали бы мои денежки* (М. Зощенко); *Останься мы с вами, большую пользу бы принесли* (Э. Казакевич).

Из функциональных стилей несвободные сложные предложения с условными отношениями возможны только в публицистике, ср.: *Окажись он на месте, беды могло бы и не быть* ("Известия"); *Будь закон построже, о телефонном хулиганстве, может быть, и вообще бы речи не было* (Лит. газ.); *Не напиши об этом газета, никому на заводе и в голову бы не пришло заниматься этими кастрюлями"* (Там же).

ОТНОШЕНИЯ ЛОГИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Всякое простое предложение с ОЛО отличается от первичной формы выражения этих отношений — сложноподчиненного предложения — прежде всего тем, что в простом предложении одна или обе пропозиции выступают в свернутом виде, ср.: а) *План был намного пере-*

[22] О противопоставлении свободных и несвободных сложных предложений см.: [Крючков, Максимов 1977, 15—18]. В.А. Белошапкова несвободные структуры называет "связанными" — см.: [Грамматика-70, 737].

выполнен благодаря самоотверженной работе всего коллектива — План был намного перевыполнен, потому что весь коллектив работал самоотверженно и б) *Успешное выполнение плана зависит от слаженной работы всего коллектива — План может быть выполнен успешно, если весь коллектив будет работать слаженно.* Структура простого предлоежния с ОЛО зависит от способа выражения самого ОЛО. Выделяются следующие простые предложения с ОЛО.

I Предложения логической обусловленности с пропозитивным зависимым членом, тип *Он валился с ног от усталости.* Зависимый пропозитивный член чаще всего бывает представлен определенной предложно-падежной формой имени существительного (которое является свернутой пропозицией), называющей обусловливающий компонент. По отношению к нему другая часть предложения является развернутой пропозицией, называющей обусловливаемый компонент, ср.: *В случае дождя соревнования будут проведены в манеже — Если будет дождь, соревнования будут проведены в манеже; Соревнования состоялись несмотря на дождь — Соревнования состоялись, хотя шел дождь.*

II Предложения логической обусловленности с пропозитивным членом — существительным в именит. пад., тип *Усталость валила его с ног.* Существительное в именит. пад. является свернутой пропозицией, называющей обусловливающий компонент, по отношению к которому другая часть предложения представляет развернутую пропозицию, называющую обусловливаемый компонент, ср.: *Сильная головная боль заставила его прекратить работу — Он должен был прекратить работу, потому что сильно болела голова.*

Тип II отличается от первичного способа выражения ОЛО — сложноподчиненного предложения — не только свернутостью одной из пропозиций, но и тем, что обусловливающий компонент занимает синтаксически независимую позицию субъекта-подлежащего. Предложения типа II можно, по-видимому, рассматривать как производные от предложений типа I. Основанием для этого является то, что все предложения типа II по определенным правилам могут быть преобразованы в тип I[23]. Направление производности от предложений типа I к типу II обосновывается тем, что если любое предложение типа II преобразуется в тип I, то далеко не любое предложение типа I можно преобразовать в тип II, ср. *Страницы книги пожелтели от старости* — едва ли возможно **Старость сделала страницы книги желтыми.*

Предложения типа II обычно несут в себе некоторый образ: они представляют некоторые предметы и сущности как активных производителей действия. Именно этим, по-видимому, объясняется то, что такие предложения чаще всего встречаются в художественной литературе в авторском повествовании, ср.: *Легкий порыв ветра разбудил меня* (И. Тургенев); *Мысль эта наполнила меня ужасом* (В. Вересаев); *Бессмысленная выходка Романа потрясла Аню* (Н. Атаров); *Печаль от своего горя делает людей равнодушными ко всем другим страдающим* (А. Платонов).

III Предложения логической обусловленности со специальным пре-

[23] Преобразования такого рода обычно рассматриваются как конверсные преобразования — см. об этом: [Апресян 1974, 256—283].

дикатом. Отношения обусловленности могут выражаться специальным предикатом. В этом случае предикат связывает отношениями обусловленности два компонента, каждый из которых представляет свернутую пропозицию, ср.: *Поражение клапана ведет к нарушению его функции* (В. Бураковский, Хирургия сердца) — *Поражается клапан, так что* (*и, следовательно*) *нарушается его функция.*

Рассмотрим несколько подробнее предложения типов I и III.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ЛОГИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ С ЗАВИСИМЫМ ПРОПОЗИТИВНЫМ КОМПОНЕНТОМ

Распределение предложений с зависимым пропозитивным компонентом по сферам языка регулируется следующими их особенностями.

Зависимый компонент с пропозитивным значением может быть выражен двумя способами: (а) существительными в косвенных падежах с предлогами или, много реже, без предлогов, ср.: *При пожаре звоните по телефону 01 — Если случится пожар, то звоните по телефону 01* и *Он понравился ей своей воспитанностью — Он понравился ей, потому что был хорошо воспитан;* (б) немногочисленной группой наречий: *спьяну, на зло* и т.п., ср.: *Он сказал это спьяну — Он сказал это, потому что был пьян, Она сделала это на зло ему — Она сделала это, чтобы позлить его* (*причинить ему зло*).

Форма (а) пропозитивного члена употребляется во всех сферах языка. Ограничения на употребления предложений с формой (а) определяются не формой зависимого пропозитивного члена, а некоторыми его лексико-семантическими характеристиками, которые далее будут специально рассмотрены. В отличие от предложений с формой (а) предложения с наречным пропозитивным членом ограничены в своем употреблении: они свойственны прежде всего РР, и если употребляются в других сферах, то несут на себе явную печать разговорности.

Подавляющее большинство пропозитивных наречий стилистически снижены и располагаются на границе РР и просторечия. Далеко не любое из ОЛО может быть выражено наречием. Наречное выражение имеют только два типа ОЛО:

— для выражения причины употребляются наречия *созла, сослепу, спьяну, сдуру* и т.п.: *Не разберу я тут сослепу ничего* //; *Ну не созла же он все это сделал в конце концов* //; *Он ей все и выложил рассказал сдуру* //; *Да сдуру она это* // (сделала); *Да не надо придавать этому значение* // *Чего спьяну не наговорят* //; *Только спьяну такую чушь пороть можно* //[24];

— для выражения цели употребляются наречия *назло, на зависть, на радость* и т.п.: *Он тебе просто назло противоречит* //; *Куплю уж я елку* // *Ладно* // *На радость им* //.

[24] Наречия *спьяна* (*спьяну*) и *сдуру* характеризуются во многих словарях и в [Грамматика-80, I, 705] как просторечные. Приведенные примеры записаны нами от информантов с безупречной языковой культурой, что дает основания данные наречия считать допустимыми в РР. Впрочем всегда есть возможность интерпретировать подобные примеры как игру в просторечие людей, безусловно владеющих литературными нормами.

Наречия с пропозитивным значением как компонент с яркой разговорной отмеченностью активны в языке художественной литературы при имитации РР у персонажей: Сима. *Ты ужасно говорил дома. Жутко! Но, по-моему, ты не на самом деле, а со злобы, с желчи. Да? Я ведь тоже иногда, когда разозлюсь, такой чепухи отцу или маме со злости наговорю, сдуру* (В. Розов); *А потом выяснилось — беременная я... Николай-то ваш, как узнал, испугался. Трус он ужасный, жалкий даже... В загс потянул, с перепугу-то* (Он же).

В других текстах, допускающих разговорные структуры (публицистика, научно-популярный стиль), пропозитивные наречия неупотребительны.

Все пропозитивные наречия со словообразовательной точки зрения мотивированы соответствующими прилагательными или существительными, и, по-видимому, эта мотивированность поддерживает в наречиях пропозитивность.

Особое место среди пропозитивных наречий занимают неопределенные пропозитивные наречия, формирующие ОЛО. Они распространены в РР, во всех типах художественной речи, в публицистике: *Он почему-то задерживается* //; *Почему-то она не выступила* //; *Зачем-то и я потащилась с ними в кино* //; *Для чего-то это все-таки нужно* //; *Почему-то он пробил выше ворот* (Сов. спорт); *Почему-то больше ему идти никуда не хотелось* (А. Платонов).

Важной отличительной особенностью предложений с такими наречиями является то, что эти предложения не преобразуются в другие типы предложений с ОЛО, в том числе и в сложноподчиненные предложения — первичную форму выражения ОЛО. Можно, конечно, и для предложения типа *Он почему-то задерживается* назвать сходное по смыслу сложноподчиненное предложение, ср.: *Он задерживается, потому что для этого есть какие-то причины,* но совершенно ясно, что последнее стилистически не вполне корректно.

В строгих научных текстах в предложениях с ОЛО неопределенные пропозитивные наречия не употребляются. И, если есть необходимость для выражения неопределенной причины, условия и т.п., то это делается без помощи неопределенных наречий, ср.: *По каким-то еще не вполне ясным причинам утвердилась и распространилась именно эта форма* (из официального отзыва на диссертацию) и малоприемлемое для строго научного изложения *Почему-то утвердилась и распространилась именно данная форма.*

Для понимания закономерностей функционирования предложений с зависимым пропозитивным существительным кажется важным обратить внимание на выявленные при разработке общей типологии каузативных конструкций две разновидности зависимого пропозитивного существительного. В.П. Недялков и Г.Г. Сильницкий различают (1) каузативные конструкции с предлогами, всегда имеющими каузативное значение: *Благодаря искусству художника потолок казался бесконечно высоким; Вследствие тумана пароход не вышел в море; По причине неудачной охоты наши кони не были так измучены;* а также конструкции с предлогами, одним из значений которых является каузативное: *Он вернулся из-за дождя; Он покраснел от стыда; Под дейст-*

вием паров натрия он начал задыхаться; С непривычки болят ноги, (2) каузативные конструкции с предлогами, которые обычно употребляются не для каузации, но при определенном лексико-семантическом содержании конструкции могут служить целям каузации: *В этом костюме плечи его казались шире; При свете луны его глаза казались синими; При взгляде на нее он вздрогнул* [Недялков, Сильницкий 1969, 17—18][25].

Следует заметить, что противопоставление этих двух групп предложений с зависимым пропозитивным существительным действительно не только для причинных предложений, но и вообще для предложений с ОЛО, ср., например, условный союз *при*: *При грозе не следует стоять под высокими деревьями;* и союз *в,* не имеющий условного значения, но, при определенном лексико-семантическом содержании предложения, способный участвовать в его выражении: *В этой шубе тебе никакой мороз не страшен — Если ты одеваешь эту шубу, то тебе никакой мороз не страшен.*

Наличие в конструкции (1) средства, специализирующегося на выражении ОЛО, позволяет считать, что ОЛО в этой конструкции имеют эксплицитное выражение. Отсутствие в конструкции (2) средства для выражения ОЛО, опора при выражении этих отношений на семантику всего предложения дают основания считать, что ОЛО в этой конструкции имплицитны. Эксплицитность в выражении ОЛО у (1) и имплицитность у (2) как раз и регулируют распределение этих предложений по сферам языка. Поскольку эксплицитность выражения смысла является основополагающим требованием строгих стилей — научного и официально-делового, — а имплицитности они избегают, то в этих стилях употребляются предложения типа (1), а предложения типа (2) для них совершенно не характерны. В нестрогих сферах языка одинаково употребительны как предложения типа (1), так и предложения типа (2).

При исследовании функционирования предложения типа (1) важно еще принять во внимание следующее. Среди предлогов со значением логической обусловленности выделяются стилистически отмеченные, употребляемые по преимуществу в научном и официально-деловом стилях, и стилистически неотмеченные, употребляемые во всех сферах языка. К числу предлогов, употребляемых, главным образом, в научном и официально-деловом стилях, принадлежат: *вследствие, ввиду, благодаря.* К таким стилистически отмеченным предлогам близки по своим функциям сочетания: *на основании, в результате, с целью* и т.п. К числу средств, распространенных в строгих стилях, принадлежит и беспредложный творительный падеж существительного: *Эти тенденции сдерживаются некоторыми особыми процессами* (ср. *Эти тенденции сдерживаются, потому что имеют место некоторые особые процессы*).

[25] Позднее эти выделенные В.П. Недялковым и Г.Г. Сильницким разновидности каузативных конструкций были интерпретированы Н.К. Онипенко в духе синтаксических воззрений Г.А. Золотовой: существительные с каузативными предлогами получили название "центральных каузативных синтаксем", существительные с предлогами, которые выполняют каузативную функцию только при определенных семантических условиях, были названы "периферийными" — см.: [Онипенко 1983, 46—47].

Таким образом, картину распределения по стилям предложений с ОЛО, имеющих зависимый пропозитивный компонент, можно представить следующим образом.

В научном и официально-деловом стиле широко представлены предложения с эксплицитным выражением ОЛО, одинаково употребительны как стилистически отмеченные формы, так и стилистически нейтральные. Приведем примеры стилистически отмеченных форм при выражении причинных, условных и целевых отношений: (из работ акад. И.И. Артоболевского) *Реакции в кинематических парах возникают не только вследствие действия внешних задаваемых сил на звенья механизма, но и вследствие движения отдельных масс механизма с ускорениями; Углом наклона реакций в высших парах можно пренебречь ввиду их несущественного влияния на коэффициент полезного действия передачи; Кроме того при движении механизмов в результате реакций связей в кинематических парах возникают силы трения; В результате этих ограничений некоторые из шести возможных относительных движений свободно движущегося звена становятся для него связанными; Некоторые силы возникают в результате движения механизма; В связи с появлением в технике быстроходных машин стало необходимым учитывать и те силы, которые возникают при движении механизма и часто значительно превышают статические силы; Все последующие виды могут быть получены путем замены отдельных вращательных пар парами поступательными; В случае передачи от червяка к колесу применяется формула* (14.25), *а в случае передачи от колеса к червяку — формула* (14.26); *С помощью современных измерительных приборов можно весьма точно определять различные силы;* (из работ акад. Е. Тарле) *В случае удачи затеваемого похода на Москву Наполеон говорит то об Индии, то о "возвращении через Константинополь"; Солдат в случае обвинительного приговора расстреливали немедленно; ...нужно пожертвовать мыслью о восстановлении Польши во имя сохранения мира и союза с Россией.*

Примеры употребления стилистически неотмеченных форм из работ тех же авторов: *При последовательном присоединении групп необходимо руководствоваться определенными правилами; При изучении структуры и кинематики плоских механизмов во многих случаях удобно заменить высшие пары кинематическими цепями или звеньями, входящими только в низшие вращательные и поступательные пары* V *класса; При определении класса механизма необходимо указывать, какие из звеньев являются ведущими; При этой замене должно удовлетворяться условие, чтобы механизм, полученный после такой замены, обладал прежней степенью подвижности; Силы тяжести звеньев при подъеме их центров тяжести оказываются силами сопротивления; От этой меры, придуманной Наполеоном для удушения и разорения Англии, русские землевладельцы и купцы тяжело страдали...*

Интересно отметить, что если научно-популярный стиль в ряде случаев при выражении ОЛО ближе стоит к публицистике, чем к строгому научному изложению (ср., например, уже данный выше анализ употребления бессоюзных сложных предложений в научно-популярных текстах), то анализ употребления конструкции с зависимым пропо-

зитивным членом показывает, что научно-популярное изложение сродни строгому научному изложению. Можно только констатировать, что если в научном стиле преобладают стилистически отмеченные предлоги, то в научно-популярном стиле такого преобладания нет. Например, в научно-популярной статье В. Бураковского "Хирургия сердца" регулярны как предложения со стилистически отмеченными причинными (*благодаря, вследствие*) и условными (*при условии*) предлогами, так и со стилистически неотмеченными предлогами с тем же значением (*от, при*): *Либо вследствие слипания створок клапана и их сращения образуется сужение одного или нескольких внутрисердечных отверстий, либо клапан деформируется, подтягивается, что обусловливает развитие порока — клапанной недостаточности; Клапаны сердца наиболее часто поражаются ревматическим процессом, однако они могут быть изменены и вследствие эндокардита — воспаления внутренней выстилки сердца и клапанного аппарата; Хирургия сердца представляет собой огромный и очень важный раздел клинической медицины. Благодаря ее развитию наметился значительный прогресс в лечении сердечно-сосудистых заболеваний; Огромную роль в развитии хирургии сердца сыграло важнейшее достижение XX в. — искусственное кровообращение. Именно благодаря его усовершенствованию хирурги получили возможность выполнять тончайшие и сложнейшие операции на остановленном, неработающем сердце; Если больных с пороком аортального клапана не оперировать, то через шесть лет в живых останется только 5%, а при условии выполненной операции... в живых остается через те же шесть лет 75%; Сотни тысяч людей нашей планеты погибают от инфаркта миокарда; Например, при недостаточности аортального клапана страдает его замыкательная функция; При развитии склероза сосудов легких резко осложняется течение болезни вплоть до того, что больной становится неоперабельным.*

Приведем также примеры данной конструкции с разными ОЛО: (из статей журнала "Наука и жизнь"): *Размеры и форма его в процессе извержения непрерывно меняются под влиянием вулканических выбросов, ветра и пр.; На долгах основана и ими перегружена не только экономика США. В силу этого столь же перегружена и ликвидность (возможность кредитования) кредитной системы; Под влиянием микробных токсинов увеличивается содержание простагландинов и в мозге; Вакцины предназначаются для профилактики болезней, а сыворотки крови, содержащие антитела, — для извлечения; Более того, в целях борьбы с инфляцией и оздоровления послевоенной экономики и денежного обращения Ленин рекомендовал советской делегации на Генуэзской конференции (апрель—май 1922) сделать предложение об установлении единой международной золотой единицы для денежных систем разных стран; И все-таки, несмотря на первоначальные неудачи, популярность нового лекарства росла;* (из исторической научно-популярной книги Г.А. Розанова "Уже не секретно"): *В результате ударов англо-американской авиации целые кварталы лежали в развалинах; Под влиянием поражений немецко-фашистских войск под Сталинградом и на Курской дуге Гиммлер стал вынашивать план: попытаться договориться о разделе*

мира; Пфердменгес попал под подозрение в связи с провалом заговора против Гитлера; ...монополии и выдвинутые ими на авансцену "деятели 20 июля" с целью сохранения основ империализма в Германии и удержания в своих руках награбленного были готовы пожертвовать внешними атрибутами фашизма...; Вопреки воле народов действовали монополии Запада.

Широко представлены целевые и условные конструкции в таком официально-деловом тексте, как Конституция СССР: *Для решения вопросов, связанных с обеспечением руководства народным хозяйством, и других вопросов государственного управления в качестве постоянного органа Совета Министров СССР действует Предизиум Совета Министров СССР; Для оказания юридической помощи гражданам и организациям действуют коллегии адвокатов; В целях более полного удовлетворения потребностей советских людей создаются общественные фонды потребления; В целях защиты социалистических завоеваний, мирного труда советского народа, суверенитета и территориальной целостности государства созданы Вооруженные Силы СССР и установлена всеобщая воинская обязанность; В случаях, предусмотренных законодательством, юридическая помощь гражданам оказывается бесплатно; В случае разногласия между Советом Союза и Советом Национальностей вопрос передается на решение согласительной комиссии, образуемой палатами на паритетных началах.*

В официально-деловой книге "Основы законодательства Союза ССР и союзных республик" (М., 1971) конструкции с условными предлогами *при, в случае* и целевыми *для, в целях* исчисляются десятками и сотнями, что явно свидетельствует о пристрастии официально-делового стиля к штампам. Приведем образцы таких штампов: *При эксплуатации гидротехнических и других сооружений на рыбохозяйственных водоемах должны своевременно осуществляться мероприятия, обеспечивающие охрану рыбных запасов и условия для их воспроизводства; При наследовании по закону наследниками первой очереди являются, в равных долях, дети, супруг и родители умершего; При размещении, проектировании и вводе в эксплуатацию новых и реконструированных предприятий, сооружений и других объектов, а также при внедрении новых технологических процессов, влияющих на состояние вод, должно обеспечиваться рациональное использование вод при условии первоочередного удовлетворения питьевых и бытовых нужд населения; В случае необходимости больные могут направляться в соответствующие лечебно-профилактические учреждения других союзных республик; В случае прекращения дела производством вторичное обращение в суд по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям не допускается; В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства должником он обязан возместить кредитору причиненные этим убытки; В целях предупреждения заболевания лечебно-профилактические учреждения обязаны широко использовать профилактические осмотры населения и диспансерный метод наблюдения; Подземные воды (пресные, минеральные, термальные), не отнесенные к кате-*

гории питьевых или лечебных вод, могут в установленном порядке использоваться для технического водоснабжения, извлечения содержащихся в них химических элементов, получения тепловой энергии...

Столь же частотны и также не отличаются разнообразием предлогов данные конструкции в других по жанру деловых текстах, ср.: *Получение высоких и качественных урожаев в приусадебном саду возможно при выполнении основных работ по уходу за яблоней в более оптимальные сроки* ("Яблоня: Рабочая таблица по уходу"); *В условиях пониженного рельефа, холодных и увлажненных почв эти сорта допустимо использовать только при прививке в крону высокозимостойких сортов* (Там же); *Для защиты цветков от мороза устраивают дымовые кучи* (Там же); *При выезде из дворов и с других территорий, прилегающих к дороге, водитель обязан уступить дорогу транспортным средствам, движущимся по ней, и пропустить пешеходов* ("Правила дорожного движения"); *Для сжигания твердого топлива котлы оборудуют горизонтальной колосниковой решеткой с ручным обслуживанием, при сжигании газа или мазута топку оборудуют газовой горелкой или форсункой* ("Справочник молодого слесаря-сантехника"); *При последовательном соединении конвекторов к основному конвектору присоединяют необходимое количество проходных* (Там же); *При эксплуатации сжатый воздух по трубке, каналу корпуса верхней крыши и спирали стакана поступает во внутреннюю полость цилиндра* ("Справочник молодого маляра"); *Для шлифования зашпатлеванных поверхностей стен, потолков и полов применяют электрические и пневматические машинки* (Там же); *В случае засорения распылителя надо перекрыть запорный кран и прочистить его* (Там же); *Для отыскания центров на торцах круглых заготовок применяют специальный угломерный инструмент* ("Практика слесарно-инструментальных универсальных работ"); *Во избежание пожаров необходимо выполнять все противопожарные мероприятия* (Там же); *Пожары на территории предприятия и в производственных помещениях возникают в большинстве случаев от халатного отношения к хранению воспламеняющихся производственных отходов* (Там же); *Для предотвращения травматизма и заболеваний органов зрения и слуха необходимо строго соблюдать правила техники безопасности при выполнении слесарно-инструментальных работ* (Там же).

Предложения с зависимым пропозитивным компонентом, в которых ОЛО имплицитны, в научном стиле возможны только тогда, когда нормы этого стиля намеренно нарушаются, ср.: *Конец 40-х годов — мрачные дни, когда некоторые лингвисты решили, что можно "чего-то добиться" под маркой Марра* (А.А. Реформатский "Из истории отечественной фонологии"); *В декабре 1810 г., после опубликования нового русского тарифа, о войне между обеими империями заговорили в самых разнообразных слоях европейских народов* (Е. Тарле).

"Индивидуальность" в употреблении этих конструкций на общем фоне научного изложения — лишнее свидетельство того, что имплицитные конструкции такого рода не характерны для научного стиля. В официально-деловом стиле имплицитные конструкции вообще исклю-

чены. Эксплицитные же конструкции настолько показательны для научного изложения, что при соответствующем окружении в художественных текстах они могут служить ярким средством стилизации научной речи. Приведем для примера текст, построенный на контрастном чередовании имитации внутренней разговорной речи и лекционной научной речи:

"Я сделаю ему только один разрез... — подумал Геврасий Васильевич. — Только один. Если все будет в порядке, то несколько рубцов при заживлении могут стянуть ему предплечье, и он не скоро начнет работать в этом своем дурацком цирке..."

— В ранних фазах стрептококковых флегмон гноя может и не быть. В этих случаях при вскрытии отмечается серозное или серозно-геморрагическое пропитывание тканей. У больного Волкова предплечье представляет собой просто огромный гнойный мешок...

"Булькает и переливается...", — вспомнил Геврасий Васильевич виноватый голос Волкова.

— При вскрытии рану рыхло тампонируют марлей с пятипроцентным гипертоническим раствором и мазью Вишневского... В случае с больным Волковым тампонирования будет недостаточно. Ему придется вводить глубокие дренажи...

"Господи! Хоть бы это ему помогло!... Если бы этим все кончилось...", — промелькнуло в голове Геврасия Васильевича.

— При тяжелой прогрессирующей форме флегмоны, при безуспешности оперативного и общего лечения в связи с угрозой жизни больных необходима ампутация конечности... (В. Кунин "Местная анестезия").

Во всех других сферах языка — **в РР, в художественной литературе, в публицистике** — возможны как эксплицитные, так и имплицитные конструкции.

В публицистике среди эксплицитных представлены и конструкции, в которых употребляются стилистически отмеченные, широко распространенные в научной речи предлоги, и конструкции со стилистически неотмеченными предлогами: *При всех различиях внешних и по существу почти для всех представителей европейских стран общим было одно: тревога в связи с резким обострением международной напряженности* ("Правда"); *Проверить достоверность, кто обещал улучшить жилищные условия семье Фадеевых в связи с получением травмы, не представляется возможным* (Лит. газ.); *Разрядка не может развиваться и нельзя достичь оптимального уровня международной безопасности в условиях продолжения политики силы* ("Правда"); *Благодаря гласности, демократизму каждый работник уверен: его не отодвинут в списках подальше* (Лит. газ.); *Из-за выявленных недостатков было отказано в переаттестации электромоторов по высшей категории качества предприятиям Минэлектротехпрома, расположенным в Томске, Каунасе, Новой Каховке* ("Правда"); *Поразительно: даже при отсутствии заверений, что "копия верна", все эти документы выглядят написанными под копирку* (Лит. газ.).

Приведем примеры имплицитных конструкций из публицистики: *После размещения ракет средней дальности международное поло-*

жение резко ухудшилось, что привело к прекращению переговоров и возникновению опасного политического вакуума ("Правда"); *По хорошему льду и в светлую погоду с берега на берег доберешься и на своих двоих* (Там же); *В поисках спасения главный исполнитель чудовищного гитлеровского плана поголовного уничтожения целых народов мечется из стороны в сторону* (А. Полторак, Нюрнбергский эпилог).

В разговорной речи и в языке художественной литературы стилистически отмеченные предлоги не употребляются, за исключением уже упомянутых случаев стилизации в художественных текстах научной речи или некоторых иных специальных случаев. Имплицитные конструкции в РР и художественных текстах представлены намного шире, чем в публицистике. Но, с другой стороны, и в этих сферах явно преобладают эксплицитные конструкции как конструкции, специализированные для выражения ОЛО. Приведем примеры (а) эксплицитных и (б) имплицитных конструкций сначала в РР, а затем в разных типах языка художественной литературы:

— в РР (а) *От этих поучений выть хочется* //; *Из-за собрания я только пришел сегодня* //; *Да из-за дождя я просто задержался* //; *Для ремонта мне эта доска пригодится / возьмем* //; *Для защиты нужно две статьи кажется* //; (б) *С защитой ты еще помучаешься* //; *После этого снегопада там и не пролезешь я думаю / да? В этой шапке тебе на полюс ехать можно* //;

— в языке художественной литературы (а) Николай. *А от тоски праздная трактирная жизнь* (А. Островский); *Таня не могла опомниться от неожиданной смерти Татьяны Васильевны* (В. Вересаев); *Хотелось рыдать от безумной жалости к Татьяне Васильевне* (Он же); *...Но что-то накипает на сердце от этих чудных, непонятных звуков, и хорошо становится* (Он же); *Прекрасное настоящее и просыпавшиеся в нем впечатления прошлого сливались вместе, от них в душе было тесно, но хорошо* (А. Чехов); *От зависти становятся косыми* (А. Чехов, Записные книжки);

От любви твоей загадочной,
Как от боли, в крик кричу,
Стала желтой и припадочной,
Еле ноги волочу.

А. Ахматова

Родители ее умерли от тифа в гражданскую войну в одну ночь (А. Платонов); *...мы вдруг помрем от болезни и ничего не сделаем* (Он же); *Это выражение его лица происходило, может быть, не от грусти, а от сдержанной доброты характера, либо от обычной сосредоточенности молодости* (Он же); *Ну да бери уж, — произнесла тетка в раздражении от гибели всей своей жизни* (Он же); *...От воображения умершей Жени Никита сам расстроился и немного поплакал слезами в стружки* (Он же); *Аня понимала, что не от чистой совести он украшает их разговоры* (Н. Атаров); *Да от такой любви на стенку полезешь* (В. Розов); Лебедкина. *...Женщина из каприза способна на многое* (А. Островский); Людмила (читает). *Не губите меня из копеечных расчетов* (А. Островский); *Свобода вероисповедования, —*

из-за нее в средние века сколько войн происходило (В. Вересаев); *Она из-за спешки даже забыла дать сироте хлеба, из-за которого Ольга и пришла к тетке* (А. Платонов); *Аня слушала только из благодарности* (Н. Атаров); *Никита растопил печку для освещения тетрадей огнем* (А. Платонов); *Второй купец тоже не пожалел денег ради сердечной ревности за свою супругу и вынул ассигнацию* (Он же); (б) Шаблова. *Ну и дико ему в таком-то безобразии* (А. Островский); *Я в избытке восторга кинул шляпу на воздух и закричал: "Ура!"* (И. Тургенев); *По ее красивой, величественной улыбке, которая мгновенно исчезала с лица всякий раз, когда она отворачивалась за чем-нибудь от гостей, видно было, что на своем веку она видела много господ офицеров* (А. Чехов); *Огнев в сильном смущении отвернулся от Веры* (Он же); *Сергей Семенович приуныл в этих домашних условиях* (А. Платонов); *На теплой земле бабочек было много..., а в горах бабочки летали редко* (Он же); *Ты со своей человеческой-то любовью и женился бы на всех девках, что без парней голодными рыщут* (В. Розов); *Отложи хоть свадьбу-то, не руби под корень в такой-то ситуации* (он же); *А если ты по дружбе покрывать его начнешь, то, Мишенька, и тебя пощекотать придется, хотя ты — парень сам по себе безобидный* (Он же).

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ЛОГИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ СО СПЕЦИАЛЬНЫМ ПРЕДИКАТОМ

Предложения со специальным предикатом имеют две существенные особенности, которые должны быть приняты во внимание при анализе распределения таких предложений по разным сферам языка. Эти особенности следующие.

1. Система специальных предикатов, служащих выражению отношений обусловленности, в современном русском языке весьма развита. К числу таких предикатов принадлежат существительные, прямо называющие тот или иной тип ОЛО: *причина, цель, условие* и т.п., ср.: *Плохая дисциплина — причина срыва производственного плана; Повышение дисциплины труда — условие успешной работы предприятия; Обеспечение мира — цель внешней политики нашей партии.* При таких предикатах-существительных возможны разного рода определения, например, *важнейшая причина, одна из причин* и т.п., ср.: *Плохая дисциплина — одна из причин срыва производственного плана; Повышение производительности труда — важнейшее условие успешной работы предприятия.*

Если у предиката-существительного нет определений, то предложение с таким предикатом может, по-видимому, иметь достаточно точное по смыслу соответствие в виде первичной формы выражения ОЛО — сложноподчиненного предложения, ср.: *Курение — причина его болезни / Он заболел, потому что курит.* Но если у предиката-существительного есть определение, то перевод предложения с таким предикатом в сложноподчиненное предложение явно затруднен, ср.: *Курение — одна из причин его заболевания / ?Он заболел, кроме всего прочего, потому что курит; Курение — главная причина его забо-*

левания / ?Он заболел, прежде всего, потому что курит. Даже если согласиться с тем, что приведенные сложноподчиненные предложения передают тот же смысл, что и простые предложения, то все равно надо будет признать, что выражения *одна из причин, главная причина* более точны и определенны, чем соответствующие им компоненты в сложноподчиненных предложениях *кроме всего прочего, прежде всего.*

Кроме предикатов-существительных употребляются для выражения ОЛО предикаты-глаголы типа *объясняться, обусловливаться, позволять, быть связанным* и т.п. В значениях этих глаголов, несомненно, заложены те же значения логической обусловленности, что и в подчинительных союзах *потому что, если* и т.п. Но если в подчинительных союзах значение логической обусловленности выражается в чистом дифференцированном виде, то каждый предикат-глагол имеет свое индивидуальное значение и, следовательно, его значение не равно значению того или иного союза. Ср.: *Частые изменения погоды в этом месте объясняются влиянием моря* и *В этом месте погода часто меняется, потому что рядом море.* В первом предложении глагол *объясняется* своим значением показывает, что причинные отношения установлены мыслительным актом, во втором предложении просто сообщается о причинных отношениях. Ср. еще: *Частые изменения погоды в этом месте связаны с влиянием моря* и *В этом месте погода часто меняется, потому что сказывается близость моря.* В первом предложении предикат *связаны с* называет просто отношения обусловленности, не конкретизируя его, во втором предложении союз *потому что* выражает конкретное — причинное — отношение обусловленности.

2. Важной особенностью предложений со специальным предикатом является то, что обусловливающий и, следовательно, в логико-смысловом отношении зависимый компонент в синтаксическом отношении может занимать независимую позицию подлежащего. Это позволяет сделать обусловливающий компонент субъектом-темой предложений характеризации[26], т.е. позволяет в специальных предложениях обсуждать причину, условие, цель и т.п., ср.: *Дисциплина — необходимое условие повышения производительности труда.*

И возможность определений при предикатах-существительных, и разнообразие специфических значений глагольных предикатов, и возможность сделать обусловливающий компонент субъектом-темой предложений характеризации оказываются важными прежде всего для научного и научно-популярного изложения, где отношения логической обусловленности со специальным предикатом представлены шире всего. Научный и научно-популярный стиль — основная сфера употребления этих предложений. Примеры предложений с предикатом-существительным: *Инфаркт миокарда, вызывая омертвение сердечной мышцы, может явиться причиной возникновения пороков сердца, сопутствующих коронарной болезни* (В. Бураковский); *Влияют на характер фотопериодической реакции животных и более глубокие причины, и прежде*

[26] Выделение предложений характеризации как особого логико-синтаксического типа в ряду других типов — бытия, именования и тождества — обосновано Н.Д. Арутюновой — см.: [Арутюнова 1976].

всего — процесс доместикации одомашнивания ("Наука и жизнь"); *Причина столь направленного мышления в придумывании имени заключалась в том, что недельный зародыш, этот крошечный комочек живой плоти, состоящий из какой-то сотни — не более — клеток, из которых затем развился наш Замороженный, в течение трех суток находился при температуре –196° С* (Там же); *Наиболее значимой причиной, ведущей, в частности, к существующему еще производственному и бытовому травматизму мужчин, остается прямое или косвенное влияние неумеренного потребления спиртных напитков* (Там же); *В те времена врачи уже знали, что лихорадки и горячки (так назывались все болезни, протекавшие с ознобом и жаром) бывают разные. По мнению итальянских врачей, причиной одной из них, распространенной в сырых, болотистых местностях, были вредные испарения, поднимавшиеся от гнилой стоячей воды* (Там же); *Алкоголизм является первоисточником не только хулиганских поступков, но и огромного большинства других, более тяжких, преступлений и моральных шатаний* (Там же); *Главная же причина провала "миссия Вольфа" — все более безнадежное военное положение третьего рейха в результате ударов Советской Армии* (Г. Розанов); *...Россия плохо соблюдает блокаду, — нужно ее принудить. Наполеон делает это первой причиной ссоры* (Е. Тарле); *Обязательным условием для развития этого раздела медицинской науки явилось, как уже сказано выше, внедрение в практику метода кинематографии, который позволяет установить анатомию повреждения коронарной артерии* (В. Бураковский); *Для России борьба против этого нападения была единственным средством сохранить свою экономическую и политическую самостоятельность* (Е. Тарле).

Примеры предложений с предикатами-глаголами (и именной частью): *вызывать*: *В кинематической паре винта и гайки (винтовой паре) вращение винта вокруг оси вызывает его поступательное движение* (И. Артоболевский); *приводить*: *Их* (трехфазных асинхронных двигателей) *широкое внедрение фактически привело к промышленному перевороту в области создания электродвигателей* (И. (Глебов); *позволять*: *В хирургических центрах осуществлены уникальные исследования влияния на организм искусственного кровообращения. Эти исследования позволили сделать данный метод безопасным, разработать различные методы его проведения* (В. Бураковский); *Получение препарата в больших количествах позволило найти ему новое применение* ("Наука и жизнь"); *вести*: *Дефекты межжелудочной перегородки ведут к значительным расстройствам гемодинамики с последующими анатомическими изменениями в сосудах легких* (В. Бураковский); *Поэтому в момент диастолы сердца, когда оно наполняется артериальной кровью из левого предсердия, значительная часть крови из аорты, уже выброшенной из сердца по направлению ко всем органам и тканям организма, возвращается обратно в камеру левого желудочка. Это ведет к значительной перегрузке левого желудочка* (Он же); *приносить*: *Изучение космических объектов принесло уже немало сюрпризов, один из последних — открытие гравитационной линзы* ("Наука и жизнь"); *регулировать*: *Ведь вариации световых условий*

способны регулировать генетическую программу, а это важно и для развития отдельного организма (онтогенеза) и с точки зрения дальнейшей эволюции жизни на Земле (Там же); *обеспечивать: Максимальное развитие желтых тел во время беременности обеспечивает потом и хорошую работу молочных желез* (Там же); *послужить толчком: Но недавно интерес к этим опытам внезапно возрос. Толчком к этому послужила разработка методик, вызывающих многоплодие у животных, по природе своей малоплодных, — а к таким относятся коровы, овцы, козы* (Там же); *способствовать: Частые молнии, в том числе и шаровые, огни Св. Эльма, электризация земной поверхности и все прочие электрические явления, сопутствующие извержению, способствуют ходу химических реакций* (Там же); *налагать: ...вхождение звена в кинематическую пару с другими звеньями налагает на относительное движение этих звеньев условия связи* (И. Артоболевский); *порождать: ...завоевательные, грабительские, империалистические войны Наполеона в свою очередь порождают национально-освободительное движение в угнетенной Наполеоном Европе* (Е. Тарле); *сказываться на: Нарушение кровообращения очень сказывается на организме в целом* (В. Бураковский); *объясняться: Множество самых серьезных и тяжелых болезней человека объясняется нарушениями в работе этой защитной системы* ("Наука и жизнь"); *свидетельствовать: Уже эти немногие примеры убедительно свидетельствуют о необходимости скорейшего внедрения методов генной инженерии в медицину* (Там же); *быть связанным: Повышение производительности труда и создание комфортных условий жизни человека тесно связаны с все более широким использованием электрических машин* (И. Глебов); *Своеобразие активности пепла как катализатора, вероятно, связано с влиянием нескольких десятков микроэлементов, входящих в состав пепла* ("Наука и жизнь"); *Красное смещение спектров квазаров связано с доплеровским эффектом* (Там же); *Большое красное смещение подавляющего большинства квазаров связано с их огромными скоростями (обычно десятки процентов от скорости света) и свидетельствует о том, что эти квазары находятся на очень больших расстояниях от нас, вплоть до нескольких миллионов световых лет* (Там же).

Уже этот далеко не полный перечень предикатов-глаголов, специализирующихся на выражении ОЛО, показывает, что система таких глаголов в научном и научно-популярном стилях хорошо развита.

Достаточно регулярны предложения со специальным предикатом в отдельных публицистических жанрах: передовые статьи и международные обозрения в газетах, очерки на социальные и производственные темы и т.п.

Примеры предложений с предикатами-существительными из публицистики: *Восстановление их обходится недешево и служит одной из причин нарушения технологических процессов* ("Правда"); *Только внедрение стационарных электрифицированных зерноочистительных и сушильных пунктов позволило высвободить с токов колхозов и совхозов свыше шестисот тысяч рабочих. Эти данные — убедительное свидетельство тех огромных резервов, которые можно привести в дей-*

ствие при замене ручного труда машинным (Там же); *Цель этого предложения — раскрытие структуры обороны всех европейских стран, не входящих в Североатлантический военный блок* (Там же).

Примеры предложений с предиками-глаголами из публицистики: *Выпуск недоброкачественного оборудования, низкая квалификация тех, кто его эксплуатирует, приводят к выходу из строя более двух миллионов двигателей ежегодно* ("Правда"); *Дальнейшее развитие электрификации на селе, переход к созданию автоматизированных цехов и предприятий требуют бесперебойного снабжения потребителей энергией, надежной работы машин и оборудования* (Там же); *Однако, как показывает опыт, простое насыщение производства двигателями и установками не всегда приносит должный эффект* (Там же); *К тому же двигатели, предназначенные для привода машин, испытывают большие перегрузки, связанные с частыми пусками и остановками. Этим и объясняется потребность села в специальной технике* (там же); *Вообще русский Север всегда был хранителем замечательных народных традиций — прежде всего трудовых, но и бытовых, и праздничных тоже. Они создавали ритм жизни, сближали людей — не случайно меньше было тогда того, что сейчас называется "закомплексованностью"* (Д. Лихачев); *А здесь привычка к безнаказанности породила цепь многолетних нарушений, отклонения от твердого порядка распределения жилья и соблюдения очередности* ("Лит. газета").

В официально-деловом стиле предложения со специальными предикатами также обычная конструкция, но круг специальных предикатов много у́же, чем в научном стиле, ср. примеры из Конституции СССР: *Изменение Конституции СССР производится решением Верховного Совета СССР, принятым большинством не менее двух третей от общего числа депутатов каждой из его палат; Осуществление этих политически свобод обеспечивается предоставлением трудящимся и их организациям общественных зданий, улиц и площадей, широким распространением информации, возможностью использования печати, телевидения и радио; Высшая цель общественного производства при социализме — наиболее полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей людей; Высшая цель Советского государства — построение бесклассового коммунистического общества, в котором получает развитие общественное коммунистическое самоуправление.*

Примеры из других официально-деловых жанров: *Основными причинами производственного травматизма являютя плохое состояние инструмента, неисправность электрооборудования, электропроводки... Причинами промышленного травматизма являются также антисанитарное состояние предприятия, ограниченность производственных площадей* (Правила слесарно-инструментальных универсальных работ); *Получение выступающих элементов матрицы относительно большой высоты при условии вдавливания пуансона в заготовку на небольшую глубину достигается двусторонним вдавливанием основного и вспомогательного пуансонов* (Там же); *Приспособления с одинарным и двойным магнитами обеспечивают быструю установку*

ИРЯ
институт русского языка им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

и закрепление размечаемых заготовок в наиболее удобном положении (Там же); *Соблюдение правил личной гигиены — важное условие высокопроизводительной работы* (Справочник молодого маляра); *В сальниковой аппаратуре затяжка сальника обеспечивает герметичность и свободное перемещение шпинделя* (Справочник молодого слесаря-сантехника).

В языке художественной литературы предложения со специальными предикатами сравнительно редки. Круг этих специальных предикатов не отличается разнообразием. Они встречаются, главным образом, в авторском повествовании философской направленности (размышления автора о взаимосвязях явлений, событий, о поступках героев и т.п.): *Убеждению этому много помогли тщеславие и та степень самоуверенности, которую лучше всего назвать самовлюбленностью* (Ф. Достоевский); *Пожизненность наказания породило бродяжничество* (А. Чехов); *Сознание, что он может купить все эти картины, придавало ему уверенность* (Он же).

Показательно, что в философских отступлениях "Войны и мира" Л. Толстого предложения логической обусловленности со специальными предикатами весьма многочисленны: *Понятно, что Наполеону казалось, что причиной войны были интриги Англии... Понятно, что членам английской палаты казалось, что причиной войны было властолюбие Наполеона, что принцу Ольденбургскому казалось, что причиной войны было совершенное против него насилие; Цель европейских войн начала нынешнего столетия состояла в величии России; Те поступки, за которые историки одобряют Александра I, как то: либеральные начинания царствования, борьба с Наполеоном, твердость, высказанная им в 12-м году, и поход 13-го года, не вытекают ли они из одних и тех же источников — условий крови, воспитания, жизни, сделавших личность Александра тем, что она была, — из которых вытекают и те поступки, за которые историки порицают его, как то: Священный Союз, восстановление Польши, реакция 20-х годов; Отступление от Малоярославца тогда, когда ему дают дорогу в обильный край и когда ему открыта та параллельная дорога, по которой потом преследовал его Кутузов, — ненужное отступление по разоренной дороге объясняется нам по разным глубокомысленным соображениям.*

Для РР, а, следовательно, и для речи персонажей художественной литературы предложения со специальным предикатом нехарактерны. В речи персонажей предложения со специальным предикатом могут употребляться только как яркое средство стилизации научного функционального стиля, ср. такой лекционный текст: *Тогда я позволю себе повторить кое-что из того, что мы проходили с вами еще зимой. Я не собираюсь задавать вам какие-либо вопросы и проверять ваши знания. Я еще раз повторю вам, что уже говорил однажды. Но в данном случае я ограничусь только одним заболеванием — флегмоной... Исламова! Колпакова! Перестаньте шептаться... Тяжелое состояние больного Волкова вызвано в первую очередь неумелыми действиями медицинской сестры, ее растерянностью и торопливостью.*

Тот факт, что в языке художественной литературы предложения со специальными предикатами тяготеют к авторскому повествованию созерцательно-философского характера или же служат средством стилизации под научное изложение, лишний раз показывает: основная сфера таких предложений — научный функциональный стиль.

НЕКОТОРЫЕ РАЗГОВОРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ ЛОГИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ

Разговорные предложения с именительным падежом существительного в роли пропозитивного обусловливающего компонента

В РР существительное в именительном падеже, имеющее пропозитивное значение и функцию обусловливающего компонента, может занимать в синтаксической структуре предложения с ОЛО такие позиции, которые эта форма существительного ни в каких других сферах языка занимать не может. Эти собственно разговорные позиции существительного в именит. пад. с пропозитивным обусловливающим значением следующие.

1. Существительное в именит. пад. употребляется с определенным подчинительным союзом, выражающим ОЛО, и занимает в предложении те позиции, которые свойственны обычной придаточной предикативной конструкции с этим союзом в РР: *Я задержусь потому что собрание //; Он ночами теперь сидит / экзамены потому что //; Хотя ветер / ходил на лыжах вчера все-таки //; Если дождь / пережди где-нибудь //;* (об ученом совете) *Если голосование / я конечно приду //; Надо доктором наверно быть чтоб доклад //* 'чтобы на конференцию приняли доклад (а не сообщение), надо быть доктором наук'

Такие предложения отличаются от первичной формы выражения ОЛО в формальном плане только тем, что обусловливающий компонент представляет свернутую пропозицию, в то время как придаточная предикативная конструкция в сложноподчиненном предложении — это развернутая пропозиция.

2. Существительное (в том числе и субстантивированное прилагательное) в именительном падеже образует особую синтагму, которая чаще всего занимает в предложении постпозицию, но может быть и в препозиции, и в интерпозиции: *Я поздно приеду / профсоюзное //; Там же закрыто / ремонт //; Ты не пройдешь утром по Садовому / демонстрация //; Ветер / на море на пляж там даже не пускают иногда //; Дождь / не пойду никуда //; Я не пойду дождь / гулять //.*

По своему семантико-синтаксическому статусу такие предложения ближе всего стоят к бессоюзным сложным предложениям, отличаясь от них только тем, что обусловливающая пропозиция свернута.

3. Существительное в именительном падеже может и не выделяться

в специальную синтагму: *Не пойду дождь гулять //; Он придет позже соревнования какие-то //; У нее губа была рассечена здорово авария //.*

Такие структуры близки к структурам и обусловливающим компонентом, выраженным именем существительным в косвенном падеже с предлогом, ср.: *Не пойду дождь гулять // — Не пойду из-за дождя гулять //.*

Широкое использование существительного в именительном падеже в функции пропозитивного компонента с обусловливающим значением — это еще одно проявление уже хорошо исследованной общей специфической черты системы РР: в РР именительный падеж имени существительного вообще имеет более широкий набор функций, чем в других сферах языка [Русская разговорная речь 1973, 241—264; Лаптева 1976, 137—183].

Рассмотренные разговорные предложения с именительным падежом существительного в роли пропозитивного обусловливающего компонента не находят отражения в иных языковых сферах, они не используются даже для имитации РР в языке художественной литературы.

Разговорные предложения с конкретно-предметными существительными в роли пропозитивных компонентов

В языке существуют специальные средства для выражения свернутой пропозиции. Одно из них — событийные существительные, ср.: *он бежит — его бег, он занимается — его занятия, он смеется — его смех* и т.п. Отличительной чертой событийных существительных является их лексическая сочетаемость с темпоральными показателями, ср.: *короткое собрание, вечерняя прогулка* и т.п. Событийные существительные могут быть противопоставлены многочисленному и разнообразному классу конкретно-предметных существительных, отличительным признаком которых является лексическая сочетаемость с параметрическими показателями: *высокое дерево, длинная палка, толстый человек* и т.п.[27]

Конкретно-предметные имена в функционально-синтаксическом плане отличаются от событийных именно тем, что они не предназначены для выражения пропозитивного значения. Тем не менее и конкретно-предметные имена при определенных семантико-синтаксических условиях могут получать пропозитивное "прочтение". Определяя понятие разновидности способа выражения ОЛО, мы уже приводили в качестве примера разновидности предложения с таким прочтением конкретно-предметных имен. Ср. еще: *Она не ездит в командировки, потому что не с кем оставить дома ребенка — Она не ездит в командировки из-за ребенка*[28]. Поскольку конкретно-предметное существительное по-

[27] С наибольшей четкостью противопоставление событийных и конкретно-предметных существительных сформулировано Н.Д. Арутюновой — см.: [Арутюнова 1976, 70—80].

[28] Одним из первых на возможность употребления конкретно-предметных имен в пропозитивном значении обратил внимание Ю.Д. Апресян — см.: [Апресян 1969, 305—306]. Специально этот вопрос рассматривает Н.Д. Арутюнова — см.: [Арутюнова 1976,

лучает пропозитивное прочтение только при определенных семантических условиях, можно считать, что употребление конкретно-предметного имени вместо специализированного для выражения пропозитивных значений связано с переходом от эксплицитной разновидности к имплицитной.

Пропозитивное употребление конкретно-предметных имен — яркая и выразительная особенность РР. В области предложений с ОЛО эта особенность РР проявляется особенно ясно.

Чаще всего пропозиция, представленная конкретно-предметным именем, обусловливает действия и состояния лица, в том числе самого говорящего: *Я поздно в этом году в отпуск пойду из-за книги //* 'потому что должен закончить работу над книгой'; *Он не может быстро ходить / нога //* 'потому что болит нога'. Неличностные предложения более редки, ср.: *В саду сейчас очень красиво / яблони и вишня //* 'потому что цветут яблони и вишня'.

Пропозитивное прочтение получают такие конкретно-предметные существительные, которые стоят в центре обусловливающего события. Как справедливо замечает Л.А. Капанадзе, особенно активны в этом плане имена собственные [Русская разговорная речь 1973, 438], ср.: *Она три года не работала из-за Машки //* 'потому что сидела дома со своей маленькой дочкой Машкой'.

Предложения логической обусловленности с конкретно-предметным именем имеют одну важную семантическую особенность. Конкретно-предметное имя может иметь множество разнообразных пропозитивных прочтений. Выбор одного из них определяется конситуацией. Предложение *Я сегодня должен дома сидеть целый день из-за холодильника* может означать: 'потому что должны привезти купленный холодильник из магазина', 'потому что должны приехать из мастерской и забрать неисправный холодильник для ремонта', 'потому что должен придти мастер для ремонта холодильника на дом' и многое другое. Предложение *Я из-за часов опоздал* может означать 'потому что часы остановились', 'потому что часы идут неточно', 'потому что забыл часы дома', 'потому что долго стоял в очереди к часовому мастеру, чтобы отремонтировать часы' и др.

Необходимость насыщенной конситуации для нормального функционирования предложений с конкретно-предметным именем в роли обусловливающего компонента объясняет, почему основная сфера употребления таких предложений — РР. РР в отличие от других сфер языка по своим экстралингвистическим и собственно лингвистическим параметрам такова, что всегда может быть ориентирована на вовлечение в коммуникативный акт конситуации[29].

Конкретно-предметные имена в роли обусловливающего пропозитивного компонента могут в РР употребляться во всех тех позициях,

122—124]. Богатейший разговорный материал употребления конкретно-предметных имен в пропозитивном значении приводит Л.А. Капанадзе в связи с анализом особой языковой номинации — имени ситуации — см.: [Русская разговорная речь 1973, 434—438].

[29] Подробнее о роли конситуации в разговорной коммуникации см.: [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981, 191—227].

в которых вообще употребляется свернутая пропозиция в форме существительного.

а) Активны конкретно-предметные существительные в именительном падеже, выделенные в синтагму, занимающую любую позицию в высказывании — или препозицию, или интерпозицию, или постпозицию: *Корректура / в редакцию надо ехать //* 'так как необходимо отвезти корректуру в редакцию, то в редакцию надо ехать'; *Голова / лучше все-таки принимать анальгин; Кострома / лучше все-таки поезд //* 'если ехать в Кострому, то лучше все-таки на поезде (а не на автобусе)'; *Петя / она придет //* 'так как придет Петя, то придет и она'; *Она не может никуда / папа / поехать //* 'она не может никуда поехать, потому что не с кем оставить больного отца'; *Я не могу пока далеко / нога //* 'я не могу пока далеко ходить, потому что болит нога'; *Поздно он придет / театр //* 'он придет поздно домой, потому что сразу после работы идет в театр'; *Мне нравится Горький / Волга //* 'мне нравится Горький, потому что там есть Волга'.

б) Возможны конкретно-предметные существительные в событийном прочтении при союзах с разными значениями логической обусловленности: *Я быстро приехал / такси потому что //* 'я быстро приехал, потому что взял такси'; *Теперь и на Энгельса потому что метро хорошо стало //* 'теперь стало хорошо (удобно) жить с гостинице и на улице Энгельса, потому что недалеко от нее построили метро'; *Я хочу куда-нибудь чтобы лес //* 'я хочу куда-нибудь поехать отдыхать, чтобы недалеко был лес.; *Если дача / в отпуск можно вообще никуда не ездить //* 'если есть своя дача, то в отпуск можно вообще никуда не ездить'; *Можно каждый день за грибами ездить / если машина //* 'можно каждый день ездить за грибами, если есть своя машина'.

в) Регулярны конкретно-предметные существительные с обусловливающим пропозитивным значением в косвенных падежах с предлогами (зависимый пропозитивный компонент): *Ты из-за Машки не на даче?* 'ты не на даче потому, что Машка еще учится и ее не с кем оставить в городской квартире?'; *Я должен из-за этого холодильника сидеть сегодня //* 'я должен сегодня сидеть дома, потому что жду мастера по ремонту холодильников'; *Целую ночь из-за зуба не спал //* 'целую ночь не спал, потому что болел зуб'; *Ради Смоктуновского и я бы ночь простоял //* 'и я бы простоял ночь за билетами, чтобы увидеть спектакль с участием И. Смоктуновского'; *Опять с носом не спала //* 'опять не спала, потому что не давал спать насморк'; *Я измучилась сын //* 'я измучилась, потому что заболел сын'.

г) Возможны конкретно-предметные существительные с пропозитивным обусловливающим значением и в независимом именительном падеже, который может быть преобразован в косвенный падеж: *Я раздражаюсь из-за этой ручки //* 'я раздражаюсь, потому что эта ручка плохо пишет' — *Эта ручка меня страшно раздражает //; Я не спал из-за носа //* — *Нос мне спать не дал //; Эта нога мне чуть диссертацию не угробила //* 'у менять чуть не сорвалась защита диссертации, потому что я сломал ногу'. Ср. также: *Участок — это не удовольствие / участок — это надо работать с утра до ночи //.*

Из других сфер языка предложения с конкретно-предметным именем

в пропозитивном обусловливающем значении возможны только в языке художественной литературы как яркое средство имитации РР персонажей: чаще всего используются имена лиц, некоторые действия или свойства которых предварительно описаны и, следовательно, хорошо известны читателю: — *...Сапог-то много, а черт их в пьяном виде разберет, ежели себя не помнишь... Должно, к барыне поставил, что рядом живет... к актрисе... — Изволь я теперь из-за тебя идти к барыне, беспокоить* (А. Чехов); *...Она чувствовала горе от своей тетки* (А. Платонов); *...Ишь уморилась, подумаешь, — вставать давно пора! Мне из-за тебя ни за чего приниматься нельзя* (он же); *После моей бабы, пожалуй, весы пополам треснут* (он же); Маргаритов. *...Я для тебя живу, дитя мое, для одной тебя* (А. Островский).

Ср. также конкретно-предметное существительное в именит. пад.: Лебедкина. *Опера, вечера, новости из-за границы получат скоро, дни перчатки разорят* (А. Островский).

Интересен такой пример: *Что мне делать с Нечаевым-Мальцевым? — жаловался отец матери после каждого из таких завтраков, — опять всякие пулярды и устрицы.* (М. Цветаева) 'не знаю, что мне делать с Нечаевым-Мальцевым, потому что он тратит много денег на завтраки с пулярдами и устрицами'.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ЛОГИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ С ПРОПОЗИЦИЯМИ НЕПОЛНОЙ НОМИНАЛИЗАЦИИ

В предложениях с ОЛО пропозитивные компоненты могут иметь форму неполной номинализации. Как уже ясно из предшествующего изложения, при первичной форме выражения ОЛО пропозитивные компоненты, между которыми устанавливаются отношения, представлены предикативной конструкцией — главной и придаточной, которые являются развернутой,основной формой выражения пропозиции. Пропозиция, свернутая в событийное существительное, является номинализованной пропозицией. Неполная номинализация заключается в том, что развернутая пропозиция не претерпевает никаких изменений, а функциональный сдвиг отмечается формулой *то, что*: тот факт, то обстоятельство, с которыми непосредственно связывается предикативная конструкция, определяют номинализацию пропозиции[30]. Неполная номинализация имеет две особенности, которые в полной мере проявляют себя в предложениях с ОЛО и во многом объясняют распределение таких предложений по сферам языка. Эти особенности следующие:

1) событийные существительные, представляющие собой номинализованную свернутую пропозицию, в большинстве своем по своей сути являются отглагольными: *он размышляет — его размышления, он пел — его пение.* Словообразовательная система современного русского языка существенно ограничивает возможности производства существительных от глаголов: нельзя, например, с помощью су-

[30] Понятие неполной номинализации пропозиции разработано Н.Д. Арутюновой — см.: [Арутюнова 1980, 347—348].

ществительного номинализовать пропозицию *Он выпил стакан воды* — **Выпитие стакана воды*. Неполная номинализация не знает никаких ограничений и может быть осуществлена по отношению к любой предикативной конструкции, ср.: *то, что он выпил стакан воды;*

2) далеко не все члены, содержащиеся в развернутой пропозиции, могут быть сохранены при номинализации, ср.: *Всю свою артистическую жизнь он вдохновенно исполнял на концертах русские романсы* — именная цепочка *Вдохновенное исполнение им всю его артистическую жизнь на концертах русских романсов* едва ли возможна, во всяком случае, ее стилистическая ущербность очевидна. При неполной номинализации без труда сохраняются все члены: *то, что всю свою артистическую жизнь он вдохновенно исполнял на концертах русские романсы...*

Эти особенности неполной номинализации оказываются особенно полезными для научного функционального стиля, где велика потребность в номинализации и в полноте и точности передачи информации. Поэтому научный и научно-популярный стили — основная сфера функционирования предложений логической обусловленности с неполной номинализацией. Не чужды предложения логической обусловленности с неполной номинализацией и для публицистического стиля. Неполная номинализация в этих функциональных стилях представлена в тех же структурах, в которых выступает полная номинализация. Эти структуры следующие.

I Предложения логической обусловленности со специальным предикатом. В предложениях логической обусловленности со специальным предикатом, как уже показано, и обусловливаемый, и обусловливающий компоненты должны быть номинализованы. Случаи, когда оба компонента представлены пропозициями в виде неполной номинализации редки, ср.: *То, что материал смоленской живописи еще не исчерпан, объясняется тем, что ряд фрагментов из Храма на Протоке еще не прошел реставрации и пока недоступен* (А. Воронин, Смоленская живопись 12—13 веков). По-видимому, даже для научного выражения такие предложения являются в стилистическом плане несколько тяжеловесными. Предложения же, в которых только один компонент является пропозицией неполной номинализации,а другой представлен полной развернутой номинализацией, обычны: *Причиной неудач, постигших метод, было то, что использовалась в качестве трансплантанта печень взрослых доноров* ("Наука и жизнь"); *Причиной этого был тот факт, что печень испытывала кислородное голодание из-за низкого артериального давления у донора* (Там же); *Тот факт, что генетические болезни встречаются относительно редко и не имеют характер эпидемий, отнюдь не значит, что ими следует пренебречь* (Там же); *То, что римская театральная техника была несовершенна, объясняет многие особенности римской драматургии, прежде всего трактовку музыкального элемента* (История всемирной литературы); *Вопрос о происхождении греческой трагедии принадлежит к числу наиболее сложных в истории античной литературы. Одна из причин этого состоит в том, что сочинения античных*

ученых, живших в V в. до н.э. и, вероятно, располагавших какими-то еще более древними документами, в частности, произведениями первых трагических поэтов, до нас не дошли (Там же); *В этих кругах рассуждали: сохранение Гитлера во главе Германии приведет к тому, что в самое ближайшее время Советская Армия завершит разгром немецко-фашистских войск* (Г. Розанов); *Тот факт, что трудящиеся часто необоснованно отвлекаются с производства, нередко является простым следствием нераспорядительности отдельных хозяйственников* (Лит. газ.); (*Это совпадение поэта и историка не случайно). Оно обусловлено тем, что оба они наши современники: советский поэт и советский историк* (Д.С. Лихачев).

II Предложения логической обусловленности с зависимым пропозитивным компонентом. Для зависимого пропозитивного компонента обычна неполная номинализация: *Миокард сокращается под влиянием того, что импульсы поступают к сердцу по центральной нервной системе* ("Наука и жизнь"); *Неудача большинства пересадок сердца происходит из-за того, что не решена проблема иммунологической несовместимости тканей донора и реципиента* (Там же); *Биологическая "выстилка" зреет гораздо быстрее при условии, что в кровообращение включается искусственное сердце* (Там же); *Говорят: шефство развилось из-за того, что не хватает рабочих рук* (Лит. газ.); *В зависимости от того, какой из этих признаков принимается за основной, несколько меняется и определение сущности эллинизма, и определение хронологических границ периода* (История всемирной литературы).

Интересно рассмотреть с точки зрения понятия неполной номинализации функционирование в предложении таких выразителей ОЛО, как сочетания *вследствие того что, благодаря тому что, оттого что* и т.п. Традиционно такие сочетания считаются причинными союзами. Отмечается, что причинные союзы могут выступать в предложении в нерасчлененном (*Он не пошел гулять, потому что шел дождь*) и расчлененном виде (*Он не пошел гулять потому, что шел дождь*). Не следует ли думать, что при расчленении образуется структура с неполной номинализацией, поэтому компоненты *вследствие того* и т.п. уже не должны рассматриваться как составляющие союза, а должны интерпретироваться как обычное местоимение *то* с предлогом *вследствие?* По-видимому, решение этого вопроса должно быть поставлено в зависимость от того, приобретает ли часть *то* статус местоимения или нет. Кажется, *то* есть основания считать местоимением в том случае, если при *то* возможны обобщающие существительные *факт, обстоятельство, условие* и т.п. Если такие существительные невозможны, то вероятно, сочетание типа *оттого что* даже при расчленении не перестает быть цельным союзом. Поэтому союз *потому что* при расчленении не перестает быть союзом (невозможно: **Он не пошел гулять по тому факту, что шел дождь*). Сочетания же *вследствие того что* и др. при расчленении чаще всего дают неполную номинализацию: *Вследствие того, что задерживается*

разгрузка вагонов, нарушается ритмичность работы железной дороги — Вследствие того факта, что задерживается разгрузка вагонов, нарушается ритмичность работы железной дороги[31].

ОТНОШЕНИЯ ЛОГИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ОБОСОБЛЕННЫМИ ЧЛЕНАМИ

ОЛО могут выражаться на основе обособления разных компонентов предложения: причастий и причастных оборотов, деепричастий и деепричастных оборотов, определений: *В зоне повышенного давления стенки трубопровода, вздуваясь, деформируются* — 'в зоне повышенного давления стенки трубопровода деформируются, потому что вздуваются'; *Стенки трубопровода, деформированные в зоне повышенного давления, теряют прочность* — 'стенки трубопровода теряют прочность, потому что деформируются в зоне повышенного давления'.

Поклонник Эллинов — я лиру забывал,
Когда мой путь ты словом преграждала

А. Блок

— 'несмотря на то, что я был поклонник эллинов, я лиру забывал, когда мой путь ты словом преграждала'; *И всегда хорошенькая, она теперь, упоенная счастьем, была прекрасна* (В. Вересаев) — 'так как она была всегда хорошенькая, то теперь она была прекрасна, потому что была упоена счастьем'.

Предложения с обособлением как один из способов выражения ОЛО отличаются от основного способа — сложноподчиненного предложения — следующим: а) в них представлен особый тип свернутой пропозиции, б) ОЛО в предложениях с обособлением являются имплицитными.

Следует доказать, что в предложениях с обособлением действительно имеет место один из типов свертывания пропозиции. А.М. Пешковский дал следующее определение обособленным членам предложения: "Обособленным второстепенным членом называется второстепенный член, уподобившийся один или вместе с другими, зависящими от него членами в отношении мелодии и ритма и — параллельно — в отношении связей своих с окружающими членами отдельному придаточному предложению" [Пешковский 1956, 416]. Мысль А.М. Пешковского о соответствии обособленного члена придаточному предложению не получила признания и развития. Между тем, если использовать по отношению к предложению с обособленными членами понятия пропозиции, то эта мысль А.М. Пешковского может оказаться весьма интересной и перспективной. Можно думать, что интонация

[31] Ср. также следующее интересное соображение М.В. Ляпон: "Знаменательность местоименной части союза может поддерживаться, например, параллельной предложноименной конструкцией, в которой существительное занимает идентичную синтаксическую позицию: Телегин был в восторге не столько от предстоящей постановки „Разбойников", сколько от того, что Даша, наконец, нашла работу (А.Н. Толстой); Она ... плакала от жалости и от того, что не могла решить, что же ей делать (К. Паустовский)" [Ляпон 1979, 53].

обособления — это сигнал того, что в предложении имеет место свернутая пропозиция, способная вступать с другой частью предложения — развернутой пропозицией — в те отношения, которые вообще могут в одном предложении устанавливаться между двумя пропозициями. К числу таких отношений принадлежат, естественно, и ОЛО.

Чтобы понять специфику при обособлении свернутой пропозиции, рассмотрим такой ряд:

(1) *Он устал* или *Он был усталым;*

(2) *Усталость заставила его прекратить работу;*

(3) *Усталый, он должен был прекратить работу* или *Уставший, он должен был прекратить работу* или *Устав, он должен был прекратить работу.*

При именном свертывании пропозиции (2) предикат развернутой пропозиции (1) преобразуется в существительное, которое не имеет при себе позиции для именительного падежа существительного в роли субъекта. При свертывании с помощью обособления (3) предикат развернутой пропозиции (1) переходит в позицию обособленного члена либо без всяких изменений (прилагательное), либо преобразуясь в причастие или деепричастие, субъект-существительное в именит. пад. не претерпевает никаких изменений. Учитывая эти различия именной свернутой пропозиции (2) и пропозиции, свернутой с помощью обособления (3), можно, по-видимому, сказать, что (2) является более свернутой по сравнению с (3). Если пропозицию (2) характеризовать как свернутую, то пропозицию (3) можно характеризовать как полусвернутую, отдавая, разумеется, себе отчет в метафоричности этого термина.

Итак, считаем возможным определить обособление в плане содержания как способ преобразования развернутой пропозиции в полусвернутую. С этой точки зрения причастие и деепричастие можно рассматривать как формы, специально предназначенные для создания полусвернутой пропозиции, поскольку эти формы позволяют сохранить предикативную категорию времени, являющуюся необходимой для всякой развернутой пропозиции—предикативной конструкции.

Заметим, что часто обособленные члены предложения определяются в содержательном плане как полупредикативные. В Русской грамматике (1980) сказано: "Полупредикативные обособленные обороты обладают большей информативной нагруженностью: они содержат дополнительное сообщение, сопутствующее сообщению, содержащемуся в распространяемой части предложения, и характеризуются относительной информативной самостоятельностью" [Грамматика-80, II, 181]. Кажется, что так толкуемое понятие полупредикативности лишено необходимой ясности. В самом деле, ведь далеко не только с помощью обособления можно сообщить особую информативную значимость тому или иному члену предложения. Этой же цели служат многие средства актуального членения — особый инверсионный порядок слов, эмфаза и др. Естественно, что на такие информативно выделенные слова не распространяется понятие полупредикативности. Что же касается соображений о дополнительном сообщении, которое несут в себе

обособленные члены предложения, то в принципе любой второстепенный член, как обособленный, так и необособленный, может давать дополнительную информацию.

В функционально-стилистическом плане важная отличительная черта предложений логической обусловленности с обособлением в том, что они практически неизвестны в РР[32]. Особо же активны эти предложения в языке художественной литературы — в авторском повествовании и поэтических текстах. Именно в этой сфере и в публицистике представлена основная масса предложений с обособленным определением при существительных и местоимениях: *Когда-то гордый и надменный, теперь с цыганкой я в раю* (А. Блок) — 'хотя когда-то я был гордым и надменным, теперь с цыганкой я в раю';

Здравствуй! тысячу раз мой привет тебе, ночь!
Опять и опять я люблю тебя,
Тихая, теплая,
Серебром окаймленная!

А. Фет

Потерянный, метнется
К тому, к другому краю
И разом попадается
Во всю собачью стаю.

Н. Некрасов

Сердце, подвластное старой печали,
Сжалось ...

Он же

Волшебный факел свой,
Погашенный рукою дерзновенной,
Вновь засвети над гибнущей толпой.

Он же

Не веселая, не печальная,
Словно с темного неба сошедшая,
Ты и песнь моя обручальная,
И звезда моя сумасшедшая.

Н. Заболоцкий

Когда мы сошли к реке, Вера, обессилевшая от смеха и усталости, села на лавочке под черемухой (В. Вересаев); *Доктор, взволнованный и огорченный, сообщил, что Варвара Васильевна, ухаживая за больной, заразилась сама* (Он же); *С самовольными захватчиками, бесспорно нарушителями закона, поступили решительно — указали им на дверь, и правильно сделали* (Лит. газ.).

Деепричастные и причастные обороты активны также в научном и публицистическом стиле. Эти обороты, кажется, единственная структура с имплицитными ОЛО, которая обычна для научного стиля. Вероятно, научный стиль настолько дорожит возможностью иметь полусвернутую пропозицию, что мирится с нехарактерной для себя в целом

[32] Нехарактерность для РР причастных и деепричастных оборотов специально исследована Е.В. Красильниковой [Русская разговорная речь 1973, 160—168].

имплицитностью. Ср.: *Если два разбиения множества M сопряжены с одним и тем же отношением на множестве M, то они совпадают. Другими словами: разбиение, сопряженное с данным отношением, единственное* (Ю. Шиханович, Введение в современную математику); *Заполнив этот объем вращающимися электронами, можно запасти в нем значительную энергию* ("Наука и человечество"); *Другие в их среде шли, надеясь на личное обогащение, на повышение* (Е. Тарле); *Солдаты, лишенные регулярной выдачи продовольствия и фуража, стали грабить население* (Он же); *Барклай и Багратион, теснимые неприятелями, отступали на Витебск и Могилев* (Он же); *Через десять минут, став счастливейшим человеком на свете, она сунула ногу во вторую туфельку на высоком каблуке, открыла сумочку и достала трешку* (Лит. газ.); *Применяя энергию, они сокращают потребность в кадрах, снижают затраты труда* ("Правда"); *К тому же двигатели, предназначенные для привода машин, испытывают большие перегрузки, связанные с частыми пусками и остановками* (Там же).

ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО СКРЫТЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ ЛОГИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ

От специальных способов выражения ОЛО необходимо отличать такое их выражение, которое целиком основано на лексико-семантических коннотациях некоторых членов предложения и существует не самостоятельно, а накладывается на специальные способы выражениях иных отношений, ср.: *Этот высокий и стройный юноша неизменно привлекал внимание женщин* — определения *высокий* и *стройный* выполняют в предложении идентифицирующую функцию, хотя могут иметь и причинное осмысление: 'так как юноша был высокий и стройный и так как он был именно юноша, он неизменно привлекал внимание женщин'. Никаких формально-грамматических языковых сигналов, побуждающих к такому осмыслению в предложении нет, и поэтому адресат такого высказывания не обязан обнаружить в нем причинные отношения. Определения *высокий* и *стройный* обязаны осмысляться именно как идентифицирующие, цель их — выделить конкретный предмет, именуемый понятием *юноша*. Обязательная функция таких определений та же, что и определений, не способных дать причинных коннотаций, ср.: *Этот юноша в плаще и кепке неизменно привлекал внимание женщин*. ОЛО, основанные на лексико-семантических коннотациях членов предложения, можно назвать скрытыми. Скрытые отношения следует, на наш взгляд, ясно отличать от имплицитных. Имплицитные отношения, как и скрытые, основываются на лексико-семантическом содержании предложения, но, в отличие от предложений со скрытыми отношениями, в предложениях с имплицитными отношениями всегда есть сигнал, требующий непременно обнаружить эти отношения. Предложения с имплицитными отношениями существуют ради этих отношений, и если бы эти отношения не осмыслялись бы слушателями, то коммуникативный акт нельзя было бы считать состоявшимся. Скрытые же отношения, подчеркнем еще раз, по своей природе таковы, что не требуют обязательного обна-

ружения[33]. Причинные отношения в предложении с обособлением типа *Этот юноша, высокий и стройный, неизменно привлекал внимание женщин* — имплицитные, в предложении же *Этот высокий и стройный юноша неизменно привлекал внимание женщин* причинные отношения, как уже сказано, скрытые.

Скрытые ОЛО сопровождают обычно определительные отношения, создаваемые либо определениями, либо определительной придаточной частью при существительных: *Новый лайнер-гигант привлекал внимание всех, кто гулял по набережной* — 'лайнер привлекал внимание всех, кто гулял по набережной, потому что был новый и гигантских размеров'; *Эта телеграмма, которую принесли ночью, испугала Аню еще до того, как она ее развернула и прочла* — 'эта телеграмма испугала Аню еще до того, как она ее развернула и прочла, потому, что ее принесли ночью'; *Этот уже совсем седой и немолодой мужчина все еще нравился женщинам* — 'этот мужчина все еще нравился женщинам, хотя был седым и немолодым'.

Скрытые ОЛО возможны в разных сферах языка, но их обнаружение, скажем осторожно, желательно, главным образом, в языке художественной литературы, особенно в поэтических стихотворных текстах, ср. из поэзии А. Блока:

И к родной земле я клонился;

Дикий ветер
Стекла гнет,
Ставни с петель
Буйно рвет;

Я помню час глухой бессонной ночи.

Вместо заключения

Вместо заключения представим основные результаты исследования в виде двух таблиц. В первой таблице обобщены отличительные способы выражения ОЛО, во второй таблице показано, как эти способы распределены по сферам языка. Разумеется, учтены только стандартные случаи функционирования предложений с ОЛО. Следует иметь в виду, что всегда есть возможность для проявления авторской индивидуальности: с определенными стилистическими нагрузками многие предложения с ОЛО могут быть употреблены в нестандартных для них сферах.

Одной из дальнейших задач исследования функционирования предложений с ОЛО должна быть такая: определить не просто характерную для данного способа функциональную разновидность языка, но и показать особенности функционирования предложений с ОЛО в разных жанрах той или иной разновидности, например, в спортивном репортаже, в интервью и пр.

[33] Скрытые значения часто толкуются как вторичные значения, как оттенки значений. Такие толкования, как кажется, не вскрывают природу скрытых отношений.

Таблица 1

Способы выражения отношений логической обусловленности и их основные отличительные признаки

Способ выражения			Отличительные признаки способа выражения							
			Пропозиция обусловливаемая			Пропозиция обусловливающая				
			развернутая	свернутая	неполная номинализованная	развернутая	свернутая	полусвернутая	неполная номинализованная	
Первичный способ		Сложноподчиненное предложение	+			+				
Вторичные способы	Сложное предложение	Бессоюзное сложное предложение	+			+				
		Сложносочиненное предложение со следственными отношениями	+			+				
		Сложное предложение с экспликаторами логических отношений	+			+				
		Несвободное сложное предложение	+			+				
	Простое предлож.	Предложение с зависимым пропозитивным компонентом	+				+		+	
		Предложение с пропозитивным существительным в им.п.	+				+			
		Предложение со специальным предикатом		+	+		+		+	
		Предложение с обособленными членами	+					+		

	Отличительные признаки способа выражения								
	Эксплицитные отношения						Имплицитные отношения		
	союзы	эксикликаторы	специальные глагольные формы	существительное или наречие в зависимой позиции	существительное в им.п. в независимой позиции	специальные предикаты	активизированы интонационно	активизированы союзом и	активизированы семантически
	+								
							+		
								+	
		+							
			+						
				+					+
					+				
						+			
							+		

Таблица 2

Распределение способов выражения по сферам языка

Способ выражения			Сфера языка				
			Разговорная речь	Язык художественной литературы	Функциональные стили		
					научный	официально-деловой	публицистический
Первичный способ		Сложноподчиненное предложение	+	+	+	+	+
Вторичные способы	Сложные предложения	Бессоюзное сложное предложение	+	+	–	–	+
		Сложносочиненное предложение со следственными отношениями	+	+	–	–	+
		Сложные предложения с экспликаторами отношений	+	+	+	+	+
		Несвободные сложные предложения	+	+	–	–	+
	Простое предложение	Предложения с зависимым пропозитивным компонентом: Событийные существительные	+	+	+	+	+
		Предложения с зависимым пропозитивным компонентом: Конкретно-предметные существительные	+	+	–	–	–
		Предложения с пропозитивным компонентом в форме существительного в им.п.	–	+	–	–	+
		Предложения со специальным предикатом: Событийные существительные при предикате	–	+	+	+	+
		Предложения со специальным предикатом: Конкретно-предметные существительные при предикате	+	+	–	–	–
		Предложения с обособленным членом: Причастный и деепричастный оборот	–	+	+	+	+
		Предложения с обособленным членом: Определения	–	+	–	–	+

Условные обозначения

+ — основные сферы распространения предложения

+ — сферы, где предложение сохраняет стилистическую окраску основной сферы

– — сферы, для которых предложение не характерно

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949. Ч. 1.

Аванесов Р.И. Ударение в современном русском литературном языке. М., 1958.

Аванесов Р.И. Фонетика // Русская диалектология. М., 1964.

Аванесов Р.И. О соотношении предударного вокализма после твердых и после мягких согласных в русском языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1970. Т. 29. Вып. 6.

Аванесов Р.И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. Очерк грамматики современного русского литературного языка. М., 1945. Ч. 1.

Адамец П. Образование предложений из пропозиций. Praha, 1978.

Авилова Н.С. Глаголы с суффиксом *-ова* и его вариантами *-ирова, -изирова, -изова* в русском языке // Исследования по грамматике русского литературного языка. М., 1955.

Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.

Аксаков К.С. Опыт русской грамматики. М., 1880.

Анисимова Т.В. О стилистических возможностях словообразования // Вопросы стилистики. Межвузовский сб. Саратовский ун-т, 1981.

Антонова Т.И. Причинное отношение в научном стиле // Филологические науки. 1983. N 5.

Апресян Ю.Д. Краткий очерк идей и методов современной структурной лингвистики. М., 1964.

Апресян Ю.Д. Синтаксис и семантика в синтаксическом описании // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974.

Арутюнова Н.Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.

Арутюнова Н.Д. Сокровенная связка: (К проблеме предикатного отношения) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1980. Т. 39. N 4.

Афанасьева А.С. Структура акцентуационной парадигмы двухсложных существительных женского рода на *-а* в городском просторечии // Изв. Воронежского пед. ин-та. 1968. Т. 81.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Перевод с франц. М., 1955.

Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.

Беличева-Кржижкова Х. Система причинных отношений между предложениями в русском и чешском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Современная зарубежная русистика / Перевод с чешского. М., 1985. Вып. 15.

Белошапкова В.А. О принципах описания русской синтаксической системы в целях преподавания русского языка нерусским: Статья вторая // Рус. яз. за рубежом. 1982. N 2.

Белошапкова В.А., Земская Е.А. Из истории функционирования отсубстантивных прилагательных // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. М., 1962. Т. 5.

Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.

Бромлей С.В., Булатова Л.Н. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.

Булатова Л.Н. Отглагольные существительные на *-нье, -тье* в русских говорах // Труды Ин-та языкознания АН СССР. 1957. Вып. 7.

Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954.

Буслаев Ф.И. Историческая грамматика. М., 1868.

Васильев А.И. Из истории образования имен действия в русском языке // Уч. зап. Киргизского гос. ун-та. 1958. Вып. 5.

Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка: Научный стиль речи. М., 1976.
Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947.
Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Вопросы теории и истории языка. М., 1952.
Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. 2-е изд., М., 1972.
Виноградова В.Н. Стилистические средства словообразования // Стилистические исследования: (на материале современного русского языка). М., 1972.
Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. М., 1984.
Винокур Г.О. Культура языка // Печать и революция. М.; Л., 1923.
Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Московского ин-та истории, философии и литературы. Т. 5: Сб. ст. по языковедению. М., 1939.
Воронцова В.Л. Русское литературное ударение XVIII—XX вв. М., 1979.
Воронцова В.Л. О специфике акцентуации терминов // Культура речи в технической документации. М., 1982.
Востоков А.Х. Русская грамматика. СПб., 1838.
Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. 2-е изд. М., 1983.
Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958.
Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1952.
Гловинская М.Я. Об одной фонологической подсистеме в современном русском литературном языке // Развитие фонетики современного русского языка: Фонологические подсистемы. М., 1971.
Головин Б.Н. Язык и статистика. М., 1971.
Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1980.
Городское просторечие: Проблемы изучения. М., 1984.
Грамматика-52: Грамматика русского языка: В 2 тт. М., 1952—1954.
Грамматика-70: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
Грамматика-79: Русская грамматика: В 2 тт. Praha, 1979.
Грамматика-80: Русская грамматика: В 2 тт. М., 1980.
Граудина Л.К. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976.
Граудина Л.К. Вопросы нормализации русского языка // Грамматика и варианты. М., 1980.
Греч Н.И. Пространственная русская грамматика. СПб., 1830.
Грот Я.К. О русском ударении вообще и об ударении имен существительных // Грот Я.К. Труды. Т. 2: Филологические разыскания. СПб., 1899.
Даниленко В.П. О словообразовании в области производственно-технической терминологии // Вопросы культуры речи. М., 1959. Вып. 2.
Даниленко В.П. Имена существительные (нарицательные) как производящие основы современного словообразования // Грамматика и лексика современного русского языка. М., 1964.
Даниленко В.П. Влияет ли употребительность слов на продуктивность словообразовательной модели? // Развитие словообразования в современном русском языке. М., 1966.
Даниленко В.П. Русская терминология // Опыт лингвистического описания. М., 1974.
Даниленко В.П. Русская терминология // Опыт лингвистического описания. М., 1977.
Даниленко В.П., Скворцов Л.И. Нормативные основы унификации терминологии // Культура речи в технической документации. М., 1982.
Дащенко О.И. Отперсональные образования в современном русском языке. Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Черновцы, 1989.
Дементьев А.А. О словах типа *колка, регулировка* в русском языке // Уч. зап. Куйбышевского гос. пед. ин-та. 1959. Вып. 26.
Дементьев А.А. Очерки по словообразованию существительных в русском языке // Уч. зап. Куйбышевского гос. пед. ин-та. 1959. Вып. 27.
Ефимов А.И. Стилистика художественной речи. М., 1957.
Журавлев А.Ф. Опыт квантитативно-типологического исследования разновидностей устной речи // Разновидности городской устной речи. М., 1988.
Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
Зализняк А.А. Закономерности акцентуации русских односложных существительных

мужского рода // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977.

Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Зверковская Н.П. Суффиксальное словообразование русских прилагательных XI—XVII вв. М., 1986.

Земская Е.А. История словообразования имен прилагательных в русском литературном языке нового времени. М., 1965.

Земская Е.А. О семантике и синтаксических свойствах отсубстантивных прилагательных // Историко-филологические исследования. М., 1967.

Земская Е.А. Производные слова в толковых словарях русского языка // Современная русская лексикография: 1976. Л., 1977.

Земская Е.А., Китайгородская М.В. Наблюдения над просторечной морфологией // Городское просторечие: Проблемы изучения. М., 1974.

Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.

Иванова Т.А. Именительный множественного на *-а* (*рода, тенора, госпиталя*) в современном русском языке // Развитие русского языка после Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1967.

Ильина Н.Е. Морфонология глагола в современном русском языке. М., 1980.

Караулов Ю.Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка. М., 1980.

Кипарский В. О колебаниях ударения в русском литературном языке. Односложные имена существительные. Хельсинки, 1950.

Ковалев В.П. Словесное ударение в художественной прозе // Рус. яз. в шк. 1970, N 4.

Ковтунова И.И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение. М., 1976.

Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. М., 1982.

Кожина М.Н. О речевой структуре функционального стиля и методах ее изучения // Проблемы структурной стилистики. Тезисы докладов научной конференции. МГПИИЯ. М., 1969.

Колесов В.В. История русского ударения // Именная акцентуация в древнерусском языке. Л., 1972.

Кручинина И.Н. Некоторые тенденции развития современной теории сложного предложения // Вопр. языкознания. 1973. N 2.

Крючков С.Е., Максимов Л.Ю. Современный русский язык: Синтаксис сложного предложения. М., 1977.

Кубик М. Условные конструкции и система сложного предложения, Praha, 1967.

Кубрякова Е.С. Семантика производного слова // Аспекты семантических исследований. М., 1980.

Кузнецова А.И., Лавренова О.А. О существовании корреляции между продуктивностью и употребительностью аффиксов в русском языке // Исследования по структурной и прикладной лингвистике. М., 1975.

Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.

Лаптева О.А. Внутристилевая эволюция современной русской научной прозы // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968.

Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. М., 1976.

Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города // Русская речь. Л., 1928.

Левин В.Д. Имена действия в русском языке // Уч. зап. Ивановского гос. пед. ин-та. 1941. Т. 1. Вып. 2.

Леонтьева Н.Н., Никитина С.Е. Опыт описания семантики предлогов // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1964. Вып. 8.

Логинова К.А. Деловая речь и ее стилистические изменения в советскую эпоху // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968.

Логинова И.М. К вопросу о ритмике русского многосложного слова // Проблемы доказательства и типологизации в фонетике и фонологии. М., 1989.

Ломоносов М.В. Российская грамматика. СПб., 1755.

Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. М., 1972.

Ляпон М.В. О значении запятой при расчленении составного союза // Современная русская пунктуация. М., 1979.

Нарустранг Е.В. Развитие относительного прилагательного в немецком языке (1450—1750 гг.). Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Л., 1982.

Недялков В.П., Сильницкий Г.Г. Типология каузативных конструкций // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., 1969.
Немченко В.Н. Словообразовательная структура имен прилагательных в современном русском языке. Горький, 1973.
Николаева Т.М. Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969.
Николаева Т.М. Функции акцентного выделения в устной речи // Современная русская устная научная речь. Красноярск, 1985. Т. 1.
Обнорский С.П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. 2: Множественное число. Л., 1931.
Обнорский С.П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.
Ожегов С.И. Очередные задачи культуры речи // Вопросы культуры речи. М., 1955. Вып. 1.
Олехнович М. Нормы побочного ударения в русском языке // Przegląd Rusycystyszny. Warszawa-Lodz, 1979. Rosz. 11. Zesz. 2(6).
Онипенко Н.К. Каузативное осложнение простого предложения (на материале каузативных синтаксем имен существительных) // Филол. науки. 1983. N 6.
Оссовски Л. Современное русское побочное ударение в свете словесного ударения // Studia rossica posnaniensia. Posnan. 1970. Resz. 1.
Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века. М., 1964.
Павлов В.М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. Л., 1985.
Павский Г.П. Филологические рассуждения над составом русского языка. Рассуждение 2-ое. 2-е изд. СПб., 1850.
Панов М.В. О грамматической форме // Грамматика современного русского языка / Уч. зап. Московского городского пед. ин-та им. В.П. Потемкина. М., 1959.
Панов М.В. Русский язык // Языки народов СССР. М., 1962.
Панов М.В. Русская фонетика. М., 1967.
Панов М.В. Современный русский язык: Фонетика. М., 1979.
Панов М.В. Литературный язык — система систем // Современный русский язык. М., 1981.
Пешковский А.М. Вопросы методики родного языка, лингвистика и стилистика. М.; Л., 1930.
Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
Пешковский А.М. Избранные труды. М., 1959.
Пиотровский Р.Г. Очерки по стилистике французского языка. Л., 1960.
Поспелов Н.С. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.
Поспелов Н.С. Сложноподчиненное предложение и его структурные типы // Вопр. языкознания. 1959. N 2.
Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: В 2 тт. М., 1958.
Проблемы лингвистической стилистики: Тезисы докладов научной конференции. МГПИИЯ. М., 1969.
Ревзина О.Г. Некоторые особенности синтаксиса поэтического языка М. Цветаевой // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. 1979. Вып. 481.
Ревзина О.Г. Синтаксис поэтического языка в соотнесении с разговорной речью // Исследования в области грамматики и типологии языков. М., 1980.
Реформатский А.А. Введение в языковедение. М., 1967.
Розанова Н.Н. Суперсегментная фонетика // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.
Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1965.
Российская грамматика А.А. Барсова / Под ред. и с предисловием Б.А. Успенского. М., 1981.
Русская разговорная речь. М., 1973.
Русская разговорная речь: (Тексты). М., 1978.
Русская разговорная речь: (лингвистический анализ и проблемы обучения). М., 1979.
Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.
Русский язык и советское общество: (Проспект). Алма-Ата, 1962.

Русский язык и советское общество: Лексика современного русского литературного языка. М., 1968а.
Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968б.
Русский язык и советское общество: Словообразование русского литературного языка. М., 1968в.
Русский язык по данным массового обследования. М., 1974.
Сиротинина О.Б. Некоторые жанрово-стилистические изменения советской публицистики // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968.
Сиротинина О.Б. Разговорная речь и ее место в системе функциональных стилей русского языка // Проблемы лингвистической стилистики. М., 1969.
Современный русский язык. М., 1981.
Социально-лингвистические исследования. М., 1976.
Способы номинации в современном русском языке. М., 1982.
Стилистика русского языка / Под ред. Н.М. Шанского. Л., 1982.
Суффиксальное словообразование существительных в восточнославянских языках XV—XVII вв. М., 1974.
Тарасова В.К. Метафора качества и метафора отношения. Теория и методы семасиологических исследований. Л., 1979.
Трубецкой Н.С. О притяжательных прилагательных (possessiva) старославянского языка. Зборник у част. А. Белића. Београд, 1937.
Улуханов И.С. О принципах описания значений словообразовательно-мотивированных слов // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1970. N 1.
Фидровская А.С. Имена существительные мужского рода с формами на *-а* в именительном падеже множественного числа. Казань, 1961.
Формановская Н.И. Стилистика сложного предложения. М., 1978.
Хазагеров Т.Г. Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. М., 1973.
Харитончик З.А. Имена прилагательные в лексико-грамматической системе современного английского языка. Минск, 1986.
Хохлачева В.Н. К истории отглагольного словообразования существительных в русском литературном языке нового времени. М., 1969.
Чернышев В.И. Правильность и чистота русской речи: Опыт русской стилистической грамматики. СПб., 1911.
Чуглов В.И. Соотносительность субстантивных словосочетаний с зависимым косвенным падежом (или наречием) и относительным прилагательным в русском литературном языке советского времени. Автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 1967.
Шатерникова Л.Н. Из истории синтаксической роли относительного прилагательного // Уч. зап. Вологодского гос. пед. ин-та. 1940. Вып. 1.
Шатуновский И.Б. Проблемы словообразовательной транспозиции. Автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 1982.
Ширяев Е.Н. Дифференциация сочинительных и подчинительных союзов на синтаксической основе // Филол. науки. 1980. N 2.
Ширяев Е.Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М., 1986.
Шмелев Д.Н. Некоторые вопросы нормализации современного русского языка // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1962. N 5.
Шмелев Д.Н. Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. М., 1968.
Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях: (К постановке проблемы). М., 1977.
Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
Энквист Н. Параметры контекста // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1980.
Якубинский Л.П. О диалогической речи // Русская речь. Пг., 1923.
Dokulil M. Tvoreni slov. v češtine. Teorie odvosovani slov. Praha, 1962.
Hotzenköcherle R. Gegenwartprobleme im deutschen Adjektivsystem // Neuphilologische Mitteilungen. 1968. T. 69. N 1.
Karcevski S. Syntème du verbe russe. Prague. 1927.

СЛОВАРИ

БАС: Словарь современного русского литературного языка: В 17 тт. М.; Л. 1950—1965.

БСЭ 1969—1981: Большая советская энциклопедия: В 30 тт. 3-е изд. М., 1969—1981.

Б. Энц. Южакова: Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / Под ред. С.Н. Южакова. СПб., 1902—1909.

Грамм. сл.: Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977.

Даль: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 тт. М., 1979—1980.

МАС: Словарь русского языка: В 4 тт. 2-е изд. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. М., 1985—1988.

Обр. сл.: Обратный словарь русского языка. М., 1974.

Орфогр. мор. сл.: Орфографический морской словарь. Л., 1973.

Орфоэп. сл.: Орфоэпический словарь русского языка: Произношение. Ударение. Грамматические формы. М., 1983.

Рус. лит. произн.: Русское литературное произношение и ударение. М., 1959.

Рус. лит. уд.: Русское литературное ударение и произношение. М., 1955.

Сл. трудн.: Словарь трудностей русского языка. М., 1976.

СО: Ожегов С.И. Словарь русского языка. 15-е изд. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1984.

Срезн.: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 тт. М., 1958.

СУ: Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: В 4 тт. М., 1935—1940.

Трудн.: Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Л., 1973.

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

МОРФОЛОГИЯ

МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ ГЛАГОЛОВ В ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (*Н.Е. Ильина*) 5

Вводные замечания 5

Вариативные формы глаголов I непродуктивного класса в различных типах речи .. 8

Нормы употребления глагольных вариантов в кодифицированном литературном языке 11

Глаголы I непродуктивного класса в разговорной речи 13

Глаголы I непродуктивного класса в просторечии 15

Особенности варьирования глагольной основы в тексте художественных произведений 16

Употребление вариативных форм глаголов *тренать, щипать, щепать, сыпать* ... 26

СОВРЕМЕННОЕ РУССКОЕ УДАРЕНИЕ В ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (*В.Л. Воронцова*) 32

Вводные замечания 32

Особенности акцентуации имен существительных в различных речевых сферах 39

Ударение в кодифицированном литературном языке (на материале словарей) 39

Ударение в разговорной речи и просторечии 47

Ударение в специальных речевых сферах 57

Отражение функциональных особенностей ударения в художественной речи (на материале поэзии) 63

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОБОЧНОГО УДАРЕНИЯ В РАЗНЫХ ТИПАХ РЕЧИ (*С.Н. Борунова*) 72

Вводные замечания 72

Побочное ударение в словаре 77

Побочное ударение в сложных существительных 77

Побочное ударение в сложных прилагательных 80

Побочное ударение в префиксальных образованиях 82

Побочное ударение в разных типах речи 84

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

ПУТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (*Е.И. Голанова*) 93

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА, ВЫРАЖАЮЩИЕ КАТЕГОРИЮ ОТВЛЕЧЕННОСТИ В РАЗНЫХ ТИПАХ РЕЧИ (*Е.И. Голанова*) 102

Вводные замечания 102

Имена существительные отвлеченного действия на *-ние* 106

www.rustang.ru

Имена на *-ние* в текстах научной сферы речи ... 107
Имена на *-ние* в текстах официально-деловой сферы речи ... 109
Имена на *-ние* в публицистике ... 111
Имена существительные отвлеченного действия на *-ка* ... 112
Имена на *-ка* в текстах научной сферы речи ... 113
Имена на *-ка* в текстах официально-деловой сферы речи ... 114
Имена на *-ка* в публицистике ... 115
Особенности функционирования имен на *-ние* и *-ка* в книжных сферах речи ... 116
Употребление имен на *-ирование* и *-ировка* в разных типах речи ... 118
Явление вариантности и функционирование однокоренных образований со значением отвлеченного действия ... 122
Особенности функционирования имен существительных отвлеченного действия с суффиксами *-ация, -ство* и нулевым в разных типах речи ... 126

ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ КАК КОНСТРУКТИВНЫЙ ЭЛЕМЕНТ НОМИНАТИВНОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКА (*Е.А. Земская*) .. 132
Вводные замечания ... 132
Функционирование сочетаний с относительными прилагательными в профессионально-терминологической речи ... 134
Сочетания с отсубстантивными прилагательными в неспециальной речи ... 142
Сочетания с относительными прилагательными, выражающие значение широкого недифференцированного отношения ... 147
Развитие качественно-характеризующих значений у отсубстантивных прилагательных 149
Активность производства прилагательных с суффиксами *-ов-* и *-н-* ... 152
Конкуренция между прилагательными с суффиксами *-н-* и *-ов-* ... 154
О семантике отсубстантивных прилагательных с суффиксами *-н-, -ов-* ... 157
Рост категории относительных прилагательных в неславянских языках ... 160

СИНТАКСИС

ОТНОШЕНИЯ ЛОГИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ: СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ И ИХ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО СФЕРАМ ЯЗЫКА (*Е.Н. Ширяев*) ... 165
Вводные замечания ... 165
Основы системного описания способов выражения отношений логической обусловленности ... 167
Сложноподчиненные предложения — первичная форма выражения отношений логической обусловленности ... 172
Отношения логической обусловленности в сложном предложении ... 178
Бессоюзные сложные предложения — особая форма выражения отношений логической обусловленности ... 178
Разговорная речь — основная сфера функционирования бессоюзных сложных предложений ... 184
Бессоюзные сложные предложения с причинно-следственными отношениями: разновидности и их распределение по сферам языка ... 190
Бессоюзные сложные предложения с причинно-следственными отношениями в разговорной речи ... 190
Бессоюзные сложные предложения с причинно-следственными отношениями в функциональных стилях и языке художественной литературы ... 194
Сложносочиненные предложения со следственными отношениями ... 201
Сложные предложения с экспликаторами отношений логической обусловленности . 204
Отношения логической обусловленности в сложном предложении с несвободной формой ... 206
Отношения логической обусловленности в простом предложении ... 207

Предложения логической обусловленности с зависимым пропозитивным компонентом 209
Предложения логической обусловленности со специальным предикатом 218
Некоторые разговорные особенности выражения отношений логической обусловленности 224
Разговорные предложения с именительным падежом существительного в роли пропозитивного обусловливающего компонента 224
Разговорные предложения с конкретно-предметными существительными в роли пропозитивных компонентов 225
Предложения логической обусловленности с пропозициями неполной номинализации 228
Отношения логической обусловленности в предложениях с обособленными членами 234
Предложения со скрытыми отношениями логической обусловленности .....

ЛИТЕРАТУРА 234

СЛОВАРИ 244

Научное издание

Ильина Надежда Евгеньевна
Воронцова Вера Леонидовна
Борунова Светлана Николаевна
Голанова Елена Ивановна
Земская Елена Андреевна
Ширяев Евгений Николаевич

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Морфология
Словообразование
Синтаксис

Утверждено к печати
Институтом русского языка
АН СССР

Редактор издательства М.Л. Береснева
Художественный редактор И.Ю. Нестерова
Технический редактор Н.М. Бурова
Корректор З.Д. Алексеева

Набор выполнен в издательстве
на электронной фотонаборной системе

ИБ N 47727

Подписано к печати 20.02.91
Формат $60\times90^{1}/_{16}$. Бумага офсетная N 1
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 15,5. Усл.кр.-отт. 15,5
Уч.-изд.л. 18,5. Тираж 1050 экз.
Тип. зак. 1119. Цена 4 р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука" 117864 ГСП-7,
Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90
Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

4p. 70k.